

другой

военный

опыт

издательство
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ

О.С. Назорная

русские военнопленные
Первой мировой войны
в Германии

(1914–1922)

ательствомъ этому
ественныя органи-
нть. Изъ ихъ ряда
скій Комитетъ, Со-
ы въ Бернѣ, Гаагѣ,
огскій и др. мѣстные

въ сравненіи съ полученными посылками.
Для большей наглядности беру довольно
продолжительный срокъ — съ 1 января по
1 октября 1917 г.

Состояло въ лагерѣ:

Къ какому числу	Русскіе	Англичан	Француз
1. Января 1917.	1476	143	2450
1. Октября 1917.	2222	183	2832
Средннее числом	1849	163	2641

Личныхъ посылокъ получено:

1917 г.	Русскіи	Англичан	Француз.
Январь	659	2028	12293
Февраль	746	1853	8452
Мартъ	1439	1775	11684
Апрѣль	995	1882	8243
Май	1083	1682	15753
Іюнь	995	1927	11508
Іюль	868	2183	9799
Августъ	1413	1814	10003
Сентябрь	1181	1559	9374
Итого	9379	16703	97109

Примѣчаніе: Въ эти цифры входятъ всё безъ исключенія посылки, домашнія и комитетскія.

Сопоставивъ всё эти данныя, получимъ:
за 9 мѣсяцевъ 1 русскій получилъ 5 посы-
локъ, 1 англичанинъ — 10, 1 французъ
— 87 посл. Изъ чего выводъ:

Русскій средннее числомъ получаетъ посыл-
ку разъ въ 54 дня,
Англичанинъ — каждые 2-3 дня,
Французъ — каждые 7-8 дней.

Стоитъ ли прибавлять слова къ этимъ
цифрамъ?..

В. Митрофановъ

неблагодарной ду-
нательности всё въ
решающимъ своимъ
егченія участі пдн-
наивнѣе ревенка,
сложный и отвѣт-
легкое, простое за-
не вѣроятно-огром-
стоянія; слабое раз-
езпорядокъ въ пе-
татакомъ въ събстни-
а ихъ, какъ слѣд-
наконецъ, змѣни-
сплодь, для которыхъ
и измѣнниками
го нѣтъ.

ытись и другого
ости это становится
глядъ на остальныхъ
ранцузовъ, съ кото-
оръ — о-вокъ.

овья данныя о сое-
агера по тремъ
ьности: рус-
ицусской,

POSTKARTENSTELLE

Желающимъ заказать бумагу, откры-
письма, книги и пр. рекомендуемъ
избѣжанія замедленій въ исполненіи,
каза обращаться не на роту, а въ ла-
ную кантину по адресу:
Zentralankaufstelle, Kgl. Lager Nürnberg

Просьбы о высылкѣ вѣля, платя и
ви должны обязательно быть удост-
рѣмы подписью часового, а гдѣ та-
вого нѣтъ, то работодателя.

Корреспонденція на родину може
быть написана и чернилами. Много
варищей еще не знаютъ этого и пр-
должаютъ писать по старому — кар-
дашемъ.

ВНИМАНИЮ ЛАТЫШЕЙ.

1 октября мною отправленъ въ Данію [в
Копенгагенъ] списокъ латышей нашего
гера. Я просилъ о высылкѣ каждому 1
сылки въ мѣсяцъ, принимая во внима-
что нашъ край занятъ и помощи отъ
ныхъ ждать нельзя.
Довѣренный отъ латышей
Аль Навазъ, Ст. у. о. 85 п. п.

ЛАГЕРНАЯ ХРОНИКА.

Въ недалекомъ будущемъ откроется
атръ. Пока готовятся одни лишь фре-
цузы. Будемъ надѣяться, что въ пр-
стоящемъ зимнемъ сезонѣ и наши
тисты не преминутъ блеснуть своимъ
талантомъ.

А школа?.. спросать съ нетерпѣніемъ
Успокойтесь, скажемъ мы. По разрѣшенію
нѣкоторыхъ техническихъ вопросовъ
храмъ Науки раскроетъ скоро свои
тепримныя двери. Расписаніе уроковъ
детъ вывѣшено на дѣлахъ.

Какой-то шутникъ (національно
неизвѣстна) развлекается разрушеніемъ
скамеекъ подъ хурительнымъ на-
Мы отлично сознаемъ, что доски ка-
му понадобятся могутъ, но нельзя

О.С. Назорная

другой военный опыт

российские военнопленные
Первой мировой войны
в Германии

(1914–1922)

Москва
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ
2010

Diese Arbeit ist im Sonderforschungsbereich 437 «Kriegserfahrungen, Krieg und Gesellschaft in der Neuzeit» (Tübingen) entstanden und wurde auf seine Veranlassung unter Verwendung der ihm von der Deutschen Forschungsgemeinschaft zur Verfügung gestellten Mittel gedruckt.

Работа написана в рамках Исследовательского проекта 437 «Военный опыт, война и общество в новое время» (университет г. Тюбинген, Германия) и опубликована при его поддержке на средства, предоставленные Немецким исследовательским сообществом

Нагорная, О.С.

Н16 «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922) / Нагорная О. С. — М. : Новый хронограф, 2010. — 440 с. : ил. — ISBN 978-5-94881-105-5.

На основе обширного круга неопубликованных источников книга повествует о судьбе 1,5 млн. солдат и офицеров русской армии, оказавшихся в немецких лагерях Первой мировой войны. Применение новых методологических подходов позволило автору представить не только неизвестные ранее аспекты политики российских/советских и немецких ведомств, но и историю «маленького человека»: его переживания при столкновении с чужой культурной средой, лагерный быт, взаимоотношения внутри сообщества пленных, язык, религиозные практики, реакцию на политические потрясения в Восточной Европе, а также трагедию возвращения в революционную Россию.

Агентство СІР РГБ

ОГЛАВЛЕНИЕ

введение (9)

глава I Военный плен в международной и российской дискуссии (29)

- I.1. Содержание военнопленных на Восточном фронте в фокусе международного права (30)
- I.2. Русские военнопленные в восприятии военных и правительственных органов (36)

ПОЗИЦИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ВЕДОМСТВ ПО ВОПРОСУ ВОЕННОПЛЕННЫХ (36) МЕЖДУ СТИГМОЙ И ВСЕПРОЩЕНИЕМ: ДВОЙСТВЕННОСТЬ ПОЛИТИКИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (46)
ВОЕННОПЛЕННЫЕ СТАРОЙ АРМИИ В ПЛАНАХ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (49)

- I.3. Государственные ведомства и организованная общественность России в вопросе помощи военнопленным (53)

«ДЕЛО НАШИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НАЧАЛОСЬ С НЕДОРАЗУМЕНИЯ»: ОРГАНИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (53) ВИЗИТЫ РУССКИХ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ В ГЕРМАНСКИЕ ЛАГЕРЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ (67) ПОПЫТКИ РЕОРГАНИЗАЦИИ СФЕРЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ ПРИ ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ (70) ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОМОЩИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (73)

- I.4. «Борьба за военнопленных равноценна фронтовому сражению»: солдаты и офицеры русской армии в «европейской гражданской войне» (79)

ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ПЛАНАХ ГЕРМАНИИ И СОЮЗНИКОВ (79)
СОВЕТСКАЯ И БЕЛАЯ ДИПЛОМАТИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ (83)

Резюме (96)

глава II Пространство лагерного опыта (99)

- II.1. Морфология лагеря, материальное обеспечение и медицинское обслуживание (99)

КОНСТРУИРОВАНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ ЛАГЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА (101) РАЗМЕЩЕНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ (107)
ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ (112)

- II.2. Дисциплинарные практики в лагерях и рабочих командах (116)
- II.3. Принудительный труд (128)
- II.4. Между патриотическим этосом и тыловой повседневностью: контакты военнопленных с немецким гражданским населением (133)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НА РАБОЧИХ МЕСТАХ (134) «ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ АРЕСТА ЗА РУССКУЮ ЛЮБОВЬ»: РУССКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И НЕМЕЦКИЕ ЖЕНЩИНЫ (141)

II.5. Немецкая «политика просвещения» национальных меньшинств Российской империи: стереотипы, пропаганда и восприятие (147)

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И «ПРОСВЕЩЕНИЕ» НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ЛАГЕРЯХ (149) ПРИВИЛЕГИРОВАННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ РУССКИХ НЕМЦЕВ И ПЛАНЫ РЕПАТРИАЦИИ КОЛОНИСТОВ (156) ПРОПАГАНДА СРЕДИ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОЛЬСКОГО, УКРАИНСКОГО И ПРИБАЛТИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ КОЛОНИЗАЦИИ ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ (162) «ТАТАРСКИЕ» И ГРУЗИНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ: ОТ ПОПЫТОК МОБИЛИЗАЦИИ К ИДЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ (174) РЕАКЦИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ АГИТАЦИЮ (178)

Резюме (182)

глава III «Армия за колючей проволокой» (185)

III.1. Лагерная иерархия, товарищество и конфликты (186)

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ ГРУППЫ ВНУТРИ ЛАГЕРНОГО СООБЩЕСТВА (187) СОЛИДАРНОСТЬ И СТОЛКНОВЕНИЯ (196) ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ОФИЦЕРАМИ И НИЖНИМИ ЧИНАМИ (201)

III.2. Самоорганизация пленных и влияние на нее политических событий в России (204)

ЛАГЕРНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ (204) ЛАГЕРНЫЙ ДОСУГ (213)

III.3. Лагерное сообщество как «однополюсный город» (219)

III.4. «Не друзья, но союзники»: взаимоотношения с военнопленными западных стран Антанты (226)

Резюме (235)

глава IV Переработка переживаний, образцы толкования и поведенческие практики (237)

IV.1. Стратегии выживания: адаптация и сопротивление (237)

БЕГСТВО ОТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ. ПАССИВНОЕ И АКТИВНОЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЕ (238) АКТИВИЗАЦИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ (249) ОСОБЕННОСТИ СКЛАДЫВАНИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК В ОФИЦЕРСКОЙ СРЕДЕ (252)

IV.2. Язык плена: каналы коммуникации и новые речевые формы (256)

ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ УСЛОВИЯ ПИСЬМЕННОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ (257) ОБМЕН ИНФОРМАЦИЕЙ МЕЖДУ ЛАГЕРЯМИ (261) ЛАГЕРНЫЕ ГАЗЕТЫ (261) СЛУХИ (264) ЛАГЕРНЫЙ ЖАРГОН (267) УРОКИ НЕМЕЦКОГО (268) ТАЙНОПИСЬ И ИНОСКАЗАНИЯ (273) ВОСПРИЯТИЕ СОВЕТСКОГО НОВОЯЗА (278)

IV.3. Официальная и народная религиозность в лагерях (281)

ТРУДНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ БОГОСЛУЖЕНИЙ В ЛАГЕРЯХ (282) РЕЛИГИОЗНЫЕ МЕНЬШИНСТВА: КАТОЛИКИ, ПРОТЕСТАНТЫ, МУСУЛЬМАНЕ И ИУДЕИ (287) «РЕЛИГИОЗНЫЙ ПАТРИОТИЗМ» ПЛЕННЫХ

ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯЩЕННИКОВ (290) ПРАВОСЛАВНОЕ БОЛЬШИНСТВО: РИТУАЛЫ. ПРАЗДНИЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ И МЕИАЛИЗАЦИЯ ТРАУРА (293) РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА И ОБРАЗЦЫ ТОЛКОВАНИЯ (298)

IV.4. Толкование переживаний плена и политических событий в России (302)

война и плен в восприятии солдат и офицеров (303) политизация пленных и ее влияние на восприятие февральской революции (309) оценка октябрьской революции и брестского мира (318)

VI.5. «Русский народ закончил в этой войне все классы и семинары»: плен как процесс обучения (321) Резюме (330)

глава V Долгая дорога домой: бывшие военнопленные в межвоенном обществе (333)

V.1. «Эвакуация в том виде, в котором она существует, губительна для военнопленных и опасна для государства»: практика репатриации (333)

уроки стихийной миграции (334) эвакуация бывших пленных на территории Сибири (340) советский опыт «политической карантинизации» и агитации среди репатрируемых (343) иллюзии и реальность: первые столкновения прибывших с советской действительностью (349)

V.2. «Своим нитьем ... военнопленные... отравляют нашу жизнь подобно смерти, ворвавшейся в зал пиршества»: социальное обеспечение репатриированных и инвалидов (351)

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (352) ПРАКТИКА ДЕНЕЖНОГО ВОЗМЕЩЕНИЯ И ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ (356) МЕДИЦИНСКОЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНВАЛИДОВ (361)

V.3. Интеграция бывших пленных в послевоенные общества (366)

МОБИЛИЗАЦИЯ В АРМИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И КАРЬЕРА ВОЕННЫХ (366) ТРУДОУСТРОЙСТВО И ТРУДОМОБИЛИЗАЦИЯ (377) БЫВШИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В УСЛОВИЯХ ЭМИГРАЦИИ (380)

V.4. Воспоминания о плене в межвоенной коммуникации (383)

«ВСЕМ ПОГИБШИМ... В УСЛОВИЯХ УЖАСНОГО ГЕРМАНСКОГО ПЛЕНА ПОСВЯЩАЕТСЯ...»: ВОСПОМИНАНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ И СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ (384) ОБРАЗ ПЛЕННЫХ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЭМИГРАЦИИ (390)

Резюме (391)

заклучение (395)

список сокращений (400)

источники и литература (401)

иллюстрации (424)

СОВЕТЧИКОВЪ-УМА. одному хочется по жре-
бю пустить. Другой предлагаетъ въ комис-
сію изъ сапожниковъ на разрѣшеніе пере-
дать: они, говоритъ, люди опытные, ихъ
спеціальности касается, живо раздѣла-
ются. А третій-возьми да бражки: безъ
начальства не разобрать. Такъ маются лю-
ди, ночей не спятъ и никакъ не придумаютъ,
какъ 50 парами 2000 народу обути.

Посмотримъ, что скажетъ общее собраніе.

Эхъ, ботинки, ботинки...

Босаякъ.

ИЗЪ ГАЗЕТЪ.

Между Россіей и центральными держа-
ми подписано соглашеніе объ обмѣнѣ чахо
в. пльннихъ. Подготовительныя мѣры в.
Согласно заявленію министра государ-
обороны Австріи, между послѣдней и
ведутся переговоры объ обмѣнѣ в. пль-
1. Достигшихъ опредѣленнаго воз-
2. Пробывшихъ весьма продолжи-
время въ пльну.

Министръ присовокунилъ, что всѣ п-
го рода переговоры производятся при
участіи германскаго правительства.

Итакъ, старики пльна, мужайтесь. А
пасъ не далеко.

ДѢЛА ЛАГЕРНАГО КОМИТЕТА ПОМОЩИ.

7 августа с.г. нами получены отъ Лионскаго
Комитета слѣдующіе продукты: бисквитнаго
пому—905 кило чист. вѣсу; рису—800 к. чече-
вицы—200 к. перловой крупы—500 к. макарон-
—195 к. сала—247 к. чаю—40 к. мыла—120 к. сар-
динъ—800 кор. молока—192 кор., 100 рубахъ,
10 кальсонъ, 150 паръ носковъ, 60 паръ боти-
нокъ; 550 пачекъ табаку, вѣсомъ каждая въ
100 граммовъ [$\frac{1}{4}$ русск. фунта], 312 кор. масла.

Раздача произведена была немедленно, при-
чемъ въ основу ея принято было распредѣленіе
солдатъ лагеря въ день 7 августа, согласно оф-
фиціальнымъ даннымъ. 2144 русскіхъ пль-
ныхъ мы разбили на 2 категоріи:

1. Деревенскія командировки—1102 чел.
2. Лагерь, фабрики, околотокъ, лазаретъ—
1042 чел. [по установленному обычаю околотокъ
получаетъ одинаковую съ другими порцію, лазаретъ
же двойную. По этому 82 лазаретныхъ боль-
ныхъ вычитываютъ цифру 2 категоріи на 82,
остаётся не 1042, а 1124 чел.]

Лица 1 категоріи получили по 800 гр. биски-

в. пльннихъ.

Далѣе, получено нами 50 личнахъ пок-
отъ Лионскаго и 72 отъ Харьковскаго ко-
товъ. Ихъ мы выдали такимъ особон-
ющимся, которые за весь пльнъ не им-
тъ получить что-либо.

Остатокъ продуктовъ выдается по мѣ-
ды заболѣвающимъ и вновь прибываю-
партіямъ. Наличнымъ остаткомъ: 12 кор. ко-
1 бан. молока, 48 кор. сардинъ, 3 кило
33 кило бисквитныхъ крошекъ.

Всѣмъ соотечественникамъ и лицамъ
другихъ государствъ, заботящимся
выражаетъ свою горячую благодар-

А всѣхъ товарищи, мы просимъ спокон-
доблѣнно положиться на своихъ выво-
Нужда большая, но ей мы противопост-
вѣ наши силы, всего нашу энергію.

На-дняхъ мною отправленъ въ Колен-
списокъ нуждающихся, содержащій

ВВЕДЕНИЕ

В годы Первой мировой войны военный плен впервые превратился в массовое переживание: из 60 млн комбатантов, участвовавших в военных действиях, более 8 млн оказались за колючей проволокой. Полтора миллиона из них составили солдаты и офицеры русской армии, проведенные в германских лагерях военнопленных от нескольких месяцев до восьми лет. Отличительными чертами их опыта плена стали отсутствие поддержки со стороны собственного правительства, организованное дисциплинирование и произвольное насилие со стороны лагерного персонала, принудительный труд на немецких предприятиях, интенсивные контакты с пленными союзниками и мирными жителями, революционная и национально-сепаратистская агитация со стороны немецких ведомств и эмигрантских организаций.

После окончания военных действий военнопленные из бывшей Российской империи превратились в козырную карту в игре противоборствующих сторон (большевиков, контрреволюционных правительств, Германии и стран-участниц Антанты), стремившихся использовать их для достижения собственных целей в военных действиях на территории Центральной и Восточной Европы. Борьба интересов, транспортный коллапс и советско-польская война затянули репатриацию вплоть до 1922 года. В отличие от советских военнопленных Второй мировой войны, попавших после репатриации в сталинские лагеря, пленные Первой мировой воспринимались большевиками как потенциальная опора новой власти и фактор советизации крестьянской среды. Благодаря этому, они получили возможность, по крайней мере, в первые годы после возвращения, активно переосмысливать свои переживания в рамках общественной дискуссии о войне и революции. Одновременно бывшие пленные оказались

единственной социальной группой, имевшей опыт длительного проживания в буржуазном обществе и возможность сравнения его с реалиями диктатуры пролетариата¹. Поэтому за фасадом официальной пропаганды пребывание в заграничных лагерях превратилось в глазах власти в негативный социальный капитал, который сыграл свою роль в судьбе бывших пленных в эпоху террора.

В последние годы история военного плена на Восточном фронте Первой мировой войны привлекает к себе пристальное внимание исследователей. Существующие на сегодняшний день работы подчеркивают многомерность данной темы: массы вражеских солдат в плену и собственных подданных в лагерях противника приобрели для государств-участников весомое военное, экономическое и дипломатическое значение. Обращение к проблематике военного плена позволяет углубить представления о процессах тотализации военных действий, развитии системы международного права, а также об особенностях приспособления воюющих обществ к первой индустриальной войне. При этом наименее изученной остается специфика российского институционального опыта: дискурс военного плена, миграционная и социальная политика сменявших друг друга политических режимов, степень общественной активности и государственного контроля. Еще более маргинальное положение в современной историографии занимает намеченная военной антропологией перспектива «маленького человека»: в большинстве исследований пленные представляются лишь статистической единицей, объектом или безропотной жертвой государственных мероприятий.

Данная работа является попыткой представить лагерное сообщество в качестве действующих исторических субъектов, для которых многолетнее пребывание за колючей проволокой стало своеобразным процессом обучения. Этот процесс понимается здесь в широком смысле как целостность восприятия, переработки и инструментализации нового опыта². В течение всего времени заключе-

1 См.: *Goerke G. Russischer Alltag. Eine Geschichte in neun Zeitbildern vom Fruehmittelalter bis zur Gegenwart. Band 3. Sowjetische Moderne und Umbruch, Zuerich 2005. S. 121–122.*

2 О применении термина «процесс обучения» к анализу структур см.: *Herbert U. Zwangsarbeit als Lernprozess // Archiv für Sozialgeschichte. XXIV. Band. 1984. S. 285–304.* См. также: *Элуас Н. О процессе цивилизации. В 2-х тт. — СПб., 2001.*

ния представители принудительно созданной группы не просто пассивно принимали, но активно перерабатывали действительность через конструирование иерархических структур, поведенческих норм и образцов толкования. Изучение этих процессов даст возможность выявить механизмы приспособления индивида и сообщества к условиям военного плена первой современной войны и конфликту с чужой культурной средой. Это приблизит к ответу на вопрос, в какой степени война становится для человека «фактором эмансипации, обособляющим его от государственной машины и расширяющим пространство личного действия»³. Кроме того, исследование актуализации индивидуальных и групповых переживаний после возвращения на родину и стратегий обращения с ними властных институтов в Советской России позволит включить тему плена в дискуссию последних лет о степени усвоения и использования большевистским правительством опыта официально «забытой» войны⁴. Представляется также, что изучение субъективного и институционального опыта будет способствовать дифференциации устойчивых представлений о военном плене Первой мировой войны в целом и выявлению его принципиальных отличий от других военных конфликтов.

3 См.: *Майофис М.* Антропология войны // НЛО. 2008. № 93. С. 177–179; а также: *Нагорная О.С.* «Русский народ закончил в этой войне все классы и семинары»: военный плен Первой мировой как процесс обучения // НЛО. 2008. № 93. С. 196–214.

4 См.: *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа в европейском контексте (1914–1921) / Россия и Первая мировая война. — СПб., 1999. С. 83–100; *Никонова О.Ю.* Инструментализация военного опыта в СССР в межвоенный период // Человек и война. Война как явление культуры / Под ред. И.В. Нарского, О.Ю.Никоновой. — М., 2000. С. 367–398; *Холквист П.* «Осведомление — это альфа и омега нашей работы». Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Ч. 3. — Самара, 2001. С. 45–93; *Holquist P.* Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge 2002; *Beyrau D.* Der Erste Weltkrieg als Bewaehrungsprobe. Bolschewistische Lernprozesse aus dem «imperialistischen» Krieg // Journal of modern history. 2003. № 1. S. 100–101; *Nikonova O. Ju.* «Der Kult des Heldenmutes ist nötig, um Siege zu erringen...» Sowjetische Militaer und Erfahrungen des Ersten Weltkrieges // *Carl H., Kortum H.-H., Langewiesche D., Lender F. (Hg.)*, Kriegsniederlagen, Erfahrungen und Erinnerungen, Berlin 2004, S. 185–199; *Холквист П.* Россия в эпоху насилия // Опыт мировых войн в истории России / Под ред. И.В. Нарского. С. 461–487.

ИЗУЧЕННОСТЬ ТЕМЫ

Несмотря на второстепенное положение темы плена в историографии, изучение отдельных аспектов этого феномена на Восточном фронте Великой войны имеет достаточно плодотворную историю. Наличие подробных историографических обзоров⁵ позволяет автору ограничиться описанием актуального состояния дискуссии и сохранившихся до сих пор исследовательских лагун.

В ходе войны стремление укрепить моральный дух собственного населения и повлиять на мнение нейтральных стран, измерявших цивилизованность воюющего государства по уровню смертности в лагерях военнопленных, обусловило желание всех сторон занить или скрыть численность сдавшихся в плен собственных солдат, а также заболевших и умерших военнопленных противника⁶. Несовершенство системы учета российских дореволюционных и советских органов и, как результат, значительная разница в статистических данных о численности попавших в плен и уровне смертности в лагерях породили оживленную дискуссию в отечественной историографии⁷. Гибель же центральных немецких архивов в пожаре 1945 г. превратила неполные данные немецкой военной статистики

5 См.: *Overmanns R. Ein Silberstreif am Forschungshorizont? Veroeffentlichungen zur Geschichte der Kriegsgefangenschaft // Overmanns R. (Hg.). In der Hand des Feindes: Kriegsgefangenschaft von der Antike bis zum Zweiten Weltkrieg* Koeln, 1999. S. 461–483; *Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld.* Frankfurt am Main, 2005; *Gatrell P. Prisoners of War on the Eastern Front during World War I // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Volume 6. Number 3 (Summer 2005). P. 557–566.*

6 См.: *Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront.* S. 20.

7 См., например: *Каминский Л.С., Новосельский С.А. Потери в прошлых войнах.* — М., 1947; *Урланис Б.И. История военных потерь: Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование).* — СПб., 1998; *Степанов А.И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века.* — М., 2002. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. С. 624–644. Использование предварительных данных Статистического отдела Центропленбеж, опубликованных в сборнике «Россия в мировой войне 1914–1918 г. (в цифрах)» как окончательных привело к неточностям в современных исследованиях. Подробнее см.: *Нагорная О.С. Рецензия на книгу Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld.* Freiburg, 2004 // *Вопросы истории.* 2005. № 9. С. 171–173.

и межвоенной публицистики о количестве совершенных пленными самоубийств, преступлений, побегов и т.п. в единственный ориентир для исследователя⁸.

В период мирового конфликта содержание военнопленных оказалось одним из узловых моментов международных отношений, деятельности благотворительных организаций, а также важным аргументом в дискуссии о виновниках развязывания войны. Устойчивый интерес исследователей к дипломатической истории Великой войны и межвоенного периода обусловил пристальное внимание к вопросам соблюдения международного права, использованию темы плена в целях военной пропаганды и, наконец, к усилиям обществ Красного Креста в деле материальной и духовной поддержки пленных⁹.

Сразу же после окончания войны началось осмысление медицинского опыта, приобретенного на полях сражений, в тыловых госпиталях и за колючей проволокой. Помимо санитарных условий

- 8 В соответствующих разделах данной работы будет особо оговорено происхождение тех или иных цифр и степень их достоверности.
- 9 См.: *Willis E.F.* Herbert Hoover and the Russian prisoners of World War I. A Study in Diplomacy and Relief, 1918–1919. London, 1951; *Энсен Б.* Гуманитарная помощь и политика: миссия Датского КК в России 1918–1919 гг. / Первая мировая война. Пролог XX века. — М., 1990. С. 515–536; *Speed R.B.* Prisoners, Diplomats and the Great War: a Study in the Diplomacy of Captivity. N.Y., 1990; *Энсен Б.* Миссия Датского КК в России, 1918–1919 гг. // ОИ. 1997. № 1. С. 27–41; *Kudrina Ju.* Das Daenische Rote Kreuz in den Jahren des Ersten Weltkrieges // *zeitgeschichte*. 25. 1998. S. 375–379; *Hinz U.* Die deutschen Barbaren sind doch die besseren Menschen. Kriegsgefangenschaft und gefangene Feinde in der Darstellung der deutschen Publizistik 1914–1918 // *Overmanns R.* (Hg.) In der Hand des Feindes. Kriegsgefangenschaft von der Antike bis zum Zweiten Weltkrieg. Koeln 1999. S. 336–361; *Overmanns R.* «Hunnen» und «Untermenschen» — deutsche und russisch/sowjetische Kriegsgefangenschaftserfahrungen im Zeitalter der Weltkriege // *Thoss B.* (Hg.) Erster Weltkrieg-Zweiter Weltkrieg. ein Vergleich; Krieg, Kriegererlebnis, Kriegererfahrung in Deutschland (1914/1945). Paderborn, 2002. S. 335–365; *Hankel G.* Die Leipziger Prozesse. Deutsche Kriegsverbreschen und ihre strafrechtliche Verfolgung nach dem Ersten Weltkrieg. Hamburg, 2003; *Horne J. Kramer A.* Deutsche Kriegsgreuel 1914. Die umstrittene Wahrheit. Hamburg, 2004; *Hinz U.* Humanitaet im Krieg? Internationales Rotes Kreuz und Kriegsgefangenenhilfe im Ersten Weltkrieg // *Oltmer J.* (Hg.) Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. Padeborn, 2006. S. 216–236; *Черноперов В.Л.* Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии 1918–1921 гг. — Иваново, 2006; *Абдрашитов Э.Е.* Развитие социального и правового статуса военнопленного в ходе эволюции международного и российского законодательства (с древнейших времен до конца XX в.) — Казань, 2007.

в лагерях и уроков борьбы с эпидемиями¹⁰, изучались психологическое состояние пленных (так называемая «болезнь колючей проволоки»)¹¹ и возможные последствия длительного пребывания в изолированном мужском сообществе¹². Некоторые аспекты данной темы до сих пор привлекают внимание исследователей¹³. Однако для данных работ часто характерна излишняя генерализация выводов, сделанных на материале Второй мировой войны, и отсутствие учета специфики военного плена Первой мировой.

Стремление большевиков использовать демографический и профессиональный потенциал находящихся в лагерях Центральных держав военнопленных царской армии привело к целенаправленному изучению документооборота предшествующих режимов в рамках Комиссии по исследованию опыта мировой войны. Итогом ее работы стала монография Н.М. Жданова¹⁴, опубликованная задолго до того, как в истории плена Первой мировой войны была поставлена

10 См.: *Backhaus A. (Hg.) Die Ernaehrung der Kriegsgefangenen im Deutschen Reich. Bericht ueber den Kursus für Verpflegungsoffizierre der Gefangenenlager vom 22–25. Juni 1915 in Berlin.* Berlin, 1916; *Hoffmann F. (Hg.) Hygiene // Handbuch der aertzlichen Erfahrungen im Weltkrieg.* Bd.7. Leipzig, 1922; *Albrecht G. Die Ernaehrung der Kriegsgefangenen // Hoffmann W. (Hg.) Hygiene. Handbuch der Aertzlichen Erfahrungen im Weltkrieg 1914–1918.* Bd.VII. Leipzig, 1922. S. 139–161; Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. — М.-Пгр., 1923. Из современных исследований см.: *Eckart W. (Hg.) Die Medizin und der Erste Weltkrieg.* Pfaffenweiler, 1996; *Leven K.-H. Die Geschichte der Infektionskrankheiten. Von der Antike bis ins 20. Jahrhundert.* Landberg, 1997.

11 См.: *Vischer A. Die Stacheldrahtkrankheit.* Zuerich, 1918.

12 См.: *Beck Chr. Die deutsche Frau und die fremden Kriegsgefangenen.* 2 Bde. Nuernberg, 1919; *Hirschfeld M. Sittengeschichte des Ersten Weltkrieges.* Leipzig, 1929.

13 См.: *Галицкий В.П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социс.* 1991. № 10; *Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России.* — М., 1999; *Абдраштов Э. О социальной ностальгии российских военнопленных в Первой мировой войне // Социс.* 2006. № 4. С. 131–135.

14 *Жданов Н. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг.* — М., б.и. 1920. Основной фактаж и выводы Жданова воспроизводит в своей работе С.Н. Васильева. См.: *Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы первой мировой войны: диссертация на соискание степени кандидата исторических наук: 07.00.03.* Нижневартоск, 1996; *Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы ПМВ: Учебное пособие к спецкурсу.* — М., 1999.

финальная точка, ставшая на длительное время единственным обобщающим описанием истории российских военнопленных. В дальнейшем, историки стран восточного блока в изучении темы под влиянием марксистской парадигмы сосредоточились на двух аспектах: успех большевистской пропаганды среди военнопленных царской армии¹⁵ и истории так называемых интернационалистов — военнопленных Центральных держав, выступивших после революции на стороне советской власти¹⁶.

К теме немецкой политической агитации в лагерях среди национальных меньшинств Российской империи обращались многие авторы, однако до сегодняшнего дня она не рассматривалась в качес-

- 15 См.: *Zelt J.* Die politische Arbeit unter den russischen Kriegsgefangenen und internierten Rotarmisten in Deutschland waehrend des Ersten Weltkrieges und in der Nachkriegszeit // *Zeitschrift für Militaergeschichte*. 1967. S. 568–584. *Zelt J.* Kriegsgefangene in Deutschland. Neue Forschungsergebnisse zur Geschichte der Russischen Sektion der KPD (1919–1921) // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 15 (1967). H. 4. S. 612–638; *Zelt J.* Die deutsch-sowjetische Beziehungen in den Jahren 1917–1921 und das Problem der Kriegsgefangenen und Internierten // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 15 (1967). S. 1015–1032; *Мальков А.А.* Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии (1915–1919). Казань, 1971; *Auerbach K.* Die russischen Kriegsgefangenen in Deutschland (von August 1914 bis zum Beginn der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution). Diss. Potsdam, 1973; *Иванов В.Ф.* Деятельность В.И. Ленина, партии большевиков и советского правительства среди русских военнопленных (конец 1914–1922). Автореферат на соискание степени к.и.н. Днепрпетровск, 1980. Об использовании вопроса репатриации военнопленных во внешней политике советского правительства см.: *Черноперов В.Л.* Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии 1918–1921 гг. — Иваново, 2006.
- 16 Критический обзор советской историографии по данному вопросу см.: *Evzerov R.* Die sowjetische Historiographie und die deutschen und oesterreichischen Kriegsgefangenen-Internationalisten // *zeitgeschichte*. 25 (1998). S. 343–347; а также: Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917–1922 гг.: К истории сов.-венг. интерн. связей. [Сб. статей]. М., 1980; *Цвилюк С.А.* Защищая дело Октября: Зарубежные интернационалисты в Одессе, 1917–1920 гг. Одесса. — 1987; *Копылов В.Р.* Октябрь в Москве и зарубежные интернационалисты. — М., 1988; *Краснов В.Г.* Интернационалисты на фронтах гражданской войны. — М., 1989; и др. В современных исследованиях русской пропаганды в отношении австро-венгерских военнопленных славянского также уделяется пристальное внимание. См.: *Plaschka R.* Avantgarde des Widerstands. Modellfaelle militaerischer Auflehnung im 19. und 20. Jh., 2 Bde. Wien, 2000; *Nachtigal R.* Russland und seine oesterreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen. Reimshalden, 2003; *Leidinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel und Osteuropa 1917–1920. Wien, 2003.

тве целостного явления¹⁷. Слабый научный интерес обусловило отсутствие видимых результатов, что традиционно объяснялось дилеммой Центральных держав между заключением мира с Россией и распространением сепаратистских настроений на ее западных территориях, а также приоритетной ролью принудительного труда¹⁸. Опора на выводы Г. Лиулевициуса и современные концепции (пост)колониализма¹⁹ позволяет исследовать немецкую политику на востоке в совсем иной аналитической перспективе и рассмотреть агитацию среди национальных меньшинств Российской империи в лагерях военнопленных как часть немецкого колониального проекта и важный компонент ведения войны.

В устойчивую историографическую традицию, коренящуюся в межвоенном периоде, превратились описания отдельных немец-

- 17 *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront. S. 32–42, 128; а также: *Auerbach K.* Die russischen Kriegsgefangenen in Deutschland; *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Ihre Basis in der Orient-Politik und ihre Aktionen 1914–1917. Teil I–II. Wien, 1975; *Hoepf G.* Muslime in der Mark. Als Kriegsgefangene und Internierte in Wuensdorf und Zossen, 1914–1924. Berlin 1997; *Kahleiss M.* Muslime in Brandenburg. Kriegsgefangene im Ersten Weltkrieg, Berlin 1998; *Mitze K.* Das Kriegsgefangenenlager Ingolstadt während des Ersten Weltkrieges. Muenster, 2000; *Hinz U.* Gefangen im Grossen Krieg: Kriegsgefangenschaft in Deutschland 1914–1921. Essen, 2005.
- 18 См.: *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik. Teil I. S. 45; *Remer C.* Der Krieg der Sprache. S. 172; u.a..
- 19 (Пост)колониальные исследования сняли негативную оценку с понятия «колониализм», определив его как общеевропейский культурный феномен Нового времени и аналитическую категорию. Хотя данные работы отрицают прямую связь между колониальным опытом и мировыми войнами XX века, но они подчеркивают ее дискурсивный характер. К примеру, считается, что колониальные представления сыграли решающую роль в формировании конструкции неполноценного другого. См.: *Reinhardt W.* Kleine Geschichte des Kolonialismus. Stuttgart, 1996; *Osterhammel J.* Kolonialismus. Geschichte-Formen-Folgen. Muenchen, 1997; *Grosse P.* Kolonialismus, Eugenik und buergerliche Gesellschaft in Deutschland, 1850–1918. Frankfurt am M., 2000; *Honold A. (Hg.)* Kolonialismus als Kultur. Literatur, Medien, Wissenschaft in der deutschen Gruenderzeit des Fremden. Tuebingen, 2002; *Kundrus B. (Hg.)* Phantasiereiche. Zur Kulturgeschichte des deutschen Kolonialismus. Frankfurt am M., 2003; *Zimmerer J.* Die Geburt des «Ostlandes» aus dem Geiste des Kolonialismus. Die nationalsozialistische Eroberungs- und Beherrschungspolitik in (post)kolonialer Perspektive // *Sozial. Geschichte.* 2004. H. 1. S. 10–43; *Hochgeschwender M.* Kolonialkriege als Experimentierstaetten des Vernichtungskrieges? // *Beyrau D. u.a. (Hg.)* Formen des Krieges. Von der Antike bis zur Gegenwart. Tuebingen, 2007. S. 269–290.

ких лагерей военнопленных²⁰. Большинство современных (преимущественно диссертационных или краеведческих) работ отличает сходная постановка вопросов и структура. Тем не менее, некоторым авторам удалось сформулировать обобщающие выводы о системе плена в целом. Так, Р. Кох при описании австрийского лагеря Зигмундхерберг особое внимание уделяет психологии плена, рисуя палитру возможных реакций солдат на пребывание за колючей проволокой²¹. К. Митце, воссоздавшая историю самого крупного немецкого лагеря Ингольштадт, представила в общем виде лагерную организацию и культуру, систему наказаний и взаимоотношения военнопленных с гражданским населением²².

Отмена идеологических предписаний и открытие архивов в 1990-х гг. повлекли за собой всплеск интереса к замалчивавшейся истории советских военнопленных Второй мировой войны²³. Многочисленные интервью оставшихся в живых, научные публикации

- 20 См.: *Frendt A.* Das Kriegsgefangenenlager Puchheim. Muenchen, 1922; *Rueckert O.* Zur Geschichte des Kriegsgefangenenlagers in Cottbus // *Geschichte und Gegenwart des Bezirkes Cottbus*. 11 (1977). S. 23–48; *Fellner F.* Die Stadt in der Stadt. Das Kriegsgefangenenlager in Freistadt 1914–1918 // *Oberoesterreichische Heimatblaetter*. 1989. S. 3–32; *Peter A.* Das „Russenlager“ in Guben. Potsdam, 1998; *Otte K.* Lager Soltau. Das Kriegsgefangenen- und Internierungslager des Ersten Weltkrieges. Geschichte und Geschichten. Soltau, 1999.
- 21 *Koch R.* Das Kriegsgefangenenlager Sigmundsherberg. Dissertation. Wien, 1980; *Koch R.* Im Hinterhof des Krieges. Das Kriegsgefangenenlager Sigmundsherberg. Horn, 2002.
- 22 *Mitze K.* Das Kriegsgefangenenlager Ingolstadt waehrend des Ersten Weltkriegs. Muenster, 1999. Истории этого же лагеря через судьбу его знаменитых заключенных (М.Тухачевского и Ш. де Голля) посвящены публицистические работы Г.Треффера. См.: *Treffler G.* Zur Ingolstaedter Zeit des Sowjetmarschalls M.N.Tuchatschewski // *Sammelblatt des Historischen Vereins Ingolstadt*. 1980. S. 241–254; *Treffler G.* Die ehrenwerten Ausbrecher. Das Kriegsgefangenenlager Ingolstadt im Ersten Weltkrieg. Regensburg, 1990.
- 23 Выборочно см.: Трагедия войны — трагедия плена: Серия: В 2 кн. — М., 1999; Чтобы выжить = Um zu Ueberleben!: Творчество военнопленных, 1942–1950: [Альбом] / Сост. Кузмичева И.П. — М., 2000; *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. — М., 2002; *Соколов Б.Н.* В плену и на Родине. СПб., 2004; *Шнеер А.* Плен: советские военнопленные в Германии, 1941–1945. — М.; Иерусалим, 2005; *Ерин М.Е.* Советские военнопленные в нацистской Германии, 1941–1945 гг.: проблемы исследования. Ярославль, 2005; Непобедимая сила слабых: Концентрационный лагерь Равенсбрюк в памяти и судьбе бывших заключенных: сборник статей, воспоминаний и интервью. Воронеж, 2008; и др.

и выставки оттеснили тему пленных солдат и офицеров царской армии в немецких лагерях на второй план. В этот период тема российских военнопленных частично затрагивалась в трудах по миграционной политике советского государства. Однако здесь перспектива центральных государственных учреждений заслонила как ситуацию на местах, так и субъективные переживания. К примеру, весьма противоречивыми выглядят выводы Ю. Фельштинского об установлении большевиками «тотального контроля» над переходом границы уже в декабре 1917 г., а также тезисы И. Щерова об успешности большевистской эвакуационной и мобилизационной политики²⁴. В преобладающе институциональном ракурсе одной из первых попыток взглянуть на военнопленных Первой мировой войны сквозь призму культурно-исторического подхода стали статьи Е. Сергеева о влиянии плена на менталитет российских солдат и офицеров в плену²⁵ и Б. Колоницкого о немецкой политической пропаганде в лагерях посредством газеты «Русский вестник»²⁶.

24 См.: *Фельштинский Ю.* К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. — М., 1991. С. 5–6; *Щеров И.П.* Миграционная политика в России, 1914–1922. — Смоленск, 2000; *Щеров И.П.* Смоленский пленбеж: создание и деятельность. — Смоленск, 2000; *Щеров И.П.* Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. — Смоленск, 2000. Подробнее о пропасти между декларациями политических институтов и их реализацией на местах см. гл. V.

25 См.: *Сергеев Е.Ю.* Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // НИИ. 1996. № 4. С. 65–78; *Sergeev E.* Kriegsgefangenschaft aus russischer Sicht. Russische Kriegsgefangene in Deutschland und Habsburger Reich (1914–1918) // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 1997. S. 113–134; *Sergeev E.* Kriegsgefangenschaft und Mentalitäten. Zur Haltungsaenderung russischer Offiziere und Mannschaftsangehöriger in der oesterreichisch-ungarischen und deutschen Gefangenschaft // Zeitgeschichte. 1998. S. 357–365. В полемику с Сергеевым по вопросу результативности немецкой «промывки мозгов» вступает Р.Нахтигаль, утверждающий, что повальная безграмотность российских солдат не позволила пропаганде достичь должного эффекта. См.: *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. S. 17.

26 См.: *Колоницкий Б.* Берлинская газета «Русский вестник» (1915–1919 гг.) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века: Сб. научн. трудов. Отв. ред. И.И. Фролова. — СПб., 1996. С. 132–143; *Колоницкий Б.* Эмиграция, военнопленные и начальный этап германской политики «революционирования» России (август 1914 — начало 1915 г.) // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли / Под ред. Б.В. Ананьича. — СПб., 1997. С. 197–216; *Колоницкий Б.*

Стремление ответить на вопрос о континуитете мировых войн вызвало исследовательский интерес к немецкой системе принудительного труда в годы Первой мировой войны. Исследования У. Герберта, Й. Ольтмера, И. Ленцен, К. Раве подробно освещают аспекты привлечения военнопленных к работе на немецких сельскохозяйственных и промышленных предприятиях²⁷. Отсутствие источников не позволило авторам столь же детально представить историю принудительного труда в прифронтной зоне и на оккупированных территориях. За кадром в данных описаниях политики немецких военных и гражданских органов остались реакции самих военнопленных на принудительное погружение в чужую производственную среду.

Черты преемственности и дисконтинуитета двух конфликтов исследователи пытаются выявить и в самом феномене концлагеря. А. Рахамимов в своей работе отрицает справедливость т.н. «тезиса о прототипе» — утверждения о решающей роли лагерей Первой мировой войны как предшественников ГУЛага и немецких лагерей уничтожения²⁸. Р.Нахтигаль видит принципиальную разницу лаге-

Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. — СПб., 1999. С. 271–287.

- 27 См.: *Oltmer J.* Baeuerliche Oekonomie und Arbeitskraeftepolitik im Ersten Weltkrieg. Beschaeftigungsstruktur, Arbeitsverhaeltnisse und Rekrutierung von Ersatzarbeitskraeften in der Landwirtschaft des Emslandes 1914–1918. Soegel, 1995; *Ленцен И.* Использование труда русских военнопленных в Германии (1914–1918) // ВИ. 1998. № 4. С. 129–137; *Oltmer J.* Arbeitzwang und Zwangsarbeit, Kriegsgefangene und auslaendische Zivilarbeiter im Ersten Weltkrieg // *Spilker R.* (Hg.) Der Tod als Maschinist, Der industrialisierte Krieg 1914–1918. Katalog zur Ausstellung des Museums Industriekultur in Osnabrueck. Osnabrueck, 1998. S. 96–97; *Herbert U.* Geschichte der Auslaenderpolitik in Deutschland 1880–1980. Saisonarbeiter, Zwangsarbeiter, Gastarbeiter. Bonn, 2003; *Hinz U.* Gefangen im GroeYen Krieg; *Rawe K.* Kriegsgefangene, Freiwillige und Deportierte. Auslaender Beschaeftigung im Ruhrbergbau waehrend des Ersten Weltkrieges // *Tenfelde K., Seidel H-Chr.* (Hg.) Zwangsarbeit im Bergwerk. Der Arbeitseinsatz im Kohlenbergbau der Deutschen Reiches und der besetzten Gebiete im Ersten und Zweiten Weltkrieg. Essen, 2005. Bd.1. S. 35–61; *Rawe K.* «... wir werden sie schon zur Arbeit bringen!». Auslaenderbeschaeftigung und Zwangsarbeit im Ruhrkohlenbergbau waehrend des Ersten Weltkrieges. Essen, 2005; *Oltmer J.* Unentbehrliche Arbeitskraefte. Kriegsgefangene in Deutschland 1914–1918 // *Oltmer J.* (Hg.) Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges. Padeborn, 2006. S. 67–96.
- 28 *Rachamimov A.* POWs and the Great War. Captivity on the Eastern Front. Oxford, 2004. P. 78–86.

рей периода мировых войн в отсутствие в годы Первой мировой войны государственной политики массового истребления заключенных лагерей. В качестве связующего элемента немецкий исследователь определяет опыт борьбы с массовыми эпидемиями: дезинфекционные камеры, которые в Первую мировую войну использовались для уничтожения насекомых, переносящих тиф, в 30-х гг. XX в. трансформировались в газовые камеры с использованием Циклона-Б²⁹.

Актуальные дебаты вокруг концепции С. Ферстера, объединившего войны периода 1861–1945 гг. тенденцией «тотализации военных действий»³⁰, поставили перед изучением феномена плена новые вопросы. В наиболее полном из существующих на сегодняшний день описании немецкой системы военного плена периода Первой мировой войны У.Хинц попыталась выяснить, представляли ли германские лагеря одну из тенденций «тотальной войны». На примере трех наиболее показательных составляющих немецкого военного плена (системе наказаний, проблеме питания и принудительного труда) Хинц пришла к выводу, что Первая мировая, хотя и была определенной цезурой в развитии концепта «тотальной войны», но в подсистеме военного плена не довела идеологическую тотализацию до практического воплощения. В работе детально описываются немецкая рецепция международного права, особенности пропаганды, фазы развития лагерной организации, система принудительного труда. Однако использование автором архивов только XIII Вюртембергского армейского корпуса (А.К.) и отсутствие опоры на русскоязычные источники привели к явной концентрации на специфике Западного фронта. Попытка реконструировать особенности содержания российских военнопленных основывается лишь на письмах и воспоминаниях французов и англичан.

29 *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront. S. 90, 137–138.

30 См.: *Ферстер С.* Тотальная война: концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. / Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы международного интернет-семинара. — М., 2005. С. 11–29; а также: *Boemeke M. F., Chickering R., Foerster S. (Ed.)*. Anticipating Civil War. The German and American Experiences 1871–1914. Cambridge, 1999; *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа в европейском контексте (1914–1921) / Россия и Первая мировая война. — СПб., 1999. С. 83–100; *Foerster S. (Hg.)* An der Schwelle zum Totalen Krieg. Die militaerische Debatte ueber den Krieg der Zukunft 1919–1939. Padeborn, 2002.

Современное состояние исследований военного плена Первой мировой войны отражает сборник Й. Ольтмера, в который вошли статьи активно работающих над темой западноевропейских историков³¹. Освещая аспекты международного права и принудительного труда, особенностей систем плена в разных странах, вопросы репатриации и российской пропаганды среди военнопленных Австро-Венгрии, издание отражает исследовательский дефицит в отношении российских военнопленных в Германии.

Необходимость выявления специфики опыта военнопленных русской армии в контексте Восточного фронта обусловила обращение автора данной работы к существующим исследованиям по истории других стран или национальных групп. Несмотря на разницу в постановке вопросов и выбор методологических подходов, монография В. Мориц³², посвященная австрийской системе лагерей, дает возможность обозначить отличительные особенности немецкого плена и более выпукло представить переработку субъективных переживаний бывших пленных в условиях Советской России. Материал для сравнения предлагает также монография А. Рахамимова, детально изучившего корреспонденцию австро-венгерских военнопленных из России на предмет выражения ими национальных убеждений, а также стремление вернувшихся сделать мемуары о русском плене неотъемлемой частью коллективной памяти о Великой войне³³. Работы Р. Нахтигаль и Г. Вурцера³⁴, описывающие соответственно дипломатические отношения на Восточном фронте и содержание немецких офицеров в России, резюмируют ограниченный характер перехода традиционных монархий к первой индустриальной войне и позволяют проверить правомерность этого вывода в контексте содержания российских военнопленных в Герма-

31 *Oltmer J. (Hg.) Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs.*

32 *Moritz V. Zwischen Nutzung und Bedrohung. Die russischen Kriegsgefangenen in Osterreich-Ungarn (1914–1921). Bonn, 2005.*

33 *Rachamimow A. POWs and the Great War. P. 221–228.*

34 См.: *Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2005; Нахтигаль Р. Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия Центральных держав в 1915–1917 гг. // Опыт мировых войн в истории России / Под ред. И.В. Нарского. — Челябинск, 2007. С. 83–94.*

нии. Английским, французским и немецким лагерным газетам посвящена монография Р. Пепинхега³⁵. Автор классифицировал пять целей выпуска самодельных изданий (сплочение сообщества, повышение настроения, укрепление национальной идентичности, создание позитивного образа пленных на родине, фиксация лагерной жизни для послевоенного времени) и три типа названий (сатирические, обыгрывающие лагерную действительность или, напротив, довоенную гражданскую жизнь). На основе социологического анализа газет Пепинхега выделил две фазы группообразования в лагерях: «интегративную», длившуюся полгода и приведшую к складыванию формальных групп и коллективного сознания, а также «формационную», в ходе которой образовывалась система социальных структур в соответствии с различными интересами.

Методологическими ориентирами для этой работы стали многолетняя публикация комиссии Е. Машке по истории немецких военнопленных Второй мировой войны³⁶, а также статья Г. Дэвиса о Красноярском лагере Первой мировой войны как социальном сообществе³⁷.

Пристальное внимание современных исследователей к социальной истории и «маленькому человеку» привело к активизации изучения послевоенных обществ и проблемы возвращения бывших комбатантов к мирной жизни³⁸. Исследователи, анализирующие по-

35 *Poeppinhege R.* Im Lager unbesiegt. Deutsche, englische und französische Kriegsgefangenen-Zeitungen im Ersten Weltkrieg. Essen, 2006.

36 См., например: Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Die Lagergesellschaft. Eine Untersuchung der zwischenmenschlichen Beziehungen in den Kriegsgefangenenlagern. Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd.2. Munchen 1967.

37 *Davis G. H.* Prisoner of War Camps as Social Communities: Krasnoyarsk 1914–1921 // Eastern European Quarterly 21. 1987. P. 147–163.

38 См., например: *Kienitz S.* Der Krieg der Invaliden. Koerperbilder und Maennliche itskonstruktionen nach dem Ersten Weltkrieg // *Hagemann K.* (Hg.) Nach-Kriegs-Helden. Soziale und kulturelle DeMobilmachung in deutschen Nachkriegszeiten / Militaergeschichtliche Zeitschrift 60. 2001. Heft 2. S. 367–402; *Kienitz S.* «Als Helden gefeiert — als Krueppel vergessen». Kriegsinvaliden im Ersten Weltkrieg und in der Weimarer Republik // *Beyrau D.* (Hg.) Der Krieg in nationalen und religioesen Deutungen der Neuzeit. Tuebingen 2001, S. 217–237; *Физелер Б.* Развитие государственной помощи инвалидам в России от поздней Российской империи до сталинской «революции сверху» // Опыт мировых войн в истории России / Под ред. И.В. Нарского. — Челябинск, 2007. С. 49–64.

ложение ветеранов и инвалидов по окончании мировых войн, приходят к выводу, что и в победивших, и в проигравших странах увечные, как правило, исключались из официальной дискуссии и воспринимались как болезненно-досадное напоминание о негативной стороне произошедших событий. Реинтеграции французских и немецких военнопленных в послевоенное общество посвящены статьи О. Аббаля и Р. Пепихеге³⁹. В обеих странах позиция правительства и общественности по отношению к бывшим заключенным лагерей была, по меньшей мере, недоверчивой. В победившей Франции военнопленные не были причислены к группе ветеранов войны, имевших права на социальное обеспечение, а их индивидуальные переживания заняли в общественной дискуссии маргинальное положение, так как не вписывались в победоносный опыт нации. В проигравшей Германии, несмотря на читательский успех мемуаров бывших военнопленных и активную деятельность различных обществ, они воспринимались как балласт для истощенной государственной казны.

Иная ситуация сложилась в новообразованных государствах Восточной Европы. Новейшие исследования Н. Штегманн и Ю. Айхенберг⁴⁰ о положении ветеранов и жертв Первой мировой войны в Чехословакии и Польше подчеркивают решающее значение дискуссии о социальном обеспечении данных категорий для легитимации новообразованных государств. В странах, где завершившийся мировой конфликт стал мифом основания государства, носители военного опыта стали не только пропагандистским знаменем, но и критическим мерилom политической состоятельности нового режима.

39 См.: *Poeppinhege R.* Kriegsteilnehmer zweiter Klasse? Die Reichsvereinigung ehemaliger Kriegsgefangener, 1919–1933 // Militaergeschichtliche Mitteilungen. 64 (2005). S. 391–423; *Abbal O.* Die franzoesische Gesellschaft der Zwischenkriegszeit und die ehemaligen Kriegsgefangenen // *Oltmer J.* (Hg.) Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges. S. 295–308.

40 См.: *Stegmann N.* Kriegsdeutungen-Staatsgruendungen-Sozialpolitik. Der Helden- und Opferdiskurs in der Tschechoslowakei, 1918–1948. (im Druck); *Eichenberg J.* Stiefsoehne des Vaterlands. Die polnischen Veteranen des Ersten Weltkrieges und die Debatte um ihre Versorgung // Nordostarchiv. Band XVII. Lueneburg, 2009. S. 176–195; *Eichenberg J.* Soeldner der Besatzer oder Helden des Unabhaengigkeitskampfes? Die Debatte um die polnischen Veteranen des Ersten Weltkrieges // *Stegmann N.* (Hg.) Die Weltkriege als symbolische Bezugspunkte. Polen, die Tschechoslowakei und Deutschland nach dem Ersten und nach dem Zweiten Weltkrieg. Prag, 2009. S. 147–168.

Одной из центральных тем в современных исследованиях невоенных аспектов Первой мировой войны является вопрос об усвоении и использовании властью и обществом военного опыта в качестве модели контроля и дисциплинирования отдельных групп и социума в целом, в том числе путем цензуры переживаний и воспоминаний о войне⁴¹. Многочисленные публикации об особенностях формирования коллективной памяти⁴² составили методологическую опору для исследования переработки переживаний плена в публичной дискуссии Советской России и эмиграции.

В основу концепции данного исследования легло предложенное теоретиками социологии знания понятие опыта, которое, по мнению К. Латцеля, «...точнее и ...объемнее, чем применявшиеся до сих пор теории повседневности или менталитета, позволяет выразить „субъективное“ измерение военной истории и структурировать его исследование»⁴³. Так, Р. Козеллек, обосновавший взаимодополняемость понятий «пространство опыта» и «горизонт ожиданий», подразумевает под опытом «настоящее прошедшее ..., включающее в себя как рациональную переработку, так и бессознательные способы поведения»⁴⁴. К. Латцель определяет опыт как «удавшуюся ин-

41 См.: *Reimann A.* Der grosse Krieg der Sprachen. Untersuchungen zur historischen Semantik in Deutschland und England zur Zeit des Ersten Weltkrieges. Essen, 2000; *Lipp A.* Meinungslenkung im Krieg. Kriegserfahrungen deutscher Soldaten und ihre Deutung 1914–1918. Goettingen, 2003.

42 См.: *Assmann A., Harth D.* (Hg.). Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung. Frankfurt am Main 1991; *Cavalli A.* Gedaechtnis und Identitaet. Wie das Gedaechtnis nach katastrophalen Ereignissen rekonstruiert wird // *Mueller K., Ruesen J.* (Hg.) Historische Sinnbildung. Hamburg, 1997. S. 454–470; *Ricœur P.* Gedaechtnis - Vergessen — Geschichte // *Mueller K., Ruesen J.* (Hg.) Historische Sinnbildung. Hamburg, 1997. S. 433–453; *Kobylynska A.* (Hg.) Erinnern, vergessen, verdraengen. Polnische und deutsche Erfahrungen. Wiesbaden 1998; *Assmann A.* Erinnerungsraeume. Munchen, 1999; Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии / Сборник статей под ред. И.В. Нарского и др. — Челябинск, 2004.

43 *Latzel K.* Vom Kriegserlebnis zur Kriegserfahrung. Theoretische und methodische Ueberlegungen zur erfahrungsgeschichtlichen Untersuchung von Feldpostbriefen // *Militaergeschichtliche Mitteilungen.* 56 (1997). S. 11. Подробнее к понятию опыта в рамках «социологии знания». См.: *Berger П., Лукманн Т.* Социальное конструирование действительности. — М., 1995.

44 *Koselleck R.* Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt., M. 1989. S. 354.

терпретацию пассивных и активных переживаний» отдельного сообщества (*Erlebnisgemeinschaft*)⁴⁵. Наконец, Н. Бушманн и Х. Карл дефинируют опыт как перманентный процесс переработки, объединяющий в себе восприятие, толкование и действие. Соответственно, государственные и общественные институты и господствующие в них толкования рассматриваются ими как усвоенный опыт⁴⁶. Исследователи едины во мнении, что «опыт образует своеобразное место среза между индивидуумом и обществом»⁴⁷ и именно здесь «находит свое выражение диалектическое соотношение между действием и социальной структурой, между субъективными и объективными факторами человеческой действительности»⁴⁸.

Несмотря на решающее значение категории опыта для концепции данного исследования, работа опирается на широкий комплекс методов и объединяет в себе три тематических поля:

- 1) пространство опыта плена и факторы его формирования (международное право и межгосударственные отношения по вопросам плена, российская дискуссия о войне и плене, «горизонт ожиданий» солдат и офицеров, позиция российских/советских политических и военных органов, условия пребывания пленных в лагерях);
- 2) непосредственное переживание опыта плена (формирование «сообщества переживаний», восприятие и толкование плена, выработка поведенческих моделей);
- 3) индивидуальная и институциональная переработка опыта (обсуждение переживаний и формирование памяти, складывание новых структур и институтов).

Разумеется, граница между этими полями весьма подвижна и проницаема для «путешествующих» сюжетов.

45 *Latzel K. Vom Kriegserlebnis zur Kriegserfahrung. S. 14.*

46 *Buschmann N., Carl H. Zugaenge zur Erfahrungsgeschichte des Krieges. Forschung, Theorie, Fragestellung // Die Erfahrung des Krieges: Erfahrungsgeschichtliche Perspektiven von der Franzoesische Revolution bis zum Zweifen Weltkrieg. Padeborn, 2001 S. 17.* Применительно к российскому материалу. См.: *Нарский И.В. «Я как стал среди войны жить, так и стала мне война, что дом родной...» Фронтной опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России / Под ред. И.В. Нарского и др. — Челябинск, 2007. С. 488–502.*

47 *Latzel K. Vom Kriegserlebnis zur Kriegserfahrung. S. 16.*

48 *Buschmann N., Carl H. Zugaenge zur Erfahrungsgeschichte des Krieges. S. 17.*

ИСТОЧНИКИ

Проблематика монографии предполагает привлечение к анализу обширного комплекса как российских, так и немецких источников: от официальных предписаний и внутриведомственной переписки до фотографий и эго-документов. В российских архивах и библиотеках сохранились фонды государственных учреждений и общественных организаций, работавших с военнопленными, коллекции писем пленных к родным и их обращений в соответствующие инстанции, а также опубликованные и неопубликованные воспоминания. Последние представляют собой чрезвычайно субъективный материал, так как политические условия в Советской России и в эмиграции помешали широкой и плюралистической циркуляции конкурирующих толкований. Поэтому опубликованные мемуары используются в данной работе не столько для реконструкции реальных переживаний и опыта плена, сколько для исследования процессов унификации памяти о нем.

Благодаря федеральной военной и архивной организации Германской империи и Веймарской республики существует возможность частично восполнить потерю центральных актов Первой мировой войны в потсдамском пожаре 1945 г. Материалы земельных архивов Саксонии, Баварии и Вюртемберга содержат распоряжения Прусского военного министерства (далее — ПВМ)⁴⁹, текущую переписку и финальные отчеты местных ведомств и лагерных комендатур, письма, прошения самих пленных, результаты их подробных опросов, лагерные газеты. Максимально широкий спектр источников позволяет компенсировать пропагандистский характер военной публицистики. Тем не менее, серьезную проблему представляет уже упомянутое отсутствие полных и детализированных статистических данных.

Перед любым исследованием, выбирающим в качестве изучаемого предмета переживания и опыт значительной группы исторических актеров, встает проблема репрезентативности привлекаемых источников и правомерности генерализации выводов. В этой связи автор ориентируется на негласную конвенцию, сложившуюся в рам-

49 В отсутствие имперского военного министерства в Германии Департамент размещения Прусского военного министерства координировал деятельность федерально организованных ведомств по работе с военнопленными противника.

ках направления «устной истории», согласно которой при невозможности статистически значимых обобщений исследование должно стремиться к выводам, репрезентативным, по меньшей мере, для корпуса привлеченных источников⁵⁰.

Разнонациональный характер источников определил приведенные в работе датировки. Дабы не затруднять читателю восприятие материала, даты событий, происходивших на территории России до 1 (14) февраля 1918 г., даны в соответствии с принятым в тот период юлианским календарем, события на территории Германии и в Советской России — в соответствии с грегорианским.

БЛАГОДАРНОСТЬ

В своем завершенном виде эта книга обязана своим появлением многим людям и учреждениям.

Любезное согласие профессора Г. Альтрихтера поддержать заявку в фонде Герды Хенкель, позволило начать работу над проектом. Без финансовой поддержки этой организации, а также Немецкого исследовательского общества и Российского гуманитарного научного фонда оказались бы невозможны многолетние архивные исследования и публикация монографии.

Содействие в доступе к архивным документам оказывали сотрудники ГАРФ, РГВИА (особенно Ю. Киреева и М. Некшин), РГВА, ОГАЧО (особенно Е. Калинкина), отделов Бундесархива в Берлине, Фрайбурге и Кобленце, Саксонского, Баварского, Вюртембергского архивов и Секретного государственного архива прусского культурного наследия.

Критика и интересные предложения участников коллоквиумов при кафедрах и институтах восточноевропейской истории университетов Базеля, Берлина, Дюссельдорфа, Фрайбурга, Германского исторического института в Москве, проекта «Военный опыт» (SFB 437) Тюбингенского университета, а также дискуссионтов международного интернет-семинара по восточноевропейской истории (Базель-Челябинск) способствовали кристаллизации гипотезы и упорядочению материала.

50 См.: *Latzel K. Vom Kriegserlebnis zur Kriegserfahrung. S. 25–26.*

Я признательна Ю. Айхенберг, Д. Сухину, М. Шеер, Н. Штегманн, предоставившим мне свои опубликованные и неопубликованные работы, К. Тайхману и И.Купцову, обратившим мое внимание на важные источники, а также К. фон Линген за консультации по теме Второй мировой войны.

Я благодарю моих коллег по Центру культурно-исторических исследований ЮУрГУ И.В. Нарского, О.Ю. Никонову и Ю.Ю. Хмелевскую, общение с которыми, а также участие в совместных проектах стимулировало расширение исследовательского кругозора и пополнение методологического багажа. Особое спасибо Игорю Владимировичу Нарскому и Юлии Юрьевне Хмелевской, взявшим на себя нелегкий труд прочтения и правки манускрипта.

Своеобразным соавтором исследования я могла бы назвать профессора Дитриха Байрау, неустанное внимание, рекомендации и советы которого позволили книге состояться.

Книга посвящается самым постоянным и терпеливым читателям — моим родителям и моей сестре.

глава I Военный плен в международной и российской дискуссии

В ходе Первой мировой войны военный плен превратился в особую сферу международных отношений и в один из узловых пунктов внутригосударственной дискуссии о войне. Различные аспекты содержания солдат и офицеров противника долгое время оставались важной основой для контактов враждующих сторон, нейтральных стран и негосударственных организаций. Именно в этой области были выявлены излишняя размытость созданных до войны норм международного права и узость поля деятельности благотворительных учреждений. Многочисленные нарушения подписанных соглашений всеми сторонами и попытки совершенствования правоприменительной практики во многом определили развитие международных отношений в межвоенный период.

Образ пленных стал излюбленным объектом пропаганды воюющих стран. На международной арене он превратился в одно из средств саморепрезентации нации и поддержания имиджа цивилизованного государства через обвинения противника в варварстве. Во «внутренней» дискуссии тематизация страданий пленных использовалась для ужесточения представлений о враге и дисциплинирования населения на фронте и в тылу.

1.1. СОДЕРЖАНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ В ФОКУСЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Возникшая во второй половине XIX в. тенденция к разрастанию масштабов войны и росту ожесточенности сражающихся сторон породила стремление международной общественности и благотворительных организаций предпринять определенные шаги к ее ограничению и хотя бы частичной гуманизации военных действий. Важнейшей фазой в формировании и кодификации международного права и институционального оформления негосударственных благотворительных организаций стал период с 1860 по 1910 гг¹. Навысшим их достижением стало подписание ведущими державами в 1907 году второй Гаагской конвенции, содержащей особую главу «О военнопленных»². Статья 4-я, открывавшая соответствующий раздел документа, впервые зафиксировала центральный постулат о гуманном обращении с безоружными солдатами и офицерами противника. Конвенция предполагала предоставление военнопленным условий содержания и обеспечения, стандартных для армии пленившего их государства (ст. 7). Согласно статье 15-й, в места содержания военнопленных получили доступ уполномоченные благотворительных обществ, деятельность которых должна была поддерживаться воюющими сторонами «в пределах, обусловленных военными требованиями и административными порядками». Письма и посылки заключенных освобождались от всех сборов (ст. 16), особое внимание уделялось свободе религиозных отправлений (ст. 18). Возвращение пленных на родину после окончания конфликта предполагалось в «возможно короткие сроки» (ст. 20). Примечательно, что документ

1 *Hinz U. Humanitaet im Krieg? Internationales Rotes Kreuz und Kriegsgefangenenhilfe im Ersten Weltkrieg // Oltmer J. (Hg.) Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. Paderborn, 2006. S. 219. О столкновении либеральной и радикальной традиций в развитии международного права по отношению к военнопленным см. также: Speed R. B. Prisoners, Diplomats and the Great War: a Study in the Diplomacy and Captivity. N.Y., 1990. P. 5.*

2 Текст документа опубликован на сайте <http://www.memo.ru/prawo/hum/haag 07-1.htm>

разрешал использование солдат на работах в пользу пленившего государства, если они «не слишком обременительны» и не имеют «никакого отношения к военным действиям». Заработанные при этом средства должны были тратиться на улучшение положения пленных, а после освобождения и вычета расходов на содержание остаток подлежал выдаче им на руки (ст. 6).

Часть статей особо определяла принципы содержания пленных офицеров. Опираясь на традиции предыдущих войн, Конвенция предполагала досрочное освобождение высших чинов из плена под честное слово, если это соответствовало местным законам. В этом случае собственное правительство не имело права требовать от них совершения действий, противоречащих данной клятве. При нарушении честного слова и повторном пленении офицер терял право на обращение с ним как с военнопленным и мог подвергнуться судебному преследованию (ст. 10–12). В отличие от солдат, офицеры не могли привлекаться к физическому труду. Статья 17 предписывала выплату соответствующего чину содержания. Предполагалось, что по окончании войны стороны проведут взаимные расчеты за содержание военнопленных.

В 1914 г., на момент начала военных действий, все государства были уверены в неукоснительном соблюдении противником положений нового международного права. Однако формулировки Конвенции не затронули принципа государственного суверенитета, поэтому были обречены стать жертвой дилеммы «гуманизм vs. утилитаризм», так и не превратившись в незыблемые нормы³. В Германии, к примеру, рецепция Гагской конвенции была привязана к смутному определению «военной необходимости», что приводило попытки соблюдения международного права к неизбежной коррекции, особенно в сфере обеспечения и принудительного труда. В целом же в ходе войны во всех странах-участницах фиксировались многочисленные нарушения установленных соглашений, в том числе и в отношении военнопленных.

Несоответствие условий содержания санитарным нормам, голод, эпидемии и высокая смертность в лагерях стали причиной интенсивной международной дискуссии и активизации деятельности нейтральных стран и международных организаций, что в свою оче-

3 См.: *Hinz U. Gefangen. S. 70.*

редь способствовало подписанию новых договоренностей между воюющими государствами. Для Западного фронта Первой мировой войны было характерно расширение рамок действия довоенного международного права. Франция и Англия, с одной стороны, и Германия — с другой, заключили более 10 пространных соглашений об обмене инвалидами и больными, интернировании определенных категорий пленных в Швейцарии, возвращении медперсонала, отмене судебных наказаний для военнопленных и т.д.⁴ Центральные державы, обеспокоенные слухами о высокой смертности среди своих подданных в лагерях Сибири и Туркестана, через дипломатические представительства нейтральных государств направляли подобные предложения России. Однако позиция русских военных органов не позволила реализовать практику Западного фронта на Восточном.

Первоначально русская сторона отклонила даже предложение папы Бенедикта XV, направленного всем воюющим государствам с призывом на основе взаимности освободить из плена инвалидов⁵. Если обмен больными между Германией и Францией состоялся уже в марте 1915 г., то затянувшиеся переговоры с Россией задержали отправку первой партии до июля 1915 г.⁶ Гуманитарные по своей сути мероприятия рассматривались русским военным командованием как выражение государственного интереса и расценивались успешными только в том случае, если «нами получено больше, чем отправлено»⁷. Так же формально представители власти подходили к возможности облегчить участь пленных врачей в рамках установлений Женевской конвенции 1906 г. На запросы из лагерей о выдаче необходимых удостоверений чиновники ограничивались отписками и ссылками на невозможность подтвердить факт принадлежности к санитарному персоналу после утери канцелярии полка⁸.

4 См.: *Scheidt F.* Die Kriegsgefangenschaft. Von den aeltesten Zeiten bis zur Gegenwart. Berlin, 1943; а также: *Speed R. B.* Prisoners, Diplomats and the Great War. P. 31–42.

5 *Moritz V.* Zwischen Nutzung und Bedrohung. S. 145, 147.

6 *Mitze K.* Kriegsgefangenenlager Ingolstadt. S. 330. Автор упоминает также приостановку отправки с 7.11.1916 по апрель 1916 г., правда, не объясняя причин.

7 РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 547, л. 136. Отчет о деятельности комиссии по наблюдению за эвакуацией инвалидов, 1916 г.

8 См.: РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 553, л. 16. Отдел военнопленных МИД, май 1917.

В ходе войны общества Красного Креста воюющих стран на волне патриотического подъема превратились в орудия пропаганды, поэтому их гуманитарные устремления часто попадали в зависимость от военной и политической конъюнктуры. Все же при посредничестве Международного комитета Красного Креста (далее — МККК) и нейтральных стран удалось организовать несколько совещаний уполномоченных обществ Красного Креста Германии, Австро-Венгрии и России по вопросам содержания военнопленных, решения которых имели лишь рекомендательный характер. Заключительный протокол первой Стокгольмской конференции, состоявшейся в ноябре 1915 г., содержал пожелания об улучшении положения врачей в лагерях и отправке на родину санитарного персонала, не привлеченного к работе по специальности. Отмечалась необходимость обеспечения пленных обмундированием и едой в соответствии с местным климатом и характером работ. Особо была обоснована необходимость создания комитетов пленных, которые бы вели переговоры с лагерной администрацией и осуществляли надзор за распределением материальной помощи⁹.

Через год в столице Швеции состоялась вторая встреча, где обсуждались вопросы содержания и обмена больных и инвалидов. Переговоры об интернировании в Дании и Норвегии затянулись из-за отказа последней принять у себя больных туберкулезом¹⁰. После согласия Швейцарии организовать содержание и лечение 400 больных пленными каждой стороны были определены пересыльные пункты для освидетельствования и отправки солдат и офицеров русской армии (лагеря Альтдамм, Зассниц и Штральзунд-Денгольм). Окончательные соглашения об обмене инвалидами были подписаны лишь в начале марта 1917 г.¹¹

Решения Копенгагенской конференции 1917 г. об обмене гражданских лиц, ограничении репрессий со стороны местных властей и возвращении на родину интернированных в нейтральных странах

9 См.: *Альбат Г.П.* Сборник международных конвенций. С. 33–44.

10 Barch, R 1508/777; BayHSta, Stellv. Bayer. Militaerbevollmaechtiger in Berlin, Nr.35, Reichstagspublikation, 02.03.1917.

11 См.: *Mitze K.* Kriegsgefangenenlager Ingolstadt. S. 316, 327.

так и не были ратифицированы русской стороной¹². В целом же резолюции подобных встреч русские функционеры Красного Креста обозначали как «мертворожденные»¹³, а их немецкие коллеги отмечали «ограниченный эффект» подобных совещаний¹⁴. В свою очередь деятели русских общественных организаций жаловались, что государственные чиновники «излишне ограниченно» толковали решения международных конференций и сетовали на отсутствие ресурсов для выполнения подписанных соглашений¹⁵.

Новое международное право не запрещало репрессии по отношению к военнопленным, что превратило заключенных лагерей в «заложников процесса тотализации военных действий»¹⁶. Вопреки повторявшимся призывам МККК отменить использование подобных негуманных методов, все страны интенсивно прибегали к ним с целью оказания давления на противника и улучшения положения собственных подданных, попавших в плен. Солдаты и офицеры русской армии оказались в этой ситуации жертвой не только немецкой стороны, но и собственного правительства, в большинстве случаев отказывавшего идти на уступки. Примечательно, что Австро-Венгрия через некоторое время перестала использовать данный инструмент ввиду его неэффективности. Германия же продолжала активно к нему прибегать, несмотря на частое отсутствие встречных шагов со стороны России.

Наиболее значимая попытка давления на русское правительство стала реакцией на привлечение немцев и австрийцев к строительству Мурманской железной дороги, где тяжелый труд и недостаток обеспечения повлекли за собой стремительное ухудшение физического состояния пленных. В ответ в 1915 г. немецкая сторона

12 См.: ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 2, л. 102–106, Копенгагенская конференция, октябрь–ноябрь 1917; ф. 6169, оп. 1, д. 176, л. 1–22, Отчет о конференции по обмену военнопленных, 6–19 октября; Barch-MA, MSg 201/2, Vereinbarungen zwischen Deutschland und Russland nach dem Kopenhagener Protokoll, November 1917.

13 См.: ГАРФ, ф. 3333, оп. 1-а, д. 93, л. 6, Копенгагенский комитет, 22 февраля 1916.

14 *Mitze K. Kriegsgefangenenlager Ingolstadt. S. 352.*

15 ГАРФ, ф. 3333, оп. 1-а, д. 93, л. 3. Письмо Л.Л. Картуар, февраль 1916.

16 См.: *Becker A. Paradoxien in der Situation der Kriegsgefangenen. 1914–1918 // Oltmer J. (Hg.) Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. Padeborn, 2006. S. 24–31.*

прибегла к организации так называемого «штрафного лагеря» Штроермоор. В болотистую местность на положение солдат были переведены офицеры, имевшие в России влиятельных родственников. Продолжительный период, понадобившийся противникам для урегулирования противоречий, они получали солдатский паек и работали на культивации почв¹⁷. Примечательно, что из подобных мероприятий немецкая сторона всегда исключала русских пленных генералов, а также представителей национальных меньшинств, ставших объектами сепаратистской пропаганды.

В этом же году после распоряжения русской стороны снять с пленных вражеских офицеров погоны, кокарды и ордена, немецкие военные органы предписали ту же меру для русских пленных. Выслушав объяснения причин происходящего, большинство офицеров подчинилось приказу. Меньшая же часть, несмотря на угрозы ареста и сокращения пайка, отказалась ему следовать, объявив, что знаки отличия выданы им царем, и никто, кроме него, не имеет права их снять. Через некоторое время конфликт был исчерпан согласием русского правительства вернуть австрийским и немецким офицерам их погоны и ордена¹⁸. Среди более мелких репрессий следует упомянуть запрет на распространение в лагерях просветительских плакатов русских благотворительных организаций с информацией о правовом положении пленных, понижение обменного курса при получении денежных переводов, принуждение офицеров оплачивать меблировку комнат, запрет на корреспонденцию с Россией и т.д.¹⁹ Данные ограничения в положении пленных действовали вплоть до ответных уступок со стороны русского командования, медлительность которого часто объяснялась многоступенчатостью переговорного процесса, а также нежеланием идти на соглашение с противником.

17 См., например: BayHStA, M Kr., Nr. 1689. Lager Plassenburg, 6.10.1917. Р.Нахтигаль ошибочно утверждает, что русские офицеры в штрафных лагерях не привлекались к работам. См.: *Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront*. S. 111.

18 См.: SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr.158, PKMIN, 10.7.1915; Lager Bischofswerda, 3.8.1915.

19 См.: Barch, R 1508/921, An das Moskauer Hilfskomitee, 24.8.1916; An das Moskauer Hilfskomitee, 12.9.1916;

Альбат Г.П. Репрессалии по отношению к военнопленным. — М., 1916.

1.2. РУССКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ВОСПРИЯТИИ ВОЕННЫХ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

В соответствии с военно-уголовным законодательством почти всех стран добровольная сдача в плен определялась как государственная измена и каралась уголовными наказаниями²⁰. Тем не менее, в ситуации нового характера военных действий, массовости плена, длительности войны, а также под давлением общественности западные государства Антанты и Центральные державы были вынуждены активизировать дипломатические усилия и организацию материальной помощи собственным подданным, содержащимся в лагерях противника. Русские же солдаты и офицеры в Германии и Австро-Венгрии, превратившись в объект интересов властных институтов и действенное орудие военной пропаганды, на деле оказались практически лишены политической и материальной поддержки.

ПОЗИЦИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ВЕДОМСТВ ПО ВОПРОСУ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Представители Главного управления Генерального штаба (далее — ГУ ГШ) и фронтовое командование с самого начала войны пытались выявить причины массовой сдачи в плен и разработать план мероприятий по ее предотвращению. Общий вывод гласил, что основная масса солдат недостаточно подготовлена к боевым действиям, поэтому «адский огонь неприятеля», «прорыв фронта и появление в тылу частей противника» приводят к «поднятию белых платочков»²¹. Во внутриведомственной переписке выражалось беспокойство, что отсутствие разъяснительной работы среди новобранцев приводит

20 См.: *Ziemann B.* Fahnenflucht im deutschen Heer 1914–1918 // Militaergeschichtliche Mitteilungen. 55(1996). S. 106; Jahr Chr. Gewoehnliche Soldaten. Desertion und Deserteure im deutschen und britischen Heer 1914–1918. Goettingen, 1998; *Plaschka R.* Avantgarde des Widerstands. Modellfaelle militaerischer Auflehnung im 19. und 20. Jh. Wien 2000. Bd. 2. S. 310.

21 *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907–1916. — М., 1924. Т. 1. С. 147.

к выдаче врагу стратегически важных сведений. По словам бежавших пленных, после попадания к противнику они добровольно называли номер своей части, рассказывали о проблемах снабжения русской армии, так как «никто им не объяснил, что этим они нарушают военную тайну». Категорией, особо склонной к дезертирству, были определены мобилизованные ратники старших возрастов, признававшиеся, что «им надоело сидеть в окопах», и воспринимавшие плен как возможность избежать гибели²².

Отмечалось, что в русской армии «хромает» воспитательная и устрашающая сторона, порожденная отсутствием продуманной системы пропаганды и излишней мягкостью самих армейских начальников, которые не приказывали уничтожать сдающихся огнем собственных пулеметов. Только угроза получить от своих товарищей пулю в спину могла бы, по мнению генерала М. Алексева, компенсировать недостаточно развитое сознание долга²³. Примечательно, что его позицию разделяли многие командующие армиями, издававшие приказы о расстреле добровольно переходящих к врагу солдат. Агитаторы, пропагандирующие в войсках сдачу в плен, подлежали полковому суду.

Формулировки лишь изредка упоминали в качестве причин попадания к противнику особенности ведения военных действий на Восточном фронте, где сочетание позиционной и маневренной войны, неразвитость коммуникаций приводили к окружению целых армий. Единичные признания объективности подобных случаев, однако, не влияли на общую позицию командования. Добровольно сдавшимся считался боец, попавший к противнику раненым и не использовавший средств к обороне²⁴. Таким образом, значительная группа пленных была заочно определена в качестве преступников.

В начальный период войны командование из соображений армейской дисциплины всячески обходило молчанием проблему собс-

22 РГВИА, ф. 391, оп. 2, д. 101, л. 2. Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, 21 октября 1915 г.

23 См.: там же, л. 1., Письмо генерала от инфантерии М. Алексева, 30 мая 1915 г.

24 См.: ОГАЧО, ф. И-49, оп. 1, д. 5, л. 78–125. Список призванных на действительную военную службу запасным воинским нижним чинам и ратникам, кои по сообщению военных властей бежали или сдались в плен неприятелю на 5 сентября 1916.

твенных военнопленных, скрывая их истинную численность. Представителям прессы запрещалось публиковать любые сведения о количестве военнопленных, а в более поздних газетных публикациях цензурой изымались данные о погибших в плену во время эпидемий²⁵. Естественно, что отсутствие учета и утаивание даже приблизительных сведений отражались на масштабах мероприятий помощи, которые не могли соответствовать реальной потребности.

Замалчивание численности и содержания пленных в лагерях Центральных держав способствовало распространению среди солдат представления о плене как лучшей доле и увеличению случаев массовой добровольной сдачи. В подобной ситуации власть была вынуждена инициировать дискуссию о плене, предъявив, однако, жесткие требования к публикациям: читатель должен был получать только отрицательную информацию о ситуации в лагерях противника. На основании деятельности Чрезвычайной следственной комиссии, расследовавшей нарушения врагом установлений международного права, распространялись сведения о реализации в германской армии приказов не брать русских живыми в плен, а также о лишениях и издевательствах, которые ожидали пленного в лагере. Рефреном в армейских и тыловых газетах звучал лозунг: «Лучше смерть, чем плен!»²⁶

Одной из основных составляющих борьбы с добровольным переходом к противнику стала разъяснительная работа среди нижних чинов, освещающая «всю позорность подобных сдач и вред, наносимый ... родине»²⁷. Командующие армиями издавали «многочисленные приказы, в которых говорилось, что все добровольно сдавшиеся в плен по окончании войны будут преданы суду как ... „безбожные изменники“, «позорные сыны России», которых „во славу родины

25 См.: РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 545, л. 361, Переписка ГУ ГШ, февраль 1916 г.; *Овчинников И.А.* Центральное справочное бюро о русских военнопленных, находящихся в неприятельских странах. Пг., 1916. С. 12; а также: *Sergeev E.* Kriegsgefangenschaft und Mentalitaeten. S. 361.

26 См.: *Нагорная О.* Воспоминания о плене Первой мировой как объект политики памяти и средство групповой идентификации / Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы международного Интернет-семинара. — М., 2005. С. 47.

27 РГВИА, ф. 391, оп. 2, д. 101, л. 3, Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, Секретно. 21 октября 1915 г.

надлежит уничтожить»²⁸. Особое внимание уделялось знакомству нижних чинов с соответствующими статьями военно-уголовных законов, карающими за сдачу. Армейское руководство настаивало на необходимости немедленного расследования по каждому случаю попадания в плен для осуждения виновных по окончании войны или возвращении на родину. Результаты должны были оглашаться в войсках, чтобы продемонстрировать оставшимся неотвратимость наказания за предательство²⁹.

В среде государственных чиновников родилась инициатива направить на фронт группу вернувшихся из плена инвалидов для представления перед нижними чинами истинной картины жизни в лагерях, что, по мнению организаторов, пресекло бы всякое желание переходить к противнику. Военное командование в целом одобрило идею агитационной кампании, но отметило, что при подборе кандидатов «необходима известная осторожность, дабы в армию не могли проникнуть элементы, зараженные пропагандой или хотя бы склонные к критике государственного порядка»³⁰.

Особые мероприятия по предотвращению добровольной сдачи предполагались по отношению к отдельным национальностям, заподозренным в природной неразвитости чувства долга. В первых рядах сдающихся, по мнению командования, были внутренние враги — евреи и немцы-колонисты, которые, якобы, охотно шли на сотрудничество с врагом, обучали его обращению с русским оружием и занимали административные посты в комендатурах лагерей. Потенциальными предателями, готовыми перейти линию фронта и выдать военные секреты противнику, были признаны поляки западных районов, оккупированных немецкой армией. В качестве предупредительной меры рассматривалась возможность перевода нижних чинов этой национальности в глубокий тыл и привлечения их к при-

28 Цит. по: *Сенявская Е.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. — М., 1999. С. 62.

29 См.: РГВИА, ф. 391, оп. 2, д. 101, л. 3, Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта. Секретно. 21 октября 1915 г.; ф. 2031, оп. 4, д. 1793, л. 65. Список добровольно сдавшихся от 16 ноября 1917 г.; а также: *Навоев П.* Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью. Пг., 1916.

30 РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 545, л. 455, переписка между Херсонским губернатором и ЦК помощи военнопленным, май 1916 г.

нудительным работам. Однако сами представители ГУ ГШ осознали, что этот акт может быть расценен как несправедливость по отношению к призывникам из других губерний. Новым вариантом решения проблемы, по предложению командующего фронта Н.В. Рузского, стала бы отправка поляков на Кавказский фронт, что было признано невозможным во избежание переполнения Кавказа «инородцами»³¹.

Очень часто стереотипность восприятия действительности мешала военному командованию предпринять реальные шаги по предотвращению попадания в плен отдельных категорий солдат. Так, в ноябре 1915 г. М.Д. Бонч-Бруевич отверг предложение МККК объявлять перерывы в боевых действиях для сбора раненых и захоронения погибших, обосновав свою позицию тем, что это приведет к снижению враждебности по отношению к противнику. Резолюция гласила, что «убирать поле боя должны те, за кем оно осталось»³². Тем самым тяжелораненные солдаты и офицеры были обречены командованием на смерть или попадание в руки противника, что в ситуации высокой эпидемической заболеваемости в лагерях было равнозначно гибели.

Примечательной была позиция самого императора по отношению к проблеме пленных. По свидетельству военного министра А. Поливанова, царь одобрил идею о высылке после войны добровольно сдавшихся в Сибирь и раздаче их наделов безземельным солдатам, честно исполнившим свой долг. Для осуждения дезертирства предполагалось использовать авторитет Государственной думы. Подобные меры должны были способствовать приходу на фронт «не заранее готовых сдать элементов, а людей долга»³³.

15 апреля 1915 г. Совет министров принял положение о лишении казенного продовольственного пособия семей нижних чинов, сдавшихся в плен неприятелю без употребления оружия. Ответственность за реализацию этих мероприятий была возложена на военные

31 См.: там же, ф. 2003, оп. 2, д. 761, л. 1–2. Переписка командующего Северного фронта Н.В. Рузского и Ставки, октябрь 1916 г.

32 Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 1209, л. 3. Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта, ноябрь 1915 г.

33 См.: Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний. С. 185.

ведомства, губернаторов, уездных и городских попечителей³⁴. Помимо исключения означенных семей из раздаточных ведомостей, командиры частей и местные власти были обязаны как можно шире оповещать сослуживцев виновного и гражданское население³⁵. В случае, если выяснялись новые обстоятельства, указывающие на ошибочность первоначальных выводов, право семейства на получение пособия подлежало восстановлению.

Стигма потенциальных предателей, распространенная во внутриармейской дискуссии на большинство пленных, создавала значительные препятствия для реализации ими гражданских прав. Многие чиновники предлагали время плена вносить в послужной список как бытность вне службы; гражданским семьям, а также престарелым родителям пленных, которые не могли документально подтвердить факт иждивенчества, отказывалось в получении пособия³⁶. Пенсионным отделом ГШ вопрос о выдаче жалования за время нахождения в плену также решался без учета действительной ситуации, когда военнопленные практически во всех странах насильно привлекались к работам, имеющим прямое или косвенное отношение к военным действиям (например, рытье окопов, строительство дорог в оккупированных областях, изготовление снарядов и т.п.). В России не были внесены поправки в соответствующие нормативные документы, поэтому большая часть военнопленных, задействованных в немецкой системе принудительного труда, заочно лишалась права на получение жалования. Та же небольшая группа, которая не привлекалась к военному производству, могла пользоваться государственным обеспечением. Несмотря на опасения гражданских чиновников, что подобное следование букве закона может разразиться

- 34 См.: ОГАЧО, ф. И-49, оп. 1, д. 5, л. 1. Оренбургскому губернатору, 3.12.1915; л. 65, Циркулярно. МВД Оренбургского губернатора по Губернскому присутствию 2 августа 1916 г. № 59. Уездным и городским попечительствам и гг. земским начальникам. См. также: *Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront*. S. 66.
- 35 См.: РГВИА, ф. 391, оп. 2, д. 101, л. 3. Главкомандующий армиями Северо-Западного фронта, Секретно. 21 октября 1915 г.; ф. 2003, оп. 2, д. 753, л. 92. Газета «Военная летопись», 14 апр. 1916; *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний. С. 185.
- 36 См.: ОГАЧО, ф. И-49, оп. 1, д. 4, л. 29. Переписка по вопросам пособия семьям нижних чинов, попавших в плен, 1916 г.

беспорядками после войны, и предложение выдать жалование всем для «сохранения спокойствия в стране», командование настаивало на расширении списка и исключении из получения пособия не только всех работавших на военных предприятиях, но и добровольно сдавшихся, а также уличенных в плену в «деяниях, приносящих вред родине»³⁷. Точно так же власти игнорировали все попытки общественных организаций упростить порядок засвидетельствования доверенностей для получения семьями жалования и пайка, что «крайне тягостно отражается на интересах тех военнопленных..., которые теперь не могут принять никаких мер к ограждению гражданских прав»³⁸.

Подозрения в измене приводили к ужесточению цензуры почтовых отправок военнопленных. Тщательной проверке подлежал не только текст писем, но и содержание посылок, так как предполагалась возможность передачи в них секретных сведений. Письма, составленные на молдавском, татарском и других языках, проходили дополнительную перлюстрацию в специальных ведомствах³⁹. Все это вызывало значительные задержки отправок, которые для военнопленных являлись вопросами физического и морального выживания. Несмотря на уверения цензоров, что письма из лагерей «в полном смысле слова однообразные и не представляют по своему содержанию интереса»⁴⁰, нормативы перлюстрации не смягчались. Нередко излишнее рвение местных чиновников в выполнении распоряжений центра приводило к возникновению дополнительных барьеров между военнопленными и родиной. Так, военный цензор г. Троицка вымарывал в письмах сообщения об убитых родственниках и знакомых, хотя цензуре подлежали лишь сведения, указывающие на общую потерю в войсках⁴¹.

Военное командование пыталось установить наблюдение и контроль над поведением пленных в лагерях, чтобы собрать сведения

37 ГАРФ, ф. 3333, оп. 1-а, д. 66, л. 31-32, ГУ ГШ. Октябрь 1916 г.

38 РГВИА, ф. 14928, оп. 1, д. 20, л. 5. Резолюция съезда по вопросам правовой защиты интересов военнопленных и их семейств, 1917 г.

39 См.: Там же, ф. 2031, оп. 4, д. 1751, л. 501, 557. Цензура корреспонденции военнопленных, ноябрь 1916 г.

40 ОГАЧО, ф. И-153, оп. 1, д. 2, л. 82. об. Корреспонденция военнопленных, 1915 г.

41 См.: Там же, л. 49. Старшему военному цензору в г. Троицк подполковнику Кучину, 16.08.1915.

для организации суда после их возвращения. Наряду с выдачей военных секретов особо рьяно фиксировались сведения о предательском поведении евреев и высказываниях политического характера, так как близость лагерей к находившимся в Швейцарии политическим эмигрантам вызвала у властей подозрения в революционном настрое пленных и их возможном участии в организации восстания в России после войны⁴².

Пристальное внимание высших военных органов привлекали пленные, которым удалось бежать из лагерей противника и перейти линию фронта. Активное участие в их судьбе объяснялось противоположными мотивами: с одной стороны, они рассматривались как носители сведений о враге и настроениях миллионной массы пленных, а также в качестве возможного средства внутренней пропаганды; с другой — воспринимались как потенциальные германские агенты. Эта двойственность определила неоднозначную систему мероприятий по отношению к данной категории. Положение о солдатах, бежавших из плена, предполагало предварительную проверку причин сдачи путем опроса самого бежавшего и командира его части. Только после формального снятия подозрений в измене вернувшемуся могло быть выплачено жалование и единовременное пособие в размере 25 рублей. Многие награждались за побег Георгиевским крестом и представлялись общественности как образец героического поведения, которому должны следовать все солдаты и офицеры, попавшие в плен.

Бежавшие использовались военным командованием в качестве источника оперативной информации о местонахождении военных объектов, причем в случае предоставления ценных сведений им полагалось денежное вознаграждение⁴³. Наибольшую часть опросных листов занимали вопросы об экономическом состоянии вражеских стран, человеческих ресурсах и настроениях мирных жителей. На

42 См.: ГАРФ, ф. 3333, оп. 1-а, д. 90, л. 9. Опросный лист вернувшихся из Германского плена, 1917 г.; РГВИА, ф. 2031, оп. 4, д. 1793, л. 3. Сводка о преступных деяниях наших пленных в неприятельском плену, 13.10.1917; ф. 2031, оп. 1, д. 1020, л. 7. Сводка сведений о внутреннем состоянии Германии по показаниям бежавших из плена, 1915 г..

43 См.: ГАРФ, ф. 3333, оп. 1-а, д. 66, л. 12–15. Результаты опроса бежавших из плена, ноябрь 1915 г.

основе полученных данных, подтверждавших материальные лишения и моральный упадок населения Центральных держав, составлялись памятки для внутреннего пользования и пропагандистские публикации в прессе, убеждавшие общественность в неотвратимости скорой победы. Кроме того, сообщавшаяся бывшими пленными информация использовалась при создании листовок на немецком языке, нацеленных на деморализацию армии противника сообщениями об «истинном» бедственном положении тыла. Часть показаний, которая в негативном ключе описывала судьбу русских пленных в германских лагерях, включалась в распространяемые в войсках воззвания, предупреждавшие от сдачи в плен⁴⁴.

Особое место в опросных листах занимала информация о попытках неприятеля «склонить наших пленных евреев, малороссов, магометан к измене России». Бежавшие из лагерей, где по сведениям властей велась усиленная национальная пропаганда, задерживались; несколько месяцев за ними велось наблюдение, и только при отсутствии доказательств признавалось возможным их отправление в запасные части⁴⁵.

Несмотря на официальное поощрение совершивших побег, каждый вернувшийся из плена солдат или офицер вызывал у представителей высших армейских органов подозрение в причастности к шпионажу, причем не последнюю роль в закреплении данного стереотипа сыграл скандал вокруг военного министра В.А. Сухомлинова⁴⁶. Представители ГУ ГШ были убеждены, что «побег в принципе невозможен». Соответственно, бежать пленные могли только при помощи самих немцев, направляющих их в Россию для сбора стратегической информации. Предполагаемая схема подобного рода шпи-

44 См.: РГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1027, л. 7. Ответ Штаба главнокомандующего армиями Северного фронта на запрос ЧСК; д. 1028, л. 46. Протоколы опросов бежавших из плена, февраль 1916 г.; д. 745, л. 320. Листовка «К солдатам германской армии» (нем.)

45 См.: ГАРФ, ф. 3333, оп. 1-а, д. 66, л. 47. Докладные записки о бежавших из плена, январь 1917 г.; РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 545, л. 540. О бежавших из плена нижних чинах, май 1916 г.; ф. 2031, оп. 4, д. 1751, л. 8. Протокол опроса военнопленных, ноябрь 1916 г.

46 См.: Шацилло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова // ВИ. 1967. № 4. С. 103–116; Филюшкин А. «Рус, не спи в гробу!» Борьба со шпионажем в первую мировую войну // Родина. 2000. № 1. С. 55–59.

онской деятельности подразумевала в дальнейшем повторный уход в плен для передачи сведений врагу. Нередко катализатором шпиономании становились сестры милосердия, посещавшие лагеря военнопленных с гуманитарной миссией Красного Креста. Так, сестра А. Романова в феврале 1916 г. сообщила, что в ближайшем будущем австрийские власти предоставят возможность побега тридцати русским пленным, которые после возвращения в Россию должны уничтожать железные дороги и заводы. На основе этого предупреждения ГУ ГШ по прямому проводу передало всем частям секретное сообщение, призывающее относиться в будущем с вниманием и осторожностью ко всем беглецам⁴⁷. Было признано необходимым опрашивать все категории лиц, прибывающих из-за границы, включая не только бежавших из плена, но и подлежавших обмену инвалидов, врачей и священников. Одновременно между командующими армий и ГУ ГШ велась интенсивная переписка о необходимости отправлять всех вернувшихся из германского плена на Кавказский фронт под благовидным предлогом спасения их от репрессий в случае возможного повторного попадания к врагу. В итоге было принято решение направлять бежавших в надзорные команды за неприятельскими военнопленными⁴⁸.

При возникновении вопроса о возможном индивидуальном обмене представителей высшего офицерства во внутриармейской дискуссии первоначально возобладала точка зрения, что «нужно обменивать субъективно только тех, кто представляет для нас интерес», поэтому после личных обращений из лагерей в часть из ГШ направлялся запрос: «представляется ли обмен необходимым для штаба или же названный штаб заинтересован в судьбе упомянутого генерала в такой же степени, как и всеми прочими чинами нашей армии, томящимися в плену во вражеских странах». В общем же на позицию по вопросам личного обмена повлиял простой арифметический расчет: «пленных германских генералов у нас вовсе нет, почему

47 См.: РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 545, л. 387. Ставка, секретно по прямому проводу, февраль 1916 г.

48 См.: ГАРФ, ф. 3333, оп. 1-а, д. 66, л. 45, 57. Положение о солдатах, бежавших из плена, 1916 г.; РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 546, л. 32. Дела о военнослужащих, бежавших из германского и австрийского плена; д. 545, л. 241. Рапорт о бежавших из плена, 1915 г.

пришлось бы освободить двух или трех штабных офицеров, каковых у нас всего 15 человек». Иначе мог быть решен вопрос об обмене пленных, содержащихся в австрийских лагерях, ведь «...при условии нахождения у нас гораздо большего числа пленных офицеров австрийцев, чем наших в Австрии, личный обмен для нас выгоден». Однако и в этом случае подавляющее большинство представителей командования, ссылаясь на «высочайшее указание о нежелательности личных обменов военнопленными с Германией», определило предполагаемые переговоры по вопросу обмена как «унижение перед немцами ... и раздачу авансов», о чем «не могло быть и разговора»⁴⁹.

Восприятие военнопленных в качестве предателей и изменников, преобладание государственных интересов над гуманитарными соображениями стали причиной провала организации материальной и политической поддержки, отказа от полномасштабного использования дипломатических возможностей нейтральных государств.

МЕЖДУ СТИГМОЙ И ВСЕПРОЩЕНИЕМ: ДВОЙСТВЕННОСТЬ ПОЛИТИКИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Временное правительство, в состав которого вошли видные деятели общественных организаций, начало свою деятельность в решении вопроса о военнопленных с заявления о снятии с них стигмы предателей и изменников, наложенной прежним режимом: «В новой России — иное отношение к военнопленному ее гражданину. С него решительно снято всякое подозрение, к нему — сострадание, любовь и признательность»⁵⁰. Для легитимации новой власти в глазах миллионной массы военнопленных в лагерях была развернута программа лекций о политическом положении в свободной России. Военный министр А.Ф. Керенский обращался к солдатам, содержащимся за колючей проволокой, с письменным призывом «сохранять спокойствие и поддерживать порядок» в надежде, что «скоро создадутся условия, даю-

49 См.: там же, д. 548, л. 31. Дежурный генерал при верховном главнокомандующем Кондзеровский, 3.12.1916.

50 Русский военнопленный. 1917. № 1.

щие возможность всем вернуться в пределы свободного Отечества»⁵¹. Военнопленные были объявлены невинными жертвами царизма, а новое правительство пообещало развернуть полномасштабную программу материальной помощи и политической поддержки. В надежде сформировать лояльность бывших пленных глава правительства князь Г.Е. Львов лично приветствовал группы вернувшихся врачей и инвалидов и предлагал им в целях пропаганды наступления оповещать русское общество о жестокостях германской стороны⁵².

Однако вскоре представители нового режима столкнулись с проблемой массовой сдачи солдат в плен, особенно во время летнего наступления 1917 г. И если попавшие к противнику при царском правительстве оставались по определению жертвами строя, то дезертирство из армии нового «свободного» государства однозначно оценивалось как предательство. Это «страшное» явление породило в среде общественных деятелей вопрос, занимавший их предшественников на государственных постах: «Неужели обманутая родина должна помогать и им?»⁵³

Пересмотрев первоначально объявленный принцип всепрощения, общественные и государственные организации при Временном правительстве вернулись к испытанным методам устрашения для предотвращения массового перехода к противнику. 18 июня 1917 г. было опубликовано постановление о сборе сведений о добровольно сдавшихся. Заседание ЦК по делам военнопленных при Главном управлении Российского общества Красного Креста (далее — ГУ РОКК), на котором присутствовали представители общественных организаций, постановило, что «чины воинских частей, позорно сдавшихся в плен, за исключением лиц, о коих будут получены сведения противоположного характера, не подлежат защите и помощи со стороны Красного Креста и подведомственных ему учреждений»⁵⁴. Кроме того, было принято решение возбудить перед правительством вопрос о прекращении приема корреспонденции от сдав-

51 ГАРФ, ф. Р-5832, оп. 1, д. 2, л. 292, лагерь Хорсеред, июнь 1917 г.

52 См.: *Жданов Н.* Русские военнопленные. С. 105.

53 Русский военнопленный. 1917. № 4.

54 РГВИА, ф. 14928, оп. 1, д. 18, л. 33. Выписка из журнала заседания ЦК по делам военнопленных при Главном управлении РОКК. 28.7.1917.

шихся и обратиться в ГШ с просьбой о сообщении поименных списков. Только замечание представителя Министерства почт и телеграфов о невозможности практического осуществления данной меры остановило деятелей в излишнем служебном рвении.

Как и в предыдущий период, военным командованием велся сбор сведений о «преступных деяниях» пленных в лагерях. При этом признавалось, что речь может идти «не о возбуждении уголовного преследования, и вообще не о каком-либо суде, но лишь об осведомлении подлежащих начальников о проступках, совершенных их бывшими подчиненными»⁵⁵. Шпиономания и подозрительное отношение к национальным меньшинствам, распространявшиеся ранее на категорию бежавших, были перенесены на инвалидов. Так, во внутриведомственной переписке сообщалось, что с партиями инвалидов прибывают «пышущие здоровьем евреи, поляки, украинцы ... со специальными полномочиями со стороны германского правительства, либо с целью шпионажа»⁵⁶. Бежавшие из плена лишались возможности вернуться в свои части и активно использовались для комплектования городской милиции обеих столиц⁵⁷.

Не произошло значительных качественных изменений в позиции власти по вопросу обмена, хотя следует отметить более интенсивный характер репатриации инвалидов и достижение соглашения о возвращении интернированных в нейтральных странах в Россию⁵⁸. Независимо от ранга пленного и его физического состояния, Временное правительство отказывалось от личных обменов и заключения единичных соглашений о взаимном интернировании лиц⁵⁹, полностью отдав организацию освидетельствования инвалидов на откуп МККК. По свидетельству главы Московского городского комитета помощи воен-

55 Там же, ф. 2031, оп. 4, д. 1793, л. 1. Сводка Дегенверха о преступных деяниях наших пленных в неприятельском плену, 13.10.1917.

56 ГАРФ, ф. 3333, оп. 1-а, д. 66, л. 155. О прибывающих из плена инвалидах, 6.09.1917.

57 См.: там же, л. 64. О досрочно вернувшихся из плена, 6.4.1917.

58 См.: ГАРФ, ф. Р-6119, оп. 1, д. 3, л. 157. С.Боткин в лагерь Хорсеред о возвращении интернированных инвалидов, 22.6.1917.

59 См.: там же, д. 176, л. 2. Отчет о конференции по обмену военнопленных, 6–19 октября 1917 г.; РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 553, л. 3, ГУ ГШ об обмене интернированных и инвалидов, 9.08.1917.

нопленным (далее — МГК) Н.М. Жданова, даже после Февральской революции сохранялось «истинно бюрократическое отношение» власти к интересам военнопленных. Представитель МИД в октябре 1917 г. с удовлетворением отчитался перед Первым всероссийским съездом представителей организаций и учреждений помощи военнопленным в том, что баланс обмена пленными остался «в нашу пользу». Кроме того, он упомянул об отрицательном ответе властей на предложения противника начать обмен здоровыми, которые пробыли в плену несколько лет: «Мы не можем до сих пор согласиться, так как мы усилили бы этим мощь наших врагов, которые нуждаются в каждом штыке. Сами Англия и Франция заключили подобное соглашение, но надо иметь в виду, что наши союзники в данном вопросе в совершенно другом отношении, чем мы, так как они нуждаются в каждой силе»⁶⁰.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ СТАРОЙ АРМИИ В ПЛАНАХ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

С начала войны находившиеся в изгнании революционеры являлись единственной политической силой, определившей миллионную массу военнопленных в качестве потенциального объекта своей пропаганды⁶¹. Из Швейцарии Комитет заграничной организации большевиков (далее — КЗО), включая В.И. Ленина, Н.К. Крупскую, И. Арманд, Г.Л. Шкловского, активно снабжал лагеря пропагандистской литературой и распространял собственный журнал для пленных «На чужбине». На страницах этого издания, а также в отдельных листовках разъяснялись «истинные» цели войны и ее характер, а пленные призывались использовать «невольный досуг для подготовки к великой работе!»⁶². Заключение убеждались в том, что только большевики заинтересованы в их спасении и возвращении на родину. Попытка

60 Цит. по: Жданов Н. Русские военнопленные. С. 96.

61 Более подробно см.: Мальков А.А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии (1915–1919). Казань, 1971; Иванов В.Ф. Деятельность В.И. Ленина, партии большевиков и советского правительства среди русских военнопленных (конец 1914–1922). Автореферат диссертации на соискание степени к.и.н. — Днепропетровск, 1980; Щеров И.П. Миграционная политика в России, 1914–1922. — Смоленск, 2000.

62 На чужбине. 1917. № 1.

сбора денег в лагерях на революционную литературу не увенчалась успехом. К тому же многие военнопленные принимали пропагандистскую организацию за очередной благотворительный комитет и слали просьбы о снабжении продовольственными пакетами. Агитационная работа в какой-то мере удавалась в тех лагерях, куда попали старые партийцы. Ярким примером являлся лагерь Альтенграбов, где содержался бывший депутат Госдумы от большевиков Р.В. Малиновский.

Сходную деятельность развернули эсеры-эмигранты, выпускавшие журнал «В плену» и распространявшие в лагерях пропагандистскую литературу⁶³. Между партиями даже возникла определенная конкуренция: под видом обмена информацией Шкловский пытался получить список адресов лагерей и рабочих команд, составленный эсерами⁶⁴. В целом же интенсивность пропаганды зависела от немецкой стороны, проводившей двойственную политику. Центральные военные и политические органы поощряли деятельность агитаторов в лагерях. Однако комендатуры, опасавшиеся распространения левых идей за пределами колючей проволоки, изымали листовки и брошюры подозрительного содержания. К тому же, пропагандисты рассматривались как шпионы, которые «в союзе с немецкими элементами будут пытаться разрушить предприятия, участвовать в стачках или бежать из лагеря»⁶⁵. Литература агитационного характера исчезала из библиотек в ходе визитов нейтральных комиссий в лагерь, так как пропаганда среди пленных строго запрещалась международными соглашениями⁶⁶.

После прихода к власти в России большевики стремились монополизировать процесс репатриации, оттеснив от него многочислен-

63 По данным охранного отделения, уже в декабре 1914 г. В.М. Чернов провозгласил лозунг: «Пленники — наша армия». См.: Колоницкий Б. Эмиграция, военнопленные и начальный этап германской политики «революционизирования» России (август 1914 — начало 1915 г.) // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли / Ред. Б.В. Ананьич. — СПб., 1997. С. 200; *Sergeev E. Kriegsgefangenschaft und Mentalitaeten. S. 361.*

64 См.: РГАСПИ, ф. 351, оп. 1, д. 160, л. 24; д. 161, л. 2. Переписка КЗО РСДРП с лагерями военнопленных, 1916 г.

65 BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K., Nr. 275, Sitzungsprotokol, 29.6.1917.

66 См.: Колоницкий Б. Эмиграция, военнопленные и начальный этап германской политики «революционизирования» России. С. 202, 210.

ные благотворительные организации. Новое правительство выражало уверенность, что благодаря массовой пропаганде возвращающиеся военнопленные приобретут правильную классовую позицию и нужное политическое сознание: «При новой политической ситуации должен быть развернут агитационный аппарат для идейного привлечения военнопленных на сторону Советской республики, а также предостережения против контрреволюционной Вандеи а-ля чехословаки в силу нарастающего социалистического кризиса в Германии»⁶⁷. Созданное позже в Берлине Бюро по делам военнопленных, которое в соответствии с соглашениями между Германией и Советской Россией получило возможность влиять на внутреннюю жизнь лагерей, основной упор в своей деятельности делало на формирование лояльного отношения пленных к новой власти. Всем лагерям предписывалось принять участие в празднованиях годовщин пролетарской революции, неделях «Красной армии» и «Просвещения», проводимых в соответствии с четким планом, который включал групповые экскурсии в ближайшие образцовые хозяйства, дни спорта, лекции, конкурсы лозунгов и плакатов с заранее определенными темами («Красноармейский штык — выразитель серпа и молота», «Да здравствуют вожди мирового пролетариата — Ленин, Троцкий и Зиновьев» и др.)⁶⁸.

Помимо намерений использовать военнопленных в качестве резервуара человеческих ресурсов, большевистское правительство рассматривало репатрируемых солдат и офицеров как инструмент достижения международного признания и средство давления на европейские правительства и МККК. Согласно внутриведомственной переписке, «при регистрации возвращавшихся первенствующее значение получили соображения и цели государственные, а не частноправовые»⁶⁹. Одной из основных проблем

67 ГАРФ, ф. 3333, оп. 10, д. 10, л. 16–17. Докладная записка С.М. Семкова о деятельности бюро военнопленных при Генеральном консульстве РСФСР в Берлине с апреля по октябрь 1918 г.

68 См.: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 4, л. 5. О праздновании 1 мая в лагерях военнопленных и интернированных, 1921 г.; ф. 9491, оп. 1, д. 206, л. 68. Инструкции Бюро лагерям о праздновании годовщины Российской пролетарской революции, 1920 г.

69 ГАРФ, ф. 3333, оп. 6, д. 11, л. 41. Статистический отдел Центропленбег, 23.6.1918.

в переговорах с немецкой стороной виделось возмещение за содержание военнопленных. Выставленные немецким правительством требования вернуть 1,5 млрд марок казались советским ведомствам необоснованными, так как эта сумма, якобы, не учитывала стоимости продукции, произведенной пленными при работе на немецких предприятиях⁷⁰.

На основании собственного учета советская сторона пыталась сократить размер выплат. Число рабочих дней и размер их оплаты устанавливались путем опросов на распределительных пунктах, «чтобы располагать анкетным материалом для оспаривания чрезмерных притязаний по содержанию наших пленных»⁷¹. С этой же целью репатрируемые, потерявшие трудоспособность на немецких предприятиях, должны были предоставить максимальное количество сведений для предъявления денежных претензий к Центральным державам. В Москве, Петрограде и других городах были организованы опросные пункты по сбору сведений относительно условий плена, неуплаты содержания и жестокого обращения на принудительных работах. Согласно отчетам, было заполнено около 80 тыс. анкет, в том числе 20 тыс. прошений о пенсиях, которые распределялись по категориям и направлялись соответствующим правительствам⁷². Некоторое время среди партийных функционеров были распространены идеализированные представления о возможности еще до отправки на родину вылечить значительное число больных военнопленных за счет немецкой стороны⁷³. Возникшие внешнеполитические трудности затянули решение вопроса о возмещении вплоть до 1922 г., когда при подписании Рапалльского договора стороны полностью отказались от взаимных претензий

70 РГВИА, ф. 14928, оп. 1, д. 23, л. 1–9. К вопросу о расчетах России и Германии за содержание военнопленных, 1918 г.

71 ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 95, л. 27–31; оп. 6, д. 30, л. 6. Пояснительная записка к проекту регистрационной карточки, 1918; оп. 8, д. 34, л. 1–19. Удостоверения об изуучении на военных работах трех русских военнопленных: П. Киякина, П. Козерова, С. Копозовского, 22.10.1918; д. 37, л. 79. В бюро о военнопленных при Генеральном русском консульстве. 27.8.1918.

72 ГАРФ, ф. 3333, оп. 19, д. 1, л. 107–108, Обзор материалов, относящихся к деятельности правового отдела Центропленбежа.

73 Известия русского бюро военнопленных. 1920. № 1.

по данному вопросу. Так, идея о выплате Германией компенсаций военнопленным была принесена в жертву внешнеполитической конъюнктуре.

I.3. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВЕДОМСТВА И ОРГАНИЗОВАННАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ РОССИИ В ВОПРОСЕ ПОМОЩИ ВОЕННОПЛЕННЫМ

Как и все страны, вступившие в Первую мировую войну, Россия не обладала подготовленными к условиям современной войны институтами мобилизации. И если в июльские дни 1914 г. в обеих столицах сложился хрупкий патриотический консенсус, то первые поражения в Восточной Пруссии и отступление 1915 г. выявили ограниченную волю к сопротивлению солдат на фронте и быстро разрушили структуры гражданского мира в тылу⁷⁴. Необходимость легитимации нового уровня насилия и контроля вызвала к жизни интенсивную коммуникацию между государством и обществом для объяснения целей войны, ее длительности и массового характера жертв. Параллельно между властью и организованной общественностью возникла своеобразная конкуренция по вопросу оптимизации ведения войны, в том числе помощи русским солдатам и офицерам в плену.

«ДЕЛО НАШИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НАЧАЛОСЬ С НЕДОРАЗУМЕНИЯ»:⁷⁵ ОРГАНИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

С начала войны деятельность по оказанию материальной помощи военнопленным регулировалась не столько официальными распоряжениями, сколько секретными директивами военной цензу-

74 См.: *Beysrau D.* Der Erste Weltkrieg als Bewaehrungsprobe. S. 100–101.

75 *Жданов Н.* Русские военнопленные в мировой войне. С. 173.

ры⁷⁶. Главным аргументом против организации обширной программы сбора и отсылки продовольствия оставались соображения армейской дисциплины. Генерал А.Н. Куропаткин напоминал государственным чиновникам, ратовавшим за образование разветвленной сети общественных организаций помощи, что «в военной среде сам по себе плен считается явлением позорным, ...все случаи сдачи в плен подлежат расследованию после войны и наказанию в соответствии с законом»⁷⁷. В унисон ему М.В. Алексеев призывал запретить публикацию в газетах объявлений о сборах, так как «пленные находятся в условиях жизни более сносных, чем защитники Родины на фронте, которые ежеминутно подвергаются смертельной опасности». Массовый переход к врагу, по мнению генерала, останавливали до сих пор только сведения о голоде и жестоком обращении со сдающимися в лагерях. Сообщения о сборе денег и организации помощи настроили бы «малодушных, не усвоивших понятие долга, на сдачу». К тому же, собранные средства сократили бы «затраты немцев на содержание наших пленных»⁷⁸ и позволили направить высвободившиеся ресурсы на ведение войны. Активными реципиентами позиции военного командования стали некоторые представители общественности, признавшие «широкие ассигнования на улучшения быта военнопленных рискованными, так как они могут вызвать у слабовольных элементов нашей армии представление, что государство относится снисходительно к таким нежелательным явлениям, как сдача в плен здоровых солдат, между тем как с таким представлением нужно всячески бороться»⁷⁹.

В призывах наладить отправку продовольственной помощи в лагерь военное командование видело происки врага. Генерал Н.В. Руз-

76 Первым документом, затрагивающим вопросы плена, стало «Положение о военнопленных» от 16 октября 1914 г. Основная часть статей в нем была посвящена различным аспектам содержания солдат и офицеров противника, и только п. 4 ст. 20 касался собственных пленных в связи с регламентацией функционирования Справочного бюро о военнопленных. См.: *Альбат Г.П.* Сборник международных конвенций и правовых распоряжений о военнопленных. — М., 1917. С. 48, а также *Moritz V.* Zwischen Nutzung und Bedrohung. Die russischen Kriegsgefangenen in Oesterreich-Ungarn (1914–1921). Bonn, 2005. S. 145, 147.

77 РГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 745, л. 149. А. Куропаткин М. Алексееву, 26.5.1916.

78 Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 545, л. 272, М. Алексеев М.Д. Горемыкину, 1915 г.

79 Цит. по: *Жданов Н.* Русские военнопленные. С. 179.

ский высказал предположение, что противник после установления запрета на вывоз из России хлеба всяческими способами пытается возобновить поставки, распространяя через своих агентов в России слухи о голодном состоянии пленных в Германии и их крайней нужде в сухарях. Генерал указывал, что русские почтовые учреждения из сострадания делают исключения и пропускают «несколько тысяч громоздких посылок в день», тем самым невольно работая на врага. Представители ГШ инициировали проверку на предмет существования тайной организации противника по пересылке сухарей, направив запросы в Комитет Красного креста, сотрудникам которого пришлось апеллировать к примеру пленных англичан, регулярно и в большом количестве получавших нетронутые пакеты со свежими бисквитами, шоколадом и сигаретами. Главы заграничных комитетов помощи также подтвердили, что имеют достоверные сведения об исправном получении пленными посылок, и настаивали на снятии ограничений. В большей степени военных успокоил расчет, что отправка даже 90 тысяч фунтов сухарей ежедневно представляла бы для Германии незначительную пользу, поэтому запрет через определенное время был снят⁸⁰.

К этому времени посылочная дискуссия уже вышла за пределы внутриведомственной переписки: в нее включились ревнители государственных интересов в гражданских инстанциях, общественных организациях и печатных изданиях. В ответ на секретное письмо начальника штаба от 29 июля 1915 г. за № 1067 о запрете на пересылку сухарей начальник управления почт и телеграфов отметил, что на имя пленных «через одну только Москву проходит от 20 до 30 пудов сала» и предложил задерживать подобные отправления⁸¹. Распространяемые среди населения инструкции о почтовых сношениях с военнопленными предупреждали жителей сельской местности от посылки им предметов, которые «могли бы пригодиться врагу: меди, жести, кожи для сапог»⁸². Представители общественных организаций сетовали, что под влиянием этой агитации в обществе создава-

80 См.: РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 545, л. 167, 170, 183., Переписка ГУ ГШ с ГУ почт и телеграфов, июль-август 1915 г.

81 Там же, л. 182, ГУ ГШ, 7 июля 1915 г.

82 ВЗС. О помощи находящимся в плену русским воинам. — М., 1915. С. 14.

лось устойчивое ошибочное представление, что посылки военнопленным не доходят до адресатов, так как конфискуются германским правительством⁸³. Это удерживало большинство родственников от отправления продовольственных пакетов и усугубляло и без того кризисную ситуацию в деле помощи военнопленным.

На местах военным цензорам было отдано секретное распоряжение «экстренно» объявить редакторам местных газет о недопустимости любых воззваний и объявлений о публичных сборах денег в пользу военнопленных⁸⁴. Во избежание недовольства среди родственников редакторы были обязаны предоставить расписку о неразглашении данного постановления. Единственной мерой, которая с точки зрения представителей армии и государства могла быть предпринята в качестве демонстрации населению участия власти в судьбе своих пленных подданных, была признана политика репрессий по отношению к пленным противника, содержащимся в лагерях России: сокращение пайка или прекращение выдачи мяса⁸⁵.

Позиция военных и политических органов по вопросам помощи во многом определила деятельность общественных организаций. Уже 21 июня 1914 г. при ГУ РОКК было образовано Справочное бюро о военнопленных, однако его потенциал оказался недостаточным для нормальной работы. Нейтральные организации, а также деятели отечественных комитетов отмечали излишнюю медлительность Бюро, которая оборачивалась многомесячным ожиданием запрошенной справки⁸⁶. Центральные державы были вынуждены встать на путь угроз и взаимных репрессий, чтобы добиться ускорения процедуры. И только через несколько месяцев после начала работы в структуре Бюро появились отдел регистрации, который получал списки из Центральных держав и нейтраль-

83 См.: Вестник права. 1915. № 49.

84 См.: ОГАЧО, ф. И-153, оп. 1, д. 3, л. 118, Военному цензору г. Троицка. Секретно, 3.06.1916.

85 См., например: РГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 745, л. 149, А. Куропаткин М. Алексе-
еву, 26.5.1916; а также Зауральский край. 1916. 20 апр; 1917. 24 мая / *Суржи-
кова Н.В.* Коллизии уральского плена в зеркале региональной печати (1914–
1917) // Проблемы отечественной истории: источники, историография, ис-
следования. — СПб., 2008. С. 90–121.

86 См.: *Жданов Н.* Русские военнопленные. С. 336.

ных стран и вел картотеку, и справочный отдел, осуществлявший переписку с родственниками пленных⁸⁷.

Спустя год после начала военных действий был образован Центральный комитет помощи военнопленным при РОКК⁸⁸, находившийся под покровительством Александры Федоровны и именовавшийся в обиходе «комитетом императрицы». При оповещении общественности о начале работы данного органа князь Н.Д. Голицын в качестве своей главной задачи продекларировал «создание такого порядка сношений с военнопленными, который бы гарантировал в том, что ни одна посылка не попадет в руки врагов»⁸⁹. При этом не были упомянуты интересы самих военнопленных или мероприятия политической поддержки. Деятели Центрального комитета настаивали на своей первенствующей роли и вместо координации мероприятий и объемов помощи вступили в жесткое противостояние с общественными организациями, которое продлилось вплоть до февраля 1917 г. и отрицательно повлияло на судьбу сотен тысяч пленных. По (субъективному) мнению представителей негосударственных благотворительных организаций, «Комитет императрицы поставил работу так, что даже при громадных средствах, которыми он обладал, он не мог развиваться и встать в то положение, в котором он мог бы действительно обеспечить военнопленных всем, что им необходимо. Это была чисто дилетантская работа»⁹⁰. Сами представители комитета признавали свои усилия по организации продовольственной помощи недостаточными и не сумели в полном объеме использовать возможности нейтральных стран для увеличения ее масштабов. Напротив, в 1915 г. при переговорах со шведской стороной они пошли на сокращение одной из партий, «чтобы подарки попали к Рождеству»⁹¹.

Деятельность Центрального комитета осложнялась наличием множества дублирующих структур в крупных государственных и во-

87 См.: *Овчинников И.А.* Центральное справочное бюро о русских военнопленных, находящихся в неприятельских странах. Пг., 1916.

88 *Moritz V.* Zwischen Nutzung und Bedrohung. S. 145.

89 Цит. по: Наш вестник. 1915. № 34.

90 *Жданов Н.* Русские военнопленные. С. 174.

91 Вестник Красного Креста. 1916. № 1. С. 115.

енных учреждениях при отсутствии разделения компетенций. Собственный отдел по вопросам военнопленных в конце декабря 1915 г. был создан при МИД, в 1916 г. при ГУ ГШ возник отдел эвакуационный и по заведованию военнопленными⁹², который помимо размещения и содержания иностранных подданных отвечал за прием и транспортировку вернувшихся из Центральных держав инвалидов и бежавших. Сотрудники всех государственных институтов помощи были ограничены в возможности брать на себя инициативу и ответственность заключения каких-либо соглашений по изменению порядка содержания военнопленных, а также были вынуждены учитывать общую внешнеполитическую обстановку и внутривнутриполитическую конъюнктуру.

После снятия полуофициального запрета на деятельность в сфере помощи военнопленным весной 1915 г. центром публичной активности стала Москва, нередко противопоставлявшая себя северной столице. Наиболее активной структурой, распространившей свою деятельность на всю территорию России и за границей, стал МГК. Примечательно, что он быстрее государственных организаций наладил контакты с немецкой стороной и получил из Берлина официальное разрешение на оказание помощи пленным при контроле комендатур⁹³. Осенью 1915 г. в здании Московской городской думы начал свою деятельность хозяйственный отдел МГК, вся работа которого держалась на плечах добровольного женского персонала. Позже владелец торгового дома Л.Л. Катуар предоставил отделу помещение, оборудование и постоянно поставлял продукты. По примеру предпринимателя пожертвования вносились частными обществами и товариществами («Караван», «Кузнецов и К» и др.), а также крестьянами отдельных деревень⁹⁴. Кроме того, при МГК возникли отдел по сбору книг и отдел общения русского военнопленного с семьей и родиной. По его инициативе 1 ноября в городе был проведен однодневный сбор пожертвований, в ходе которого было роздано 300 тыс. листовок и собрано около

92 *Moritz V. Zwischen Nutzung und Bedrohung. S. 145.*

93 Значительно позже подобную аккредитацию сумел получить Центральный комитет РОКК. См.: SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6910. PKMIN. 12.1915.

94 РГВИА, ф. 14928, оп. 1, д. 8, л. 1, Московский городской комитет помощи военнопленным, 1916 г.

100 тыс. рублей⁹⁵. Комитету удавалось привлечь к своей деятельности людей, хорошо знакомых с положением и нуждами пленных. С ним сотрудничали побывавшие в Центральных державах с инспекциями сестры милосердия, через которых многим пленным удалось передать доверенности на получение семьями пособий, а также личные просьбы об устройстве дел, материальной помощи и правовой защите⁹⁶.

Важной составляющей деятельности МГК стала юридическая помощь родственникам военнопленных. Функционеры комитета отмечали, что процесс утверждения доверенностей обрастал многочисленными бюрократическими препонами. Ответственные чиновники не только сами не занимались включением родственников в соответствующие списки, но и после запросов общественных организаций требовали визирования доверенностей в испанском представительстве в Германии. В целях информирования родственников и самих пленных юридический отдел МГК систематизировал существующие постановления и издавал специальные сводки в виде плакатов, рассылаемых во все заинтересованные организации и в лагеря. Кроме того, для различных категорий родственников и ситуаций в комитете были разработаны трафаретные письма, которые должны были облегчить получение необходимых документов⁹⁷.

Собственные отделы помощи военнопленным с соответствующими отделениями на местах возникли при Главном комитете Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов (далее — ГК ВЗС и ВСГ). Они занимались сбором пожертвований, принимали заказы на изготовление и доставку в лагеря стандартных продуктовых пакетов из России и нейтральных стран⁹⁸. ВЗС также занимался

95 Русский военнопленный. 1 июня 1917 г. № 2. С. 2.

96 РГВИА, ф. 14928, оп. 1, д. 5, л. 1–31. Переписка и ответы на просьбы русских военнопленных, 1916–1917 гг.; д. 7, л. 63. Журнал дел и документов сестры милосердия А. Тарасевич, 1916–1917 гг.

97 Там же, д. 6, л. 2. Журнал просьб военнопленных, 1916 г.; д. 20, л. 5–11. Подготовительные документы и Резолюция съезда общественных организаций по вопросам правовой защиты интересов военнопленных и их семейств, 1917 г.; д. 22, л. 8–9. Доклад о деятельности юротдела МГК, 1917 г.

98 Там же, ф. 12564, оп. 1, д. 985. Плакат Отдела помощи военнопленным при ГК ВЗС; ф. 12593, оп. 1, д. 2064, л. 2. Положение об отделе помощи русским военнопленным при ВСГ, 1915 г.

просветительской деятельностью среди населения. В распространявшихся на местах плакатах доходчиво разъяснялись вопросы получения справок о местонахождении пленного (при этом подчеркивался бесплатный характер данных сведений), отправления денежных переводов и посылок, указывались запрещенные цензурой темы писем⁹⁹. Отдельные акции по сбору сухарей для военнопленных устраивали общество «Частная помощь нуждам войны», Союз сестер милосердия Кишинева и др.¹⁰⁰ Особым направлением общественной активности стало снабжение лагерей книгами, учебниками и пособиями. Массовой отсылкой и выполнением индивидуальных заказов занимались Общество Герцена и Лозаннский комитет помощи¹⁰¹.

Инициатива помощи снизу, исходившая от родных военнопленных или от благотворительных комитетов, часто наталкивалась на препятствия со стороны местных властей. Например, акмолинский губернатор ограничивал деятельность омской организации, требуя, чтобы «она помогала только тем военнопленным, кто свято исполнил свой долг перед Отечеством». Фактически общественные организации не могли выполнить этого условия, так как не имели возможности разбираться в причинах попадания к противнику отдельных лиц. Например, волынский губернатор вплоть до апреля 1915 г. вообще запрещал создание комитета помощи¹⁰².

Общественные организации пытались преодолеть возможное негативное отношение к пленным со стороны политических органов, армии и широкой публики. В тексты обращений включались

99 ГК ВЗС. Циркулярно. В губернские, уездные и областные комитеты ВЗС. 19 ноября 1915 г.; ВЗС. О помощи находящимся в плену русским воинам. — М., 1915; ВЗС. Отдел помощи ВП. Обращение Главного комитета ВЗС ко всем земским комитетам организовать на местах постоянный сбор сухарей. — М., 1915; ВЗС. Об организации помощи русским ВП. В губернские, уездные и областные комитеты ВЗС. — М., 1915; ГК ВЗС. Отдел помощи военнопленным. 3 августа 1916 г. Циркулярно. В Губернские, областные и уездные комитеты ВЗС.

100 ГАРФ, ф. 3333, оп. 1-а, д. 66, л. 5, в ГУ ГШ, 12.4.1916; ф. 3341, оп. 1, д. 223, л. 8–55. Переписка ЦК помощи военнопленным с местными организациями, 1917 г.

101 См.: Там же, ф. Р-199, оп. 1, д. 12, л. 1. Устав общества Герцена, принятый 29.9.1917; ф. Р-6169, оп. 1, д. 76, л. 1. В отдел помощи русским военнопленным в Лозанне, 30.06.1916.

102 См.: Русские ведомости. 1915. 8 апр., 20 апр.

разъяснения, что многие солдаты «вынуждены были отойти далеко назад не по своей вине, не по упадку воинского духа, а потому, что истощились у нас запасы снарядов и оружия. Много народу попадает в плен ранеными, и об этом долго никто не знает. Вот почему помогать пленным не только стоит, но и необходимо»¹⁰³. Листовки призывали к поддержке заключенных лагерей, ссылаясь на традиции русской благотворительности: «Широкою волной всегда текли пожертвования народных масс туда, где нужно было подсобить чужому горю и облегчить чужие страдания. Поэтому мы уверены, что не останутся они безучастными к страданиям пленных и не оскудеет рука дающих в оказании им помощи»¹⁰⁴.

О необходимости планомерной организации помощи военнопленным из соображений «правильно осознанного государственного интереса» заговорили и юристы. На страницах своих профессиональных изданий правоведа предупреждали, что заключенные лагерей «или не вернутся, или вернутся бессильными, нетрудоспособными инвалидами и лягут тяжким бременем на общество». Одной из причин материальной поддержки представлялся имидж страны, так как «резкая разница их положения с другими пленными роняет нас в глазах наших союзников, обнаруживая нашу общественную беспомощность». В качестве собственного возможного вклада юристы видели посредничество в написании ходатайств в ведомства и писем в лагеря, ибо: «кто видел письма, которые деревня пишет за границу, тот знает, как часто они не могут достичь своего назначения»¹⁰⁵. О том, что помощь пленным является «делом национального достоинства и предупреждения тяжких последствий», убеждали общественность и деятели РОКК. При этом они снимали ответственность с государства, наладить помощь которого было бы слишком сложно, и звали общественность прийти «на помощь голодающим соотечественникам»¹⁰⁶.

103 ВЗС. В плену. О помощи находящимся в плену русским солдатам. 1915 г. С. 3–14.

104 ВСГ. Киевский местный отдел помощи русским военнопленным. Обращение к населению и общественным организациям и учреждениям принять участие в помощи русским военнопленным. 1915 г.

105 См.: Вестник права. 1915. № 49; Юридический вестник. 1915. № 4. С. 145–151.

106 Вестник Красного Креста. 1916. №5. С. 1578–1592.

Параллельно со столичными организациями общества и отделы помощи русским военнопленным возникали в провинции¹⁰⁷. Небольшие комитеты, не имевшие выхода на заграничные организации или лагеря, действовали через МГК, ВЗС и ВСГ. При этом они ограничивали свои усилия поддержкой «только собственных уроженцев»¹⁰⁸. Одной из распространенных форм их активности стал институт «крестников» или «опекаемых». По примеру Франции и при посредничестве благотворительных комитетов на местах желающие брали на себя обязанность перечислять ежемесячно какую-либо сумму на формирование посылок конкретному нуждающемуся пленному¹⁰⁹. Инициатива Москвы по распределению крестников была вынужденно трансформирована в условиях провинциальных городов. Указанная в циркуляре МГК ежемесячная сумма в 7 руб. была признана непосильной для опекунов, в число которых нередко входили несостоятельные граждане и даже дети. В результате было решено вернуться к принципу добровольного самообложения¹¹⁰. Необходимо, однако, учитывать слабый размах данной акции: по данным МГК институт попечителей на 1 января 1917 г. охватывал своей деятельностью 3372 пленных, на 1 июля — 6573¹¹¹. К тому же, общественные организации стремились включить в списки только «больных и безродных», много времени и усилий растрачивая на многообразную проверку социального статуса и материального положения пленных¹¹². Подобный индивидуально-адресный вариант помощи

107 См. например: *Суржикова Н.В.* Отдел помощи российским военнопленным в Екатеринбурге в годы Первой мировой войны (февр.1915–март 1917) // Шестые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2006. Т. 1. С. 347–355.

108 См.: ГАРФ, ф. 3341, оп. 1, д. 223, л. 8–55. Бакинское отделение союза родных и близких военнопленных, 1917 г.; РГВИА, ф. 12593, оп. 1, д. 2065, л. 1. Отчет Рыбинского местного отдела ВСГ помощи русским военнопленным. Январь 1917–май 1918 г.; SaechsHStA, 11248, Saechsische Kriegsministerium, Nr.6913. PKMIN. 10.11.1916. Anfragen provinzieller Hilfsvereine für Kriegsgefangene; HStA Stuttgart — M 77/1, Bue. 916, PKMIN, 21.07.1918.

109 РГВИА, ф. 12593, оп. 1, д. 2069, л. 1–5. Переписка с отделом общения русского солдата о попечении нуждающихся военнопленных, 17.8.1916–3.9.1916.

110 Там же, ф. 12593, оп. 1, д. 2057, л.1–4. Переписка отдела помощи ВСГ с Новороссийским комитетом, 1916 г.

111 Русский военнопленный. 1917. № 3. С. 2.

112 РГВИА, ф. 12593, оп. 1, д. 2068, л. 1. Омский комитет ВСГ, 1917 г.

был негативно воспринят немецкой стороной. Опасаясь организованного шпионажа, комендатуры удаляли с пакетов сведения об отправителе и получателе и в массовом порядке передавали их лагерным комитетам для распределения среди нуждающихся.

По инициативе сотрудников МГК к активному участию в деле помощи военнопленным привлекались представители творческих профессий, включая именитых мастеров. К примеру, скульптор Н.А. Андреев к выходу одного из литературных сборников разработал композицию «Лев в оковах», а художник В.И. Суриков передал в МГК одну из своих картин с подписью «В пользу русских пленных за границей». В этом же издании князь Е.Н. Трубецкой апеллировал к чувству национальной гордости: «...забвение о тех, которые понесли за нас величайшие жертвы и в тяжком плену не перестают страдать за родину, есть признак упадка и омертвения национального чувства. Наше пассивное отношение к ужасам германского плена учитывается в Германии как предвестник той малодушной покорности, с какою мы по окончанию кампании примем наш собственный плен». Суммы, вырученные от распространения сборников и газет, передавались в благотворительные организации на закупку продуктов для военнопленных¹¹³.

Находкой московских благотворительных учреждений стал городской День пленных, впервые проведенный 31 октября 1915 г. и нашедший широкий отклик в среде университетской молодежи, адвокатов, врачей и юристов. Профессора и сотрудники МГК организовали теоретическое освещение вопросов военного плена и необходимости организации помощи. Литераторы и художники (среди них В. Брюсов, А.Н. Толстой, Васнецовы, В.Д. Поленов) передавали в помощь заключенным свои произведения или денежные суммы. Несмотря на то, что по столице «ходило» 3,5 тыс. кружек, основная сумма была пожертвована в виде крупных взносов от товариществ и отдельных предпринимателей¹¹⁴.

Одним из центров заграничной помощи русским военнопленным стала нейтральная Швейцария. В Берне осенью 1915 г. при ЦК помощи

113 См.: Полон. Пг., 1916; В помощь пленным русским воинам. — М., 1916.

114 См.: Вестник права. 1915. № 49; Русские ведомости. 1915. 6 окт., 28 окт., 29 окт., 1 ноября, 1916. 27 янв.

русским гражданам была организована особая секция, которая занималась закупкой продуктов для шести крупных немецких лагерей на средства от МГК: сухарей, конденсированного молока, какао и бульона. Данная организация предпочитала работать не с отдельными пленными, а с лагерными комитетами. Исключение делалось в случаях поступления денежных сумм от просителей из России, предполагавшихся для облегчения участи родственников в плену¹¹⁵. В Женеве возник Комитет помощи военнопленным евреям, уделявший особое внимание поддержке выходцев из оккупированных областей Польши и Прибалтики, лишившихся связи с родственниками¹¹⁶. В 1916 г. в Лозанне проживающими там представительницами русской элиты при поддержке дипломатов был создан Комитет помощи русским пленным. На частные пожертвования из России, Швейцарии, Франции и Италии, а также на сборы от концертов и денежные переводы пленных и их родственников организация отсылала продукты, одежду, книги и предметы культа в лагеря Централных держав. В течение года комитету удалось отправить около 50 тонн различных грузов, однако вскоре деятельность была затруднена введенным швейцарскими департаментами ограничением на вывоз продуктов из страны¹¹⁷.

Множество небольших комитетов были образованы и в других нейтральных странах. К примеру, в Гааге возникла Русская секция помощи военнопленным, действовавшая при финансовой поддержке МГК, а также принимавшая частные заказы из офицерских лагерей¹¹⁸. Одна из организаций образовалась в Стокгольме по инициативе жены русского посланника Н.В. Неклюдовой. В 1916 г. здесь возникли польский и латвийский отделы, занимавшиеся под-

115 ГАРФ, ф. Р-6171, оп. 1, д. 1, л. 4–5. Обращения в русскую секцию Бернского комитета помощи военнопленным. 21.11.1916; 27.6.1917. К.Митце приходит к выводу о незначительном объеме деятельности данной организации по помощи русским военнопленным. См.: *Mitze K. Kriegsgefangenenlager Ingolstadt*. S. 355.

116 ГАРФ, ф. Р-6402, оп. 1, д. 1, л. 1–46. Отчеты и доклады комитетов помощи русским военнопленным в Швейцарии за 1914–1916 гг.

117 См.: Годовой отчет Комитета помощи русским пленным группы Лозанна-Уши, апрель 1916 — апрель 1917 г.

118 Русские ведомости. 1915. 31 окт.

держкой военнопленных только этих национальностей¹¹⁹. Наиболее активным заграничным представительством МГК стал комитет в Копенгагене. Через данную структуру осуществлял свою деятельность и Комитет императрицы¹²⁰. Специальные отделы были сформированы в странах Антанты (например, в Лондоне, Париже, Лионе), где на суммы открытых союзными правительствами кредитов закупались на международном рынке продукты для лагерей¹²¹. Последние прекратили свою деятельность сразу же после заключения сепаратного мира.

В своей работе в лагерях заграничные комитеты нередко наталкивались на противодействие немецких военных органов. Первоначально Прусское военное министерство (ПВМ) высказало опасение, что производимые офицерами заказы продуктовых пакетов за границей могли бы создать «невыгодное впечатление» у международной общественности о состоянии снабжения в Германии¹²². Строгому контролю подвергалась корреспонденция пленных с комитетами по другим вопросам. Попытки благотворительных организаций выяснить более детально нужды пленных с помощью анкет заканчивались неудачей, так как комендатуры просто не выдавали комитетчикам заграничные послания даже после настоятельных просьб испанских посредников¹²³.

Масштабом и характером деятельности среди иностранных благотворительных организаций выделялся американский Союз молодых христиан (YMCA). Помимо материальной поддержки, целью данного учреждения было стремление «оказать русским военнопленным

119 См.: РГВИА, ф. 13798, оп. 1, д. 1, л. 1–6. Русский комитет помощи военнопленным в Стокгольме; HStA Stuttgart, M 1/6, Bue. 1425. PKMIN. 13.10.1916.

120 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr.6958. Russisches Komitee in Kopenhagen, 7.2.1916.

121 РГВА, ф. 79, оп. 1, д. 2, л. 2. Журнал заседаний ЦК по делам о военнопленных при ГУ РОКК, 15.09.1917.; SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr.544; Kommandantur Bautzen, 3.1918.

122 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6910. Kommandantur Doebeln. 29.11.1915; Nr. 6979. Lager Doebeln. 2.2.1917.

123 BayHStA, M Kr., Nr. 12912. PKMIN. 23.7.1916; SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6969. Inspektion des XII. und XIX. A.K.16.10.1915; Lager Doebeln, 5.3.1917.

такую помощь, которая дала бы им возможность самостоятельно встать на ноги». В организованных YMCA школах обучали «портняжному, столярному, переплетному и другим ремеслам, ... стремились скрасить монотонность жизни военнопленных разумными развлечениями»¹²⁴. В лагере Вормс пациенты лазарета получили от Союза краски, граммофон, настольные игры и столярные инструменты. Здесь же была обустроена школа для неграмотных¹²⁵. В Коттбусе на протяжении целого месяца проходил инициированный YMCA шахматный турнир, в котором участвовало около 40 военнопленных и множество зрителей¹²⁶. Во многих лагерях Союз оборудовал спортивные площадки и закупил инвентарь для занятий теннисом, футболом, крокетом и борьбой¹²⁷. Работники Союза стремились поощрять выбранные пленными комитеты взаимопомощи.

В газетах YMCA осуществлялась активная пропаганда необходимости гигиенических и санитарных мероприятий, борьбы с распространением венерических заболеваний и алкоголизмом. Кроме того, издания содержали практические советы по полезному использованию лагерного досуга для изготовления занимательных вещей из бытового мусора: консервных коробок и посылочных ящиков¹²⁸. Мероприятия Союза по оказанию помощи всегда сопровождалась миссионерской деятельностью: распространялись тексты о необходимости веры в Христа, переведенные на русский язык религиозные песни. По признанию самих заключенных, «Союз возродил в них потерянную веру в Бога и людей»¹²⁹.

YMCA продолжал свою деятельность и после Октябрьской революции. В сотрудничестве с ВЗС и ВСГ американское благотвори-

124 Рувль. 1920. 20 февр.

125 ГАРФ, ф. 3341, оп. 1, д. 210, л. 4, 17. Лазарет л. Вормс секретарю Союза молодых христиан г-ну Парте, 1916 г.

126 Там же, л. 8. Отчет первого русского шахматного турнира, организованного союзом для пленных лагеря Коттбус. 16.12.1916.

127 Там же, л. 127; л. 151. Отчет о деятельности Союза молодых христиан в лагерях военнопленных, 1917 г.

128 Вестник военнопленного. Издание комитета Всеобщего союза юношеского христианского соединения. № 21.

129 ГАРФ, ф. 3341, оп. 1, д. 210, л. 152, 153. Отчет о деятельности Союза молодых христиан в лагерях военнопленных, 1917 г.

тельное учреждение занималось устройством питательных пунктов на пути следования возвращавшихся из Германии русских военнопленных. В программу мероприятий Союза было включено устройство при госпиталях парикмахерских, библиотек, читален, помещений для музыки, общественных игр, кинематографов и концертов, раздача табака¹³⁰.

ВИЗИТЫ РУССКИХ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ В ГЕРМАНСКИЕ ЛАГЕРЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Интенсивное использование военной пропагандой стран-участниц образа военнопленных, страдающих от произвола противника, породило настоятельные требования общественности предпринять определенные шаги для улучшения их положения. В 1915 г. по инициативе российской вдовствующей императрицы Марии Федоровны и МККК, а также при посредничестве Датского Красного Креста государства-противники на Восточном фронте договорились об обмене делегациями для осмотра лагерей военнопленных¹³¹. Опасения сторон, что подобные инспекции могут быть использованы противником в целях военного шпионажа, привели к включению в состав комиссий женщин — сестер милосердия, казавшихся в меньшей степени склонными к разведывательной деятельности. В целом за период войны в германских лагерях побывало шесть делегаций, каждая из которых состояла из русской сестры милосердия, представителя Датского Красного Креста и сопровождающего их немецкого офицера.

В обязанности сестер входило проведение бесед с пленными, передача их жалоб комендатурам немецких лагерей и командова-

130 РГВИА, ф. 12593, оп. 1, д. 189, л. 39. Всем губернским уездным комитетам и учреждениям ВЗС и ВСГ о деятельности Союза молодых христиан, декабрь 1917 г.

131 Более подробно об истории комиссий. См.: *Нагорная О.* Военный плен и гендерные стереотипы: воспоминания сестер милосердия в российской дискуссии о войне (1914–1917) / Война и общество (К 90-летию Первой мировой войны). — Самара, 2004. С. 112–119; *Нахтигаль Р.* Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия Центральных держав в 1915–1917 гг. / Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 83–94.

нию армейских корпусов, им было доверено распределение между пленными крупной суммы денег, а также право (пусть формально) выступления в ПВМ. При подготовке поездки немецкие военные органы исключили из маршрута посещения рабочие команды прифронтовых областей и агитационные лагеря. С целью скрыть от международной общественности и, прежде всего, от русского правительства факт привлечения военнопленных к работам на военных предприятиях, немецкие военные органы тратили неимоверные усилия по перемещению солдат, задействованных когда-либо на подобных работах или получивших увечья на производстве, из одного лагеря в другой на время пребывания там инспекции¹³². Возможно, подобные мероприятия были излишни, так как в завершающем выступлении в Берлине сестры милосердия отказались обращаться к теме принудительного труда, отметив: «Что касается часто высказываемых жалоб о привлечении военнопленных к работам, приносящим вред их родине, мы не будем углубляться, так как это понятие во время настоящей войны полностью изменило свой характер»¹³³.

Большинство командированных в Германию и Австрию сестер принадлежали к русской традиционной элите. По обычаю предвоенной эпохи первые поездки сопровождалась многочисленными приемами в домах местных аристократов и в императорском дворце. Это вызвало столь жесткую критику русской общественности, что из программ последующих делегаций подобные визиты были исключены¹³⁴. Подбор состава инспекционных комиссий привлекает внимание и по другой причине. С первой делегацией в Германию отправилась вдова командующего генерала Наревской армии Е.А. Самсонова, которая с согласия немецкой стороны наряду с посещениями лагерей занималась поисками захоронения своего мужа А.В. Самсонова и последующим вывозом его останков в Россию. Во второй состав комиссий вошли сестры милосердия А.В. де Витт и Э. Ключе-

132 См.: SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7081, PKMIN, 7.7.1916; BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K., Nr.546, 22.6.1916, PKMIN, 14.6.1916.

133 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7081, PKMIN, 28.10.1916.

134 Подробнее см.: *Нагорная О.* Военный плен и гендерные стереотипы... С. 112-119.

ва — жены пленных генералов, содержавшихся в лагерях Бишофсверд и Кенигштейн¹³⁵.

В ходе визита ПВМ пошло навстречу настоятельным просьбам сестер милосердия Ключевой и де Витт, разрешив им часовое свидание с мужьями наедине. В качестве условия для встречи генералы должны были подписать обязательство следующего содержания: «В случае разрешения свидания с моей супругой, для свободного разговора с ней, я сим письменно отдаю честное слово на то, что не буду передавать моей супруге никаких писем или бумаг, ни от себя, ни от других военнопленных, буду разговаривать с супругой исключительно о личных и семейных делах, касающихся только родственных мне лиц, не буду распространять между военнопленными лагеря никаких известий о военных делах или предприятиях, узнаваемых мною в течение разговора от моей супруги»¹³⁶.

Однако вскоре немецкие военные органы обнаружили, что посещения сестер оказывают отрицательное воздействие на военнопленных солдат. Последние по окончании бесед со своими соотечественницами, проходившими в соответствии с международными соглашениями без свидетелей, стали массово отказываться от работ. К тому же цензура писем генералов Н.А. Ключева и Л.В. де Витта к женам продемонстрировала немецкой стороне, что ни офицеры, ни сестры не собираются сообщать в России о положительной стороне содержания военнопленных в Германии. Ключев даже призывал сестер выступить с требованием прекращения взаимных репрессий, ухудшающих и без того безысходное положение военнопленных. Берлин счел бессмысленными дальнейшие реверансы в сторону русских комиссий и собирался отказать Ключевой в последнем свидании с мужем. Тем не менее, после эмоционального обращения сестры, что ей невыносимо тяжело быть рядом с супругом и не иметь возможности попрощаться с ним до

135 Примечательно, что подобная практика полностью вписывается в контекст Восточного фронта. К примеру, Р. Нахтигаль по поводу австрийских комиссий также отмечает, что «концентрация родственных связей (сестер милосердия) с содержавшимися в России пленными придавала миссии характер семейной встречи представителей старой Австрии в Сибири». См.: *Нахтигаль Р.* Осмотр лагерей военнопленных. С. 89.

136 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7081. Daenisch-russische Rote Kreuz Kommission, 30.7.1916.

конца войны, а может быть, и навсегда, третья встреча все же состоялась¹³⁷.

Возвращавшиеся из инспекционных поездок сестры принимались вдовствующей императрицей и сообщали ей о своих наблюдениях¹³⁸. Отчеты и дневники публиковались в изданиях РОКК и в отдельных брошюрах¹³⁹. Однако сведения о тяжелом положении пленных были в большей степени использованы в целях пропаганды, чем для организации планомерной помощи. Более весомыми были последствия на местах, где сами пленные свидетельствовали об улучшении режима и повышении внимания комендатуры к жалобам заключенных на произвол охраны. Кроме того, делегаты Датского Красного Креста, входившие в состав комиссий, активизировали свою деятельность по организации поддержки русских военнопленных¹⁴⁰. В целом же взаимные визиты сестер милосердия в лагеря, состоявшиеся в результате соглашения между монархиями на Восточном фронте, представляются скорее пережитками аристократической традиции ведения войны и являются яркой иллюстрацией непрямой линии движения к войне тотальной.

ПОПЫТКИ РЕОРГАНИЗАЦИИ СФЕРЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ ПРИ ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

После Февральской революции общественные организации в унисон с новой властью обвинили в неудачах помощи русским военнопленным прежний режим. МГК, начавший выпуск специального жур-

137 См.: Ebenda, РКМН, 1.8.1916.

138 Вестник Красного Креста. 1916. № 10. С. 3476.

139 См.: *Казем-Бек П.А.* Поездка по Германии во время войны русской сестры милосердия. С прибавлением извлечений из отчета по осмотру лагерей военнопленных. Пг., 1917; *Тарасевич А.В.* Отчет по обследованию лагерей и мест водворения русских военнопленных в Австрии и Венгрии. — М., 1917; *Шуберская Е.М.* Доклад о положении военнопленных в Германии. Пг., 1917; и др.

140 См., например: *Военнопленные врачи*. С. 30. Визиты австрийских и немецких сестер милосердия в российские лагеря привели к значительному улучшению положения пленных этих национальностей, благодаря информированию правительств враждующих государств и интенсификации акций помощи со стороны Германии, Австро-Венгрии и нейтральных держав. См.: *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront.

нала «Русский военнопленный», утверждал, что «...старая власть, вставшая на точку зрения, с которой страдалец за родину, пленный казался ей чуть ли не синонимом изменника родине, чрезвычайно отягощала эту трагедию [положение военнопленных — О.Н.]. Работа по организации и осуществлению помощи русским военнопленным протекала в полном безмолвии, вырванная из бодрящей атмосферы гласности и народного сочувствия, натываясь на многочисленные и всякого рода препятствия»¹⁴¹. Неспособность уже нового правительства обеспечить пленным должную поддержку также объяснялась последствиями политики царского режима, обусловившей существование множества ведомств и несогласованность их усилий. После февраля 1917 г. вопрос о помощи военнопленным рассматривался общественными организациями как одно из возможных полей сотрудничества с новой властью. В Декларации Первой российской конференции работников РОКК провозглашалось намерение «усилить заботы о пленных товарищах, братьях и друзьях наших» и «поспешить на помощь правительству нашим опытом и знаниями на фронте, в тылу и в лагерях военнопленных»¹⁴². Общественные организации пытались готовить военнопленных к возвращению в свободное отечество, для чего распространяли в лагерях тематические брошюры¹⁴³.

Принципиальных изменений в порядке финансирования и организации помощи все же не произошло. Уже в конце марта 1917 г. сенатор А.Д. Арбузов, сотрудник ликвидированного Центрального комитета помощи военнопленным, докладывал на заседании ГУ РОКК об отсутствии денежных средств на счетах организации и о необходимости продовольственной помощи военнопленным, приостановка которой грозила последним голодным вымиранием. На основании этого РОКК направило Временному правительству ходатайство об отпуске 4 млн руб., причем оно содержало просьбу об ускорении решения и выдаче аванса в обход Межведомственного совещания. Несмотря на повторные личные обращения графа П.Н. Игнатьева

141 Русский военнопленный. 1917. № 1. С. 1–4.

142 РГВИА, ф. 12675, оп. 1, д. 42, л. 51. Декларация Первой российской конференции работников Красного Креста, 3.6.1917.

143 ГАРФ, ф. 3341, оп. 1, д. 210, л. 84. Союз молодых христиан в ЦК по делам военнопленных, 3.8.1917.

к отдельным членам правительства, вплоть до начала мая запросы оставались без ответа. Полученная позже от Г.Е. Львова бумага настаивала на соблюдении порядка рассмотрения вопроса согласно правилам, установленным еще в январе 1915 г¹⁴⁴. В свою очередь, товарищ министра финансов обратил внимание РОКК на тот факт, что материальная помощь военнопленным не была осуществлена даже тогда, когда в деле участвовала бывшая императрица, намекая, что в данный момент подобные мероприятия тем более невозможны¹⁴⁵.

Основная дискуссия по вопросам помощи русским военнопленным протекала в общем русле попыток нового правительства унифицировать деятельность общественных организаций на фронте и в тылу, подчинив их государственным структурам. Частная благотворительность рассматривалась как «следствие неподготовленности старой власти к разрешению задач, вызванных войной в деле снабжения армии», вследствие чего обеспечение тыла и фронта приняло «уродливую форму»¹⁴⁶. Однако сами общественные организации, прежде всего ВСГ и РОКК, признавая необходимость создания контролирующего и направляющего органа, выступили резко против полного подчинения центральным ведомствам. Причем РОКК, ранее подчинявшееся государственным институтам, стало настаивать на своем международном статусе и сохранении автономии в делах внутреннего распорядка¹⁴⁷. Деятельность организаций по вопросам помощи военнопленным так и не была унифицирована, ограничившись структурными изменениями отдельных комитетов¹⁴⁸.

144 См.: ГАРФ, ф. 3341, оп. 1, д. 214, л. 2-35. Переписка ЦК по делам военнопленных при РОКК и Министерства финансов, апрель-июль 1917 г.

145 См.: там же, л. 34.

146 РГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 56, л. 54, 56. Доклад капитана ГШ Жагунь-Линника, 12.5.1917.

147 См.: РГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 56, л. 8-17. Материалы о деятельности общественных организаций на театре военных действий, май-июнь 1917 г.: ф. 12679, оп. 1, д. 42, л. 2. Резолюция Конференции Красного Креста, 23.6.1917.

148 К примеру, при РОКК было образовано три дополнительных комиссии: в сферу деятельности первой входила «повсеместная агитация, создание Бюро печати для привлечения общественного мнения к делу помощи, утверждение смет, контроль, организация комитетов в нейтральных странах; вторая отве-

Попытка создать собственные организации помощи предпринималась со стороны досрочно возвратившихся на родину пленных. Союз бежавших и Союз вернувшихся военнопленных ставили своей целью не только помощь товарищам в трудоустройстве или работу с соответствующими учреждениями помощи, но и регистрацию возвращавшихся, проведение встреч и сбор исторического материала о жизни в лагерях. Обе организации занимались устройством митингов, сбором денег, публикацией речей ораторов в прессе, а также призывали самих репатриантов принимать «серьезное участие своим трудом в деле помощи»¹⁴⁹.

ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОМОЩИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С апреля 1918 г. выработкой перспективных линий и координацией мероприятий репатриации и реабилитации военнопленных старой армии занималась созданная в составе Наркомвоендела Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (далее — Центропленбеж)¹⁵⁰. Вынужденная развертывать свою деятельность за счет использования запасов продовольствия и обмундирования общественных организаций, она первоначально допускала их участие

чала за вопрос обеспечения продовольствием и обмундированием; третья занималась вопросами обмена, интернирования и посещения лагерей». Реорганизация затронула также деятельность заграничных комитетов помощи. Отправка посылок в лагеря была полностью передана Копенгагенскому бюро. Работа Стокгольмского комитета концентрировалась отныне на оказании помощи бежавшим и интернированным, а также на подборе и отсылке литературы в лагерь. См.: РГВА. ф. 79, оп. 1, д. 2, л. 1. Журнал заседаний ЦК по делам о военнопленных при главном управлении РОКК, 15.09.1917.

149 ГАРФ, ф. 3341, оп. 1, д. 213, л. 44. Союз бежавших из плена об организации митинга на Калашниковой бирже, 9.06.1917; См. также: *Нестерович-Берг*. В борьбе с большевиками. Воспоминания. Париж, 1931. С. 19.

150 В мае 1919 г. она была передана в ведение НКВД, а в феврале 1920 г. переименована в Центрозвак. На местах мероприятия центра должны были реализовываться губернскими и уездными коллегиями. Подробнее о деятельности Центропленбеж см.: Щеров И.П. Миграционная политика в России, 1914–1922. — Смоленск, 2000; он же: Смоленский пленбеж: создание и деятельность. Смоленск, 2000; он же: Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. — Смоленск, 2000.

в межведомственных совещаниях. Однако почти сразу совместная работа привела к конфронтации. РОКК, сославшись на свой негосударственный статус, отказывалось подчиняться распоряжениям центральных органов, обосновывая необходимость самостоятельной деятельности внешнеполитическими трудностями советского правительства. Данный демарш был поддержан МГК, заявившим, что «выдача представителям Центропленбеж сертификатов Красног Креста является актом фиктивным и может лишь уронить авторитет РОКК в глазах иностранных правительств и общественных организаций». В ответ председатель Коллегии указал на распоряжение Совета народных комиссаров (СНК), согласно которому РОКК было обязано не только выполнять все задания Центропленбеж, но и отчитываться перед ней в своей деятельности¹⁵¹. Противостояние по вопросам разделения компетенций возникло и между общественными организациями и советским представительством в Берлине. Последнее «во избежание двоевластия» требовало, чтобы деятельность МГК за границей проходила исключительно под его контролем¹⁵².

Под предлогом централизации мероприятий репатриации государственные органы переводили в свое ведение санитарные учреждения общественных организаций вместе с оборудованием и персоналом¹⁵³. Мощная атака была проведена на более слабые в ресурсном отношении комитеты пленных. Центропленбеж регулярно подчеркивала, что «всевозможные союзы военнопленных, например: Союз бежавших из плена, Союз близких и родных, Союз военнопленных врачей — суть организации частного характера, действующие как таковые совершенно самостоятельно и независимо, и органами Коллегии

151 ГАРФ, ф. А-482, оп. 1, д. 50, л. 27. Наркомат здравоохранения, 5.4.1919; ф.3341, оп. 1, д. 112, л. 93. Докладная записка РОКК; л. 161. Резолюция юротдела МГК; л. 177. Центропленбеж, август 1918 г. Кроме того, Центропленбеж указывала общественным организациям на превышение ими полномочий. См.: РГВА, ф. 34, оп. 5, д. 14, л. 27. Центропленбеж Согору. 18.6.1918.

152 ГАРФ, ф. 3333, оп. 10, д. 8, л. 13. Бюро военнопленных при Генеральном консульстве Комиссару по делам о пленных и беженцах Северной области, 5.8.1918.

153 Например, в октябре 1918 г. в ведение Наркомздрава были переданы клиники РОКК для душевнобольных, которые предполагалось использовать в интересах возвращающихся военнопленных. См.: РГВА, ф. 34, оп. 5, д. 9, л. 143. Постановление Наркомздрава, 4.10.1918.

не являются»¹⁵⁴. Пользуясь материальной базой общественных организаций, государственные институты отказывали им в политическом признании, особенно жестко ограничивая их внешнеполитическую самостоятельность. Тем не менее, как отмечает Б. Физелер, только к 1920 г. новой власти удалось поставить под государственный контроль всю сферу социального обеспечения¹⁵⁵.

Пытаясь организовать отправку продуктов в немецкие лагеря, советские органы использовали наработанные их предшественниками методы. Так, в марте 1919 г. был организован День пленного со сбором пожертвований¹⁵⁶. Жители провинции призывались к сдаче продуктов, что должно было свидетельствовать о «демократичности и поддержке советской власти, стоящей за пролетариат»¹⁵⁷. Однако после заключения сепаратного мира и в условиях продовольственного кризиса в России государственная и общественная помощь военнопленным практически сошла на нет. Поток отправляемых из России посылок иссяк, исчезла возможность заказа пакетов за границей, к тому же прекратилась всякая поддержка со стороны бывших союзников. Перед лицом грозящей русским военнопленным катастрофы РОКК был вынужден обратиться за помощью к американским организациям¹⁵⁸.

В разгар большевистской кампании по свертыванию частной благотворительности общественные организации акцентировали внимание публики и государственных институтов на трудностях репатриации, чтобы доказать необходимость своего дальнейшего существования. Представители Союза городов критиковали «неудовлетворительное состояние» дела помощи и настаивали на привлечении к нему «крупных общественных сил»¹⁵⁹. В московской прессе

154 ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 322, л. 7; д. 32, л. 150. Переписка Союза воинов, бежавших из плена, и Центропленбеж, 1918 г.

155 Физелер Б. Развитие государственной помощи. С. 52. Ср.: Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости. С. 79.

156 ГАРФ, ф. Р-4094, оп. 1, д. 203, л. 117. Приказ по РОКК, 29.04.1919.

157 Там же, д. 204, л. 115, Калининская комиссия попечения о пленных и беженцах, 1919 г.

158 ГАРФ, ф. 3341, оп. 1, д. 112, л. 110. Представителю Американского Красного Креста в России. 29.8.1918.

159 Знамя Труда. 25 апр. 1918 г.

широко освещались недостатки централизованных мероприятий по обеспечению первых прибывших из Германии партий инвалидов. Образ больных и страдающих калек должен был пробудить у руководителей организаций, в том числе и государственных, чувство стыда и желание активизировать свою деятельность: «Только при содействии всех граждан ...горе и нужда этих страдальцев могут быть сколько-нибудь облегчены»¹⁶⁰.

В неблагоприятной атмосфере МГК пытался и далее отстаивать имущественные интересы пленных, будируя в Советах вопрос о юридическом статусе еще не вернувшихся и их семей¹⁶¹. На базе МГК был организован Съезд общественных организаций по вопросам правовой защиты военнопленных и их семейств, на котором была принята резолюция о возложении юридического представительства пленных на соответствующий отдел МГК, настаивавший на упрощении процедуры свидетельствования доверенностей, конкретизации прав русского санитарного персонала и т.д.¹⁶².

В развернувшемся обсуждении о возвращении военнопленных активно участвовали не только организованная общественность, но и широкие круги населения. Задержка репатриации после заключения мира породила поток обращений от волостных советов, собраний учителей, солдат и солдаток и отдельных граждан в адрес СНК с вопросами: «какие меры приняты к размену военнопленных и почему меры принимаются так медленно?». Некоторые письма принимали форму категоричных требований «принять меры к возвращению [пленных] на родину к своим семьям... в крайнем случае, пойти на компромисс с государствами, задерживающими наших братьев». Особенно многочисленными были обращения родственников с просьбами «вернуть кормильцев домой»¹⁶³.

160 Утро России. 3 апр. 1918 г.; Свобода России. 20 апр. 1918 г.

161 РГВИА, ф. 14928, оп. 1, д. 173, л. 1. Юротдел Московского совета рабочих и красноармейских депутатов, 18.10.1918.

162 Там же. д. 20, л. 5. Резолюция съезда по вопросам правовой защиты интересов военнопленных и их семейств, 1917 г.

163 См.: ГАРФ, ф. 3333, оп. 3, д. 296, л. 14, 20. Обращения граждан в Наркомвоендел: д. 336, л. 36. Бюро каргопольской учительской организации; оп. 9, д. 33, л. 30. Постановление Голодаевского волостного совета Астраханской губернии; л.33. Резолюция Новоберезовским общественным собрани-

Сами военнопленные, досрочно вернувшиеся на родину, «из чувства вины перед оставшимися в лагерях» пытались поддержать деятельность сообщества через создание «социальных сетей» и лоббирование собственных интересов. Еще во время пребывания в Германии наиболее активные военнопленные пытались наладить контакты между отдельными лагерями, однако эти попытки имели подпольный характер из-за противодействия немецкой стороны. Советское Бюро по делам военнопленных в Берлине, активно стимулировавшее подобные связи с целью распространения революционного влияния в лагерях, допустило создание Временного центрального правления союза бывших русских военнопленных и интернированных в Германии, нацеленного на активизацию этого влияния после возвращения на родину¹⁶⁴.

Непродолжительный период после очередной смены власти организациям пленных удавалось представлять интересы стихийно возвращающихся. В одном из своих многочисленных обращений Союз бежавших укорял Центропленбеж, что «прибывающие в Москву как и когда попало [пленные] до изнеможения ходят по различным учреждениям, не зная, где найти помощь. Многие из них приходят в Комитет, заявляя, что Коллегии переполнены»¹⁶⁵. Примечательно, что Союз подчеркивал необходимость отличия статуса бежавших от возвращающихся обычным порядком: «... акт побега из плена при самых тяжелых условиях, а не нормальный переезд в санитарном поезде, а также та экономия, которую для страны несет каждый бежавший насильственным порядком из плена (1300 р.), ставит всех бежавших явно в особое положение»¹⁶⁶.

ем от 5.6.1918; л. 38. Обращение гражданки Фло к Л. Троцкому; л. 39. Открытое письмо граждан Вышневолоцкого уезда Тверской губернии Народному комиссару по военным делам; л.42, 43. Протокол общего собрания солдат и солдаток Ставотинской волости.

164 См.: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 126, л. 1–5. Временное центральное правление союза бывших русских военнопленных и интернированных в Германии, 1920 г. В источниках, однако, отсутствует упоминание о деятельности этой организации на территории Советской России.

165 ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 38, л. 152. Союз воинов, бежавших из плена в Центропленбеж, ноябрь 1918 г.

166 Там же, оп. 9, д. 7, л. 36. В Центропленбеж от ЦК Союзов бежавших из плена. 23.5.1918.

Заметной общественной акцией в поддержку интересов пленных стал в 1919 г. Всероссийский съезд местных коллегий о пленных и беженцах, в составе которых работали многие репатриированные. По итогам заседаний была принята «Резолюция о помощи русским военнопленным за границей», в которой участники, хотя и в рамках господствующего мнения, требовали от советского правительства принятия конкретных шагов по облегчению их положения: «Съезд полагает, что подобное вопиющее беззаконие [остановка репатриации — О.Н.] не может быть оставлено без самого категорического протеста со стороны Советской России, выраженного как союзным державам, так и правительствам Германии, Австрии... Съезд считает справедливым в случае дальнейшей задержки русских пленных применение соответствующих репрессивных мер возмездия к представителям буржуазии поименованных государств, проживающих на территории Советской России»¹⁶⁷.

Значительное внимание проблеме репатриации уделяли и Всероссийские съезды Советов. 4 июня 1918 г. V Съезд принял «Приветствие русским военнопленным, находящимся в разных местах». Текст послания завершался резолюцией, обязывавшей советскую власть «и при самых трудных условиях сделать все возможное для обеспечения братьев-военнопленных»¹⁶⁸. Затянувшееся решение вопроса, к которому добавилось интернирование в Германии красноармейцев, стало темой обсуждения на VIII Съезде Советов в феврале 1920 г. В обращении «Ко всем гражданам РСФСР, находящимся за границей» делегаты выражали уверенность, что, «вернувшись в Россию, бывшие военнопленные и интернированные займут свое место в рядах строителей коммунизма». В резолюции ВЦИК было поручено «принять все зависящие меры к ускорению возврата военнопленных и интернированных»¹⁶⁹.

167 ГАРФ, ф. 3333, оп. 3, д. 296, л. 28. Резолюция Всероссийского съезда коллегий о пленных и беженцах «О помощи русским пленным за границей», 1918 г. Через год состоялся Первый съезд пленных Москвы. См.: ГАРФ, ф. 3333, оп. 19, д.1, л. 245. О деятельности бюро пленных при ВЦИК. Ноябрь 1919 г.

168 Декреты Советской власти. Т. 2. — М., 1959. С. 525–526.

169 Там же. Т. 12. — М., 1986. С. 121.

1.4. «БОРЬБА ЗА ВОЕННОПЛЕННЫХ РАВНОЦЕННА ФРОНТОВОМУ СРАЖЕНИЮ»¹⁷⁰: СОЛДАТЫ И ОФИЦЕРЫ РУССКОЙ АРМИИ В «ЕВРОПЕЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ»

Досрочное окончание войны на Восточном фронте не принесло русским военнопленным быстрого освобождения и столь желанного возвращения на родину. Растянувшаяся на несколько лет репатриация стала предметом сложной игры различных политических сил: Германии, Советской России, антибольшевистских правительств, стран Антанты и новых государственных образований на обломках Российской империи. Опираясь на тезис Й.Баура, можно утверждать, что военнопленные старой армии способствовали переносу конфликтных линий гражданской войны в России не только на внутривнутриполитическую ситуацию в Германии¹⁷¹, но и на европейскую политику в целом.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ПЛАНАХ ГЕРМАНИИ И СОЮЗНИКОВ

После заключения перемирия на Восточном фронте положение победителя и огромная разница в численности немецких и русских пленников позволили Германии определять порядок репатриации в соответствии с собственными планами задержать дешевую рабочую силу вплоть до окончания войны на западе. У. Хинц характеризует подобную ситуацию как «пик радикализации военного плена», когда «граница между военным институтом и экономическим рабством стала максимально подвижной»¹⁷². В соглашении от 25 января 1918 г. советской делегации была навязана первоочередность возвращения всех раненых и больных военнопленных без различия

170 ГАРФ, ф. 3333, оп. 8, д. 13, л. 3–4. Докладная записка по вопросу о русских военнопленных в Германии. Весна 1918 г.

171 *Baur J. Zwischen «Roten» und «Weissen» — Russische Kriegsgefangene in Deutschland nach 1918 // Schloegel K. (Hg.) Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europaischen Buergerkrieg. Berlin, 1995. S. 98.*

172 *Hinz U. Gefangen im Grossen Krieg. S. 361.*

чина (должности) или служебного положения¹⁷³. Переговоры по порядку отправки пригодных к службе затянулись вплоть до июня 1918 г., и, несмотря на сопротивление советской стороны, в договор был вписан принцип обмена «один на один, чин на чин»¹⁷⁴, затягивавший возвращение на неопределенный срок. Основным условием репатриации была признана ее добровольность: военнопленные могли вернуться на родину только по своему желанию. С разрешения взявшей их в плен страны они получали возможность остаться на ее территории или отправиться в любое другое государство, согласное их принять¹⁷⁵.

В соответствии с соглашениями, с июня до ноября 1918 г. основную массу репатрируемых составили инвалиды или больные военнопленные. Обмен трудоспособными протекал вяло и был полностью остановлен в октябре 1918 г. после разрыва дипломатических отношений и высылки советского представительства из Берлина. Радикальный пересмотр немецких планов в отношении военнопленных произошел после заключения Компьенского перемирия и начала революции в Германии. Это решающим образом изменило роль русских военнопленных в немецкой экономике, разом превратив их в опасных конкурентов на рынке труда и в серьезную финансовую обузу¹⁷⁶.

В возникшем после падения монархии хаосе сторонники первой немецкой республики пытались нейтрализовать военнопленных как угрозу дополнительных беспорядков. Местные советы провозглашали заключенных «товарищами» и «братьями», а также гостями

173 См.: Документы внешней политики СССР. — М., 1957. Т. 1. С. 639.

174 Документы внешней политики ... С. 679–680.

175 См.: Документы внешней политики. С. 174–175.

176 *Oltmer J. Deutsche Repatriierungspolitik 1918–1922 // Oltmer J. (Hg.) Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. Padeborn, 2006. S. 272.* Распространявшаяся в немецкой общественной дискуссии характеристика Ноябрьской революции как «большевистской» означала проекцию ужасов Гражданской войны в России на события у себя дома. См.: *Jahn P., Zarendreck, Barbarendreck. Die russische Besetzung Ostpreussens 1914 in der deutschen Oeffentlichkeit // Eimermacher K. (Hg.) Verfuehrungen der Gewalt: Russen und Deutsche im Ersten und Zweiten Weltkrieg. Muenchen, 2005. S. 226; Waschik K. Metamorphosen des Boesen. Semiotische Grundlagen deutsch-russischer Feindbilder in der Plakatpropaganda der 1930er bis 1950er Jahre // Eimermacher K. Verfuehrungen. S. 301.* Данная метафора способствовала распространению в Германии антикоммунистической истерии, жертвой которой стали военнопленные.

Германии. Взамен на гарантию обеспечения и обещания скорейшей отправки им предлагалось сохранять спокойствие и оставаться на местах «во имя интернационального братства народов»¹⁷⁷. В крупнейшем лагере в окрестностях Мюнхена, Пухгейме, состоялось выступление министра-президента Баварии Курта Эйснера, объявившего военнопленных свободными людьми и спровоцировавшего тем самым беспрепятственный выход русских в город¹⁷⁸. И если пленные офицеры демонстрировали равнодушие по отношению к революционной пропаганде¹⁷⁹, то солдаты начали налаживать связи с левыми либо использовали политический кризис в своих личных целях: для смены рабочего места, бегства из тюрьмы или самовольного возвращения на родину¹⁸⁰.

Уже с этого времени в судьбу русских пленных начали активно вмешиваться победители. В бывших союзниках Антанта видела возможную помеху возвращению собственных граждан «домой до Рождества», а также угрозу для продовольственного обеспечения на освобождаемых немецкими армиями территориях. Комиссия по перемирию в Спа потребовала немедленной эвакуации русских солдат с левого берега Рейна вместе с немецкими частями¹⁸¹. Уверения германского командования, что выполнение данного условия приведет к ухудшению состояния и даже гибели значительного количества пленных, не были приняты во внимание. Более того, русские были на несколько месяцев исключены Антантой из мероприятий международной помощи и попали в абсолютную зависимость от катастрофической продовольственной ситуации в Германии¹⁸².

В сложившейся обстановке первоочередной задачей немецких военных органов стало восстановление системы лагерей и немедленная транспортировка русских пленных через неустановленную

177 BayHStA, M Kr., Nr. 1697, An alle Kriegsgefangenen in Bayern. November 1918; см. также: *Baur J.* Zwischen «Roten» und «Weissen». S. 94.

178 BayStA, Stv.GenKdo I. A.K., Nr. 1395, Inspektion der Kriegsgefangenenlager des I. A.K., 26.3.1919; а также: *Leidinger/Moritz.* Gefangenschaft, Revolution. S. 628.

179 BayHStA, M Kr., Nr.1701, Kommandantur Plassenburg, 15.5.1919.

180 Barch-MA, PH 69/205, Auszug aus Armee-Tagesbefehl, 23.3.1919.

181 HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 21, Telegramm Wako, 25.11.1918.

182 *Hinz U.* Gefangen. S. 226.

пока восточную границу. Беспрецедентный размах этого мероприятия отражают статистические данные: если к декабрю 1918 г. в Германии насчитывалось примерно 1,2 млн русских военнопленных, то уже через месяц их число сократилось до 650 тыс.¹⁸³ Моритц Шлезингер, глава наспех организованного Центрального управления военно- и гражданскими пленными, описывал репатриацию конца 1918 г. как «человеческую трагедию». Немецкие чиновники, не имея никакого контакта с принимающей стороной, посылали «транспорт за транспортом» в неизвестность. Однако возможное прекращение отправки у самого Шлезингера вызывало еще большие опасения, так как заключенные лагерей, «долгие годы отрезанные от мира, без ... известий с родины, возбужденные про- и антибольшевистской пропагандой, стремились только домой. Они не подчинялись дисциплине, разрушали лагеря, атаковали охрану, провоцируя ее на использование оружия... [мы] могли только форсировать транспортировку»¹⁸⁴.

Через два месяца представители стран Антанты, опасавшиеся усиления большевистской армии и планировавшие использовать военнопленных в разгоравшейся в России Гражданской войне, попытались поставить под свой контроль репатриационные мероприятия. Комиссия по перемирию выдвинула германской стороне ультиматум прекратить транспортировку до 16 января 1919 г. Несмотря на повторные сообщения о единичных случаях продолжения отправки, массовый поток был остановлен. Этот шаг еще в большей степени осложнил ситуацию в лагерях, вызвав радикализацию политических конфликтов среди пленных и столкновения с охраной¹⁸⁵.

В ответ на давление победителей немецкое правительство отказалось от содержания русских военнопленных¹⁸⁶. Голодную катастрофу в лагерях предотвратило только вмешательство Американско-

183 *Oltmer J.* Baeuerliche Oekonomie und Arbeitskraeftepolitik im Ersten Weltkrieg. S. 436; *Черноперов В.Л.* Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии 1918-1921 гг. — Иваново, 2006. С. 90.

184 *Schlesinger M.* Erinnerung eines Aussenseiters im diplomatischen Dienst. Koeln, 1977. S. 47.

185 *Schlesinger M.* Erinnerungen. S. 62; а также: *Speed R. B.* Prisoners, Diplomats and the Great War: a Study in the Diplomacy and Captivity. N.Y., 1990. P. 170-181.

186 Barch R904/432, Telegramm des PKMIN an Kommandanturen Parchim und Guestraw, 20.1.1919; PKMIN, 24.1.1919, Abschub der russischen Kriegsgefangenen.

го Красного Креста, наладившего поставки и распределение продовольствия¹⁸⁷. В феврале 1919 г. в лагерях появились делегации Межсоюзной комиссии по возвращению русских военнопленных, в состав которых были включены и офицеры белых армий¹⁸⁸. Под прикрытием намерений улучшить ситуацию с обеспечением среди пленных началась агитация за вступление в антибольшевистские формирования. Глава Комиссии генерал-майор Малкольм распространил в лагерях призыв оказывать содействие представителям Антанты, которые, по его словам, являлись единственными истинными защитниками интересов русских солдат и офицеров¹⁸⁹. Для использования бывших военнопленных офицеров царской армии на стороне интервентов в Гражданской войне в России англичане организовали отправку добровольцев в школу для английских офицеров Нью-Маркет¹⁹⁰. Шлезингер упоминает о существовании так называемого балтийского лагеря, заключенные которого состояли из рекрутированных английской миссией военнопленных и были изъяты из подчинения немецким ведомствам¹⁹¹.

СОВЕТСКАЯ И БЕЛАЯ ДИПЛОМАТИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

Политическое значение репатриации военнопленных признали и другие участники международной игры: большевистское и контрреволюционное правительства. Тесно сотрудничавший с советским

187 Подробнее к деятельности американских организаций помощи среди русских военнопленных см.: *Willis E.F. Herbert Hoover and the russian prisoners of world war I. A Study in Diplomacy and Relief, 1918–1919.* L., 1951; а также *Черноперов В.Л.* Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии 1918–1921 гг. — Иваново, 2006. С. 91.

188 ГАРФ, ф. Р-1845, оп. 1, д. 57, л. 106. Верховному Правителю. Главноуполномоченного РОКК А.Д.Чаманского, февраль 1919 г.

189 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 36, л. 14. Обращение председателя Межсоюзной комиссии в Берлине ко всем русским военнопленным, май 1919 г.

190 Численность русских офицеров из германских лагерей военнопленных в указанной школе достигла 2 тыс. человек. См.: *Бабарыков И.* Киев-Севастополь виа Германия-Англия / *Волков С.В.* (ред.). 1918 год на Украине. — М., 2001. С. 186.

191 *Schlesinger M.* Erinnerungen. S. 140.

представительством Шлезингер отмечал, что «вопрос о военнопленных был для русской [советской — О.Н.] стороны не только гуманитарным вопросом, но и оценивался как первоочередная политическая задача для восстановления дипломатических отношений»¹⁹². А.В. Колчак, в свою очередь, прямо заявлял, что его интересы в деле помощи русским военнопленным «находятся в тесной связи с возможностью использования надежного элемента для борьбы с большевизмом на европейских фронтах в согласии с союзниками»¹⁹³. Однако политика Антанты была двойственна: победители поддерживали белых, не порывая окончательно контактов с большевиками, так как не были уверены, кто выйдет победителем из Гражданской войны¹⁹⁴.

Удачным ходом советской стороны стало использование опыта общественных организаций помощи военнопленным, действовавших при царском и Временном правительствах, а также привлечение к работе репатриационных органов специалистов, имевших контакты за рубежом. В рамках Комиссии по исследованию опыта мировой войны при активном участии функционеров МГК Н.М. Жданова и Д. Навашина началось изучение документации дореволюционных ведомств. Это позволило получить приблизительные данные о количестве и состоянии репатрируемых и начать на их основе разработку последовательной программы действий. Кроме того, функционеры общественных организаций отправлялись за границу, чтобы использовать личные связи для реализации советской внешней политики.

Проводниками интересов антибольшевистских сил стали русские дипломатические представительства, отказавшиеся признать советскую власть. В ответ на аккредитацию со стороны контрреволюционных правительств заграничные миссии высказали идею отправки военнопленных на юг и в Сибирь, в том числе, принудительными методами¹⁹⁵. В качестве первого конкретного шага предлага-

192 *Schlesinger M.* Erinnerungen. S. 34.

193 ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 200, л. 31. Переписка с российскими консулами за границей об отмене эвакуации военнопленных. 23.11.1919.

194 *Katzer N.* Die weisse Bewegung in Russland. Koeln, 1999. S. 341.

195 *Кононова М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.). — М., 2004. С. 100; Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака 1918–1919. Дисс. на соискание степени к.и.н. — М., 1995. С. 183, 187.

лось сформировать из русских пленных десантный корпус для борьбы с большевиками, который должен был высадиться в Одессе¹⁹⁶. Образованное дипломатами Совещание позиционировало себя в качестве представителей победившей стороны и рассчитывало тем самым на полноправное участие в мирной конференции¹⁹⁷. Вопрос о военнопленных, по мнению дипломатов, заслуживал особого внимания: Германия была обязана возместить убытки русскому государству (правда, без уточнения, какому), а также выплатить пенсии и все удержанные суммы самим военнопленным¹⁹⁸.

Подозрительность представителей белого движения по отношению к бывшему противнику в мировой войне базировалась на убеждении, что последний «не покинул видов на скрытый захват русских территорий под предлогом борьбы против большевиков»¹⁹⁹. Пленные в этой ситуации рассматривались как опасное средство осуществления германских планов, реализацию которых могло облегчить бедственное материальное положение заключенных. Соответственно дипломатическое совещание определило своей задачей помешать осуществлению этих намерений, в том числе, путем давления на Берлин. Однако омское правительство, на территориях которого оказалось значительное количество военнопленных Центральных держав, не сумело использовать инструментарий угроз и взаимных репрессий. Высказываемые предложения надавить на немецкую сторону и использовать идущие в Сибирь эшелоны для репатриации русских пленных так и остались пожеланиями²⁰⁰.

196 Однако этим планам не суждено было осуществиться, так как французы предложили генералу более быстрое решение — использование против большевиков собственных колониальных, а также греческих корпусов. См.: Кефели Я. С генералом А.В. Шварцем в Одессе / Волков С.В. (ред.), 1918 год на Украине. С. 348–367.

197 ГАРФ, ф. Р-1845, оп. 1, д. 35, л. 10. Журнал Временного управления по делам РОКК в Киеве. 30.11.1918.; ф. Р-5760, оп. 1, д. 62, л. 5. Представителю Русской миссии Ону от военного агента в Швейцарии. 26.5.1918.

198 Правительственный вестник. 3 июля 1919.

199 ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 198, л. 35. Секретная телеграмма от посла в Париже. 3.5.1919.

200 Там же, лл. 19, 31, 34. Телеграммы российских послов за границей о положении русских военнопленных, апрель–май 1919 г.; ф. Р-1845, оп. 1, д. 57, л. 16. Письмо Чаманского в МИД Омского правительства. 27.2.1919.

Вопрос о привлечении военнопленных в белые армии стал одной из тем сотрудничества командующих антибольшевистских формирований. В апреле 1919 г. Н.Н. Юденич обратился к А.В. Колчаку за финансовой поддержкой в запланированной масштабной операции по вербовке «надежного элемента из числа военнопленных». В течение только первого месяца предполагалось набрать 10 тыс. человек на предоставленный сибирским правительством кредит в 10 млн франков²⁰¹. Подобные контакты были установлены позже между ставками восточной и южной армий. В июне 1919 г. С. Погуляев сообщил военному министру, что направил в Добровольческую армию отряд бывших пленных в составе 500 человек²⁰². В сентябре этого же года уполномоченный Колчака и Деникина Д.Г. Щербачев попытался из Парижа наладить формирование отрядов военнопленных²⁰³.

В стремлении завоевать симпатии пленных как потенциальных сторонников режима представители большевистского и белых правительств развернули масштабную агитацию в лагерях Германии. Основным средством пропаганды становилось представление соперника главным виновником затягивания репатриации. Германское эвакуационное ведомство признавало, что агитация в антибольшевистские формирования проводилась, прежде всего, лицами, снабженными пропусками Межсоюзной комиссии по эвакуации русских пленных²⁰⁴. Причем, представители этой организации осмеливались брать на себя чрезвычайные функции. Так, генерал Н.А. Манкевиц даже попытался отдать приказ о мобилизации военнопленных на территории Германии. Его действия были расценены союзниками как превышение должностных полномочий, и он был вынужден покинуть свой пост русского представителя в Комиссии²⁰⁵. Шлезингер свидетельствовал также, что активную деятель-

201 Там же, ф. Р-200, оп. 1, д. 579-а, л. 1. Секретная телеграмма. 2.4.1919.

202 Там же, д. 198, л. 47. Погуляев военному министру омского правительства. 30.6.1919.

203 Шмелев А.В. Внешняя политика. С. 187.

204 ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 118, л. 83. Военное министерство Германии всем командующим. 21.10.1919.

205 Голос России. 27 августа 1919 г.

ность в лагерях развернули политические беженцы из Советской России, обосновавшиеся в Берлине. К примеру, поддерживаемый французами Русский комитет под руководством полковника А. Брандта являлся представительством Деникина по вербовке военнопленных в антибольшевистские формирования. Промонархические призывы рапространял в лагерях берлинский Союз воинского долга²⁰⁶.

Согласно воспоминаниям одного из делегатов Межсоюзнической комиссии, положение вербовщиков «было довольно затруднительным». С одной стороны, английские делегаты строго запрещали всякую политическую пропаганду среди пленных. С другой — «русское начальство ... твердило: набирайте солдат для армии». Усложняла работу агитаторов позиция самих пленных солдат, большинство из которых любыми путями стремились попасть на родину, опасаясь пропустить раздел помещичьей земли. Пропагандисты были уверены, что предлог записи в белую армию будет использован только для возвращения в Россию, при этом была высока вероятность перехода на сторону большевиков. Эти соображения порождали излишнюю осторожность и стремление досконального изучения каждого возможного кандидата, что не замедлило сказаться на результатах отправки. К примеру, из 10 000 человек, содержащихся в лагере Целле, за время деятельности в нем комиссии было отправлено всего 300 добровольцев²⁰⁷.

Серьезную проблему при организации масштабной агитации в пользу антибольшевистских правительств представляло отсутствие финансирования. Обращения к союзникам за кредитами обычно приводило к затягиванию решения или к отказу²⁰⁸. Отправ-

206 Русским людям, живущим в германских лагерях. Берлин, 1919. За предоставление доступа к этому источнику я благодарю Светлану Андрееву, сотрудницу русско-германского музея Карлсхорст (Берлин).

207 См.: *Бабарыков И.* Киев-Севастополь С. 174, 185. Данная тенденция наблюдалась также в других лагерях. См.: ГАРФ, ф. Р-199, оп. 1, д. 86. Обращение Русско-швейцарского комитета от 12 ноября 1919 г. к русским гражданам о возможности возвращения в Россию для вступления в Добровольческую армию и письма отдельных лиц по этому вопросу; ф. 9488, оп. 1, д. 36, л. 130. Фельдшер лагеря Кассель в Русскую военную миссию доктору Аксенову, август 1919 г.

208 ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 116, л. 79. Телеграмма российского посла в Париже о военном кредите, 14.5.1919.

ки небольших партий солдат и офицеров в деникинскую армию через Англию были в материальном отношении настолько плохо организованы, что военному агенту приходилось экстренно занимать хотя бы небольшие денежные суммы на закупку обмундирования и продуктов²⁰⁹. Сходная ситуация обстояла и с парходной транспортировкой в Сибирь. Первая партия из лагеря Губен жаловалась на голод в пути и пренебрежительное отношение представителей Межсоюзной комиссии и предостерегала бывших товарищей в письме «не верить никаким обещаниям и гарантиям и воздержаться от поездки»²¹⁰. Естественно, что отсутствие обеспечения снижало количество желающих вступить в добровольческие формирования.

Помимо прямой вербовки в белые армии представители антибольшевистских правительств за границей активно использовали образ военнопленных для поддержания антикоммунистических настроений в кругах международной общественности и политических элит европейских государств. Зарубежные издания и печатные органы старой организации Красного Креста публиковали сведения о якобы имевших место массовых расстрелах эвакуируемых военнопленных на территории Советской России после передачи их большевистским властям²¹¹. Дипломаты использовали эти сведения в попытке оказать давление на союзников, приостановить отправку «несчастных пленных» в «Совдепию» и настаивали на внесении этого условия в текст мирного договора²¹².

Немецкая сторона находилась между двух огней. С одной стороны, представительства контрреволюционных правительств, поддерживаемые союзниками, требовали интенсификации вербовки

209 Там же, л. 211. Телеграмма российского посла в Париже о прибытии партии военнопленных в Англию. 23.10.1919.

210 Там же, ф. Р-7494, оп. 1, д. 2, л. 1–4, лагерь Губен, 6.10.1920.

211 См., например: Barch, R 43/2494 k, Der neutrale Delegierte der russischen Abteilung Berner Kriegsgefangenenhilfe, 13.1.1919; ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 23, л. 97. Консульский отдел при представительстве РСФСР в Германии, декабрь 1921 г.; Рувль. 7 марта 1922.

212 См., например: ГАРФ, ф. Р-6171, оп. 1, д. 4, л. 25. Бернское Бюро послу в Париже, 9.4.1919.; Положение русских военнопленных и деятельность Комитета РКК в Швейцарии. С. 15; Голос России. 16 июля 1919.

в лагерях. Под давлением МИД Германии был вынужден признать комитет полковника А. Брандта как представительство русских интересов и дать ему право выписывать удостоверения на посещение лагерей. С другой стороны, из Москвы регулярно раздавались угрозы призвать в Красную армию оставшихся в России немецких военнопленных²¹³. Поэтому немецкое военное ведомство, уверенное в скором падении большевистского режима, продолжало убеждать советское правительство, что оказывает всяческое противодействие пропаганде белогвардейцев в лагерях²¹⁴.

К пересмотру планов всех сторон привело участие пленных в революционных событиях на юге Германии весной 1919 г. Баварские социалисты, стремившиеся преодолеть правые тенденции в развитии нового государства, рассматривали русских солдат в качестве потенциальных защитников революционных идей. В апреле от имени Советской республики в Мюнхене в лагерь Пухгейм было направлено предписание освободить русских для их вступления в революционную Красную армию. Несмотря на сопротивление комендатуры, прибывшие из города вооруженные представители Советов обеспечили новой формой и оружием около 300 пленных и привлекли их к патрулированию мюнхенских улиц. Согласно источникам, почти все они погибли в стычках с Фрайкором или стали жертвами белого террора²¹⁵.

Данный эпизод позволил правым силам в Германии представить всю массу заключенных лагерей как убежденных большевиков, являвшихся опасным инструментом в руках Москвы и спартакистов. Не имея возможности организовать немедленную отправку, Берлин требовал от местных органов усиления дисциплинарных мероприя-

213 *Schlesinger M. Erinnerungen. S. 105.*

214 ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 118, л. 63. Центральному Германскому совету в Москве. 17.11.1919.

215 *BayHStA, M Kr., Nr. 1701, Stellv. GKdo des I. A.K., 31.5.1919; Kommandantur Puchheim, 14.5.1919; В протоколах Советского бюро сообщалось о 150 расстрелянных военнопленных за участие в революционных событиях в Баварии. См.: ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 42, л. 42. Материалы о результатах совещания в демобилизационном управлении и Военном министерстве о возвращении военнопленных на родину, июнь 1920 г.*

тий²¹⁶. Примечательно, что даже представители белых армий, организовывавшие при поддержке Антанты вербовку в антисоветские вооруженные формирования, воспринимались немецкой стороной в качестве большевистских агитаторов и всячески выпроваживались из лагерей²¹⁷. Для пресечения распространения коммунистической пропаганды комендатуры отделяли мнимых и действительных активистов от остальной массы и препровождали их в другой лагерь или в места заключения²¹⁸.

Образ русских военнопленных как потенциальной большевистской угрозы внутри Германии был использован Веймарским правительством в стремлении улучшить взаимоотношения со странами-победительницами. Пытаясь смягчить эффект военного поражения и вновь найти свое место в европейском концерте, военные и дипломатические ведомства представляли Германию в качестве последнего бастиона перед рвущимися в Европу коммунистическими ордами. В адрес представительств Антанты регулярно поступали уверения немецкой стороны, что «...для Германии в первую очередь стоял вопрос победы над большевизмом в собственной стране. В глазах немецкого правительства большевизм — враг любой цивилизации. Для Германии возможность быть форпостом в борьбе с ним снижается из-за тяжелых условий перемирия и продолжающейся блокады». И только в случае смягчения навязанных условий она способна остановить «красную волну с востока, вредному воздействию которой не смогут противостоять страны Антанты»²¹⁹.

Вершиной возможного сотрудничества победителей и побежденных в сопротивлении большевизму виделись военные действия

216 BayHStA, M Kr., Nr. 1701, PKMIN, 24.6.1919; SaechsHStA, 11248, Saechsische Kriegsministerium, Nr.7073, PKMIN, 18.3.1918; Barch R904/580, Chef des Generalstabes des Feldheeres, 26.2.1919. Весной 1920 г. в лагерях было объявлено чрезвычайное положение, так как правительство опасалось вовлечения военнопленных во всеобщее восстание спартакистов. См.: BayHStA, M Kr., Nr. 1704, Mdl, 7.4.1920.

217 Erlangen Stadtarchiv, Fach 94, Akt 280, Vermerk 8278, 1919.

218 BayHStA, M Kr., Nr. 1700, Kommandantur Puchheim, 21.3.1919; Nr. 1702, Kommandantur Erlangen, 8.8.1919.

219 Barch R 904/263, Deutsche Waffenstillstandskommission, Spa, 25.1.1919, Rueckfuehrung der russischen Kriegsgefangenen aus Deutschland.

в Прибалтике. Значительное число русских военнопленных офицеров — выходцев из прибалтийских провинций — были завербованы в формирования П.Р. Авалова-Бермондта, которые под именем «Западнорусской армии» воевали вместе с Фрайкором против Красной армии²²⁰. Как отмечают Х. Ляйдингер и В. Моритц, неожиданный успех данной операции продемонстрировал Антанте, какую опасность кроет в себе вербовка военнопленных и как легко «направленная против красной Москвы» военная инициатива может противоречить ее интересам. С запретом союзников на дальнейшее пребывание немецких частей в Прибалтике попытка немецкой стороны найти свое место в стане победителей потерпела окончательное поражение²²¹. 2 августа 1919 г., после длительных совещаний и подсчетов, страны Антанты передали русских военнопленных на попечение германскому правительству²²².

Э. Виллис, напротив, считает, что в основе отказа победителей от использования потенциала русских военнопленных лежали исключительно экономические расчеты. Нежелание брать на себя финансовые расходы, которые «никогда не окупятся», оказалось сильнее, чем страх перед вступлением вернувшихся военнопленных в армию большевиков. Именно это безразличие союзников автор считает грубейшей военной и политической ошибкой: по его мнению, привлечение накормленных, одетых и обученных солдат и офицеров в антибольшевистские формирования смогло бы изменить течение европейской истории²²³.

Планы Антанты по передаче военнопленных в ведение Германии вызвали серьезное беспокойство сибирского правительства. МИД

220 Шлезингер в своих воспоминаниях свидетельствует, что на офицеров, не желавших отправляться на фронт, оказывалось интенсивное давление. См.: *Schlesinger M. Erinnerungen*. S. 107. Й.Цельт считает, что военнопленные составляли большую часть из 8000-го состава Западнорусской армии. См.: *Zelt J. Die deutsch-sowjetische Beziehungen in den Jahren 1917-1921 und das Problem der Kriegsgefangenen und Internierten // Zeitschrift für Geschichte*. 1967. Н. 3. S. 1022. О военных действиях Западнорусской армии и фрайкора генерала фон Гольца см.: *Liulevicius V.G. Kriegsland im Osten*.

221 См.: *Leidinger H. Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr*. S. 631.

222 ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 198, л. 75. Межсоюзная комиссия. 16.8.1919.

223 *Willis E.F. Herbert Hoover and the Russian prisoners*. P. 59-60.

настаивал на создании в Берлине собственной комиссии для контроля за проведением эвакуации. Планировалось использовать момент для того, чтобы заставить немцев удалить из Германии советскую делегацию и добиться признания представительства Колчака. По замыслам последнего, Веймарское правительство должно было бы за свой счет предоставить нужный тоннаж и репатриировать военнопленных в соответствующие области Сибири, севера и юга²²⁴. Недостаточная активность в реализации этих намерений объясняется усвоенным контрреволюционными правительствами представлением о просоветской ориентации пленных. В связи с этим высказывались опасения, что они «заразят большевизмом Сибирь, не говоря уже о том, что последняя совершенно не подготовлена к принятию нескольких сотен тысяч озлобленных людей»²²⁵. Только с осени 1919 г., когда вопрос был уже фактически разрешен в пользу Советской России, в Берлине начала действовать Русская делегация по делам военнопленных и беженцев во главе с С.Д. Боткиным, которая так и не была признана германским правительством²²⁶.

Отказ союзников от опеки над русскими военнопленными большевики восприняли как свою окончательную победу. М.М. Литвинов на страницах эмигрантской печати сразу же заявил о провале агитации в добровольческие армии и требовал ввести в Межсоюзную комиссию советского представителя. Одновременно он попытался оказать давление на английскую сторону, упорно не желавшую вести переговоры с большевиками²²⁷. 28 февраля 1920 г. между советским и английским правительствами было заключено соглашение о возвращении в Советскую Россию бывших военнопленных, нахо-

224 ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 198, л. 81. Межсоюзная комиссия. 18.9.1919.; д. 200, л. 38. Переписка с российскими консулами за границей об отмене эвакуации военнопленных, февраль 1919 г.; д. 626, л. 1. Особая комиссия по делам пленных при МИД омского правительства. 1 апреля 1919.

225 ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 633, л. 25. Положение русских военнопленных в Германии. 28.8.1919.

226 Кононова М. Русские дипломатические представительства. С. 102.

227 Голос России. 22 дек. 1919; Подробнее к переговорам см.: Черноперов В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии 1918–1921 гг. — Иваново, 2006. С. 97.

дившихся в нейтральных странах. Представители антибольшевистских правительств не сочли возможным противодействовать данному соглашению и ограничились лишь декларацией о недопущении насильственной эвакуации в Советскую Россию²²⁸. В апреле 1920 г. на заключение подобного договора с большевистским правительством пошла и Франция²²⁹.

19 апреля 1920 г. между Германией и Советской Россией было подписано Соглашение об отправке на родину военнопленных и интернированных лиц обеих сторон. Реализацию договора задержала советско-польская война, поэтому к началу октября 1920 г. в германских лагерях все еще оставалось 120650 военнопленных солдат и 945 офицеров²³⁰. 7 июля этого же года было подписано Дополнительное соглашение, согласно которому в Москве и Берлине учреждались миссии по делам военнопленных. Данные организации получили возможность контакта с пленными, апелляции к учреждениям в случае нарушений, а также могли издавать собственный бюллетень²³¹. Реальным последствием подписания документов стал запрет германских военных органов на осуществление антибольшевистской агитации в лагерях военнопленных. Вербовка в белые формирования среди военнопленных старой и Красной армии с этого момента продолжала осуществляться только на территории Польши²³².

Несмотря на это, напряженные отношения Советской России с новыми государствами на ее западных границах не позволили немецкой стороне возобновить регулярную отправку; перспективы же эвакуации морем были перечеркнуты топливным кризисом

228 ГАРФ, ф. 5760, оп. 1, д. 36, л. 2–9. Переписка Российской миссии в Швейцарии с Сазоновым, февраль 1920 г.

229 *Esch M.* Von Verbundeneten zu Kriegsgefangenen: Das russische Kontingent in Frankreich und der Kriegsaustritt der Sowjetunion // Krumeich G. (Hg.) Versailles 1919. Ziele-Wirkung-Wahrnehmung. Essen, 2001. S. 223.

230 *Schlesinger M.* Erinnerungen. S. 145, 147.

231 См.: *Черноперов В.Л.* Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии 1918–1921 гг. — Иваново, 2006. С. 160.

232 К примеру, в октябре 1920 г. 50 тыс. пленных было включено в состав корпуса Б. Савинкова. См.: ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 131, л. 100. Советское представительство в Берлине А. Эйдуку, 15.10.1920.

в обеих странах²³³. Организация транспортировки через Прибалтику стала возможной только после заключения Советской Россией мирных договоров с Эстонией, Литвой и Латвией зимой 1920/1921 гг.

Передача организованному в Берлине Советскому Бюро полномочий по репатриации привела к всплеску большевистской агитации в лагерях. Представительство, которое длительное время оставалось единственной советской миссией на территории Германии, превратилось в настоящий штаб германской революции. С первых дней существования организации его глава Виктор Копп повел переговоры об освобождении находившегося в заключении К. Радека и пытался наладить советско-германский товарообмен под прикрытием Швеции. На первое место в своей миссии он ставил не столько репатриацию, сколько прорыв экономической блокады Советской России²³⁴.

В мае 1920 г. под предлогом необходимости обсуждения деталей отправки в Бюро были вызваны представители лагерных комитетов. За кулисами Совещания, в котором участвовали делегаты от 43 лагерей и рабочих команд, им было предписано присоединиться к деятельности «Русской секции при КПГ». В обязанности ее членов входило установление контактов между лагерями, распространение литературы, организация пропаганды²³⁵. Некоторым лагерным комитетам, действительно, удалось наладить тесные связи с немецкими коммунистами. При активном участии последних отправка очередных партий военнопленных на родину превращалась в большевистские демонстрации²³⁶.

В разгар советско-польской войны в июне 1920 г. в первом номере «Известий Русского бюро военнопленных» было опубликова-

233 РГВА, ф. 34, оп. 5, д. 9, л. 224. Санитарное управление Красной армии об эвакуации военнопленных из Германии. 29.7.1919.; ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 118, л. 94. М.Шлезингер в Наркомат иностранных дел. 7.9.1919.

234 Черноперов В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа. С. 74.

235 HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 4. Russische Sektion der KPD; а также: Zelt J. Kriegsgefangenen in Deutschland. Neue Forschungsergebnisse zur Geschichte der Russischen Sektion bei der KPD (1919–1920) // ZfG. 1967. H. 3. S. 621–638.

236 SaechsHStA, 11248. Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7000, Abtransport der russischen Kriegsgefangenen, 14.9.1920.

но «Воззвание ко всем офицерам, где бы они не находились», подписанное Особым совещанием перешедших на сторону большевиков генералов царской армии²³⁷. Тот факт, что первый номер издания оказался единственным, позволяет предположить, что публикация обращения, которое оказало глубокое воздействие на офицеров в России, была основной целью выпуска газеты. В качестве ответа на этот ход антибольшевистская сторона сформировала при берлинской национально-консервативной газете «Призыв» попечительское бюро для русских офицеров. Организация убеждала последних вступить в ряды армии П.Н. Врангеля и «разбить врагов России»²³⁸. Газеты антибольшевистской эмиграции призывали союзников и немецкую сторону изолировать в лагерях интернированных красноармейцев, чтобы не допустить распространения их влияния на пленных солдат и офицеров бывшей царской армии²³⁹. Однако ни эти призывы, ни инициированные Немецкой национальной партией парламентские слушания по поводу «коммунистического террора» среди военнопленных²⁴⁰ не привели к прекращению большевистской агитации в лагерях, так как последняя определялась немецкой стороной как внутреннее дело Советской России.

В напряженной ситуации в Центральной и Восточной Европе после окончания войны и советско-польского конфликта важнейшей посреднической инстанцией в вопросах содержания и отправки военнопленных стал Комитет помощи Ф. Нансена, организовавший в январе 1921 г. совместную встречу заинтересованных сторон. Благотворительный фонд брал на себя снабжение столь дефицитным в Германии и России топливом, а также переговоры с агрессивно настроенными Польшей и прибалтийскими государствами²⁴¹.

237 Известия русского бюро военнопленных. 1920. июнь № 1.

238 Baur J. Zwischen «Roten» und «Weissen». S. 106.

239 Рувль. 28 января 1920 г.

240 BayHStA, (Stellv.) Bayer. Militaerbevollmaechtiger in Berlin, Nr. 36, Reichstag, 22.11.1920.

241 ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 131, л. 86. Конференция представителей органов, ведающих эвакуацией военнопленных в России и Германии, Комитета помощи Нансена, МККК и представителей Красного Креста России, Германии и Австрии. 20.1.1921.

Под знаменем МККК и Комиссариата Лиги наций из Центральной Европы в Россию за два последующих года было эвакуировано около 252 тыс. бывших пленных²⁴².

Резюме

Первая мировая война ознаменовала собой рубеж начального этапа развития современного гуманитарного права. К концу первого десятилетия XX в. при содействии стран — будущих участниц конфликта — был сформулирован набор положений по регулированию содержания военнопленных и деятельности нейтральных благотворительных организаций. Однако совершенно новый тип военного противостояния сделал невозможной реализацию многих норм, основанных на традициях предыдущей эпохи. И если на Западном фронте в ходе войны были подписаны дополнительные соглашения, смягчавшие условия содержания попавших в плен солдат и офицеров, то на Восточном фронте подобная практика реализовывалась с трудом. Сменявшие друг друга правительства в России по разным причинам не сумели расширить поле действия международного права и облегчить участь собственных подданных в лагерях Центральных держав. Более того, положение русских военнопленных было отягощено репрессивными мероприятиями, которые в годы войны превратились в часто используемое средство давления на противника.

До Февральской революции помощь пленным развертывалась в условиях правового вакуума и негласных запретов, отсутствия планомерной организации и координации действий и была обречена на провал. Стереотипные установки дореволюционных органов и инструментализация образа врага повлекли за собой катастрофические последствия. Стигма предательства, а также карательные мероприятия, предписанные по отношению к попавшим в плен и их семьям, отрицательно сказывались не только на физическом, но и на психологическом состоянии заключенных в лаге-

242 Willis E.F. Herbert Hoover and the Russian prisoners. P. 62.

рях. Неспособность и нежелание политических и военных ведомств обеспечить материальную и политическую поддержку пленным привели к активизации деятельности организованной общественности, которая попыталась реализовать собственное видение вопроса мобилизации ресурсов на военные цели. Однако разрозненные усилия благотворительных комитетов не смогли в корне изменить ситуацию.

Попытка Временного правительства пересмотреть установки своих политических предшественников натолкнулась на недостаток средств и дипломатического влияния. В условиях массового братания солдат «демократической России» с противником новая власть отошла от объявленного ею принципа прощения «жертв прежнего режима» и вернулась к подозрительности и репрессиям в адрес пленных. Несмотря на поддержку организованной общественности, Временному правительству не удалось провести унификацию институтов помощи и придать ей масштабный государственный характер.

В условиях революционных потрясений в Центральной и Восточной Европе репатриация военнопленных «старой армии» приобрела не столько гуманитарное, сколько политическое значение. Солдаты и офицеры, находившиеся в немецких лагерях, рассматривались сторонами как резервуар для революционных и контрреволюционных формирований, средство давления на противника и повышения международного престижа. Антибольшевистская истерия в Германии обусловила стремление немецкой стороны как можно скорее избавиться от взрывоопасного контингента. Финансовые соображения и восприятие пленных как убежденных коммунистов привели к отказу Антанты от попыток привлечения их в состав интервенционных формирований. Приверженность антигерманским настроениям и желание действовать исключительно с ведома союзников не позволили белым правительствам осуществить массовую вербовку военнопленных в свои армии. И хотя невозможно говорить о безоговорочном успехе большевистской пропаганды в лагерях, советской стороне удалось с максимальным эффектом использовать вопрос репатриации для реализации своих внешнеполитических задач.

Что же касается положения внутри страны, то вопреки мощной атаке большевиков на благотворительные комитеты в первые годы

существования нового режима общественным организациям удалось сохранить остатки самостоятельности и даже оказывать давление на власть в рамках критики неудач репатриации. Особое место в ряду благотворительных комитетов занимали союзы самих пленных, которые путем поддержания социальных сетей пытались сохранить идентичность своего сообщества. И только в начале 1920-х гг. советской власти полностью удалось поставить под свой контроль общественную активность и саму дискуссию по вопросам плена. Несомненно, правовое поле, позиция государственных институтов и публичная дискуссия о войне стали определяющими факторами при формировании пространства опыта плена и его восприятии солдатами и офицерами русской армии.

глава III Пространство лагерного опыта

III.1. МОРФОЛОГИЯ ЛАГЕРЯ¹, МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

На сегодняшний день исследователи едины во мнении, что к началу Первой мировой войны Германия не была готова к размещению такого количества пленных солдат и офицеров противника и их обеспечению в условиях затянувшегося противостояния². Учитывая опыт Франко-прусской войны 1870–1871 гг., немецкие военные рассчитывали принять 150 тыс. военнопленных и отправить их по домам после победоносного окончания военных действий к Рождеству 1914 г. Однако уже в конце августа 1914 г. в ходе битвы при Танненберге в немецком плену оказалось 92 тыс. русских солдат и офицеров, а к весне

- 1 Понятие «морфология лагеря» охватывает целую палитру его функций и проявлений как социального, архитектурного и ментального комплекса. Взгляд на лагерь в исследовательской перспективе единства времени, места и действия позволит выявить характерные для того периода властные практики организации пространства принуждения, а также восприятие и освоение этих конструктов историческими актерами. Подробнее о данном аналитическом ракурсе см.: *Armanski G. Maschinen des Terrors. Das Lager in der Moderne.* Muenster, 1993; *Herbert U. u.a. (Hg.) Die nationalsozialistischen Konzentrationslager. Entwicklung und Struktur.* Goettingen, 1993; *Armanski G. Die Gewaltmaschine. Das Lager als Signum und Stigma des Jahrhunderts // Signar N. (Hg.) Ordnungen der Gewalt. Beitrage zu einer politischen Soziologie der Gewalt und des Krieges.* Oppladen, 1999. S. 141–145; *Schloegel K. Im Raume lesen wir die Zeit. Ueber Zivilisationsgeschichte und Geopolitik.* Muenchen, 2003.
- 2 См.: *Sergeev E. Kriegsgefangenschaft und Mentalitaeten.* S. 358; *Hinz U. Gefangen.* S. 71.

1915 г. их число достигло полумиллиона³. Столь мощный приток безоружных врагов поставил организацию их содержания на грань катастрофы.

В первые полгода войны — период, обозначенный исследователями как «фаза импровизации», пленные скученно размещались в палатках, землянках и просто под открытым небом без должного питания, обмундирования и медицинского обеспечения, что повлекло за собой массовые эпидемии холеры и тифа и высокую смертность. Со строительства основных лагерей весной 1915 г. началась краткая «фаза организации», во время которой был установлен минимальный стандарт содержания военнопленных и сложились условия для расцвета лагерной культуры. Третья «фаза вторичной дифференциации», связанная с возникновением системы принудительного труда, началась, по мнению историков, с середины 1915 г. и продлилась вплоть до 1922 г. На этом этапе около 120 лагерей были дополнены несколькими десятками тысяч рабочих команд⁴.

У. Хинц приходит к выводу, что содержание военнопленных эволюционировало вместе с системой лагерей, которая выросла практически на пустом месте⁵ и превратилась в достаточно громоздкую структуру. В прифронтовой зоне и на оккупированных территориях военнопленные оставались в ведении Верховного командования, фактически не связанного определениями международного права и контролем нейтральных организаций. В тылу империи лагеря и рабочие команды подчинялись командованию военного округа одного из армейских корпусов, при котором создавались специальные отделы и инспекции. В свою очередь, армейские корпуса контролировались соответствующим военным министерством. Унификацию условий содержания усложняла федеральная организация военных ведомств в Германской империи. Несмотря на координирующую роль Департамента размещения ПВМ, Баварское, Вюртембергское и Саксонское военные министерства имели возможность игнориро-

3 См.: *Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront. S. 74 ; Oltmer J. Unentbehrliche Arbeitskraefte. S. 74.*

4 См.: *Hinz U. Gefangen. S. 21.*

5 *Ebenda.*

вать рекомендации Берлина и реализовать на местах собственную политику. На протяжении войны чиновники ПВМ путем регулярных совещаний и обобщающих распоряжений пытались преодолеть пропасть, возникшую между центром и ведомствами на местах. Однако далеко не всегда их усилия увенчивались успехом.

КОНСТРУИРОВАНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ ЛАГЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА

По своему типу места содержания пленных разделялись на несколько категорий: проходные, основные (офицерские и солдатские), агитационные, штрафные лагеря, а также (с 1915 г.) сельские, промышленные и прифронтовые рабочие команды. Первый вид лагерей был в большей степени распространен на Восточном фронте, где в виду высокой заболеваемости требовалась карантинизация вновь прибывших⁶. В течение месяца пленные проходили процедуры дезинфекции и прививок, после чего они распределялись по основным лагерям и оттуда по рабочим командам. Иногда функцию карантина выполняла отделенная колючей проволокой от остальной территории лагерная зона с дезинфекционной камерой и прачечной. В агитационные лагеря на привилегированное содержание переводились представители национальных меньшинств Российской империи, в отношении которых немецкие военные органы планировали реализовать мероприятия сепаратистской пропаганды. Население штрафных лагерей составляли солдаты и офицеры, несколько раз предпринимавшие попытки побега, подозреваемые в шпионаже, саботаже и подстрекательстве товарищей к неповиновению лагерной администрации. Временно сюда на солдатский паек переводились офицеры, выбранные в качестве объекта межгосударственных репрессий⁷. Для солдат, отказывавшихся работать или обвиненных в нападении на охрану, были организованы неофициальные штрафные команды на горнодобывающих пред-

6 HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 922, PKMIN, 9.6.1915.

7 См.: *Нагорная О.С.* Санкционированное принуждение и произвольное насилие по отношению к российским военнопленным в немецких лагерях (1914–1922) / Проблема насилия в истории России. Челябинск, 2007. С. 17–33.

приятнях. Здесь они находились под усиленной охраной, переводились на более жесткий режим содержания и привлекались к изнурительному физическому труду⁸.

Главной единицей немецкой системы плена и своеобразным институтом социализации для вновь прибывших заключенных стал основной лагерь. Для обеспечения контроля над многотысячной массой использовался принцип разделения лагерного пространства на более мелкие зоны двойной колючей проволокой высотой в 2–2,5 метра. Крупные лагеря разбивались на кварталы широкими, хорошо освещенными улицами. Жизненно важные объекты — продуктовые склады, оружейная, прачечная, электростанция и бараки охраны — выносились за пределы лагеря. На наблюдательных постах размещались «пулеметы с достаточным запасом патронов и постоянным обслуживанием»⁹. В экстренной ситуации ворота закрывались, и заключенные полностью изолировались от внешнего мира. В основном лагере солдатам присваивался номер, выдавалось обмундирование с отличительными знаками, вновь прибывшие знакомились с распространявшимися на них немецкими дисциплинарными и уголовными нормами. Через основной лагерь осуществлялся обмен корреспонденцией с родственниками и благотворительными комитетами, сюда отправлялись на лечение больные из рабочих команд. Здесь новички изучали стратегии выживания, накопленные старожилami.

Иную конструкцию представляли собой офицерские лагеря. Старшие чины размещались преимущественно в немецких крепостях или пустующих казармах, переоборудованных с началом войны в жилые помещения для военнопленных. Согласно предписанию ПВМ об «Основах содержания военнопленных офицеров и солдат в Германии» от 15 февраля 1915 г., «офицерам предоставлялось маленькое, но подходящее для этого помещение, генералы размещались в отдельных комнатах»¹⁰. В соответствии с Гаагской конвенци-

8 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6908, PKMIN, 29.7.1915; 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 142, Inspektion...der XII. und XIX A.K., Ueberfuehrung von Kriegsgefangenenoffizieren in andere Lager.

9 К описанию лагерей см: *Weltkrieg 1914/16. Bilder vom Kriegsgefangenenlager Gaenswiese in Ulm an der Donau*, Ulm 1916; *Otte K. Lager Soltau*. S. 29; *Военнопленные врачи*. С. 14; и др.

10 *Hinz U. Gefangen*. S. 94–95.

ей и по результатам переговоров с русским правительством для пленных офицеров было установлено денежное содержание в зависимости от ранга. Младшие офицеры получали 600 руб., старшие — 900, генералы — 1500 руб. в год по обменному курсу 1 марка — 44 коп.¹¹ Из предоставляемой суммы военнопленные офицеры покрывали расходы на питание, включавшее в себя пиво и легкое вино, оставшиеся деньги выдавались им на руки для покупки в лагерных лавочках дополнительных продуктов и необходимых предметов потребления. Пленным разрешалось получать из дома посылки, в том числе запрещенные к продаже в лагере шоколад и табак. После установления английской морской блокады ситуация с питанием в Центральных державах стремительно ухудшалась, что отрицательно сказывалось не только на военнопленных, но и на местном населении. В связи с этим офицерам противника было разрешено заказывать продуктовые пакеты за границей. Согласно отчетам комендантур, несмотря на царящую в Германии дороговизну и дефицит, через кантины из офицерских лагерей рассылались заказы на швейцарские часы, немецкие оптические приборы, мейсенский фарфор, украшения и музыкальные инструменты¹². Этот факт подтверждает в своих мемуарах А.А. Успенский: «Вообще многие офицеры немало оставили своих денег в Германии, выписывая разные предметы: копии знаменитых картин, предметы роскоши для будущих подарков при возвращении домой»¹³.

Для организации повседневной жизни группе в 5–10 офицеров было позволено иметь одного ординарца той же национальности. Отчеты крепости Кёнингштейн позволяют предположить, что генералам полагался собственный денщик, при условии, что он не служил этому же лицу до попадания в плен¹⁴. Немецкие органы стара-

11 См.: BayHStA, Stellv.Intendantur des III.A.K., Nr. 456, PKMIN. 20.9.1916.

12 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6994, Kommandantur Doebeln, 20.10.1917; а также: *Speed R..B. Prisoners, Diplomats and the Great War*. P. 71.

13 В плену. Ч. 1,2. Каунас, 1933. Опубликовано на сайте «Русская армия в Первой мировой войне». (<http://www.grwar.ru/library/Uspensky-capt-1/>)

14 См.: SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 142, PKMIN. 17.2.1916. Ueberfuehrung von russischen Offizierburschen nach dem Lager Quedlinburg; PF-BA. ф. 6169, оп. 1, д. 172, л. 1.

лись вводить в быт высших чинов определенные улучшения. Например, в сентябре 1916 г. ПВМ предписало обеспечить всех лампами для чтения и письма¹⁵. В отличие от пленных солдат, которые уже с весны 1915 г. начали массово привлекаться к принудительным работам в структурах немецкой военной экономики, офицеры были освобождены от физического труда. Им была предоставлена возможность организовать свой досуг в виде театральных представлений и лекций на различные темы. Для поддержания физической формы офицеры за свой счет оборудовали теннисные корты, футбольные и гимнастические площадки.

Общая организация пространства за колючей проволокой предполагала наличие дополнительных мест прямого и косвенного контроля. Почти в каждом лагере имелись арестные камеры; плац, где военнопленные выстраивались на трехразовые ежедневные поверки, выполняли обязательные гимнастические упражнения, а также отбывали наказания, принятые в немецкой армии: бег по плацу с мешком песка за спиной, привязывание к столбу и т.д.¹⁶. Здесь же проводился личный досмотр и изъятие запрещенных предметов. Пространство принуждения формировалось и символическим путем: все лагерные объекты были снабжены обозначениями на немецком языке¹⁷, что постоянно напоминало пленным об их подчиненном статусе. Примечательно, что вокруг лагерей прифронтовой зоны немецкое командование проводило смену указателей, чтобы затруднить пленным попытку побега¹⁸. Колючая проволока превратилась для заключенных в напоминание о несвободе и подчиненном положении: «Эти постоянно следящие за тобой часовые ужасно действуют на нервы, вместе с тремя рядами колючей проволоки и стоящими против лагеря 4-мя орудиями»¹⁹. Тем не менее, подчиняясь навязанной немецкими органами конструкции пространства,

15 См.: BayHStA, Stellv.Intendantur des III.A.K., Nr. 456, PKMIN. 4.2.1916.

16 HStA Stuttgart, E 151/03, Bue 93, Intendantur des XIII. A.K., 13.10.1917.

17 Barch-MA, MSg 201/303, Album mit 28 Aufnahmen aus verschiedenen deutschen Lagern.

18 GStA PK, HA I, Rep 87 A, 16357, Der Chef der deutschen Verwaltung für Litauen, 7.12.1916.

19 Жданов. Русские военнопленные. С. 163.

военнопленные сумели освоить его заново, придав определенным местам собственные значения.

В ситуации плохого обеспечения и постоянного голода излюбленным местом для военнопленных солдат стала кухня. Работа здесь считалась особой привилегией. После разрешения организовывать в смешанных лагерях национальные кухни русская чайная стала местом «ежевечернего столпотворения» и обмена информацией, в том числе и политического характера²⁰. Местом духовного утешения и убежищем от угнетающей действительности в лагерях стали церкви, которые маркировались пленными как «свое», недостижимое для «чужих» пространство, поэтому чаще всего они использовались как комнаты для совещаний при подготовке побегов.

Одновременно негативно и позитивно военнопленные воспринимали лагерные госпитали. Во время частых эпидемий лазареты воплощали в себе облик неминуемой гибели: нехватка медикаментов и обслуживающего персонала привела к тому, что больные не получали достаточного ухода, лежали рядом с умершими и практически не имели шансов на выздоровление. Упорядочивание системы лагерей означало и улучшение медицинской организации. На более поздних этапах попадание в лазарет обещало пребывание в относительно чистом помещении, освобождение от тяжелых работ, дополнительный рацион мяса, хлеба и даже шоколада²¹. Кроме того, пациенты госпиталей пользовались сочувствием товарищей и поддержкой лагерного комитета, жертвовавшего им большую часть продуктовых и вещевых посылок. Неслучайно каждое утро к лагерному околотку выстраивалась целая очередь мнимых и действительных больных. Специализированные лазареты (для туберкулезников и психических больных), размещенные вне пределов лагеря, рассматривались военнопленными как менее охраняемая территория, с которой проще совершить побег²².

Важную роль при формировании пространства нового опыта плена для русских солдат и офицеров сыграло постоянное переме-

20 Сквозняк. 1917. № 2.

21 HStA Stuttgart, M 1/8 Bue 222. Spanische Botschaft, 1917.

22 SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 739, Kommandantur DoebeIn, 1917.

щение. Принудительный труд в немецком народном хозяйстве обусловил их отправку из основных лагерей в рабочие команды, тыл и прифронтовые зоны, сезонные переводы из сельскохозяйственных на промышленные предприятия. Из-за нехватки специалистов различного рода в лагерях проводился целенаправленный отбор, после которого военнопленные определенных профессий распределялись по разным районам страны. Практиковалось регулярное перемещение истощенных работников с оккупированных территорий на отдых в тыл империи²³. Кроме того, вследствие постоянного дефицита сельскохозяйственных рабочих были заключены соглашения о переводе русских солдат в Германию из Австро-Венгрии²⁴. Оттуда же возвращали беглых и пойманных офицеров, которые направлялись в штрафные лагеря. Солдаты, согласно договорам, оставались на территории страны, где они были задержаны²⁵. После принятия решения о намеренном смешении национальностей между лагерями начался обмен крупными партиями англичан, русских и французов²⁶.

Постоянные перемещения ожидали военнопленных в случае их принадлежности к определенной группе. Так, санитарный персонал и священники направлялись в разные лагеря с целью их равномерного распределения. В 1915 г. ПВМ разрешило соединять в одном лагере ближайших родственников. Представители национальных меньшинств подлежали сбору в агитационных лагерях. После заключения соглашений между державами-противницами на Восточном фронте распространилась практика интернирования тяжелобольных военнопленных в нейтральных Швейцарии и Дании с промежуточными сборами в специальных лагерях для медицинского освидетельствования. Тем самым миграция внутри лагерной систе-

23 Barch R 3003/464, PKMIN, 29.11.1916, Austausch von in Deutschland beschaeftigten Kriegsgefangenen aus der Etappe.

24 См.: Barch, R 3003/464, PKMIN, 14.7.1915; SaechsHSta, 11352, Stellv. GKdo, Nr. 727, Inspektion der Kriegsgefangenenlager XII. und XIX. A.K., 31.7.1918. См. также: *Moritz V. Zwischen Nutzung und Bedrohung*. S. 140.

25 SaechsHSta, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 623, Stellv.GKdo des I.A.K., 28.10.1916, Flucht der Kriegsgefangenen unter Zuhilfnahme der Eisenbahnen; Nr. 727, Inspektion der Kriegsgefangenenlager XII. und XIX. A.K., 31.7.1918.

26 Barch R 3003/464, PKMIN, 14.2.1916.

мы давала военнопленным возможность развеять монотонность принудительного существования, позволяла осуществлять обмен информацией между лагерями и различными категориями пленных и расширяла пространство нового опыта.

РАЗМЕЩЕНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ

В распоряжениях немецкого военного командования от августа 1914 г. пленным рекомендовалось сосредотачивать в палаточных лагерях вблизи гарнизонов и строго отделять от гражданского населения. Условия размещения определялись из расчета 18 кв.м на старшего офицера, 12 кв.м на младших и 2,5 кв.м на унтер-офицеров и солдат. Низшим чинам полагалось выдавать соломенный мешок, 2 одеяла, полотенце и столовый прибор²⁷. Однако в первые же месяцы наплыв военнопленных превысил ожидаемое количество и вынудил в спешном порядке создавать временные убежища (землянки, палаточные лагеря), в которых не выдерживались установленные нормы санитарного, продовольственного и материального обеспечения.

Только к середине февраля 1915 г. удалось выработать общие для всех лагерей нормы. Пища определялась простая, но достаточная для поддержания рабочего состояния. Тогда же ПВМ решило поставить питание военнопленных на научную основу. В качестве консультанта по этому вопросу был приглашен директор Кенигсбергского сельскохозяйственного института профессор А. Бакхаус. В апреле в лагеря было разослано распоряжение, регламентирующее количество, качество питания и совмещение продуктов. Дневная норма на одного военнопленного была установлена в 2700 калорий, из которых 85 г. составлял белок, 40 г. жиры и 475 г. углеводы. Естественно, что соблюдение установленных норм на местах зависело от поставщиков и компетенции сотрудников комендатур. В некоторых лагерях были созданы свои огороды и животноводческие хозяйства, чтобы хоть частично компенсировать растущий дефицит продуктов. В ходе войны определенные нормы не раз пересматривались в сторону уменьшения в связи с ухудшением обеспечения

27 *Hinz U. Gefangen. S. 92–94.*

в Германии и возрастанием роли принудительного труда. В марте 1916 г. калории перераспределили в зависимости от трудовой деятельности: неработающему пленному теперь полагалось 2100 калорий, занятому на тяжелых работах — 2900 калорий. Как считает У. Хинц, достаточное питание в условиях морской блокады рассматривалось в Германии не как долг честного ведения войны, а как инструмент достижения экономических и политических целей²⁸.

Источники позволяют реконструировать не только общие нормы калорийности, но и лагерное меню, а также реакцию на него самих потребителей. В июне 1915 г. в Берлин на специальные курсы были собраны офицеры большинства лагерей, ответственные за организацию питания. Основываясь на результатах работы созданной при ПВМ экспериментальной кухни, профессор Бакхаус рекомендовал образцовое меню, состоявшее из различного рода похлебок (соевой, молочно-кукурузной, фасолевой) и картофельных блюд (с соевой мукой, селедкой, шпинатом)²⁹. С течением времени на смену даже столь неприхотливым продуктам пришли многочисленные суррогаты. Во второй половине 1916 г. употребление мяса сократилось до одного раза в неделю, с января 1917 оно окончательно исчезло из рациона³⁰. В Вюртемберге с зимы 1916 г. в рацион пленных ввели конину. Причем, комендатурам рекомендовалось кормить ею исключительно русских солдат, так как более восприимчивые к качеству пищи французы сразу же распознавали замену и высказывали резкий протест³¹.

Русские военнопленные, практически не получавшие продуктовой помощи из России и привязанные, таким образом, к немецкому рациону, постоянно жаловались на недостаточность и непривыч-

28 *Hinz U. Gefangen. S. 207-223.*

29 *Ernaehrung der Kriegsgefangenen im Deutschen Reich. Bericht ueber den Kursus für Verpflegungsoffiziere der Gefangenenlager vom 22. bis 25.06.1915 in Berlin. Im Auftrag des Kriegsministeriums erstattet von Prof. Dr. Backhaus. S. 26-146.*

30 *Frendt A. Das Kriegsgefangenenlager Puchheim. S. 52, 67.*

31 *HStA Stuttgart, M 17/2, Bue 226, Abteilung 4 des XIII. A.K., 30.09.1916.* Данное распоряжение еще раз подчеркивает стереотипно-ошибочное представление немецкой стороны о своем противнике. Среди русского крестьянства потребление в пищу конины было табуизировано. За указание на это противоречие я благодарю И.В. Нарского.

ность пищи. В своей статье о питании в лагерях Г. Альбрехт отмечал, что русские отказывались от неизвестных блюд в любой форме, поэтому некоторые ингредиенты им приходилось подавать в виде пюре и супов. Однако такая форма не могла удовлетворить требований привыкшего к большому объему пищи русского желудка, соответственно пленные данной национальности ощущали субъективное чувство голода³². Основные претензии вызывала слишком маленькая дневная норма хлеба, а также его состав из картофельной муки, шелухи и других примесей³³. Кроме того, русские пленные жаловались, что любимая немцами кислая капуста вызывает у них расстройство желудка. Немецкое командование с оглядкой на судьбу собственных граждан в России предложило лагерям разбавлять капусту водой и заглушать чувство вечернего голода чаем. При этом рекомендовалось в соответствии с привычками русских давать им к чаю кусочек сахара и по возможности готовить национальные блюда³⁴. Растущую однообразность пищи немецкие военные органы пытались компенсировать отменой запрета на алкоголь. ПВМ предлагало продавать под строгим надзором по воскресеньям, вторникам и пятницам белое или фруктовое вино не крепче 8 % по 1/5 литра на человека или квас и пиво по 1/4 литра³⁵.

Господствовавший в германских лагерях среди русских пленных голод стал одним из важнейших факторов, обусловивших восприятие нового опыта и формирование определенных образцов поведения и стратегий выживания. Военнопленные вспоминали, что мысли о еде занимали их в лагере постоянно: «Ходишь и весь день от завтрака ждешь обеда, а от обеда — ужина». Многие из них пыта-

32 Albrecht G. Die Ernaehrung der Kriegsgefangenen // Hoffmann W. (Hg.) Hygiene. Handbuch der Aertzlichen Erfahrungen im Weltkriege 1914/1918. Bd. VII. Leipzig, 1922. S. 139–161. Статистика потребления в дореволюционной России подтверждает преобладание в рационе населения продуктов растительного происхождения, большую часть из которых составлял хлеб. Подробнее см.: Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. С. 519–531.

33 Staatsbibliothek zu Berlin. Zeitungen aus Kriegsgefangenen- und Internierungslagern 1914–1918.

34 GStA PK, HA I, Rep 87 B, Nr. 16102, PKMIN, 5.2.1916, Ernaehrung der Kriegsgefangenen.

35 GStA PK, HA I, Rep 87 B, Nr. 16102, PKMIN, 24.3.1916, Ernaehrung der Kriegsgefangenen.

лись прибегнуть к примитивным хитростям для обмана желудка: копили две-три порции, чтобы потом съесть их сразу, пытались заснуть перед едой, чтобы время шло быстрее³⁶.

В худшем положении с питанием оказались пленные, работавшие на этапах и в промышленности и лишённые возможности получать хотя бы редкие посылки из дома. По признанию Г. Альбрехта, «в их внешнем виде налицо присутствовали все признаки крайней степени недоедания: бескровный вид, отсутствие интереса, подавленность, отеки, сердечная недостаточность, пневмония, бронхиты, катары». Далее автор приводит результаты работы комиссии немецких профессоров по обследованию 1175 русских военнопленных на верхнесилезских промышленных предприятиях, которая обнаружила у 11,6 % исследованных анемию в легкой и средней форме, а 7,5 % поставила диагноз недоедания³⁷. Сходная картина наблюдалась и среди пленных, работавших в прифронтовой зоне и в оккупированных областях. Так, в один из саксонских лагерей в июле 1917 г. с фронта были переведены 887 русских солдат с диагнозом недоедания. 220 из них признаны нетрудоспособными, остальные — малоработоспособными. Наилучшим методом восстановления физического состояния пленных была признана

36 Русские ведомости. 1915. 31 окт. По мнению П.Сорокина, изучавшего влияние дефицита питания на население в годы Первой мировой и Гражданской войн, резкая и быстрая перемена пищевого режима не только нарушала обычные функции организма и требовала от него новых форм приспособления для усвоения новой пищи, но и полностью меняла характер поведения отдельного индивида и социальной группы в целом. И хотя социолог не обращался непосредственно к опыту военнопленных Первой мировой войны, его основные выводы вполне применимы к ситуации с питанием в лагерях. Согласно Сорокину, заложенный в человеке рефлекс самозащиты всегда толкает его к совершению ряда защитных действий, однако в условиях длительного голодания у организма не остается сил на их выполнение: «разум мутится, наступает полубредовое состояние, апатия, инертность, вялость, безразличное отношение ко всему, ослабевает воля к жизни». Кроме того, голод ослабляет «группозащитные» рефлексы, извращает половое влечение, подавляет «рефлекс свободы», религиозные, правовые, моральные, эстетические и другие формы социального поведения. См.: Сорокин П. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003. С. 155-231.

37 Albrecht G. Die Ernährung der Kriegsgefangenen S. 161; SaechsHSta, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 540, Inspektion der Kriegsgefangenenlager, 29.05.1917.

отправка в поместья, «где они будут хорошо питаться и находиться на свежем воздухе»³⁸.

В сельских командах ситуация с питанием обстояла гораздо лучше. С весны 1916 г. ПВМ отказалось от обеспечения военнопленных продуктами из лагерей и переложило его на самих хозяев³⁹. Как правило, солдаты питались за одним столом с работодателями или, по крайней мере, получали пищу обильнее, чем их товарищи в основных лагерях и промышленных командах. Неудивительно, что при распределении на работы пленные всячески стремились попасть именно в деревню и остаться там любой ценой. Заметив заинтересованность работодателей в высокой производительности труда, работники использовали это как фактор давления и оказывали пассивное сопротивление при недостаточном, с их точки зрения, питании⁴⁰.

Только после передачи обеспечения в руки победителей в феврале 1919 г. для русских пленных наступил краткий период относительного благополучия в виде дополнительного пайка хлеба, а также продуктов из США и Дании⁴¹. После возвращения скупого немецкого рациона в августе того же года ситуация в лагерях снова ухудшилась, особенно это сказалось на больных, которые, по словам одного из советских наблюдателей, чувствовали себя обреченными и заброшенными⁴².

Обеспечение военнопленных обмундированием также представляло для немецкой стороны непреодолимую трудность. Предусмотренные планами поставки с военных складов вскоре были остановлены из-за недостаточности запасов даже для действующей армии. Поэтому прибывавшие с фронта партии пленных долгое время донашивали имевшуюся у них на момент пленения одежду до полностью непригодного состояния. Но даже эта малость часто подлежала конфискации. В сентябре 1914 г. ПВМ приказало отбирать у русских военнопленных сапоги, которые из-за качества выделки кожи подлежали отправке

38 SaechsHSta, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 177. ПВМ. 18.7.1817.

39 GStA PK, HA I, Rep 87 B, Nr. 16102, Charlottenhof bei Vietz, 3.4.1916.

40 Hinz U. Gefangen. S. 231.

41 Frenndt A. Das Kriegsgefangenenlager Puchheim. S. 52, 67.

42 ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 202, л. 1–11. Санитарно-медицинские отчеты об инспектировании лагерей. 1920 г.

в запасники для солдат немецкой армии⁴³. Отсутствие обуви на замену породило на местах практику выдачи деревянных башмаков, которые по признанию носивших сильно натерли ноги и делали ходьбу чрезвычайно болезненной. Сами солдаты изготавливали из подручных материалов лапти или привязывали к ноге дощечки от посылочных ящичков. Редким подспорьем становилась помощь нейтральных организаций. О ее недостаточности свидетельствует юмористическая публикация в нюрнбергской лагерной газете «Сквозняк» под названием «Ботинки!..Ботинки!..» о получении от Лионского комитета 50 пар обуви: «Что придумашь? Как раздавать их? Послать в деревню, лагерь обидится; раздать в лагерь — фабричные м...у развить пригрозят. Раненым отдать — но каким? ... Так и маются люди, ночей не спят и никак не придумают, как 50 парами 2000 народу обуть»⁴⁴.

ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ

Размещение пленных и строительство постоянных лагерей оставались основной проблемой немецких военных органов до лета 1915 г. Преобладание временных жилищ и царящая антисанитария привели к вспышке заболеваний тифом осенью-зимой 1914–1915 гг. По данным немецкой энциклопедии врачебного опыта, только в этот период заболело 44732 военнопленных. В своем официально-парадном описании гигиенического состояния лагерей Г. Альбрехт все же был вынужден мимоходом затронуть вопрос об их неуклюжести санитарным персоналом, расхваливая самоотверженную работу в лазаретах начинающих студентов-медиков, «знаний которых не хватило, чтобы распознать нехарактерную для Германии эпидемию»⁴⁵. В некоторых лагерях с тифом продолжали

43 BayStA, Stv.GenKdo I. A.K., Nr. 2004. PKMIN, 15.9.1914.

44 Сквозняк. 1917. № 1.

45 *Gaertner A. Einrichtung und Hygiene der Kriegsgefangenenlager // Hoffmann W. (Hg.) Hygiene. Handbuch der Aertzlichen Erfahrungen im Weltkrieg 1914/1918. Bd. VII. Leipzig, 1922. S. 228.* Деятельность неквалифицированных студентов в лагерных госпиталях подтверждают также воспоминания пленных русских врачей. См.: Военнопленные врачи. С. 9; *Базилевич М. Положение русских пленных в Германии и отношении германцев к населению занятых ими областей Ц. Польского и Литвы. Пг., 1917. С. 151.*

бороться вплоть до июня 1915 г. Тот же автор приводит следующие данные о заболеваемости русских военнопленных тифом, которые (по понятным причинам) выглядят заниженными, но дают представление о динамике эпидемии: в октябре 1914 г. было зарегистрировано 13 заболевших, в декабре — 310, в январе 1915 г. — уже 7902, в феврале — 8959, в марте — 9070. Только к апрелю эпидемия пошла на убыль — 6173 больных тифом, в мае их число снизилось до 4143 человек, в июне — до 1666. Автор, однако, не уточняет количество летальных исходов заболевания⁴⁶. По другим источникам, только в одном лагере Кассель-Нидерцверен, ставшем в межвоенной дискуссии символом немецких военных преступлений против военнопленных, умерло около 600 русских и 1900 французских солдат⁴⁷. В среднем же русские врачи, работавшие в лагерях, устанавливали уровень смертности среди русских военнопленных во время эпидемии тифа в 6–8 % (в то время как среди французов эта цифра колебалась от 16 до 30 %)⁴⁸.

После войны английская и французская стороны заявили, что Германия намеренно смешивала в одном лагере не имевших иммунитета западноевропейцев с более устойчивыми к тифу русскими⁴⁹. Один из пунктов обвинения гласил, что немецкий санитарный персонал полностью покидал лагерь. Хотя немецкие дипломаты объясняли сложившуюся ситуацию незнанием симптоматики и методов лечения данной болезни и признали лишь факт отказа незначительного количества фельдшеров и солдат входить в лазареты⁵⁰, ведомственная переписка, а также русские эго-документы свидетельствуют, что больные были оставлены на попечение пленных врачей, а наблюдение за ситуацией в лагере и доставка

46 *Gaertner A.* Einrichtung und Hygiene der Kriegsgefangenenlager. S. 257.

47 См.: *Hinz U.* Gefangen. S. 103.

48 *Базилевич М.* Положение русских пленных в Германии. С. 84, 87.

49 Более подробно к послевоенной международной дискуссии по вопросу содержания военнопленных в Германии см.: *Hakel G.* Die Leipziger Prozesse. Deutsche Kriegsverbrechen und ihre strafrechtliche Verfolgung nach dem Ersten Weltkrieg. Hamburg, 2003; *Horne J. Kramer A.* Deutsche Kriegsgreuel 1914. Umstrittene Wahrheit. Berlin, 2004.

50 *Hinz U.* Gefangen. S. 105–111.

продовольствия и медикаментов осуществлялись через колючую проволоку⁵¹.

Только в мае 1915 г. при ПВМ была образована военно-санитарная инспекция лагерей военнопленных для улучшения гигиенического состояния мест их размещения. Одним из первых мероприятий нового ведомства стало обучение лагерного персонала обязательным процедурам первичной и повторной дезинфекции вновь прибывших и старожилов. В лагерях были установлены специальные камеры для обработки одежды, а также души с дезинфекционными растворами. Распространенной практикой стали прививки от холеры, оспы и тифа⁵².

Медицинское обеспечение пленных солдат и офицеров разительно отличалось. Письма из саксонских лагерей свидетельствуют, что многие из старших чинов во время принудительного пребывания в Германии устраивали «себе полный ремонт». Часть из них «использовала представившуюся возможность» для лечения зубов, другие шли на более серьезные операции — например, на удаление лишних перегородок носа «для облегчения дыхания»⁵³. Уже после освобождения из лагерей офицеры высылали благодарности в адрес лечивших их немецких докторов: «Я снова чувствую, что жив и мне хочется жить... Может быть, плен был даже для меня спасением»⁵⁴. Что касается солдат, не способных оплатить услуги врачей, то лечение зубов им полагалось только в случае угрозы утраты трудоспособности⁵⁵. Немецкое командование планировало избирательно обеспечить протезами инвалидов, получивших увечья до попадания

51 HStA Stuttgart, M 1/8, Bue 226, PKMIN, 14.1.1918; Barch, R 904/88, Urteil der Kommission zur Untersuchung der Anklagen wegen voelkerrechtswuerdiger Behandlung der Kriegsgefangenen in Deutschland; Допрос вернувшегося врача-инвалида Файнберга // Вестник Красного Креста. 1916. № 1. С. 2087; Базилевич М. Положение русских пленных в Германии. С. 84. См. также: Speed R. B. *Prisoners, Diplomats and the Great War: a Study in the Diplomacy and Captivity*. N.Y., 1990. P. 67.

52 Hinz U. Gefangen. S. 101–102.

53 SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 620, Lager Doebeln, 10.08.1915; Lager Doebeln, 13.09.1915.

54 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6954, Lager Koenigstein.

55 HStA Stuttgart, M 1/8, Bue 226, PKMIN, 12.01.1917.

в плен или в результате работ на немецких предприятиях. Предполагаемых к обмену в Россию солдат из экономии средств сочли возможным снабдить только костылями, потерявшие одну ногу унтер-офицеры, остававшиеся в плену, получали протезы бесплатно, офицеры же должны были приобретать их за счет выплачиваемого им содержания⁵⁶.

В период войны в типичные лагерные заболевания превратились дизентерия и холера. В первые полгода плена среди русских военнопленных официально было зарегистрировано 2005 случаев. В последующем наблюдался незначительный спад: в 1915 г. — 1 709, в 1916 г. — 1 290, в 1917 г. — 1 555 заболевших. Обратная динамика наблюдалась при туберкулезе. Если в 1914 г. речь шла о 4 611 заболевших, то в последующие годы был отмечен рост заболеваемости: соответственно 9 135, 15 095 и 15 880 случаев⁵⁷. В разгар Ноябрьской революции и стихийной отправки пленных в лагерях и уходящих эшелонах разразилась эпидемия гриппа (испанки), продолжавшаяся до весны 1919 г. и унесшая значительное количество жизней⁵⁸. По сведениям Н. Жданова, общая картина заболеваемости в лагерях выглядела следующим образом: случаев туберкулеза — 19,3 %, малокровия — 16,2 %, ревматизма — 14,5 %, желудочных заболеваний — 5 %, глазных — 1,3 %, прочих (в том числе нервных) — 31,3 %, увечья различной степени тяжести получили 11,9 % пленных⁵⁹.

По немецким данным, общее количество русских военнопленных, погибших в немецких лагерях, составило 72 586 человек (5,06 %), из них 294 офицера и 72 292 солдата. Уровень смертности среди выходцев из Российской империи в два раза превышал соответствующие показатели пленных западноевропейских национальностей (3 % — среди французских и 2 % среди английских пленных). Самой высокой отметки цифры погибших достигли среди итальянских, сербских и румынских пленных (соответственно: 5,46 %, 6,07 %

56 HStA Stuttgart, M 1/8, Bue 219, PKMIN, 07.12.1915.

57 Gaertner A. Einrichtung und Hygiene der Kriegsgefangenenlager. S. 263.

58 Ebenda. S. 254.

59 Жданов Н. Русские военнопленные. С. 77.

и 28,64 %) ⁶⁰. Отечественные исследователи считают приведенные немецкой стороной цифры излишне заниженными и утверждают, что уровень смертности среди русских военнопленных составил 7,3%, и в целом в лагерях Центральных держав погибло 190 тыс. человек (т.е. в Германии — около 100 тыс. человек) ⁶¹.

Согласно немецкой статистике, случаи смерти среди русских военнопленных распределялись следующим образом: 91,2% — болезни, 8,2% — ранения, 0,6% — самоубийства. Первое место среди заболеваний с летальным исходом занял туберкулез — 39,8% (по данным МККК — 30%), далее — воспаление легких — 19% и сыпной тиф — 5,5%. При этом 31% смертей пришлось на неопределенные «прочие болезни». По признанию немецкой стороны, данные цифры, однако, не являлись полными, так как исключали статистику по интернированным в нейтральных странах пленным и данные по многим лагерям и рабочим командам ⁶².

II.2. ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПРАКТИКИ В ЛАГЕРЯХ И РАБОЧИХ КОМАНДАХ

Постепенное установление в Европе нового международного права не привело в ходе Первой мировой войны к торжеству гуманизма. Английский исследователь Н. Фергюсон пришел к выводу, что в наивысшей степени произвольное насилие по отношению к безоружным солдатам противника царило на фронте во время и по окончании сражений ⁶³. Отрицаемый всеми государствами факт существования устных приказов не брать пленных стал предметом международной дискуссии и взаимных обвинений и в ходе войны,

60 Doegen W. Kriegsgefangene Voelker. S. 56.

61 См.: Урланис Б.И. История военных потерь. С. 315–321; Степанов А.И. Цена войны: жертвы и потери. С. 624–644.

62 См.: Hinz U. Gefangen. S. 240.

63 Ferguson N. Der falsche Krieg. Der Erste Weltkrieg und das 20. Jh. Stuttgart, 1999. S. 360–363.

и после ее завершения. Свидетельства, в том числе визуальные, о зверствах противника по отношению к безоружным пленным активно формировались и использовались русской пропагандой в целях предотвращения сдачи солдат в плен и нагнетания отрицательных представлений о враге⁶⁴.

Немецкая рецепция Гаагской конвенции позволяла достаточно свободно трактовать размытые определения документа⁶⁵. Снижение планки гуманности в обращении с русскими военнопленными и использование на местах более жестких средств дисциплинирования стимулировались, прежде всего, средствами пропаганды. В предвоенное время ее основные усилия были направлены на распространение стереотипов о культурной неполноценности восточных соседей, в ходе войны — на мобилизацию населения путем ужесточения образа врага. Воздействие агитации привело к радикализации как санкционированного, так и произвольного насилия. С одной стороны, ПВМ стремилось привести содержание пленных в соответствие с международным правом, с другой — сами берлинские чиновники, являвшиеся активными реципиентами и выразителями стереотипов, не препятствовали, а только способствовали их укреплению и распространению. В предписаниях русские определялись как «масса, находящаяся на низком уровне развития», над которой достаточно сложно установить контроль⁶⁶. Неодобрение распространившейся на местах практики привязывания бежавших и вновь пойманных военнопленных обосновывалось тем, что подобная мера является унижительной, «даже если в случае русских пленных на это можно не обращать внимания»⁶⁷.

В ответ сообщения с мест при описании опыта общения с русскими солдатами отмечали дикость, безынициативность, зависимость

64 См.: *Нагорная О.* Позитив и негатив: визуализация образа российских военнопленных Первой мировой в русской и немецкой пропаганде (1914–1917) / ОЧЕ-видная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск, 2008. С. 115–128.

65 *Hinz U.* Gefangen. S. 70.

66 К влиянию стереотипов на содержание военнопленных см. также: *Hinz U.* Gefangen. S. 84; *Moritz V.* Zwischen Nutzung und Bedrohung. S. 166.

67 *BayHSta, M Kr, Nr. 14131, PKMIN, 5.9.1915.* Behandlung entwichener und wieder ergriffener Kriegsgefangener.

поведения от количества пищи и низкое развитие умственных способностей⁶⁸. Отчеты лагерей обязательно упоминали, что русские «привыкли к железному принуждению на родине», где, якобы, самым распространенным наказанием является порка⁶⁹. Подобные представления определяли дисциплинарные практики по отношению к военнопленным. К примеру, работавшая после войны комиссия рейхстага под руководством В. Шюкинга подтвердила, что в одном из лазаретов единственным наказанием для русских солдат, действительно, стала порка⁷⁰. Даже те лица, которые критиковали излишнюю жестокость на местах как «в высшей степени непродуманную политическую линию», оговаривались, что «тяжело работать с массой людей, стоящих на более низком культурном уровне, так как наведение порядка среди них требует неординарных мероприятий и наказаний»⁷¹.

Сформированные предвоенной агитацией образы русских в качестве врага усугубились в ходе оккупаций Восточной Пруссии. Известия о «зверствах русских армий», особенно казачьих частей, наложились на хорошо подготовленную почву и обросли невероятными подробностями. Даже в ведомственной переписке высших военных органов утверждалось, что русские в провинции, якобы, отрубают или простреливают всем юношам правую руку, чтобы лишить их возможности держать оружие⁷². На местах рассказы об ужа-

68 См.: SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6994, PKMIN, 4.7.1917; HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 5, Kommandantur Ulm, 6.3.1915; M 72/2, Bue 92, Inspektion der Kriegsgefangenenlager des XIII. A.K., 2.12.1918. Zur Organisation des Offizierlager; Q 1/37, Bue 71, Kommandantur Eglosheim, 29.10.1917, Russische Armee; Peter J. Ein deutsches Gefangenenlager. S. 335.

69 BayHStA, Intendantur der militaerischen Institute, Nr. 160, Arbeitskommando Dachau, 12.1.1916; SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr.727, Taetigkeitsbericht der Inspektion der Kriegsgefangenenlager XII und XIX A.K. Juli 1918.

70 Barch, R 3003/462, Abschrift. Strafsache gegen O. Michelsohn, Reichsgericht, 3.7.1922.

71 HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 20, PKMIN, Dezember 1914.

72 BayHStA, M Kr, Nr. 1630, Bayerisches Kriegsministerium, 30.8.1914. Напротив, Р. Нахтигаль отмечает, что отношение немцев к русским военнопленным было окрашено не ненавистью, а только сочувствием. И только с 1916 г., когда охрана немецких лагерей поняла, что русское правительство не заботится о своих подданных, отношение к пленным стало более жестким. См. *Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront*. S. 26–27.

сах русского вторжения, особенно в начале войны, приводили к произвольному насилию в адрес пленных: «... солдаты ждали удобного случая, когда рядом не будет офицера, чтобы отомстить русским издевательствами или избиением». Несмотря на неодобрение вышестоящих инстанций, происходящее им «по-человечески было понятно»⁷³. Немецкая пропаганда активно использовала и преувеличенные известия о жестоком обращении с немецкими подданными в России. На основании многочисленных сообщений в прессе, и население, и военные органы требовали ужесточения лагерного режима⁷⁴. Уже после войны «нечеловеческим содержанием немецких военнопленных в России» оправдывалось использование русских солдат и унтер-офицеров на принудительных работах, в том числе в прифронтовой зоне⁷⁵.

Нагнетание образа потенциального внутреннего врага, в качестве которого были представлены военнопленные, стало способом отвлечения немецкого населения от тягот войны. Мирным жителям напоминалось, что их работники остаются врагами и готовы в любой момент нанести предательский удар немецкому народному хозяйству. Нацеленная на дисциплинирование гражданских лиц «саботажная истерия» (У. Хинц) эффектом бумеранга отразилась на содержании военнопленных. Военные органы использовали данную ситуацию для перевода судебных разбирательств в военно-полевые трибуналы, лишения военнопленных права апелляции и ускорения вступления приговора в силу⁷⁶. На побуждение сообщать о каждом проступке принудительных работников население с готовностью откликнулось потоком обращений в комендатуры с просьбой наказать или заменить подозреваемого в саботаже военнопленного. Естественно, готовность к насилию при малейшей провокации оборачивалась его применением.

73 Barch-MA, MStg 201/385, Die Verhaeltnisse in den Kriegsgefangenenlagern in Deutschland um die Jahreswende 1915/16.

74 BayHStA, M Kr., Nr. 1632, Generalquartiermeister West, 22.10.1914.

75 Das Werk des Untersuchungsausschusses der Verfassungsgebenden Deutschen Nationalversammlung und des Deutschen Reichstages 1919–1928. Berlin 1927. Bd. 3.Hbd. 1. S. 148.

76 См.: GStA PK, HA I,Rep. 87 B, Nr. 16103, Stellv.GKdo des X.AK, 18.7.1917; а также Hinz U. Gefangen. S. 145–149.

Основной целью комендатур было определено поддержание «всеми дозволенными средствами» в сознании военнопленных убеждения, что немецкие военные органы являются высшей инстанцией⁷⁷, определяющей распорядок жизни заключенных. Помимо ежедневных трехразовых поверок, гимнастических упражнений, регулярных обысков и привлечения к работам по благоустройству в лагерях применялся обширный спектр санкционированного принуждения: лишение еды и права получения корреспонденции, запрет на курение, на посещение лагерной лавочки и увеселительных мероприятий, изъятие игральные карты. Использование огнестрельного оружия со стороны охраны не одобрялось, но разрешалось в случае самообороны. При необходимости принуждения к работе допускалось обращение к штыку и прикладу⁷⁸. Немецкие источники изобилуют свидетельствами о случаях насильственной смерти русских военнопленных в лагерях⁷⁹. Еще чаще применение произвольного насилия имело место в рабочих командах в тылу и на этапах, о чем свидетельствовали не только сами военнопленные, но и немецкие священники, а также депутаты рейхстага⁸⁰.

Организованное дисциплинирование начиналось с процедуры приема в основной лагерь. Одновременно с дезинфекцией военнопленные тщательно обыскивались на предмет владения оружием, документами, крупными суммами денег и предметами, могущими способствовать побегу. Новоприбывшему объяснялись принципы

77 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7081; HStA Stuttgart, M 17/2, Bue 243, Stellv.GKdo des XIII. A.K., 7.6.1918.

78 SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando des XII. A.K., Nr. 159, Inspektion der XII. und XIX. A.K., 29.2.1916, Disziplinarmaßnahmen gegen Kriegsgefangene; а также BayHStA, M Kr., Nr. 12915, PKMIN, 29.10.1917.

79 SaechsHStA, 11333, Oberkriegsgericht des XII. A.K., Nr. 3, Gerichtsurteil, 1916, 27.9; BayHStA, M Kr., Nr.1701, Stellv.GKdo des III. AK, 5.7.1919; HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 22, Gerichtsurteile, 1916; M 1/7, Bue. 482, Gerichtsurteile, 1917; M 1/7, Bue 481, Kommandantur Ulm, 1918; M 1/8, Bue 221, Kommandantur Ulm, 9.10.1916. К сожалению, утрата центральных немецких архивов не позволяет привести обобщающие статистические данные.

80 См.: BayHStA, M Kr., Nr. 1694, Brief der russischen Kriegsgefangenen an eine Zeitung, 11.6.1918; HStA Stuttgart, Q 1/37, Bue 73, Pfarramt Zeitler, 3.9.1917; Das Werk des Untersuchungsausschusses 1919-1928. Bd. 3. Hbd. 1. S. 383.

субординации, основные приказы на немецком языке и наказания, положенные за различные дисциплинарные нарушения⁸¹.

В отдельном лагере уровень насилия зависел, прежде всего, от коменданта, которому принадлежало не только право определять дисциплинарный режим, но и принимать окончательные решения о реализации наказаний в конкретных случаях. Как отмечало расследование комиссии В. Шюкинга, «каждый комендант чувствовал за собой абсолютную власть и устанавливал свои порядки, несмотря на предписания военного министерства»⁸². И если часть из них исполняла свои обязанности в соответствии с принципами гуманности, заслужив уважение самих пленных, то другая, по признаниям немецких вышестоящих органов, не обладала достаточными способностями для выполнения возложенной на них миссии и принимала постановления о ненужном ужесточении дисциплины⁸³. Образы врага определяли предубеждения немецких комендантов по отношению к военнопленным и провоцировали их на применение насилия. К примеру, комендант лагеря Гэнзвизе протестовал против перевода новых групп русских в его лагерь и заявлял, что с его стороны «понимание этих большей частью диких людей исключено из-за отсутствия знания языка и нравов». Далее он признавался, что по отношению к прибывшей из Геттингена «недисциплинированной банде» военнопленных он в первые же дни приказал применить оружие⁸⁴.

Гагская конвенция приравнивала попавших в плен к военнослужащим пленившей их армии, однако вопрос об их подсудности местным законам не был четко определен. Только в случае наказания за попытку бегства новое международное право высказывалось однозначно: удачный побег при повторном попадании в плен не подлежал наказанию, в случае же поимки пленный мог быть

81 SaechsHSta, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 727. Taetigkeitsbericht der Inspektion der Kriegsgefangenenlager XII und XIX AK., Juli 1918.

82 Цит. по: Das Werk des Untersuchungsausschusses. S. 182; к единоличной ответственности коменданта см. также: HStA Stuttgart, M 77/2, Bue 32, Erfahrungen der Abteilung II f des Stellv.GKdo XIII. A.K., September 1916.

83 HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 20, PKMIN, 23.1.1916.

84 HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 5, Kommandantur Ulm, 6.3.1915.

подвергнут только дисциплинарному взысканию. Противоречивый характер формулировок и федеральный принцип организации военных и юридических институтов в Германии обусловили неоднозначную трактовку и реализацию правовых норм. Баварские и саксонские ведомства высказывались за подсудность военнопленных немецкому Военно-уголовному кодексу и уголовное преследование всех видов правонарушений, реализовывая это видение на практике⁸⁵. Департамент размещения ПВМ, напротив, настаивал на дисциплинарных наказаниях за побег и уголовных за совершение иных преступлений. Это противоречие, а также давление международной общественности обратили на себя внимание Имперского суда, который в 1916 г. принял решение в пользу дисциплинарного взыскания⁸⁶.

В отношении русских военнопленных к существующей юридической дискуссии добавился вопрос об их подсудности немецким уголовным законам за деяния, совершенные до попадания в плен, например, за мародерство на оккупированных германских территориях. Имперский суд в 1915 г. утвердил принцип неподсудности за совершение деяний, обусловленных военными действиями, не прояснив вопрос об уголовных преступлениях⁸⁷. Значительная часть юристов, попавшая под влияние пропаганды о русских зверствах в Восточной Пруссии, высказалась за судебное преследование, которое, как свидетельствуют источники, действительно имело место⁸⁸.

В результате детального разбора наказаний для военнопленных за различные преступления У. Хинц приходит к выводу об их полном соответствии немецкому Военно-уголовному кодексу⁸⁹. Одним из самых распространенных дисциплинарных наказаний являлся арест, существовавший в трех вариациях: простой, средний и строгий. При среднем аресте к пребыванию в одиночной камере добавлялся перевод на хлеб и воду, нормальный рацион полагался только каждый

85 SaechsHStA, 11324. Oberkriegsgericht des XIX. A.K., Nr. 3., Stellv.GKdo des XII. A.K., 2.3.1915.

86 Hinz U. Gefangen. S. 181-184.

87 Hakel G. Die Leipziger Prozesse. S. 173-262.

88 HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 20, «Strafgerichtsbarkeit ueber Kriegsgefangene».

89 Hinz U. Gefangen. S. 152-153.

третий день. Строгий арест дополнительно предполагал пребывание в темноте⁹⁰. Немецкие источники упоминают также применение «открытого ареста» (в жаргоне военнопленных — «бивак»), в результате которого после пребывания на окруженной колючей проволокой площадке без теплой одежды на хлебе и воде многие военнопленные попадали в госпиталь⁹¹. И если уже лишенные свободы пленные равнодушно реагировали на арест и даже предпочитали его работам на производстве, то денежные штрафы показали себя более действенным средством⁹².

Предметом международной дискуссии стало применение по отношению к военнопленным общепринятой в немецкой армии экзекуции — привязывания к столбу. Применявшееся в эпоху средневековья и нацеленное в большей степени на унижение приговоренного, это наказание вплоть до его отмены в немецкой армии в 1917 г. заменяло в полевых условиях арестные камеры⁹³. Эго-документы, отражающие процедуру и ее восприятие пленными, достаточно противоречивы. Немецкие и французские источники, в том числе визуальные воспроизведения, описывают ее как привязывание спиной к столбу на открытом воздухе под солнцем, дождем или снегом на несколько часов в день. Согласно отчетам комендатур, французские военнопленные воспринимали это как унижение, русские же смеялись над наказанием и не понимали смысла⁹⁴. Часть русских источников отмечает плотность и длительность привязывания, доводившие приговоренного до бессознательного состояния. Другие обозначают его как «подвешивание», напомилавшее по своему принципу

90 Ebenda. S. 163–164.

91 *Frendt A.* Das Kriegsgefangenenlager Puchheim. S. 30–34.

92 SaechsHStA, 11352. Stellvert. Generalkommando, Nr. 540, PKMIN, 9.6.1917; Nr. 727. Taetigkeitsbericht der Inspektion der Kriegsgefangenenlager XII und XIX AK., Juli 1918; HStA Stuttgart, M 77/2, Bue 92, Kommandantur Ulm.

93 Под воздействием протестов русской и французской стороны и угроз применения репрессий к немецким солдатам и офицерам данное наказание было отменено уже в декабре 1916 г. См.: *Hinz U.* Gefangen. S. 163. Однако регулярные напоминания из центра о его отмене позволяют предположить, что в единичных случаях оно все же применялось и позже.

94 HStA Stuttgart, M 77/2, Bue 92, Kommandantur Ulm; к описанию наказания заданными военнопленными см.: *Otte K.* Lager Solfau. S. 211–212.

дыбу. Именно последний вариант, продемонстрированный солдатом-добровольцем и запечатленный фотографиями Чрезвычайной следственной комиссии, был представлен в российской общественной дискуссии о немецких зверствах. Источники не позволяют окончательно прояснить данное противоречие. Здесь представляется возможным привести две интерпретации: либо немецкие военные органы применяли более жестокий вариант привязывания для русских, либо немецкий вариант «дыбы» являлся умозрительной конструкцией самих военнопленных как социальной группы, стремившейся презентовать себя на родине в качестве жертв и мучеников. Подобные феномены группового и социального восприятия под воздействием дискуссии о варварстве противника в период Первой мировой войны, например, массовое убийство мирных жителей в Бельгии, подробно исследованы на примере Западного фронта⁹⁵.

Отчеты о деятельности военно-уголовных судов свидетельствуют, что за обычные преступления военнопленные приговаривались к тюремному заключению, за тяжкие — к каторжным работам на срок до 14 лет⁹⁶. В качестве устрашающего воздействия суду рекомендовалось ускорять процессы по обвинению в саботаже и приговаривать виновных к смертной казни⁹⁷. Несмотря на документальное подтверждение вынесения смертных приговоров, немецкие публицисты межвоенного периода утверждали, что ни один из них не был реализован. Современные исследования признают, что окончательно прояснение этого вопроса невозможно⁹⁸.

Если между французским и немецким правительствами соглашения об амнистировании военнопленных за совершенные в плену

95 См., например: *Horne J., Kramer A. Deutsche Kriegsgreuel 1914*; *Ferguson. Der falsche Krieg*.

96 BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K., Nr.275, Stellv. Generalstab, Berlin 1918.

97 HStA Stuttgart, M 77/2, Bue31, Stellv.GKdo des XIII. A.K., 4.5.1917; M 77/1, Bue. 1022, Stellv.GKdo des XIII. A.K., 20.6.1917; M 77/1, Bue 915, Stellv.GKdo des XI-II. A.K., 3.7.1917; SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr.729, Taetigkeitsbericht. Gericht der Inspektion der Kriegsgefangenenlage XII. und XIX A.K., 19.7.1917.

98 *Hinz U. Gefangen. S. 149.*

преступления были заключены еще в 1916 г.⁹⁹, то на русских этот принцип распространился после подписания Брест-Литовского договора. Однако в связи с поздней публикацией документов реализация амнистии началась только летом 1918 г. Освобожденные из-под стражи военнопленные препровождались в основной лагерь, где содержались отдельно от остальных¹⁰⁰. Находящиеся в заключении по обвинению за тяжкие уголовные преступления оставались в тюрьме до отправки на родину¹⁰¹.

В течение войны ПВМ пыталось преодолеть разрыв между предписаниями из центра и их реализацией на местах, а также неконтролируемый из Берлина произвол в лагерях и рабочих командах. Через инспекции лагерей и институт контрольных офицеров военные ведомства настаивали на расследовании всех случаев злоупотребления полномочиями и на неприменении оружия в случае пассивного сопротивления¹⁰². За нарушение запрета на рукоприкладство в отношении русских пленных виновные работники комендатуры лишались должности или подвергались дисциплинарным взысканиям¹⁰³. Определенную роль сыграл внешний контроль со стороны представителей нейтральных держав и МККК, посещавших отдельные лагеря и принимавших жалобы от военнопленных офицеров. Стараясь поддержать образ цивилизованного государства, выполняющего нормы международного права, немецкая сторона тщательно расследовала случаи нарушений на местах, на которые указывали ней-

99 Ebenda. S. 144.

100 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6999, Kommandantur Bautzen, 26.7.1920.

101 BayHStA, M Kr., Nr. 14161, PKMIN, 17.8.1918; Stellv., GKdo III A.K., 17.6.1918, Amnestierung der russischen Kriegsgefangenen.

102 BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K., Nr. 559, Bayerisches Kriegsministerium, 14.8.1916; SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6996, Stellv. GKdo des XII. A.K., 30.5.1917.

103 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6978, Stellv. GKdo des XII. A.K., 20.6.1916; 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 158, PKMIN, 29.7.1915. Misshandlung von russischen Kriegsgefangenen; BayHStA, M Kr., Nr. 1641, Stellv. GKdo des I. b. A.K., Misshandlungen der russischen Kriegsgefangenen, 25.8.1915; HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 20, PKMIN, 4.6.15.; а также: Rawe K. Ausländerbeschaeftigung. S. 260.

тральные делегаты¹⁰⁴. Новейшие исследования утверждают, что вследствие пассивности самого русского правительства защита русских пленных нейтральными державами была организована хуже, чем меры поддержки военнопленных западноевропейских стран¹⁰⁵. Рабочие команды, куда не допускались представители Красного Креста, оставались недоступны даже такому слабому внешнему контролю. Здесь в качестве ограничивающего фактора выступали соображения экономической эффективности принудительного труда. Учитывая недостаток рабочей силы, военные органы настаивали на замене уголовных наказаний дисциплинарными мероприятиями¹⁰⁶.

Отсутствие прямой зависимости дисциплинарных практик от военных действий подтверждает пример содержания военнопленных офицеров противника. Для всех стран-участниц было характерно традиционно вежливое и уважительное отношение к военной элите¹⁰⁷. Независимо от накала военных действий, помимо ареста в камере ближайшей крепости, который военнопленные офицеры рассматривали как возможность путешествия за пределы лагеря, комендатуры прибегали к косвенным методам принуждения: переводу возмутителей спокойствия в другой лагерь, запрету на корреспонденцию с Россией, отмене прогулок или увеселительных мероприятий. Все же поток жалоб и протестов вынудил ПВМ обратиться к комендатурам офицерских лагерей с напоминанием о необходимости строгого наказания охраны, нарушающей офицерское достоинство пленных. Солдатам охраны было запрещено входить без стука в их комнаты и курить в их присутствии, обыски и проверки должны были проводиться только равными или вышестоящими по рангу офицерами. При личных досмотрах предписывалось соблюдать соответствующий чину такт¹⁰⁸. Более пристально здесь следили за на-

104 BayHStA, M Kr., Nr. 1689, Bayerisches Kriegsministerium, 18.9.1917.

105 См.: *Hinz U. Gefangen.* S. 144, 161.

106 HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 21, PKMIN, 25.6.1917.

107 О ситуации на Восточном фронте в целом см.: *Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland; Нахтигаль P. Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия.*

108 См.: BayStA, Stv. GenKdo I. A.K., Nr. 2169, Ergaenzende Bestimmungen ueber die Unterbringung der kriegsgefangenen Offiziere, 26.5.1915; SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 160, PKMIN, 8.3.1916.

рушениями существующих предписаний со стороны немецких солдат: коменданты считали своим долгом уведомлять заключенных офицеров о ходе расследования¹⁰⁹.

Смена политического режима в Германии повлекла за собой изменение соотношения организованного и стихийного насилия. Стремление пленных любой ценой вернуться на родину привело к столкновениям с охраной и многочисленным жертвам¹¹⁰. Часть пленных все-таки оказались на свободе и на собственный страх и риск стихийным порядком попытались вернуться на родину. Значительно позже под давлением Антанты и напуганного гражданского населения Берлину удалось взять ситуацию под контроль и реализовать предписание о принудительном возвращении военнопленных в лагерь.

Начало демобилизации немецкой армии спровоцировало произвольное оставление охраной своих постов в лагерях и рабочих командах. Требования союзников, стремившихся максимально облегчить положение своих подданных и в краткие сроки вернуть их на родину, не позволяли восстановить дисциплинарный режим в его прежнем виде: с декабря 1918 г. по апрель 1919 г. немецкие солдаты охраняли военнопленных с незаряженным оружием¹¹¹. Комендатура была вынуждена пойти на сотрудничество с лагерными комитетами, в соответствии с новыми условиями изменились и формы контроля. Русские военнопленные офицеры и унтер-офицеры освобождались от обязанности отдавать воинское приветствие охране, в отношении солдат данный порядок сохранился из дисциплинарных соображений¹¹². В бессилии лагерные администрации жаловались на излишнюю свободу «слоняющихся где попало» военнопленных и недостаток полномочий со своей стороны, который не позволял вернуть даже практику ежедневных проверок. Несмотря на заявления комендатур о неприкосновенности

109 См.: Staatsbibliothek zu Berlin. Angeschlagene Lagerbefehle und Bekanntmachungen aus dem Kriegsgefangenenlager in Halle a.S., 6.1.1917; 24.5.1917; 2.6.1917; 11.7.1917; 18.8.1917.

110 Das Werk des Untersuchungsausschusses. S. 401.

111 HStA Stuttgart, M 17/2, Bue 242, PKMIN, 5.4.1919.

112 Barch-MA, RH 69/132, Heeresabwicklungsamt Preussen, 25.2.1920.

военного порядка в лагерях, главным наказанием за возможные ослушания и побеги была определена задержка при отправлении на родину.

В то время, как санкционированное принуждение в лагерях значительно снизилось, вне пределов лагерей, по мере втягивания русских военнопленных в революционные события, уровень произвольного насилия возрастал. Начиная с осени 1918 г. и до окончательной отправки летом 1922 г. русские военнопленные оставались нежеланными гостями и рассматривались как потенциальная большевистская угроза. Подобная позиция часто провоцировала немецкие органы на применение более строгих дисциплинарных мер, чем этого требовала ситуация.

II.3. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД

Неожиданная длительность войны и переориентация экономических структур на военный лад повлекли за собой массовое привлечение военнопленных солдат в качестве дешевой рабочей силы на немецкие предприятия. Определения Гаагской конвенции допускали подобные меры, запретив лишь труд пленных в военной промышленности или на фронте. Но уже в первые два года войны стало ясно, что ни одно из государств не в состоянии и не собирается этого делать.

Изначально в вопросах занятости военнопленных немецкое командование исходило из соображений безопасности мирного населения и стабилизации рынка труда, который в первые месяцы войны был переполнен безработными немцами. Одновременно высказывались предложения привлечь военнопленных к реализации строительных проектов, замороженных в мирное время из-за экономической неэффективности. В отличие от представителей других национальностей, обязывавшихся к работам по обустройству лагерей лишь с целью поддержания физической формы и дисциплины, русских солдат уже с осени 1914 г. планировалось привлечь к культивации почв и восстановлению пострадавшей от военных действий про-

винции Восточная Пруссия¹¹³. Смена концепций от простого интернирования солдат как средства уменьшения вражеского потенциала к использованию их как рабочей силы во всех сферах хозяйства совпала в Германии со складыванием военной экономики в узком смысле в 1915 г. Привлечение военнопленных к принудительному труду позволило немецким военным органам предотвратить голодную катастрофу, разгрузить переполненные лагеря и с лихвой погасить расходы на содержание солдат противника¹¹⁴. По данным Германского ГШ на конец 1917 г., подготовленным в преддверии переговоров с советской стороной, из 1,2 млн русских военнопленных 650 тыс. (54 %) были заняты в сельском хозяйстве и лесничестве, 230 тыс. (19 %) — в промышленности, 205 тыс. (17 %) — на предприятиях оккупированных территорий и прифронтовой зоны. Оставшиеся 115 тыс. (10 %) составляли офицеры и нетрудоспособные солдаты¹¹⁵.

Источники отражают условия труда в крупных рабочих командах. На фронте и при промышленных предприятиях размещение военнопленных воспроизводило основной лагерь в уменьшенном виде: бараки были отделены от внешнего мира колючей проволокой и круглосуточно охранялись¹¹⁶. Рабочий день пленных составлял 10 часов, не считая марша от лагеря до места работы. Только в зимнее время из опасений побега в условиях темноты охрана получала право сократить время работы. В разгар сбора урожая положенные пленным полдня отдыха в неделю переносились на плохую погоду или на период после окончания сезона¹¹⁷. Предприниматели уведомлялись, что в случае самовольного уменьшения продолжительности рабочего дня, т.е. неэффективного использования труда, они будут лишены работников¹¹⁸. Степень обеспечения заключенных

113 *Oltmer J. Baeuerliche Oekonomie. S. 293.*

114 *Ebenda. S. 309–337; а также: Ленцен И. Использование труда русских военнопленных в Германии. С. 129.*

115 *Barch, R 704/50, Chef des Generalstabes des Feldheeres, 11.12.1917*

116 *Rawe K. Auslaenderbeschaeftigung. S. 98.*

117 *GSStA PK, HA I, Rep 87 A, 16357, Der Chef der deutschen Verwaltung für Litauen, 20.7.1916.*

118 *GSStA PK, HA I, Rep 87 A, 16358, Der Chef der deutschen Verwaltung für Litauen, 3.3.1917.*

в рабочих командах часто не соответствовала необходимому минимуму: «После прибытия в лагерь у военнопленных отобрали сапоги, однако эта мера мешает работать, так как в самую горячую пору сбора урожая русские проделывали длительный путь босиком и доводили ноги до такого состояния, что весь следующий день должны были оставаться в лагере. На зиму предполагается перевести их на работу на лесоповал, однако в деревянных башмаках они будут к этому не способны, что может привести к забастовкам»¹¹⁹. Незнание языка, отсутствие трудовых навыков на производстве стали причиной значительного количества несчастных случаев среди пленных, в том числе со смертельным исходом. Инициативы по включению принудительных работников в систему немецкого страхования были окончательно отклонены законом от 15 августа 1917 г.¹²⁰ Стремясь избежать возможных взаимных репрессий, ПВМ предписывало задерживать получивших увечья на производстве от отправки в Россию, а также скрывать их от посещавших лагерь нейтральных делегаций¹²¹.

С течением войны в немецкой системе принудительного труда участились случаи применения насильственных и репрессивных методов, и возросло их значение¹²². Уже в апреле 1915 г. ПВМ убеждало местные органы, что «применению военнопленных на работах любого

119 GStA PK, HA I, Rep 87 B, Nr. 16102, Koenigswalde, 23.9.1916.

120 См.: ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 33, л. 3. Комендатура лагеря Нойгаммер, 17.1.1920.

121 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr.7081.PKMIN, 7.7.1916.

122 Сложно согласиться с тезисом У.Герберта, что «положение военнопленных различных держав в немецких лагерях [в сфере принудительного труда] было примерно одинаковым». В качестве доказательства историк апеллирует к «хорошо налаженному контролю МККК и консульских представителей, которые позволяли держать все эксцессы в рамках допустимого», не учитывая при этом отсутствие доступа нейтральных представителей в рабочие команды и разную степень юридической защищенности военнопленных Антанты. См.: *Herbert U. Geschichte der Auslaenderbeschaeftigung*. S. 86. Факт максимального использования русских солдат при привлечении их к принудительному труду, прежде всего, в прифронтовой зоне, признавался в свое время не только Следственной комиссией Рейхстага, но и подтверждается большинством современных исследований. См.: *Das Werk des Untersuchungsausschusses*. S. 148; а также: *Ленцен И. Использование труда*. С. 129–137; *Hinz U. Gefangen*. S. 132–133, 290. Данные источников и широкая историографическая дискуссия противоречат сложившемуся в отечественной исторической науке убеждению, что к труду привлекались исключительно русские пленные. См.: *Степанов А. Цена войны*. С. 630.

характера нужно способствовать любыми средствами»¹²³. В июне этого же года было принято решение об обходе ограничений Гаагской конвенции на привлечение солдат противника к работам в военной промышленности. Из-за многочисленных нот протеста правительств Антанты в данном предписании была расплывчатая рекомендация избегать принуждения к заданиям, «если их военный характер ярко выражен»¹²⁴. В действительности за отказ от любого рода работ солдаты противника приговаривались к тюремному заключению, а попытки принуждения в рабочих командах очень часто приводили к смертельному исходу. Подобные случаи тщательно расследовались представителями инспекций лагерей, которые настаивали на запрете применения издевательств, ограничении использования штыка для принуждения и предлагали в качестве основного метода уменьшение хлебного пайка и угрозу отправки на более тяжелые работы¹²⁵. С начала 1916 г. было решено привлечь к принудительным работам русских унтер-офицеров¹²⁶, что полностью противоречило положениям Гаагской конвенции. Своего пика радикализация системы принудительного труда достигла после заключения Брест-Литовского мирного договора. Военные органы и хозяйственные ведомства высказывали опасение, что быстрый отток русских пленных подорвет немецкую экономику, и настаивали на задержке дешевой рабочей силы любыми средствами. Поэтому официальное закрытие Восточного фронта не повлекло за собой освобождение русских пленных от работ, более того, оно не означало даже смягчения дисциплинарных практик. Несмотря на предписание ПВМ об улучшении условий содержания, на местах военнопленные по-прежнему принуждались к работам с помощью штыка¹²⁷.

123 Цит. по: *Hinz U. Gefangen*. S. 259.

124 *SaechsHSta*, 11352, Stellvert. Generalkommando des XII. A.K., Nr. 159, Inspektion der XII. und XIX. A.K., 29.2.1916, Disziplinarmaßnahmen gegen Kriegsgefangene. Р. Нахтигаль отмечает, что предполагаемая немецким командованием «податливость» русских пленных стала причиной их более массового и частого использования на работах по рытью окопов в прифронтовой зоне. См. *Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront*. S. 22.

125 *HStA Stuttgart*, M 1/6, Bue 1425, Stellv. GKdo des XIII. A.K., 28.9.1916.

126 *HStA Stuttgart*, M 1/7, Bue 20, PKMIN, 1.1.1916. Streng geheim.

127 *SaechsHSta*, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr.564, Kontrolloffizier, 15.6.1918.

Распоряжения ПВМ, ограничивающие произвольное применение насилия, не распространялись на подотчетную Верховному командованию прифронтовую территорию¹²⁸. Русские солдаты были привлечены к работам как на Западном, так и на Восточном фронтах, включая оккупированные области Франции, Бельгии, Польши и Прибалтики¹²⁹. И если французы и англичане отсылались на этапы только в случае репрессий, а после достижения соглашений с их правительствами переводились во внутренние районы империи¹³⁰, то русские военнопленные получали возможность пребывания в основных лагерях только в случае полной утраты работоспособности. Во внутриведомственной переписке военное командование выражало беспокойство, ибо «переводимые с этапов в основные лагеря русские военнопленные часто поступают в таком тяжелом состоянии, что умирают вскоре после прибытия»¹³¹.

Руководящим принципом организации принудительного труда на этапах являлось достижение подчинения любыми средствами: «Если военнопленный отказывается выполнять свою работу, то к нему должны быть применены самые строгие меры. Не имеет значения, погибнет ли при этом один или другой, главное, чтобы полностью сохранялся контроль над пленными. Если они отказываются от питания, чтобы проявить свою волю, тогда они должны голодать. Любая уступка делает их хозяевами положения и должна рассматриваться как проявление слабости»¹³². Для предотвращения организованной забастовки рекомендовалось делить пленных на небольшие команды, с целью быстрого опознания возможных бегле-

128 *Hinz U. Gefangen.* S. 296, 299, 340.

129 См.: Barch-MA, Kriegsgefangenen-Lazarett, Luettich, Juli 1918; GStA PK, HA I, Rep 87 A, 16356, Der Chef der deutschen Verwaltung für Litauen, 12.12.1915; Der Chef der deutschen Verwaltung für Litauen, 31.12.1915; Rep 90 A, Nr. 2693, Bericht ueber die Reise von Vertretern des Deutschen Landwirtschaftsrats in die besetzten Gebiete von Ober-Ost, Juli 1916.

130 GStA PK, I HA, Rep 90 A, Nr. 2693, Bericht ueber die Reise von Vertretern des Deutschen Landwirtschaftsrats in die besetzten Gebiete von Ober-Ost, Juli 1916.

131 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6994, Generalquartiermeister, 01.06.1917.

132 Цит. по: *Ленцен И.* Использование труда русских военнопленных в Германии. С. 133.

цов на рукав одежды нашивалась широкая повязка с номером¹³³. Соответственно, насилие в прифронтовой зоне имело не только будничное, но и демонстративный характер. При отказе русских солдат и унтер-офицеров от работ на фронте охранники показательно избивали «подстрекателя», что побуждало остальных к подчинению. Нередко, чтобы «мгновенно пресечь сопротивление», начальники команд применяли огнестрельное оружие¹³⁴. Инструкции предписывали направлять отбывшего наказание военнопленного в прежнюю команду для предотвращения соблазна сменить место работы через оказание сопротивления охране¹³⁵.

II.4. МЕЖДУ ПАТРИОТИЧЕСКИМ ЭТОСОМ И ТЫЛОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТЬЮ: КОНТАКТЫ ВОЕННОПЛЕННЫХ С НЕМЕЦКИМ ГРАЖДАНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ

Первые партии военнопленных, прибывавшие с Восточного и Западного фронтов вглубь империи, вызвали массовое паломничество к лагерям немецких обывателей, воспринимавших многонациональное собрание пленных врагов как захватывающее зрелище. В чрезмерном любопытстве населения прослеживается влияние так называемых «показов народов» («Voelkerschau»)¹³⁶, получивших широкое распространение в вильгельминистской Германии с конца XIX в. Как в колониальных диковинках, так и в военнопленных экзотических

133 SaechsHStA, 11356, Generalkommando des XII. R.K., Nr. 130, Stellv.GKdo des XII. A.K., 11.12.1915; Stellv.GKdo des XII.A.K., 2.4.1916.

134 SaechsHStA, Generalkommando des XII. Reservekorps, Nr. 130, Russen-Gefangenenlager St.Clement, 16.8.1915; 23. Reserve-Division, 14.12.1915; GSfA PK, HA I, Rep 87 A, 16356, Der Chef der deutschen Verwaltung für Litauen, 10.06.1916.

135 Barch R 3003/464, PKMIN, Besprechungen am 23–25 Sept. 1915 in Berlin, Nur für Dienstgebrauch.

136 Подробнее к возрождению традиции «показа народов» и антропологическим исследованиям в лагерях см: *Scheer M.* «Voelkerschau» im Gefangenenlager. Anthropologische Feind-Bilder zwischen popularisierter Wissenschaft und Kriegspropaganda 1914–1918. In: *Johler R.* (Hg.) Zwischen Krieg und Frieden. Die Konstruktion des Feindes. Tuebingen (im Druck).

народностях население стремилось найти подтверждение превращению Германии в мировую державу. Неутрачивающий интерес публики к массе безоружных врагов в тылу вызвал беспокойство немецких военных органов, опасавшихся распространения эпидемий и шпионажа, а также стремившихся к идеологической интеграции тыла в соответствии с представлением об «отечественном кодексе поведения» (У. Хинц). Поэтому в Германии убеждение в нежелательности контактов мирного населения с солдатами противника приобрело уголовно-процессуальное выражение. Согласно § 9 прусского закона «Об осадном положении» от 4 июня 1851 г., за незаконное общение с пленными нарушителю грозил высокий денежный штраф и тюремное заключение до 1 года¹³⁷. Отрывочная судебная статистика свидетельствует, что чаще всего приговоры выносились женщинам, замеченным в оказании пленным различного рода знаков внимания, а также торговцам за незаконную продажу товаров, прежде всего спиртного¹³⁸.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НА РАБОЧИХ МЕСТАХ

Характер взаимоотношений военнопленных и гражданских лиц вне пределов лагерей зависел от отрасли принудительного труда, в которую они были привлечены. Если в сельском хозяйстве «образы врага с течением времени теряли свою остроту»¹³⁹ и контакты в большей степени входили в русло бытового повседневного общения, то на промышленных предприятиях, особенно в шахтах, военнопленные оставались «чужеродным телом» и даже угрозой, что обусловило преобладание конфликтных ситуаций.

137 *Hinz U. Gefangen. S. 192.* Однако, в наиболее тяжких по мнению суда случаях срок заключения увеличивался до полутора лет. См.: HStA Stuttgart, M 77/2 Bue 33, Stellv. GKdo XIII. A.K., 12.12.1914, Abschrift; BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K., Nr. 274, Stellv. GKdo des II. A.K., 7.10.1915.

138 Barch-MA, MSg 201/85, Bestrafungen wegen Verstoessen gegen die Befehle ueber den Verkehr der Bevoelkerung mit den Kriegsgefangenen, 12.2.1917. См. также: *Kundrus B. Kriegerfrauen. Familienpolitik und Geschlechterverhaeltnisse im Ersten und Zweiten Weltkrieg.* Hamburg, 1995.

139 *Hinz U. Gefangen. S. 186;* а также *Rawe K. Auslaenderbeschaeftigung. S. 149;* *Speed R.B. Prisoners, Diplomats and the Great War. P. 70.*

В сельской местности дробление рабочих команд и нехватка охранников и переводчиков повышали плотность контактов с владельцами поместий и их домочадцами. Здесь положение пленных в какой-то степени приближалось к привычному для немецких жителей статусу польских и русских батраков, которые до войны были обыденным явлением на территории Восточной Германии. Размещение работников не в закрытом лагере, а непосредственно в хозяйствах, работа бок о бок и совместные трапезы вынуждали все стороны находить приемлемые формы коммуникации¹⁴⁰. А выявившийся уже к 1916 г. дефицит принудительных работников побуждал хозяев к созданию для них сносных условий во избежание жалоб контрольным офицерам и перевода пленных в другую команду¹⁴¹.

Сложившаяся в деревне ситуация отражена в ироническом фельетоне «Зверства по отношению к русским военнопленным», который был опубликован в одной из кёльнских газет: «Русские идут! — и все население деревни бежит, чтобы их увидеть. Молодые девушки спорят, кому достанется самый красивый. Старшее поколение рассчитывает на рабочую силу. И хотя она тоже требует оплаты, прежний работник обходился гораздо дороже. Поэтому военнопленных стараются содержать как можно лучше, чтобы они не жаловались и не бежали. И вот русский становится господином: салат он отвергает со словами — „это для скотины“, а кофе он наполовину разбавляет молоком»¹⁴². В отчетах контрольных офицеров все чаще регистрировались случаи слишком либерального поведения хозяев в отношении принудительных работников: «Некоторые богатые

140 Для работодателей, у которых в хозяйстве были заняты русские, «стоящие на более низком образовательном уровне и не стремящиеся ориентироваться на немецкий язык», издавались специальные словари с наиболее часто употребляемыми глаголами, сельскохозяйственными терминами и предупреждающими выражениями. Несмотря на то, что данная акция была обусловлена стереотипными предубеждениями, распространение словарей позволяло военнопленным и хозяевам находить общий язык. См.: GStA PK, HA I, Rep 87 B, Nr. 16102, Verlag Franke und Scheibe Hamburg, 15.6.1916; Kleines deutsch-russisches Woerterbuch, enth. die wichtigsten Worte für Landwirte zur Verstaendigung mit den kriegsgefangenen Russen, Koenigsberg, 1916.

141 HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 5, Pfarramt Zeiler, 1917.

142 Barch, R 901/54490, Koelnische Volkszeitung, 20.1.1917, «Greuel an russische Kriegsgefangene».

крестьяне возят своих военнопленных в воскресенье в кабак в ближайшую деревню, а вечером порядком набравшаяся компания возвращается домой»¹⁴³. Множились сообщения о свободном передвижении военнопленных по деревням в вечернее время, совместных с хозяевами игр в кегли и карты, посещениях ярмарок и катаниях на каруселях¹⁴⁴. При обыске возвращавшихся в лагерь работников охрана изымала продукты, деньги и даже фотографии хозяйских дочерей¹⁴⁵. Взаимоотношения на селе вызывали негативную реакцию не только местных ведомств, но и прибывавших на побывку с фронта немецких солдат. В письме в местную газету один из них возмущался увиденным на вокзале родного местечка: работодатель приветствовал рукопожатием прибывших по железной дороге пленных и усадил их рядом с собой в повозку вместо положенного пешего марша до места работы¹⁴⁶.

Несмотря на угрозу уголовного наказания, сельские жители зачастую становились пособниками военнопленных в осуществлении попыток побега. В качестве мотивов здесь выступали не только сочувствие, а в случае представительниц прекрасного пола — страсть, но и желание заработать. В материалах вюртембергского правосудия упоминается дело о побеге русского офицера, которого, после обещания крупного денежного перевода из России от состоятельного отца, в течение полугода скрывала семья полицейского. Граф выезжал на прогулки с дочерьми хозяина под видом племянника, приехавшего на побывку с фронта, а позже был снабжен немецкой униформой, оружием и едой для пересечения западной границы. В ходе судебного процесса беглец за недоказанность шпионских намерений отделался самым легким наказанием — 3,5 месяцами тюрьмы. Члены укрывавшей его семьи были приговорены к заключению от шести месяцев до одного года¹⁴⁷.

143 *Overmans R.* «Hunnen» und «Untermenschen». S. 341.

144 См.: SaechsHStA, 11348, Stellv. GKdo, Nr. 153, 17.2.1917; Kommandantur Loebau, 16.5.1917, Kriegsgefangene Beaufsichtigung; BayHStA, M Kr., Nr. 1687, Inspektion der Kriegsgefangenenlager des I. A.K., 1917; а также: *Grund J.* Ernaehrungswirtschaft und Zwangsarbeit im Raum Hannover 1914 bis 1923. Hannover 1992. S. 192.

145 BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K., Nr. 274, Kommandantur Wuerzburg, 5.3.1917.

146 BayStA, Stv.GenKdo I. A.K., Nr. 1378. Muelldorfer Anzeiger. 12.7.1917.

147 HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 23, Polizeizentrale Wuerttemberg, Mai 1917; Bue 678. Polizeizentrale Wuerttemberg, 11.7.1917; У. Хинц объясняет большую строгость

Для борьбы с доверчивостью и беспечностью работодателей по отношению к пленным на местах была инициирована просветительская кампания, достигшая своего накала в период так называемой «антисаботажной истерии»¹⁴⁸. Жителям постоянно напоминалось, что «военнопленные — представители враждебного народа, ...желание и цель которых, чтобы мы проиграли, а их народ победил»¹⁴⁹. Население призывалось принимать посильное участие в надзоре за принудительными работниками и не подпускать их близко к складам с зерном и оружием, а также к ремесленным мастерским. Работодателей ставили в известность, что за слишком хорошее обращение с военнопленными они могут совсем лишиться дешевой рабочей силы. В ходе агитации инспекции лагерей работали прицельно с отдельными группами населения, например, с молодежью. Юношам вменялось в обязанность следить за проходящими мимо их населенного пункта мужчинами и заговаривать с ними для выяснения национальной принадлежности¹⁵⁰. Мирные жители стимулировались к сотрудничеству с военными органами не только угрозами, но и поощрениями: за содействие в поимке военнопленного полагалось денежное вознаграждение¹⁵¹.

Отношения в сельскохозяйственных командах не были лишены и конфликтной составляющей. Работодатели стремились нажиться на дешевой рабочей силе, требуя разукрупнения команд и передачи военнопленных из ведения общины в частные хозяйства. Во многих подобных случаях контрольные офицеры фиксировали нарушение

наказаний в адрес гражданского населения тем, что, по мнению военных органов, запрет распространялся не на военнопленных, а именно на немецких граждан. См.: *Hinz U. Gefangen*. S. 195.

148 BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K., Nr. 274, Stellv.GKdo des I A.K., 3.7.1916.

149 HStA Stuttgart, M 1/7. Bue.21, Stellv.GKdo des XIII A.K., Geheim, 8.7.1917, Stellv. GKdo VI. AK. Merkblatt «Die Kriegsgefangenen», 19.10.1917.

150 HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 566, Stellv. GKdo des XIII. A.K., April 1916. Активная просветительская работа проводилась в школах, где ученики предупреждались об опасности контактов с военнопленными и существовании запрета брать у них письма. См.: *Rund J. Ernaehrungswirtschaft und Zwangsarbeit im Raum Hannover 1914 bis 1923*. Hannover, 1992. S. 291.

151 Бухгалтерские книги командования военным округом 13 А.К. свидетельствуют о том, что это предложение нашло широкий отклик у жителей. HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 909, PKMIN, 1.6.1918; M 209, Bue 215, Belohnung der Bevoelkerung.

условий договора и эксплуатацию работника сверх положенной нормы¹⁵². Расследование полицией Вюртемберга повторяющихся жалоб одного из землевладельцев на саботаж со стороны работника показало, что первый просто стремился получить денежную компенсацию от комендатуры за потерю рабочих рук¹⁵³. В целях экономии ставших дефицитными продуктов хозяева поместий вводили в рацион работников конину¹⁵⁴. В случае жалоб контрольному офицеру военнопленные рисковали стать жертвами личной мести хозяина. Так, после заявления одного из военнопленных о плохом питании и грубом обращении с ним владелица поместья обвинила его в саботаже и настаивала на судебном преследовании¹⁵⁵. Часто в комендатуры поступали жалобы соседей и местных священников на издевательства над пленными со стороны охранников и работодателей¹⁵⁶. В случае оказания сопротивления в ход пускалось огнестрельное оружие¹⁵⁷. В свою очередь, работники мстили своим хозяевам за слишком низкую по их мнению оплату или плохие условия труда порчей имущества или низкой выработкой¹⁵⁸. По всей видимости, ситуация в некоторых поместьях становилась настолько невыносимой, что военнопленные расправлялись с работодателями самым жестоким образом¹⁵⁹.

После заключения Брестского мира хозяева выступили за отмену облегчений для русских военнопленных из боязни снижения их работоспособности. На разъяснения военных органов, что подписанные международные соглашения невозможно отменить, поступило пред-

152 GStA PK, HA I, Rep. 87 B, Nr. 16103, Zweiggefängenenlager Beedenbostel, 22.11.1918.

153 HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 907, Polizeizentrale Wuerttemberg, 15.7.1918.

154 HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 912, Kommandantur Ulm, 8.7.1918.

155 HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 907, Kommandantur Ulm, 16.3.1918.

156 HStA Stuttgart, Q 1/37, Bue 73, Pfarramt Zeitler, 3.9.1917; SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6978, An der Kommandantur Koenigsbrueck, 7.6.1916.

157 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6998, Kommandantur Chemnitz, 23.7.1920.

158 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6996, Verbindungsoffizier, 13.08.1917.

159 HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 22, Gerichtsurteile, 5.1.1920; 30.3.1920; Bue 23, Gerichtsurteile, 29.8.1917.

ложение оставить пленных в неведении, чтобы не тратить средства на улучшение условий содержания и повышение оплаты труда¹⁶⁰.

В промышленной сфере, особенно на горнодобывающих предприятиях, отношения немецкого населения и военнопленных были еще более напряженными. Во внерабочее время пленные содержались в закрытых помещениях, огороженных колючей проволокой, что сводило к минимуму возможность установления личных контактов и смягчения образов врага. Устойчивость шовинистических предрассудков по отношению к принудительным работникам на производстве отражается, к примеру, в отчете Королевской дирекции шахт Реклингаузена, датированном весной 1917 г.: «В целом, русские менее претенциозны и более охотно работают, однако они тяжелы на подъем и мало вырабатывают. Французы и бельгийцы в большинстве своем работают удовлетворительно, англичане наглы и твердолобы, поэтому их выработка неудовлетворительна. Сербы же неполноценны...»¹⁶¹ Инспекция лагерей военнопленных XII и XIX А.К., в свою очередь отмечала, что только англичане могут быть приравнены по производительности труда к немецким рабочим, русским же, как и в приведенной цитате, давалась все та же нелестная оценка¹⁶².

Простые шахтеры с самого начала воспринимали военнопленных как своего рода штрейкбрехеров, чье появление в забое грозило свободным рабочим отправкой на фронт. К. Рава приводит интересный пример отказа военнопленных от работ с объяснением, что об этом их попросили немецкие коллеги по цеху. Признавая в качестве возможной интерпретации возникшее на глубине товарищество, автор в большей степени склоняется к выводу, что боязнь мести под землей у пленных была гораздо выше, чем страх перед неизбежным наказанием за стачку. Напряженность отношений в шахтах демонс-

160 GSStA PK, HA I, Rep. 87 B, Nr. 16103. Auszuege aus Beschwerden pommerscher Landwirte ueber die Haltung russischer Kriegsgefangenen, 15.8.1918.

161 Цит по: Ebenda, S. 115.

162 См.: Inspektion der Kriegsgefangenenlager XII und XIX AK. Die Beschaeftigung der Kriegs- und Zivilgefangenen in der Kriegs- und Volkswirtschaft. 1918. S 50. Д. Сухин приводит ироническое высказывание П.Крухена о том, что русским военнопленным изначально боялись дать в руки даже топор. См. неопубликованный текст доклада «1915–1925: Die fruehen Werkjahre Hans Scharouns», любезно предоставленный автором.

трируют и письменные свидетельства. Один из немецких забойщиков указывал в своем отчете на «наглость военнопленных и отсутствие у них желания работать», требуя усиления охраны и степени принуждения. Красной нитью в документе проходит стремление немецких шахтеров продемонстрировать большую готовность к риску и эффективному труду по сравнению с их вынужденными «конкурентами»¹⁶³.

Вследствие нехватки солдат охраны с 1915 г. надзор за пленными в шахтах был передан добровольцам из числа работников предприятия, которым в случае необходимости было разрешено применять оружие. Полномочия начальника рабочей команды здесь передавались мастеру цеха¹⁶⁴. Несмотря на постоянно повторявшиеся запреты военных органов на физическое принуждение военнопленных к труду, на местах эти предписания часто нарушались. Так же, как и в прифронтовой зоне, военнопленные загонялись в забой ударами и угрозой применения оружия. Однако в отличие от этапов в пределах империи в случае доказанного избиения виновный чаще всего подвергался наказаниям.

Взаимоотношения заметно улучшались только в тех случаях, если контакты военнопленных с рабочими выходили на уровень повседневного общения. В документах командования военным округом VII. А.К. описываются случаи, когда во время воскресных прогулок за пределы лагеря охранники из числа гражданских лиц разрешали военнопленным играть на музыкальных инструментах и даже пили с ними лимонад или пиво в одном из городских парков¹⁶⁵. Иногда приятельские контакты поддерживались и после возвращения пленных в лагерь. Последние пытались сохранить любой ценой эту связь с внешним миром, регулярно посылая бывшим коллегам просьбы о материальной помощи¹⁶⁶.

После Ноябрьской революции круг дружеского общения военнопленных с гражданским населением расширился за счет сторонников КПГ. Заключенные лагерей совместно с городскими рабочими праздновали 1 мая и устраивали митинги в честь павших в разгар

163 См.: *Rawe K. Auslaenderbeschaeftigung*. S. 135–136.

164 См.: *Ebenda*. S. 132–133.

165 *Ebenda*, S. 152.

166 *HStA Stuttgart*, M 77/1, Bue. 914, Kommandantur Ulm, 9.7.1918.

революции товарищей¹⁶⁷. При отправке очередной группы пленных из лагеря на родину колонну часто сопровождали коммунисты из числа местных жителей, с той и другой стороны произносились речи, раздавались приветствия в адрес социалистической России и пение Интернационала¹⁶⁸.

«ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ АРЕСТА ЗА РУССКУЮ ЛЮБОВЬ»¹⁶⁹: РУССКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И НЕМЕЦКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Долголетнее пребывание вдали от семей и работа в крестьянских хозяйствах, оставшихся без мужчин, способствовали сближению русских военнопленных с немецкими женщинами, хотя их контакты и, тем более, совместное проживание преследовались в судебном порядке¹⁷⁰. Отношения женщин с военнопленными характеризовались немецкими патриотами как «удар в лицо каждому немцу»¹⁷¹, поэтому к кампании по предотвращению «безнравственных» контактов немки с представителями вражеских государств были привлечены многие ведомства, в том числе церковь. В задачу священников входило обсуждение этой темы в проповедях и личных беседах¹⁷².

167 ГАРФ. ф. 9488, оп. 1, д. 110, л. 191.

168 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr.7000, Kommandantur Chemnitz, 14.9.1920.

169 Заголовок в Nuernberger Zeitung, 1916, 28 April. Цит. по: *Grabinsky B. Weltkrieg und Sittlichkeit. Beitrage zur Kulturgeschichte der Weltkriegsjahre.* Hildesheim, 1917. S. 138–202.

170 У. Хинц отмечает, что женщины наказывались более жестко за порочащую связь, чем представители вражеского государства, так как сексуальные потребности мужчины, пусть даже врага, находили у представителей немецких военных органов определенное понимание. В результате, кампания по восстановлению чести немецкой женщины, проводимая многими институтами и отдельными лицами, спровоцировала органичное вплетение в легенду о долхштосе гендерной составляющей. Женщины наряду с революционерами и евреями были объявлены предателями интересов германской армии, что наложило значительный отпечаток на восприятие тыла и средства его дисциплинирования во Вторую мировую войну. См.: *Hinz U. Gefangen.* S. 187–200.

171 GStA PK, HA I, Rep 87 B, Nr. 16103, Abschrift aus Anonymschreiben eines Deutschenkenders.

172 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6994, Mdl, 5.7.1917; а также: Grund, J., Opit sit. S. 294.

Педантично отправляя правосудие, военные органы, тем не менее, столкнулись с серьезной дилеммой, следует ли придавать огласке процессы над немецкими гражданками. Ужесточение штрафов не дало ожидаемого эффекта, так как «известия об этом распространялись только в узком кругу, а не в широкой общественности». Поэтому командования округов начали настаивать на публикациях в газетах сообщений с поименованием виновниц¹⁷³. Местная пресса вплоть до 1917 г. пестрела заметками об осуждении той или иной женщины за интимные отношения с пленными, помощь при побегах или оказание невинных знаков внимания. Однако позже было признано, что публикации на эту тему нежелательны из-за «разрушения образа немки за границей», а главное — из-за возможного снижения боевого настроения солдат на фронте¹⁷⁴. В результате в июне 1917 г. ПВМ заняло избирательную позицию, разрешив публиковать информацию об отдельных случаях, только если это не представляет опасности разрушения семей¹⁷⁵.

Особое возмущение ведомств вызывал тот факт, что часто отношения завязывались по инициативе самих представительниц слабого пола. Например, разносившая военнопленным еду служанка Хедвиг Рихтер раздавала одному из русских лучшие порции, дарила ценные подарки и заявляла открыто, что «со своим Федором поедет в Россию». Несмотря на предупреждения и запреты хозяина, она продолжала встречаться со своим возлюбленным тайно, когда же дело дошло до суда, уверяла допрашивающих в серьезности сложившихся между ними отношений. Военнопленный же настойчиво отрицал сам факт таковых¹⁷⁶. Другая дама, работавшая с группой русских пленников на фабрике, оказывала им настойчивые знаки внимания и заявила своим подругам: «Этот кудрявый русский Лев — звезда моих очей». Широкий резонанс получило дело многодетной

173 SaechsHSta, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 580, Stellv. GKdo des V. A. K., 17.6.1917

174 См.: *Grund J. Ernaehrgswirtschaft und Zwangsarbeit*. S. 295.

175 SaechsHSta, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 580, Verband für das Frauenstimmungsrecht, 11.6.1917; PKMIN, 25.6.1917.

176 SaechsHSta, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 580, Stellv. GKdo des V. A. K., 1917.

матери, муж которой находился в плену в России. В свете подобных отягчающих в глазах публики обстоятельств при вынесении приговора срок заключения был значительно увеличен¹⁷⁷.

Сами военнопленные стремились наладить контакты с женщинами не только из желания компенсировать отсутствие общения с представительницами прекрасного пола, но и использовали женское сострадание для получения продуктов или помощи при побеге¹⁷⁸. В некоторых случаях женщины, в том числе замужние, решались на бегство с пленными через границу. Замужняя Марта Вебер, задержанная с беглым русским солдатом на границе с Австрией, на допросе показала, что работала с ним в поле и наблюдала, как за хорошую работу пленных называли собаками и плохо кормили. Свою деятельную помощь в побеге она объясняла желанием добраться с военнопленным до России, получить там от него обещанные продукты и вернуться назад. Солдат, в свою очередь, подтвердил, что имеет в России жену, но готов был с ней развестись и жениться на Марте, отвага которой вызвала у него «сердечную склонность»¹⁷⁹. В следующем протоколе сообщалось о замужней даме 39 лет, бежавшей с пленным русским 20-летним юношей через голландскую границу и прихватившей из семейного сейфа крупную сумму денег¹⁸⁰.

Инициатива той или другой стороны не всегда заканчивалась любовным соглашением. Русские военнопленные отвергали ухаживания немецких дам со ссылкой на разницу в вероисповедании или верность русской жене. В эти случаях они были вынуждены покинуть рабочие места, так как оскорбленные женщины делали их повседневное существование невыносимым¹⁸¹. В одной из баварских деревень полиции удалось раскрыть двойное правонарушение: женщины занимались воровством домашней птицы, одевая при этом сапоги военнопленных, с которыми они состояли в интимной

177 См.: *Grabinsky B. Weltkrieg und Sittlichkeit*. S. 138–202.

178 HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 914, Verbindungsoffizier des XIII. A.K., 4.8.1917.

179 SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr.581, Leipzig, 2.5.1918.

180 См.: *Grabinsky B. Weltkrieg und Sittlichkeit*. S. 138–202.

181 BayHStA, Stellv. Generalkommando des III. bayerischen A.K. Nr. 177, Arbeitskommando Amberg, 11.10.1918; SaechsHStA, 11352, Stellv. GKdo, Nr. 643, Kommandantur Chemnitz, 14.10.1918.

связи. По их замыслу, в случае расследования все подозрения пали бы на русских, так как немецкая общественность заранее была настроена против них¹⁸². Документы немецких военных органов содержат множество свидетельств, когда недозволенные отношения завершались драматическим финалом. Так, военнопленный, состоявший в связи сначала с одной, потом с другой дочерью хозяина, в ходе объяснений был застрелен их отцом¹⁸³. Другой, уличенный работодателем в интимных отношениях с его женой, сам утопился в озере, опасаясь расправы¹⁸⁴. Отказ немецкой девушки от незаконной связи под предлогом, что «с такой свиньей она не будет иметь ничего общего», вызвал у военнопленного приступ ярости, во время которого он нанес ей смертельный удар по голове¹⁸⁵. Подобный случай в одном из вюртембергских поместий завершился самоубийством русского солдата¹⁸⁶.

После заключения мира на Восточном фронте немецкая сторона отказалась от судебных преследований и признала возможность заключения браков между военнопленными и немками. Определение деталей процедуры в каждом отдельном случае было передано в компетенцию командований военными округами. В целом заявители должны были доказать перспективу длительного пребывания в Германии в виде трудового договора, а также отсутствие дисциплинарных и уголовных взысканий за период плена¹⁸⁷. Процесс значительно ускорило заявление советского представительства о согласии принять репатрируемых военнопленных с женами и детьми в России. Бюро в Берлине брало на себя все расходы по содержанию семей в лагерях и по проезду их на родину¹⁸⁸. В ответ немецкая сторона высказала свою заинтересован-

182 См.: *Grabinsky B. Weltkrieg und Sittlichkeit*. S. 138–202.

183 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 110, л. 136. Переписка лагерей военнопленных и Советского бюро в Берлине. 1920 г.

184 См.: *Grabinsky B. Weltkrieg und Sittlichkeit*. S. 138–202.

185 SaechsHStA, 11352, Stellv. GKdo, Nr. 643, Kommandantur Chemnitz, 23.9.1918.

186 HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 24, Kontrolloffizier, 15.1.1918.

187 HStA Stuttgart, M 1/7, Bue21, PKMIN, 21.7.1918.

188 HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 4, Heeresabwicklungsamt, 3.3.1921; ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 30, л. 137 ff.

ность в скорейшей отправке будущих советских гражданок из Германии. В лагерные комендатуры и в Бюро поступал поток вопросов о механизме официальной регистрации уже сложившихся отношений, нередко военнопленных интересовала возможность заочного развода с русской женой для оформления нового брака¹⁸⁹. Вскоре в лагеря была разослана инструкция по совершению обряда бракосочетания. Прежде всего, местный комитет должен был составить акт о совместном проживании «жениха» и «невесты» и об их обоюдном желании придать ему законный характер. Документ подписывался минимум тремя свидетелями и отсылался православному священнику в Берлин, получившему право выдавать свидетельство о браке на немецком языке¹⁹⁰.

Однако при попытке упорядочить ситуацию советские и немецкие ведомства столкнулись с определенными сложностями. После возвращения в лагерь многие объявляли себя холостыми или признавали, что в России у них остались законные семьи. Подобному поведению невольно способствовало само Бюро, определившее, что военнопленные с женами будут отправляться на родину в последнюю очередь¹⁹¹. В результате и немецкие органы, и советское представительство были завалены жалобами женщин, проживших с военнопленными несколько лет и даже имевших от них детей, но брошенных на произвол судьбы уехавшим на родину солдатом¹⁹². Немецкая сторона пыталась защитить интересы женщин с помощью юридических механизмов. Гражданки, собирающиеся заключить брак, настойчиво предупреждались об опасности оказаться без средств и нового мужа после въезда в Россию¹⁹³. Для гарантии получения алиментов на детей от внебрачной связи с военнопленными женщинам рекомендовалось документально фиксировать

189 ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 37, л. 156; д. 59, л. 90; ф. 9488, оп. 1, д. 8, л. 175. Переписка лагерей военнопленных и Советского бюро в Берлине. 1920–1921 гг.

190 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 110, л. 313, 352. Советское бюро в Берлине лагерям военнопленных. Циркулярно. 1.11.1920.

191 HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 4, Heeresabwicklungsamt, 21.1.1920.

192 ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 18, л. 52; д. 212, л. 163. Переписка лагерей военнопленных и Советского бюро в Берлине. 1920 г.

193 HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 4, Mdl Wuerttemberg, 16.2.1921; ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 11, л. 47. Германское демобилизационное управление, июнь 1920 г.

факт отцовства. В случае отказа пленного принимать на себя положенные обязательства мать получала право добиться этого в судебном порядке¹⁹⁴.

Часть военнопленных использовали связь с немецкими женщинами как предлог остаться в Германии. Представители данной группы должны были доказать, что гражданская жена или внебрачный ребенок находятся на их содержании. В этом случае они освобождались из лагеря, переводились на самостоятельное обеспечение и получали разрешение на пребывание и дальнейшую трудовую деятельность¹⁹⁵.

При отсутствии общей статистики заключенных браков, тем не менее, можно предположить, что их число было относительно высоким. Протоколы осмотра лагеря Кассель советскими представителями в 1921 г. свидетельствуют, что из 500 находившихся в этот момент в лагере человек 177 жили в гражданском браке, 32 имели внебрачных детей¹⁹⁶. У многих пар дети рождались уже на пути в Советскую Россию¹⁹⁷.

194 HStA Stuttgart, M 1/7, Bue21, PKMIN, 7.3.1918; BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K., Nr. 274, Stellv.GKdo, 4.4.1918; ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 226, л. 108.

Переписка лагерей военнопленных и Советского бюро в Берлине, ноябрь 1920 г.

195 StA Erlangen, Fach 94, Akt 280, Staatsministerium des Innern an die Regierungen rechts des Rheins 8648. 6.7.1921; ГАРФ, ф. 3333, оп. 24, д. 6, л. 1. Письмо военнопленного Рогозина в Российское консульство. 22.4.1919. На 1921 г. Советское Бюро зарегистрировало 3500 человек, включая жен и детей, которые по политическим и личным причинам отказывались возвращаться на родину. См.: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 127, л. 1-2. Русские военнопленные в Германии. 28.11.1921.

196 Данные по некоторым лагерям см.: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 51а, л. 1-11. Лагерь Кассель, 1921 г.; д. 12, л. 11. Лагерь Альтдамм, 1921 г.

197 ОГАЧО, ф. Р-895, оп. 1, д. 33, л. 66. Удостоверение Морского управления прусской инспекции от 26.11.20.

II.5. НЕМЕЦКАЯ «ПОЛИТИКА ПРОСВЕЩЕНИЯ» НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: СТЕРЕОТИПЫ, ПРОПАГАНДА И ВОСПРИЯТИЕ

Военнопленные солдаты и офицеры русской армии отражали этническое многообразие Российской империи. Согласно неполной немецкой статистике, в ходе войны помимо коренных русских в лагерях оказалось более 150 тыс. украинцев¹⁹⁸, 50 тыс. «татар» (мусульман)¹⁹⁹, около 30 тыс. поляков²⁰⁰, около 30 тыс. евреев²⁰¹, 16 тыс. русских немцев²⁰², 12 тыс. прибалтов (литовцев, латышей и эстонцев)²⁰³ и 3 тыс.

198 Статистика в отношении военнопленных-украинцев достаточно противоречива и называет максимальную цифру в 300 тыс. в лагерях Центральных держав. См.: *Remer C. Die Ukraine im Blickfeld deutscher Interessen. Ende des 19. Jahrhunderts bis 1917/18. Frankfurt am Main, 1997. S. 261.*

199 В качестве «татар» (параллельное обозначение — мусульмане) в Германии определялись не только этнические татары, но и башкиры, и почти все кавказские народности. Количество представителей этих народностей в лагерях колебалось от 30 до 50 тыс. человек. См.: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmaechte. Wien 1992. Teil II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917-1918). S. 29.*

200 HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 24, Kommandantur Ulm, 28.1.1917.

201 Данную цифру со ссылкой на еврейские организации в Германии периода Первой мировой войны приводит в своей статье Труде Маурер. См.: *Maurer T. «Sehr wichtig sind Buecher von der juedischen Geschichte». Zu den Lebensverhaeltnisse und Lektuereinteressen juedischer Kriegsgefangener aus dem Russischen Reich (1917/18) // Tel Aviver Jahrbuch für die deutsche Geschichte. 1991. S. 264.* Прусское военное министерство, непланировавшее привилегий и пропаганды в отношении этой народности, было вынуждено ввести некоторые улучшения в содержание ее представителей из Российской империи под давлением благотворительных еврейских организаций. Соответственно, сюжеты, посвященные положению военнопленных-евреев и организации их религиозной жизни, читатель найдет в разделах III.1 и IV.3.

202 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 164, PKMIN, 26.8.1917.

203 SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 562, Kommandantur Lechfeld, Bestimmungen für die Arbeitgeber ueber die Aufklaerung der baltischen Kriegsgefangenen.

грузин²⁰⁴. Эти национальные группы рассматривались немецкими военными органами как один из важнейших инструментов ослабления лояльности окраинных народностей по отношению к правительству противника и как проводники немецких экономических интересов на Востоке.

Привилегированное содержание и пропаганда среди национальных меньшинств не были исключительной принадлежностью немецкого ведения войны, а являлись отличительным феноменом Восточного фронта в целом. Именно здесь Первая мировая война, потребовавшая от стран-участниц максимального напряжения экономических и политических структур, выявила слабость мобилизационных институтов многонациональных империй. Одновременно противники на Восточном фронте пытались использовать конфликтный потенциал национального вопроса для достижения военных целей. Россия в формировании добровольческих батальонов из военнопленных славянских народностей видела средство раскола Австро-Венгрии и реализации панславянских идей. В военных действиях против Германии предполагалось использовать выделенных из общей массы немецких пленных эльзасцев, лотарингцев и поляков²⁰⁵. В свою очередь, устремления Центральных держав были нацелены на ослабление Российской империи путем стимулирования национально-освободительных движений и создания буферных государств на ее окраинах.

В Германии распространению идеи освоения восточных областей способствовали ограниченные успехи заморской колонизации рубежа XIX–XX вв., а также культивируемые предвоенной пропагандой представления о культурной неполноценности восточноевропейских народов и о необходимости их европеизации. Степень распространения колониальных представлений отражается не только в политических концепциях (например, в «стратегии апельсина»²⁰⁶ или программе

204 В 1918 г. в немецких лагерях находилось около 70 грузинских офицеров и 3000 солдат. См.: Bihl W. Teil I. S. 85; Teil II. S. 31.

205 См.: Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte; Rachamimov A. POWs and the Great War. Captivity on the Eastern Front. NY, 2002; Nachtigal R. Russland und seine oesterreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen. S. 221–291; Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. S. 216–226.

206 Большое влияние на немецкие стратегические планы на востоке оказала т.н. «концепция апельсина», согласно которой царскую Россию необходимо по-

канцлера Бетмана Гольвега 1914 г.), но и в письмах немецких солдат Восточного фронта, которые видели в немецкой оккупации западных территорий России акт приобщения отсталого населения к ценностям европейской культуры²⁰⁷. В этом ключе привилегированное содержание нерусских народностей в лагерях может рассматриваться как важная часть немецкого колониального проекта в Восточной Европе.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И «ПРОСВЕЩЕНИЕ» НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ЛАГЕРЯХ²⁰⁸

Одна из значимых линий немецкой пропаганды врага в период войны была инициирована этнографами, лингвистами и антропологами, увидевшими в системе лагерей уникальную возможность организации экспедиций по изучению расовых типов, языков и обычаев. Большая часть проектов завершилась богато иллюстрированными изданиями²⁰⁹, которые имели не только научную, но и пропагандистскую значимость, наглядно демонстрируя населению и нейтральным державам, что Германия ведет войну с «целым миром врагов»²¹⁰.

делить на отдельные «дольки», лишить господства над нерусскими народами и вернуть в границы допетровского времени. Для будущего обеспечения потребности Германии в сырье немецкая промышленность выступала за установление контроля над Балтикой, Украиной и Кавказом.

207 См.: *Reimann A.* Der grosse Krieg der Sprachen. Untersuchungen zur historischen Semantik in Deutschland und England zur Zeit des Ersten Weltkrieges. Essen, 2000. S. 210–213; *Koerren M.* Im Krieg mit fremden. Barbarentum und Kulturkampf // *Holland A.* (Hg.) Kolonialismus als Kultur. Literatur, Medien, Wissenschaft in der deutschen Gruenderzeit des Fremden. Tuebingen, 2002. S. 273; *Liulevicius V.G.* Kriegsland im Osten. S. 201, 205.

208 Влияние колониального опыта на содержание военнопленных раскрывается через индивидуальную и коллективную рецепцию колониализма, его институционализацию, а также через инструментализацию решающих для колониального дискурса понятий «раса» и «пространство». См.: *Zimmerer J.* Geburt des Ostlandes. S. 19.

209 Выборочно: *Backhaus A.* Die Kriegsgefangene in Deutschland gegen 250 Wirklichkeitsaufnahmen aus deutschen Gefangenenlagern. Siegen, Leipzig, Berlin, 1915; *Stiehl O.* Unsere Feinde. Charakterkoepfe aus deutschen Kriegsgefangenenlagern. Stuttgart: J. Hoffmann, 1916; и т.д.

210 *Overmans R.* «Hunnen» und «Untermenschen». S. 341.

Научно-популярные публикации распространяли традиционные для колониального мышления образы о «находящихся на более низком культурном уровне» военнопленных африканцах, азиатах (включая народности Российской империи) и представителях Восточной Европы (включая евреев), которые «не имели представления о чистоте, не говоря уже о немецком ее понимании»²¹¹. Издания, увидевшие свет после войны, должны были иллюстрировать прекрасное обращение с военнопленными в Германии и ее вклад в сохранение культуры малых народов.

Колониальный дискурс оказал значительное влияние на мероприятия немецких органов в отношении русских военнопленных. Ведомственная переписка свидетельствует, что они были поставлены на одну ступень с колониальными частями в армиях западных союзников. В ответ на ноту английского правительства, которое в качестве доказательства негуманного содержания британских подданных в лагерях Германии указывало на совместное содержание офицеров-англичан с русскими, немецкая сторона парировала: если Англия не останавливается перед использованием в войне «цветных всех рас как союзников», то она не должна удивляться, когда ее «офицеры в плену попадают с ними в тесный контакт»²¹². С точки зрения заместителя начальника германского ГШ, размещение западных военнопленных с находящимися «на более низкой культурной ступени русскими» или жителями колоний следовало использовать как репрессивную меру и инструмент давления на противника²¹³. Сотрудничество комендатур лагерей для военноплен-

211 Doegen W. *Kriegsgefangene Voelker*. S. 4. Исследования Моник Шеер, подробно рассматривающей этнологические исследования в лагерях военнопленных, также подчеркивают репрезентативность колониальных кодов в общественной дискуссии. См.: Scheer M. „Voelkerschau“ im Gefangenenlager. *Anthropologische «Feind»-Bilder zwischen popularisierter Wissenschaft und Kriegspropaganda 1914–1918*. (Im Druck); а также: Scheer M. *Des Gefangenen Amulett. Funktionen des Kriegsgegners im volkskundlichen Aberglaubediskurs // Korff G.* (Hg.) *Kasten 117. Aby Warburg und der Aberglaube im Ersten Weltkrieg*. Tuebingen, 2007. S. 245–259.

212 BayHStA, M Kr., Nr. 1639, PKMIN , 29.5.1915. Примечательно, что смешение различных наций между собой и в особенности размещение европейцев с военнопленными мусульманами критиковал и американский посланник Маккарти. См.: *Speed R.B. Prisoners, Diplomats and the Great War*. P. 65.

213 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6905, Generalquartiermeister, 22.10.1914.

ных-мусульман с Ориенталистским семинаром в Берлине²¹⁴, а также финансирование просвещения украинских военнопленных «Обществом содействия внутренней колонизации»²¹⁵ подтверждает институциональную связь ПВМ с традициями колониальной политики.

Ведомства по работе с военнопленными активно использовали в своей деятельности расовую риторику. Наиболее ярким ее воплощением стал «Отчет о военнопленных в саксонских лагерях в форме представления о государственном строе, народности и расе», основанный на убеждении, что «раса при формировании народа играет наиважнейшую роль». Миссионерское видение роли германцев в истории восточноевропейских народов привело автора (рядового инспекционного врача) к выводу, что эстонцы и латыши обязаны сохранению народной сущности и языка «работе их германских господ». Русские военнопленные определялись им, как и многими его коллегами, в качестве «симпатичных рабов», а убеждение в «космополитизме» и более низком нравственном уровне восточноевропейских евреев заставляло автора воспринимать любые действия как характерное для их расы подобострастие перед влиятельными персонами в стремлении получить привилегии²¹⁶. Уже сам факт определения данного опуса в качестве итогов работы инспекции лагерей двух армейских корпусов подчеркивает распространенность подобных представлений.

Практическим воплощением мышления расовыми категориями стала политика предоставления немецкого гражданства русским военнопленным. Первоначальные намерения восполнить военные потери Германии с помощью прилежных работников из числа пленных натолкнулись на убеждение ПВМ в необходимости сохранения чистоты немецкой нации, поэтому в качестве условий дарования гражданства были определены «чисто арийское происхождение», полное телесное и душевное здоровье и моральная благонадеж-

214 SaechsHSta, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 155, PKMIN, 27.6.1917.

215 *Terletzki O.* Die Ukrainer in Deutschland 1915–1918. Lager Rastatt. Kiew, 1920. S. 9.

216 См.: SaechsHSta, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 728, Bericht ueber die Kriegsgefangenen in den saechsischen Kriegsgefangenenlagern in Form einer Darstellung nach Staatsform, Volkstum und Rasse, 1.8.1918; а также *Hinz U.* Gefangen. S. 81.

ность²¹⁷. Прошения «цветных» военнопленных должны были отклоняться, а к заявлению пленного прилагались сведения о форме черепа, цвете глаз и волос²¹⁸. Из всех представителей восточноевропейских народностей наиболее перспективными в глазах немецких ведомств выглядели русские немцы из поволжских колоний, которые подлежали строгому отделению от евреев и немцев из Польши, «где народность уже поблекла»²¹⁹.

По представлениям немецкой стороны, нерусские народности, колонизованные и угнетаемые коренными русскими, воевали против Центральных держав не по собственному убеждению, а по принуждению, и, соответственно, были предрасположены к сотрудничеству против России²²⁰. На разработку и реализацию планов использования военнопленных различных национальных меньшинств наложили свой отпечаток конкуренция между военными и политическими ведомствами²²¹, принципиальное несовпадение идей колонизации восточных областей и создания современных национальных государств, а также пренебрежительное отношение к неевропейским народностям. Претворение в жизнь агитационных программ затруднялось также изначально смутными представлениями немецкой стороны о населении восточных территорий. Особую роль играло противоречие между привычными для Германии принципами определения национальности и принятым в России самоопределением в соответствии с религиозной принадлежностью. Выделенные немецкими органами на бумаге в качестве отдельных народностей сибиряки и казаки (к последним некоторые коменданты относили и киргизов) самоопределяли себя русскими, малороссами или прос-

217 Страх перед смешением рас определяется в (пост)колониальных исследованиях как одна из важных составляющих колониального дискурса. См., например: *Grosse P.* Kolonialismus, Eugenik und buergerliche Gesellschaft. S. 145–149; *Hochgeschwender M.* Kolonialkriege als Experimentierstaetten. S. 269–290.

218 HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 827, Wuerttembergisches Mdl, 19.10.1917; BayHStA, St.GKdo I. A.K., Nr. 1986, PKMIN; SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6981, PKMIN, 6.12.1915; PKMIN, 28.11.1917.

219 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 727, Taetigkeitsbericht der Inspektion der Kriegsgefangenenlager XII. und XIX. A.K., 1918.

220 BayHStA, M Kr., Nr. 1633, PKMIN, 21.12.1914.

221 См. подробнее: *Remer C.* Ukraine Politik. S. 262.

то православными, создавая путаницу в статистических данных. Напротив, для неожиданно «обнаруженных» в ходе деятельности администрации Обер Ост белорусов ПВМ не смогло сформулировать программу просветительских мероприятий²²².

С течением времени обширные планы национального просвещения военнопленных в Германии корректировала система принудительного труда и ее возрастающее значение для немецкой военной экономики. Стремление собрать военнопленных одной национальности в основном лагере или одном военном округе наталкивалось на сопротивление работодателей, не желавших отдавать уже обученных работников²²³. Вопреки первоначальному убеждению ПВМ, что насаждение сепаратистских настроений среди российских народностей имеет первостепенное значение, фактор экономической эффективности принудительного труда выдвинулся на первый план и способствовал основательной трансформации общей концепции привилегированного содержания и пропаганды. Трудоспособные военнопленные из просветительских лагерей были массово отправлены в рабочие команды, которые, тем не менее, формировались преимущественно по национальному признаку; при недостаточном для создания отдельной команды количестве военнопленных ПВМ рекомендовало переводить их в соседний лагерь, где представительство этой народности было более многочисленным, или, по крайней мере, строго соблюдать отделение их от этнических русских²²⁴. Агитационные лагеря, в которых остались только офицеры, представители умственного труда и нетрудоспособные солдаты, превратились

222 SaechsHStA, 11248. Saechsisches Kriegsministerium, Nr.6996, Nachrichtendienstoffizier in Berlin an die Kommandanturen, 14.1.1918, (Geheim); HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 6, PKMIN, 1.10.1919. К вопросу о белорусах см.: *Liulevicius V.G.* Kriegsland im Osten. S. 154. Автор отмечает также недоверие администрации Обер Ост по отношению к латышам и литовцам, которое выразилось в стремлении предоставлять значимые посты в ведомствах оккупированных областей исключительно балтийским немцам. S. 220.

223 BayHStA, M Kr., Nr. 1669, Bayrisches Kriegsministerium, Juli 1918.

224 HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 20, PKMIN, 1.1.1916; M 1/8, Bue 222, PKMIN, 1.11.1916; SaechsHStA, 11348, Stellv. GKdo, Nr.143, PKMIN, 30.11.1916. В округе инспекции 1 Баварского армейского корпуса, где не было в наличии просветительского лагеря для мусульман, тем не менее на январь 1918 г. насчитывалось 150 мусульманских рабочих команд, см.: BayHStA, M Kr., Nr. 1690; Nr. 1650, PKMIN, 25.4.1916.

в место подготовки агитаторов, которые после интенсивного обучения направлялись в рабочие команды для повышения мотивации военнопленных своей народности, урегулирования конфликтов с работодателями и проведения просветительских бесед²²⁵. Военнопленным представителям национальных меньшинств объяснялось, что их успех в борьбе за независимость тесно связан с «немецким делом», которое на данный момент заключается в обеспечении населения Германии пропитанием. Соответственно, чтобы в будущем основать собственное государство, военнопленные должны были сначала прилежно поработать на немецкое хозяйство²²⁶.

Особое внимание ПВМ уделяло просвещению хозяев и охранников, работавших с представителями национальных меньшинств. Текст договоров по предоставлению военнопленному работы и инструкции для охраны диктовали условия его содержания на уровне немецкого работника: более высокую оплату и лучшую пищу, удовлетворение религиозных потребностей и стремления к просвещению, запрет на наименование его «русским» и на использование ругательств и наказаний. Договор и инструкция сопровождалась памяткой, в которой кратко и доступно объяснялись причины и мероприятия привилегированного содержания той или иной народности²²⁷.

«Колонизация» национальных меньшинств в лагерях требовала не просто отделения их от русских военнопленных, но и от положительного образа бывшей многонациональной родины. Военнопленные старательно ограждались от информации, поступающей в просветительские лагеря извне, если она противоречила общей пропагандистской концепции. Саксонская инспекция лагерей сочла недопустимым раздачу так называемым «крестникам» из Польши

225 Так, рабочие команды, в которых работали украинские военнопленные, дважды в неделю посещались членами просветительского комитета лагеря в сопровождении немецкого офицера для раздачи печатной продукции и чтения докладов. См.: BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K., Nr. 545, Kommandantur Rastatt, 18.7.1917; *Terletzky O. Lager Rastatt*. S. 91.

226 BayHStA, Stellv. Generalkommando des III. bayerischen A.K., Nr. 174, PKMIN, 10.2.1917.

227 BayHStA, M Kr., Nr. 1669, Kommandantur Lechfeld, 20.3.1918, Bericht ueber privilegierte Behandlung lettischer, litauischer und estnischer Kriegsgefangenen; Bericht ueber privilegierte Behandlung der Deutschrussen.

и Курляндии именных посылок от МГК, так как подобного рода помощь могла вызвать у них чувство благодарности и зависимости от России²²⁸. Проявлением политики ограничения информации во избежание возможной конкуренции со стороны других «колониальных» держав стал запрет для русских немцев, имевших родственников в США или Канаде, на получение газет, красочно описывающих жизнь заокеанских немецких общин и приглашающих переселенцев к себе²²⁹. Немецкие военные органы пытались предотвратить контакты военнопленных с представителями вражеских и нейтральных государств и благотворительных организаций, которые могли бы способствовать возникновению деловых отношений²³⁰.

Украинные области Российской империи рассматривались как перспективные территории для освоения флагманами немецкой индустрии и торговли, а военнопленные из данных районов — как возможные проводники колониальных интересов. Военные органы активно поддерживали идею предпринимательских кругов о распространении среди военнопленных книг по истории торговых отношений двух стран, а также каталогов немецких фабрик для пропаганды интересов немецкой экономики и укрепления немецкого влияния на территории России после войны²³¹. После заключения перемирия на Восточном фронте в ПВМ обсуждался проект досрочного освобождения ограниченного числа офицеров резерва, которые имели в прошлом деловые контакты с Германией или собирались их наладить в перспективе. Кроме того, при отправке на родину каждому русскому военнопленному предполагалось выдать по экземпляру специально изданной иллюстрированной брошюры с рас-

228 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6980. Inspektion der Kriegsgefangenenlager des XII. und XIX. A.K., 17.8.1916.

229 Строгий контроль был также установлен за общением между военнопленными русскими немцами и канадцами, которые могли распространять подобного рода прессу. См.: SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6950. PKMIN, 18.7.1916, Verbreitung der ueberseeischen Zeitungen in den Kriegsgefangenenlagern.

230 BayHStA, Stellv.Generalkommando des III. bayerischen A.K, Nr. 174, PKMIN, 20.6.1915; HStA Stuttgart, M 1/6, Bue 1425, PKMIN, 13.10.1916.

231 BayHStA, M Kr., Nr. 1639, Mdl, 1.6.1915; Nr. 1647, PKMIN, 25.1.1916, Russisch-Deutsche Handelsbeziehungen; Nr.1644. Kalien-Syndikat, 5.11.1915.

сказами о культурном и экономическом значении Германии и рекламной отдельных предприятий²³².

Опасаясь репрессий в адрес собственных подданных, ПВМ прилагало значительные усилия, чтобы скрыть от России привилегированное содержание национальных меньшинств и в особенности проводимую среди них пропаганду сепаратизма. При организации осмотра немецких лагерей и рабочих команд смешанными русско-датскими комиссиями с участием сестер милосердия оно уклонилось от включения в маршрут посещения пропагандистских лагерей и предписывало настойчиво отрицать факт их существования²³³. Только в мае 1916 г., когда в ходе визитов немецких сестер в русские лагеря стало официально известно о проводимой русской стороной политике привилегированного содержания и агитации среди австро-венгерских военнопленных славянского происхождения, ПВМ открыто признало существование просветительских лагерей в Германии²³⁴.

ПРИВИЛЕГИРОВАННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ РУССКИХ НЕМЦЕВ И ПЛАНЫ РЕПАТРИАЦИИ КОЛОНИСТОВ

Проект реколонизации явился откликом на политику России в отношении «вражеских иностранцев», вылившуюся в «национализацию» собственности и масштабные депортации немцев, евреев и поляков из прифронтовой зоны²³⁵. В сентябре 1914 г. ПВМ сообщило местным ведомствам по работе с военнопленными о намерении отделить русских немцев от коренных русских и перевести их на более мягкий

232 Последний проект так и не был реализован. См.: SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7071, PKMIN, 9.2.1918, (Geheim) Russische Reservenoﬃziere; PKMIN, 25.2.1918. К рекламе немецких фирм в газете для военнопленных «Русский вестник» см.: *Колоницкий Б.* Эмиграция, военнопленные и начальный этап германской политики «революционирования» России. С. 201.

233 BayHStA, M Kr., Nr. 1641, PKMIN, 16.9.1915; SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7081, PKMIN, 14.6.1916; Barch, R 1508/ 750, Kommandantur Wetzlar, 21.6.1916, An alle Wachthabenden von Ukrainer-Kommandos.

234 BayHStA, M Kr., Nr. 1650, PKMIN, 26.5.1916.

235 О политике в отношении русских немцев см.: *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire. The Campaign Against Enemy Aliens During World War I. Cambridge, 2003.

режим содержания, что должно было способствовать укреплению среди бывших колонистов германофильских настроений и стремлений остаться после войны в Германии. Притоком чистокровных немецких реэмигрантов ПВМ надеялось восполнить военные потери и решить проблему неосвоенных пустошей²³⁶. Позже родилась идея о заселении русскими немцами приобретенных в ходе войны восточных территорий после принудительного выселения с них русских собственников и антигермански настроенного гражданского населения²³⁷. Отчеты комендатур подтвердили, что представители данной группы военнопленных в большей степени считают себя немцами, чем русскими, не вызывают дисциплинарных нареканий, а, напротив, пытаются любым образом быть нужными в лагере, кроме того, многие из них выразили желание принять немецкое подданство²³⁸.

К декабрю 1915 г. ПВМ разработало историческое обоснование необходимости возвращения переселившихся на восток немцев обратно в Германию, а также программу мероприятий по подготовке их репатриации. Прежде всего, представители данной народности должны были почувствовать, что Германия видит в них «не русских пленных солдат, а освобожденных от русского кнута соотечественников». Охране и коменданту рекомендовалось называть их «немцами» и «соотечественниками», но ни в коем случае не русскими²³⁹. Привилегированное содержание заключалось в привлечении к выполнению административных функций в лагерях, освобождении от физического труда и работы в праздники, а также в создании условий для удовлетворения религиозных потребностей. С помощью целенаправленного просвещения Германия надеялась получить 16 тыс. добровольных борцов за германскую идею, которые после окончания войны могли обеспечить ей приток около 2 млн реэмигрантов²⁴⁰.

236 См.: *Auerbach K. Russische Kriegsgefangene S. 143; Mitze K. Kriegsgefangenenlager. S. 220.*

237 BayHStA, (Stellv.) Bayer.Militaerbevollmaechtiger in Berlin, Nr. 35, Fuersorgenverein für deutsche Rueckwanderer, Nov. 1917.

238 SaechsHStA, 11348. Stellv.Generalkommando, Nr. 155, PKMIN, 17.9.1914; Kommandantur Zittau, 27.9.1914.

239 HStA Stuttgart, M 1/6, Bue 5, PKMIN, 21.12.1915.

240 SaechsHStA, 11348. Stellv.Generalkommando, Nr. 164, PKMIN, 26.8.1917.

Реализация политики привилегированного содержания по отношению к военнопленным русским немцам проходила при сотрудничестве с «Попечительским союзом немецких репатриантов» (Fuersorgeverein fuer deutsche Rueckwanderer), который проверял принадлежность военнопленного к указанной национальной группе, выясняя его родственные связи, уровень знания языка и соблюдения обычаев, и представлял интересы каждого военнопленного на рабочем месте²⁴¹. Совместно с ПВМ Попечительский союз организовал индивидуальное трудоустройство русских немцев на предприятиях Германии, а также в хозяйствах их родственников и друзей. Представители данной народности освобождались от охраны, которая заменялась постановкой на учет в местном полицейском управлении, кроме того, они пользовались свободой передвижения, возможностью посещать религиозные службы вместе с гражданским населением, а также во избежание недоразумений получали право носить гражданскую одежду вместо русской униформы²⁴². Труд военнопленных русских немцев в лагерях и рабочих командах оплачивался на порядок выше, а лицам, отпущенным на свободные работы, была положена оплата по установленным в данной местности тарифам²⁴³. В случае несогласия работодателя выплачивать подобное содержание пленный немедленно переводился на другое место. Контрольным офицерам инспекций вменялось в обязанности тщательно расследовать и немедленно пресекать случаи произвола со стороны работодателей²⁴⁴. В качестве штрафной санкции для русских немцев было предусмотрено лишение привилегий и перевод в лагерь на положение коренных русских²⁴⁵. Степень доверия командования к представителям данной народности, а также эффективность политики привилегий иллюстрируется их работой не только учителями в школах и ремесленных училищах, но и специалистами

241 HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 5, Kommandantur Ulm, 23.11.1917.

242 HStA Stuttgart, M 1/6, Bue 5, PKMIN, 21.12.1915.

243 HStA Stuttgart, M 17/2, Bue 241, PKMIN, 17.10.1916.

244 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7072, Inspektion der Kriegsgefangenenlager des XII. und XIX. A.K., 17.8.1918.

245 HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 819, Stellvert. GKdo des XIII. A.K., 30.7.1916.

на стратегических предприятиях химической и электротехнической промышленности²⁴⁶.

В отдельную подгруппу были выделены русские немцы, происходящие с территории русской Польши, которые не могли быть переведены на статус свободных рабочих, а оставались на должностях переводчиков и канцелярских служащих в лагерях. Хотя им не доверялась цензура почты и оглашение приказов военнопленным, они пользовались многочисленными привилегиями, включая добавочные порции еды, ношение гражданской одежды с отличительным знаком переводчика и выход из лагеря для посещения церкви. В зависимости от позиции коменданта, к этим послаблениям добавлялось размещение в одном бараке с лагерной охраной, зарплата выше установленного ПВМ минимума и открытие сберегательного вклада в банке²⁴⁷. В одном из саксонских лагерей поступившие на службу охранники приняли военнопленного русского немца, работавшего переводчиком, за наемного служащего и даже выдали ему оружие²⁴⁸.

Для реализации программы будущей репатриации русских немцев и увеличения контингента военнопленных, охваченных пропагандой, между Германией и Австро-Венгрией был заключен договор о переводе военнопленных данной национальности в немецкие лагеря, в соответствии с которым до конца 1917 г. из Австрии было переправлено 572 человека²⁴⁹.

Политика привилегированного содержания сопровождалась интенсивной письменной и устной агитацией, для чего деятелям Попечительского союза разрешалось посещать рабочие команды и беседовать с будущими репатриантами²⁵⁰. Среди русских немцев достаточно успешно распространялась газета «Возвращение на родину» («Heimkehr»), а также специальная литература, выпускав-

246 HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 851, Ministerium für das Kirchen- und Schulwesen, 12.12.1916; M 1/8, Bue 223, Kommandantur Ulm, 24.3.1917; SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 154, PKMIN, 28.11.1917.

247 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 161, Kommandantur Bautzen, 23.11.1916, Deutschrussische Dolmetscher; HStA Stuttgart, M 1/6, Bue 823, PKMIN, 6.3.1918.

248 См.: SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr.160.

249 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 165, PKMIN, 24.12.1917.

250 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 152, PKMIN, 15.5.1915.

шаяся Попечительским союзом и обсуждавшая политику угнетения национальных меньшинств в Российской империи²⁵¹. В перспективе репатриации колонистов были организованы уроки чтения, письма, немецкого права; для лучшего знакомства с немецкой культурой и установления контактов им рекомендовалось вступать в местные общественные и культурные союзы²⁵². Мероприятия политики просвещения распространялись также на население империи, до сведения которого доводилась не только общая информация о численности, религиозном разделении и культуре колонистов, но и подробно объяснялась заинтересованность в их возвращении в Германию. В 1916 г. для распространения этих идей было основано периодическое издание «Восточноевропейское будущее» («Osteuropäische Zukunft») ²⁵³.

После определения основ германской политики в отношении оккупированных прибалтийских территорий военнопленные балтийские немцы, прогерманские настроения, и политическая благонадежность которых не вызывала сомнений, досрочно освобождались из лагерей в Германии и отправлялись в распоряжение командования Обер Ост для восстановления разрушенной экономики

251 Список рекомендованной литературы включал в себя 15 названий, в том числе «Два миллиона немцев в России: спасение или гибель» («Zwei Millionen Deutsche in Russland: Rettung oder Untergang»), «Русские военные законы по отношению к гражданам враждебных государств» («Russlands Kriegsgesetze gegen die feindlichen Ausländer»), см.: SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 143, PKMIN, 11.10.1917. О распространении газеты для русских немцев см.: SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 164, PKMIN, 22.5.1917. Примечательно, что агитация среди представителей национальных меньшинств в лагерях всех стран основывалась на сходных, а в некоторых случаях, и идентичных приемах и понятиях. Об агитационной риторике в России см.: *Nachtigal R. Russland und seine Kriegsgefangenen. S. 224; Leidinger H. Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. S. 219.*

252 HStA Stuttgart, M 1/6, Bue 5, PKMIN, 21.12.1915.

253 Среди положительных черт русских немцев отмечались их трудолюбие и многодетность, подчеркивалась расовая чистота вследствие несмешения с русскими и татарами, а также их самоопределение как немцев. См.: *Borchardt A. Deutschrussische Rueckwanderung. Berlin, 1915; Was sollte jeder Deutsche von unseren deutschen Volksgenossen in Russland wissen? Berlin 1917 // BayStA, Stv. GenKdo I. A. K., Nr. 2031; см. также: Ross W. Die kulturelle Bedeutung des baltischen Deutschtums // Osteuropäische Zukunft. 24 (1916).*

края²⁵⁴. Во время войны немецкое командование в соответствии с международным правом, но в большей степени из опасений шпионажа и саботажа на фронте отказалось от призыва освобожденных из лагерей представителей данной народности в армию²⁵⁵. Только в ходе Ноябрьской революции ПВМ издало распоряжение о вербовке балтийских немцев в пограничные отряды²⁵⁶.

Немецкие ведомства продолжали надеяться на возвращение русских немцев с семьями из России даже после революции в Германии. Пленные формировались в небольшие группы и планомерно транспортировались в области бывшей Российской империи через Берлин, где они получали финансовую поддержку Попечительского союза²⁵⁷. Тем не менее, результаты реализации репатриационной программы не могут быть однозначно оценены: на начало 1919 г. — пик ускоренной, в том числе и самовольной отправки военнопленных на родину — комендатура лагеря Ульм сообщала, что из 808 русских немцев 411 на свой риск отправились в Россию, 178 бежали из лагеря и только 95 остались в ожидании гражданства. Большинство из них мотивировали свое стремление вернуться в Россию желанием урегулировать вопрос с имуществом и забрать родственников в Германию²⁵⁸. Часто бывшие военнопленные русские немцы, не сумевшие адаптироваться в России в условиях Гражданской войны, возвращались к своим прежним работодателям и получали немецкое гражданство²⁵⁹.

254 BayHStA, M Kr., Nr. 1689, Ober Ost, 17.9.1917; Nr. 1665, Bayerisches Kriegsministerium, 8.5.1918; Nr. 1696, PKMIN, 7.9.1918; SaechsHSta, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr.165, PKMIN, 14.12.1917.

255 BayHStA, Stellv. Generalkommando des III. bayerischen A.K., Nr. 174, PKMIN, 17.2.1917.

256 HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 823, Wuerttembergisches Kriegsministerium, 11.10.1918.

257 BayHStA, Stellv. Generalkommando des II. bayerischen A.K, Nr.13, Inspektion der Kriegsgefangenenlager I., II., III. A.K., 11.12.1918

258 HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 923, Kommandantur Ulm, 15.1.1919.

259 SaechsHSta, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 542, PKMIN, 3.11.1917; 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 727, Taetigkeitsbericht..., 11350, Abwicklungsamtsamt des XII. A.K., Nr. 120, PKMIN, 18.1.1919.

ПРОПАГАНДА СРЕДИ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОЛЬСКОГО, УКРАИНСКОГО И ПРИБАЛТИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ КОЛОНИЗАЦИИ ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ

Проблема послевоенного устройства Польши долгое время оставалась ящиком Пандоры, открыть который не решалась ни одна из заинтересованных сторон. Создание польских частей в составе немецкой армии, а тем более образование независимого государства и армии под протекторатом Германии могло затруднить заключение сепаратного мира с Россией, который являлся заветной целью немецкой политики на Восточном фронте; аннексионистские же настроения наталкивались на опасную перспективу пополнения населения империи значительным количеством поляков и евреев. В то же время Германия не могла принять и австрийский вариант образования формально независимого польского государства, привязанного в своей политике к дунайской монархии. Летом 1915 г. было принято компромиссное решение о разделении оккупированной территории Царства Польского на два генерал-губернаторства: Варшавское, управляемое немецкой военной администрацией, и Люблинское, подчинявшееся австрийскому командованию²⁶⁰. Несмотря на заявление канцлера, что целью Германии является освобождение Польши от русского ига, германское внешнеполитическое ведомство не выразило ясную позицию в отношении средств ее реализации. Поэтому содержание российских военнопленных польского происхождения не отличалось последовательностью и зависело от решения польского вопроса в целом.

С самого начала войны в ПВМ поступали предложения с мест отделить польских военнопленных от остальных русских, разместить их в особом лагере и предоставить лучшие условия. Подобный шаг, по мнению инициаторов, мог положительно повлиять на настроения населения не только в провинции Познань, но и в Царстве Польском. Данный проект основывался на поведении самих польских военнопленных, объявивших в лагерях о своей приверженности Германии, и не только высказывавших желание быть отделенными

260 См.: *Uhle-Wetter F.* Erich Ludendorff in seiner Zeit. Soldat-Strategie-Revolutionaer. Eine Neubewertung. Augsburg, 1996. S. 231; *Leidinger H. Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. S. 213.

от русских, но и на деле дистанцировавшихся от них в организации лагерного быта²⁶¹. ПВМ аргументировало свой отказ от организации особого содержания и просвещения поляков финансовыми трудностями создания отдельного лагеря и транспортировки туда военнопленных со всей страны. Хотя при необходимости Берлин разрешил комендатурам развести поляков и русских в рамках одного лагеря, предоставить знающим немецкий язык возможность работать лагерными переводчиками, надсмотрщиками и другими доверенными лицами, а также определенные облегчения при отправке на физические работы, все же безусловного и повсеместного отделения польских военнопленных не предполагалось²⁶².

В сложной для Германии внешнеполитической ситуации 1916 г., когда перспективы сепаратного мира с Россией оставались туманны, а вступление в войну Румынии, напротив, стало реальностью, немецкое Верховное командование приняло решение о создании польской армии. Центральные державы отказались от объединения генерал-губернаторств и присоединения к будущему независимому государству своих населенных поляками территорий. Независимость Польши, не подкреплённая созданием правительства, была провозглашена 5 ноября 1916 г., а через несколько дней был объявлен набор в польскую армию. Это слишком явно раскрыло намерения Центральных держав не только для противника, но и для самих поляков, и привело к провалу вербовки.

Прояснение общей позиции Германии и Австро-Венгрии по отношению к Польше, которая формально становилась «союзником»

261 Так, в офицерском лагере Дебельн польские военнопленные демонстративно отказались присоединяться к организации русской чайной общины, закупив на собственные средства необходимые предметы и продукты. Почти во всех лагерях, где содержались военнопленные данной национальности, были организованы отдельные польские лагерные комитеты. См.: SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr.542, PKMIN, 16.11.1914. Vgl. auch: 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 155, Kommandantur Koenigsbrueck, 1.10.1914; HStA Stuttgart, M 1/8, Bue 230, Sanitaetsamt des XIII. A.K., 31.12.1918; ГАРФ. ф. 6169, оп. 1, д. 1. л. 3.

262 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr.6905, PKMIN, 26.10.1914, Abgesonderte Unterkunft der Polen in den Kriegsgefangenenlagern; 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 155, Kommandantur Koenigsbrueck, 1.10.1914.; BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K., Nr. 555, PKMIN, 3.2.1915, Kriegsgefangene Polen; M Kr., Nr. 1646, PKMIN, 26.1.1916.

Центральных держав, поставило немецкие военные ведомства в весьма затруднительное положение, связанное с необходимостью решения вопроса о содержании польских военнопленных. В лагерях о своей принадлежности к польской национальности объявило около 26 тыс. человек, а офицеры выразили желание вступить в польский легион²⁶³. Большинство из них рассматривало этот шаг как возможность досрочного освобождения из плена и возвращения на родину²⁶⁴.

Дальнейшие шаги ПВМ в отношении польских военнопленных определялись тремя противоположными целями: необходимостью сохранения рабочей силы на предприятиях Германии, стремлением распространить среди мирного населения польских территорий прогерманские настроения, а также сотрудничеством с Варшавским губернаторством в деле создания польского легиона. Как свидетельствуют предписания, именно первый мотив приобрел решающее значение²⁶⁵. Прежде всего, польским военнопленным было объявлено о неизменности их статуса и категорическом запрете покидать рабочие места, им разрешалось отделение от русских военнопленных, кроме того, Берлин заявил о своей готовности создать агитационные лагеря для нетрудоспособных солдат и офицеров.

Особенностью привилегированного содержания и просветительской политики среди поляков стал их избирательный характер. Предполагаемые к отправке в один из «польских» лагерей (Эллванген, Гарделеген, а позже и Нойштадт) проходили тщательную проверку на предмет политических убеждений и возможной «полезности» для будущей Польши. В особые лагеря не допускались военнопленные, имеющие близких родственников или собственность в России, а также подозреваемые в симпатиях к ней, так как, по мнению комендатур, «русские по духу» представляли наибольшую опас-

263 HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 24, Kommandantur Ulm, 28.1.1917.

264 Окончательно вопрос освобождения и возвращения на родину польских военнопленных был решен только в марте 1919 г. с подачи Антанты. См.: Barch, R 704/795, Militaerische Bestimmungen, 19.3.1919.

265 BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K., Nr. 555, PKMIN, 15.9.1916, Zusammenlegung kriegsgefangener Polen; M Kr., Nr. 1689, PKMIN, 26.10.1917; HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 823, PKMIN, 18.8.1917; PKMIN, 24.12.1917, Gegenwaertige Lage kriegsgefangener Polen.

ность, сравнимую с разрастающейся раковой опухолью²⁶⁶. Кроме того, военнопленные, которые в течение определенного времени не демонстрировали «успехов», отправлялись обратно. Подобная избирательность имела, однако, отрицательную сторону: лагеря оставались незаполненными, что ставило под вопрос эффективность их содержания²⁶⁷.

Из-за принципиальных возражений заместителя начальника Германского ГШ против вербовки военнопленных в польскую армию заявки на вступление в польский легион откладывались в долгий ящик военной администрации Варшавы. Однако сам мотив вступления в армию был использован как стимул для повышения работоспособности военнопленных: добровольцам объяснялось, что критерием отбора является не только примерное поведение, но и прилежный труд. Активная вербовка началась уже после заключения перемирия на Восточном фронте, когда возник вопрос о буферной зоне на границе с Советской Россией²⁶⁸.

Политика привилегий в отношении польских военнопленных должна была стать одним из факторов распространения прогерманских настроений среди жителей «союзной» Польши. Чтобы снять противоречия между прокламациями и немецкой политикой занятости военнопленных, ПВМ совместно с военной администрацией Варшавы разработали программу досрочного освобождения из плена поляков, а также предоставления им краткосрочных отпусков на территорию оккупированных областей. Главным фактором оставалось обеспечение германской экономики рабочей силой, поэтому в Польшу отправлялись, в основном, нетрудоспособные или образованные военнопленные, не представлявшие интереса для немецкого хозяйства. Условиями для досрочного освобождения из плена и отправки на территорию Польши были определены наличие зе-

266 SaechsHSta, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6971, Kommandantur Bischofswerda, 9.11.1916; BayHStA, M Kr., Nr. 1665, PKMIN, 6.7.1918.

267 SaechsHSta, 11348, Stellv. GKdo, Nr. 143, PKMIN, 27.12.1916.

268 BayHStA, St. GKdo I. A.K., Nr. 1986, PKMIN, 20.12.1916, Lage kriegsgefangener Polen; M Kr., Nr. 13436, Kommandantur Rosenberg-Kronach, 1.2.1917, Eintritt in die polnische Armee; Nr. 1694, Kommandantur Plassenburg, 26.5.1918; SaechsHSta, 11348, St. GKdo, Nr. 165, Inspektion der Kriegsgefangenenlager des XII. und XIX. A.K., 1.1.1918.

мельного владения или другого производства и необходимость поддержки ближайших родственников в оккупированных областях. Соглашения с австрийским командованием позволили польским военнопленным посещать родственников и в пределах Люблинского губернаторства²⁶⁹. И хотя количество отпусков было незначительным, само решение о предоставлении польским военнопленным подобной возможности широко освещалось в польских и немецких газетах²⁷⁰.

Пропаганда среди польских военнопленных базировалась на тех же основах, что и агитация среди русских немцев. Исторические экскурсии, акцентировавшие внимание на отрицательных моментах русской имперской политики в Польше, включая подавление польских восстаний и депортацию поляков при отступлении 1915 г., должны были углубить разрыв бывших подданных с насильно навязанной им родиной. Знакомство с немецким языком, культурой, правом и административной структурой было нацелено на распространение пронемецких настроений, которые позже могли превратиться в ориентир для политики новообразованной независимой Польши. Вспомогательным средством здесь служили библиотеки просветительских лагерей и кинематограф²⁷¹. Распространение газет и журналов строго контролировалось ПВМ, допускавшим в лагеря издания немецких ведомств или сторонников примирения из оккупированных областей. Только к маю 1917 г. было принято решение о выпуске специальной газеты для польских военнопленных²⁷², основной целью которой являлось сгла-

269 О процедуре досрочного освобождения из плена или предоставления краткосрочного отпуска см.: BayHStA, Stv.GenKdo I. A.K., Nr. 2003, PKMIN, 29.7.1916; Generalgouvernement Warschau, 28.3.1917; M Kr., Nr. 1687, Generalgouvernement Warschau, 24.4.1917; Nr. 1690, Generalgouvernement Warschau, 8.10.1917; Nr. 1696, PKMIN, 5.10.1918; HStA Stuttgart, J 151, Bue 1674, Generalgouvernement Warschau, 8.1.1916; M 1/6, Bue 1428, PKMIN, 15.10.1917; SaechsHStA, 11350, Abwicklungsamt des XII. A.K., Nr. 120, PKMIN, 1917.

270 Так, по данным Инспекции лагерей военнопленных военных округов XII и XIX армейских корпусов из подотчетных ей лагерей отпуск был предоставлен только 37 полякам. См.: SaechsHStA, 11348, St. GKdo, Nr. 727, Taetigkeitsbericht. О пропаганде данных мероприятий среди польского населения см.: BayHStA, M Kr., Nr. 1687, Generalgouvernement Warschau, 24.4.1917.

271 HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 819, PKMIN, 8.7.1916.

272 См.: HStA Stuttgart, M 1/8, Bue 222, PKMIN, 20.10.1916; о создании газеты для польских военнопленных см.: SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministe-

живание конфликта между прокламациями немецких военных в оккупированной Польше и их стремлением сохранить рабочую силу на германских предприятиях. Одним из способов пропаганды стало распространение в лагерях писем от жителей оккупированных областей, вступивших в польский легион, а также посещение легионерами родственников в лагерях²⁷³. Как фактор просвещения в немецком духе рассматривалась работа на германских предприятиях, которая знакомила их с развитой немецкой администрацией и достижениями в промышленности и сельском хозяйстве.

Несмотря на ярко выраженные сепаратистские настроения польских военнопленных по отношению к России, агитационные устремления центральных органов наталкивались на стереотипное недоверие к полякам на местах и ведущую роль принудительного труда. К тому же задержка польских военнопленных играла негативную роль во взаимоотношениях между немецкой администрацией и населением новой Польши. Как в период заключения мира на Восточном фронте, так и во время революционного кризиса в Центральных державах польские политические деятели и митингующая общественность требовали немедленного возвращения пленных соотечественников: «если польский народ увидит их в рядах легионов или работающих в сельском хозяйстве, это подействует лучше, чем любые мероприятия»²⁷⁴. Непоследовательность и недостаточная настойчивость немецких ведомств в отношении военнопленных-поляков не позволили достичь основной цели — создания прогермански настроенной Польши.

* * *

В феврале 1915 г. Внешнеполитическое ведомство Германии определило украинцев в качестве народности, подлежащей отделению от

rium, Nr. 6950, PKMIN, 20.5.1917. Zeitungen für polnische Kriegsgefangene; BayH-StA, M Kr., Nr. 1688, PKMIN, 9.8.1917.

273 SaechsHSta, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 620, Kommandantur Doebln, 29.7.1915.

274 Barch, R/901/54389, «Die Ostschweiz», 3.10.1917, «Freilassung alle als «Russen» gefangenen polnischen Offiziere und Soldaten?»; а также: GStA PK, HA I, Rep 90 A, Nr. 2697, Sitzung des Koeniglichen Staatsministeriums, 8.12.1917; Nr. 2696, Deutsche Allgemeine Zeitung, 27.11.1918; Abschrift, Uebernahme der Verwaltung, 30.10.1918.

русских военнопленных и просвещению, однако осуществление мероприятий по их сепаратному содержанию было приостановлено разразившимися в германских лагерях эпидемиями²⁷⁵. Только в апреле того же года ПВМ, подчеркнув важность украинского вопроса, смогло издать общее распоряжение по переводу солдат, а затем и офицеров в просветительские лагеря Раштатт, Вецлар и Зальцвельд²⁷⁶. В предписаниях подчеркивалось: «Даже если центральным державам не удастся создать независимую Украину в ходе этой войны, все же просветительская работа среди военнопленных-украинцев не будет напрасной... многие, вернувшись домой, будут позже стремиться к достижению своего идеала самостоятельности»²⁷⁷. Эта цитата еще раз доказывает, что целью пропагандистской политики в германских лагерях являлась долгосрочная гарантия немецких послевоенных интересов.

Первоочередную трудность представляла выработка критериев выделения национальной группы из общей массы русских военнопленных, так как большинство украинцев не владело собственно украинским языком и не соблюдало «традиций и обычаев украинской культуры». Единственным зыбким показателем выступало место рождения, поэтому соответствующие инстанции строго предупреждались от работы с украинцами, высказывающими великорусские воззрения²⁷⁸. Необходимость привлечения пленных к принудительным работам обусловила отказ от массовой отправки украинцев в пропагандистские лагеря в пользу тщательного отбора перспективных военнопленных, которые могли быть впоследствии

275 HStA Stuttgart, M 77/2, Bue 33, PKMIN, 13.2.15; BayHStA, M Kr., Nr. 1635, Bayerisches Kriegsministerium, 16.2.1915. Источники противоречат утверждениям Р. Нахтигала о том, что основные документы по просвещению украинцев ПВМ издало только в 1916 г. См.: *Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront. S. 38*

276 BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K., Nr. 555, PKMIN, 26.4.1915; HStA Stuttgart, M 1/6, Bue 1495, PKMIN, 24.6.1915.

277 Zeitungsarchiv des Instituts für Osteuropäische Geschichte und Landeskunde Tübingen, Denkschrift ueber die ukrainischen Kriegsgefangenenlager in Deutschland und ueber die Errichtung einer selbststaendigen Ukraine. Geheim. Berlin, 1.12.1915.

278 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6996, Kommandantur Doebeln, 1917.

использованы для просвещения своих товарищей, находившихся в рабочих командах²⁷⁹.

Сотрудничающий с немецкими и австрийскими военными органами «Союз вызволения Украины» занимался распространением в лагерях изданий на украинском языке и специальной газеты «Украинское слово» («Das Ukrainische Wort»), воззвания, обращенные к данной группе военнопленных, часто публиковались и в «Русском вестнике». Пропаганда в газетах, а также в специально выпущенных брошюрах покоилась на двух основных элементах: негативном, заключавшемся в критике русской политики и государственной организации, и позитивном, знакомящем с яркими моментами и перспективами украинской истории²⁸⁰. В исторических экскурсах особо подчеркивалось положительное германское влияние на Киевское княжество. России же, напротив, приписывалась негативная роль в развитии украинской государственности. Украинцы призывались не проливать свою кровь «за увековечивание русского рабства», а обратиться к помощи Германии-Австрии, чье дружелюбие доказывалось привилегированным содержанием военнопленных и предоставлением возможности общаться на родном языке²⁸¹. В так называемых «украинских лагерях» большой свободой пользовались православные священники. Комендатуры не только всячески поддерживали организацию богослужений, но и во время крупных религиозных праздников допускали визиты духовных лиц из других просветительских лагерей. Отчеты свидетельствовали, однако, об отсутствии «особо ревностного участия украинцев в службах»²⁸².

Пропаганда сепаратизма среди военнопленных-украинцев реализовывалась в тесном контакте с австрийскими ведомствами. По примеру австрийских просветительских лагерей в 1915 г. в Раштате был создан гимнастический союз «Запорожская сечь», превра-

279 HStA Stuttgart, M 1/6, Bue 1422, PKMIN, 1.8.1915; BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K., Nr. 555, PKMIN, 10.8.1915, Weitere Zusammenlegung von Ukrainern; BayHStA, M.Kr., Nr. 1648, PKMIN, 11.3.1916.

280 См.: *Terletzky O.* Die Ukrainer in Deutschland. S. 24–25.

281 BayHStA, M Kr., Nr. 1638, «Ukraine und Krieg.», Muenchen 1915; SaechsHStA, 11348, Stellv. GKdo, Nr. 163, PKMIN, 2.3.1917; 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6950, «Vertrauliche Mitteilungen eines Ukrainers an seine Kameraden».

282 Barch-MA, PH 36/620, St.GKdo des IV A.K., 10.2.1919.

тившийся позже в батальон с собственной формой и отличительными знаками. Подобные военные формирования постепенно возникли во всех украинских лагерях. Их представители небольшими партиями в новой униформе и при полном вооружении тайно отправлялись в оккупированные области²⁸³ как доказательство твердости намерений Центральных держав основать самостоятельную Украину и создать украинскую армию.

После провозглашения независимого государства в просветительском лагере Ганноверш-Мюнден с подачи ПВМ была образована украинская община — Громада, целью которой стало распространение украинских патриотических идей и сплочение военнопленных для поддержки Центральной Рады. Организацию возглавил генерал Зелинский, подписавший после заключения мира между Украиной и Германией призыв к единомышленникам встать в ряды новообразованной украинской армии. Для поддержки нового движения в Ганноверш-Мюнден из других лагерей отправлялись проверенные лица из числа офицеров²⁸⁴. К этому времени общая «чувствительность» украинцев к наименованию их русскими возросла настолько, что немецкое командование рекомендовало даже в служебной переписке переименовать просветительские лагеря в «украинские». Немецкие агитаторы стремились связать образ нового государства с политикой Центральных держав, которые создали условия для возникновения украинского движения и независимой Украины²⁸⁵.

В период послереволюционного хаоса и неопределенности отношений с Советской Россией для правительства Украины военнопленные в германских лагерях представляли собой готовый материал для формирования новой армии. По соглашению между Радой и немецким Верховным командованием последнее обязывалось немедленно предоставить 6 тыс. военнопленных для создания украинских частей. От имени украинского правительства из Раштатта ко всем пленным малороссам был направлен призыв «отдать себя

283 *Terletzkij O. Lager Rastatt. S. 53, 70, 95, 107–108.*

284 *SaechsHStA, 11348, Stellv. GKdo, Nr. 562, PKMIN, 18.2.1918; Nr. 143, PKMIN, 6.3.1918.*

285 *SaechsHStA, 11348, Stellv. GKdo, Nr. 166, PKMIN, 31.5.1918, Umbenennung des «Russenlagers» Rastatt in «Ukrainerlager».*

в распоряжение Украинской Рады и защитить украинскую родину от большевистских банд, несущих с собой анархию»²⁸⁶.

Первая партия в количестве 2 520 офицеров и солдат была отправлена в распоряжение Обер Ост 16 февраля 1918 г., одновременно началось формирование второго дивизиона в составе 3780 человек. Отбор офицеров проходил под руководством генерала Зелинского. Бойцы новой армии еще в лагерях получали униформу запорожских стрелков и оружие, расходы на которые должно было оплатить украинское правительство²⁸⁷. Во избежание увеличения инородных элементов из группы, предназначенной к досрочной отправке, исключались сыновья польских и русских землевладельцев, имеющие собственность на Украине, а также подозреваемые в антигерманских настроениях пленные, в том числе священники, которые по прибытии на Украину могли навредить немецким интересам²⁸⁸. Все же немецкое командование на Украине относилось к подобным формированиям свысока: «При дальнейших военных операциях не стоит рассчитывать на серьезное содействие украинских частей, однако они важны как политическая декорация»²⁸⁹.

Дальнейшее решение вопроса об украинских пленных было подчинено стремлению Германии укрепить свое влияние в новом государстве. Украинцы стали первой группой бывших русских подданных, которые в результате заключения мира испытали на себе облегчение условий содержания в лагерях и рабочих командах²⁹⁰. По политическим соображениям Германия шла также на досрочное освобождение отдельных военнопленных²⁹¹. Задержку основной массы трудоспособных украинцев от возвращения на родину вплоть до

286 BayHStA, M Kr., Nr. 1691, PKMIN, 14.3.1918.

287 Barch, R 704/57, Diensttelegramm, PKMIN, 14.2.1918; R 704/58, Deutsche Ukraine-Delegation Kiev, 10.6.1918; Barch-MA, MSg 200/740, Громадска думка. 20 квітня 1918 г.

288 HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 915, PKMIN, 23.5.1918 (Geheim).

289 Barch, R 704/57, Bericht ueber Eindruecke in der Ukraine des Verbindungsoffiziers des Auswaertigen Amtes, Maerz 1919.

290 BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K., Nr. 555, PKMIN, 20.2.1918.

291 Например, подобным образом был освобожден из лагеря Ингольштадт в Баварии тесть военного министра Украины, см.: BayHStA, M Kr., Nr. 1691, Bayrisches Kriegsministerium, 22.3.1918; Nr. 1666, Deutsche Delegation in Ukraine, 7.8.1918.

окончания военных действий на Западном фронте немецкое командование прикрыло разъяснениями, что немедленная отправка военнопленных представляет угрозу их жизни из-за беспорядков и большевистского террора в самой Украине.

* * *

Сравнимая с польским вопросом дилемма немецкой политики в отношении прибалтийских территорий между стремлением к колонизации оккупированных областей и надеждой на заключение сепаратного мира с Россией повлияли на осторожность военных органов в выборе мероприятий привилегированного содержания и пропаганды литовских, латвийских и эстонских военнопленных. Облегчения для данных народностей ограничивались отделением от русских, совместным размещением в рабочих командах и лазаретах, увеличением количества посылок и разрешением вести переписку на родном языке. Невозможность организации отдельных богослужений компенсировалась разрешением посещения служб совместно с немецким населением той же конфессии. Все же длительное время ПВМ подчеркивало нежелательность особой политической агитации²⁹².

Военнопленные прибалты, численность которых в германских лагерях оценивалась примерно в 10 тыс. человек, рассматривались немецкими военными институтами, особенно командованием Обер Ост, как один из факторов реализации немецких интересов на оккупированных территориях и в будущих независимых государствах. Политикой привилегированного содержания и просвещения немецкое командование намеревалось «пробудить и развить в военнопленных дремлющее национальное чувство, вызывать отчуждение по отношению к русскому народу и развить их склонность к немцам». В случае успеха это гарантировало бы «защиту восточной границы империи от русской угрозы, а также обеспечило бы будущее развитие торговли»²⁹³.

292 HStA Stuttgart, M 1/8. Bue 226, PKMIN, 11.2.1916 (Geheim), Behandlung von litauischen, lettischen und estnischen Kriegsgefangenen; SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6994, PKMIN, 22.10.1917; BayHStA, M Kr., Nr. 1688, Inspektion der Kriegsgefangenenlager des II. A.K., 18.8.1917.

293 SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 562, Kommandantur Lechfeld, Bestimmungen für die Arbeitgeber ueber die Aufklaerung der baltischen Kriegsgefangenen.

На состоявшемся после Февральской революции в России совещании Верховного командования и Внешнеполитического ведомства было принято решение о включении в сферу немецкого влияния прибалтийских государств-сателлитов, которые должны обеспечить экономическую и военную безопасность империи в противовес Польше и России. Одновременно началось планирование размещения на данных территориях немецких поселенцев²⁹⁴. В соответствии с новыми планами изменилась политика по отношению к военнопленным из данных областей. ПВМ и Обер Ост инициировали в лагерях распространение газет и журналов с оккупированных территорий и, несмотря на неудовлетворительное состояние коммуникаций, прилагали настойчивые усилия к восстановлению связи военнопленных с родственниками для преодоления негативного настроения населения по отношению к немецкой военной администрации²⁹⁵. Этой цели должно было способствовать и возвращение в прибалтийские области освобожденных из лагерей крупных земельных собственников, политическая благонадежность которых не вызывала сомнений. Кроме того, с их помощью немецкое командование надеялось восстановить разрушенное в ходе военных действий хозяйство²⁹⁶.

Ноябрьская революция в Германии и распространение антибольшевистской истерии в лагерях военнопленных привели к активной вербовке военнопленных прибалтов в отряды обороны восточной границы. В составе Западнорусской армии под руководством П.Р. Бермондта-Авалова значительная часть из них сражалась вместе с Фрайкором генерала фон Гольца против большевистских формирований.

294 *Liulevicius V.G. Kriegsland im Osten. S. 245–246.*

295 *SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 562, Kommandantur Lechfeld. Bestimmungen für die Arbeitgeber ueber die Aufklaerung der baltischen Kriegsgefangenen.*

296 *HStA Stuttgart, M 1/6, Bue 1429, PKMIN, 14.4.1918; BayHStA, St. GKdo II. b. A.K., Nr. 555, PKMIN, 8.12.1917, Besprechung im PKMIN ueber baltische Kriegsgefangene; Nr.275, Ober Ost, 22.4.1918; M Kr., Nr.1690, PKMIN, 9.1.1918; Nr. 1691, PKMIN, 20.3.1918; Nr.1695, PKMIN, 23.9.1918, Lesestoff für die baltischen Kriegsgefangenen; SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6950, PKMIN, 21.3.1918, Zeitung für die estnischen Kriegsgefangenen; 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 150, PKMIN, 10.10.1918, Korrespondenz von Kriegsgefangenen Esten, Litauer und Letten.*

«ТАТАРСКИЕ» И ГРУЗИНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ: ОТ ПОПЫТОК МОБИЛИЗАЦИИ К ИДЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Особыми мотивами Германия руководствовалась при реализации политики привилегированного содержания военнопленных-мусульман из Российской империи. Вместе с исповедующими ислам солдатами и офицерами французской и английской армии они должны были пройти специальную военную и идеологическую подготовку для отправки в турецкую армию в соответствии с призывом султана в ноябре 1914 г. к священной войне против неверных²⁹⁷. Уже в феврале 1915 г. недалеко от Берлина были созданы два просветительских лагеря (Хальбмонд и Вайнберг), куда планировалось перевести военнопленных мусульман, индусов и грузин. Помимо теоретического знакомства с военными целями Центральных держав для записавшихся на отставку в Османскую империю, предполагалось интенсивное военное обучение; в качестве стимулирования они получали дополнительный рацион табака и возможность тренироваться за пределами лагеря²⁹⁸.

Хотя Внешнеполитическое ведомство уже 17 декабря 1915 г. заявило турецкому посольству о существовании батальона военнопленных-татар, только весной следующего года удалось отправить в Турцию 1100 добровольцев, причем число желающих постоянно

297 *Hoepf G. Muslime in der Mark. S. 20*; см. также: *Hoepf G. Die Privilegien der Verlierer. Ueber Status und Schicksal muslimischer Kriegsgefangener und Deserteure in Deutschland waehrend des Ersten Weltkrieges und der Zwischenkriegszeit // Hoepf G. (Hg.) Fremde Erfahrungen. Asiaten und Afrikaner in Deutschland, Oesterreich und in der Schweiz bis 1945. Berlin, 1996. S. 185–210*. Р. Нахтигаль считает, что к мусульманам из Российской империи немецкие органы относились более высокомерно, чем к выходцам из колоний Англии и Франции. Исследователь подтверждает свое предположение фактами постройки мечети в лагере, где содержались именно представители колониальных частей, а также более раннего привлечения военнопленных-мусульман из России к принудительному труду. См.: *Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront. S. 36*.

298 *Hoepf G. Muslime in der Mark. S. 82*. Американский посланник Маккарти описывал Цоссен как самый образцовый немецкий лагерь, где с военнопленными обращались наиболее гуманно и уважительно. См.: *Speed R.B. Prisoners, Diplomats and the Great War. P. 66*.

снижалось²⁹⁹. По мнению Г. Хеппа, провал вербовки в армию султана спровоцировала плохая организация с турецкой стороны. Так, отправленные в Турцию пленные жаловались на недостаточную заботу со стороны своих новых соотечественников и выражали желание служить только под началом немецких офицеров³⁰⁰.

Более активным был отклик на предложение поселиться в Турции, тем более, что турецкое правительство обещало желающим подъемные деньги на обустройство жилья и мастерских³⁰¹. Сразу после оглашения призыва в просветительских лагерях до 600 военнопленных-мусульман подали заявления на отправку; к апрелю-маю 1916 г. их численность достигла 9 тыс., 18 июля того же года удалось отправить первую партию в 50 человек³⁰².

Помимо привлечения вооруженной силы в союзную турецкую армию агитация в мусульманских лагерях была призвана пробудить симпатии восточных народов по отношению к Германии. В пропагандистских обращениях они были объявлены не пленными, а гостями немецкого кайзера — друга турецкого султана; соответственно, воззвания приравнивали войну против немцев и турок к стрельбе в Шариат и Коран. Занятия в лагерной школе концентрировались на истории, политической географии и военной стратегии, с помощью кинематографа и иллюстративных докладов пленным демонстрировались достижения немецкой культуры. К наглядному обучению относилось также знакомство с германской столицей, куда первая экскурсионная группа была отправлена уже в сентябре 1915 г.³⁰³. Среди методов агитации особое внимание уделялось религиозному влиянию: вплоть до 1920 г. ПВМ пыталось создать условия для соблюдения мусульманских религиозных обрядов. Определенные ограничения касались только военнопленных, находившихся в рабочих командах, где интересы экономики стояли на первом месте. В их среде проводились разъяснительные беседы о необходимости ра-

299 *Hoepf G. Muslime in der Mark. S. 81, 83.* В. Биль приводит более низкие цифры отправки военнопленных-татар в Турцию. См.: *Bihl W. Kaukasuspolitik. Teil II. S. 30.*

300 *Hoepf G. Muslime in der Mark. S. 84.*

301 См.: *SaechsHSta, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 159*

302 См.: *Hoepf G. Muslime in der Mark. S. 86.*

303 *Ebenda. S. 73, 55.*

боты на Германию как гаранта будущего тюркских народов даже в религиозные праздники³⁰⁴.

С марта 1915 г. для военнопленных-мусульман в просветительских лагерях начался выпуск газеты «Джихад» («Djihad») на арабском, татарском (3000 экземпляров) и русском языке (500 экземпляров)³⁰⁵. Издание пропагандировало идею самостоятельности народов Востока, а также их тесные отношения с немцами, у которых мусульмане могут многому научиться. Успех распространяемой газеты продемонстрировал перспективность агитации среди пленных-мусульман: летом 1915 г. многие заявили о намерении остаться в Германии и обратились с просьбой отправить их на заводы или в хозяйства для знакомства с обстановкой³⁰⁶.

Прекращение отправки военнопленных в Турцию, а позже и перемирие с Россией поставили перед немецкими военными органами вопрос о целесообразности сохранения «ставшей беспредметной и затратной» системы привилегий в отношении мусульман³⁰⁷. Однако ПВМ по настоянию Внешнеполитического ведомства приняло решение сохранить сепаратное содержание и продолжить пропаганду прогерманских настроений с целью быстрее восстановления разрушенных торговых отношений с восточными странами³⁰⁸. До сведения работодателей и охранников было еще раз доведено, какую важность имеет привилегированное содержание мусульман. По отношению к ним запрещались ругательства и побои, разрешались перерывы в работе для молитв и религиозных праздников, а также посещение единоверцев в соседних командах. Внимание пленных было акцентировано на значении будущих прямых контактов с немцами без русского посредничества³⁰⁹.

304 BayHStA, M Kr., Nr. 1687, PKMIN, 12.7.1917; Nr. 1666, PKMIN, 30.8.1918; Nr. 1702, Kommandantur Weinberglager, 25.8.1919; Nr. 1705, Direktion Weinberglager, 4.8.1920.

305 К вопросу о тиражах просветительских газет см.: *Hoepf G. Arabische und islamische Periodika in Berlin und Brandenburg 1915 bis 1945; geschichtlicher Abriss und Bibliographie.* Berlin, 1994. S. 8–17; *Hoepf G. Muslime in der Mark.* S. 102; *Kahleyst M. Muslime in Brandenburg.* S. 19.

306 *Hoepf G. Muslime in der Mark.* S. 108, 78, 145.

307 BayHStA, M Kr., Nr.1667, Inspektion der Kriegsgefangenenlager des I. A.K., 7.11.1918.

308 HStA Stuttgart, M 1/6, Bue 1428, PKMIN, 24.12.1917.

309 BayHStA, M Kr., Nr. 1694, PKMIN, 31.7.1918.

После заключения Брест-Литовского мира немецкие военные органы совместно с Внешнеполитическим ведомством разработали идею по превращению «Джихада» в зарубежное периодическое издание, пропагандирующее на Востоке немецкие интересы по получению доступа к сырьевому обеспечению. Кроме того, в Вайнберге был основан союз мусульманских студентов из России, целью которого была организация пребывания в Германии как можно большего количества студентов татар и туркмен и распространение ими немецкой организации хозяйства и культуры на «татарских» территориях³¹⁰.

* * *

Параллельно с отделением от коренных русских военнопленных-мусульман ПВМ приступило к организации привилегированного содержания грузинских военнопленных, распространение сепаратистских и прогерманских настроений среди которых помимо утопического плана подготовки восстания на Кавказе³¹¹ имело целью налаживание торговых отношений с народами Востока после окончания войны. В лагере Вайнберг, а позже Заган были собраны офицеры, нетрудоспособные унтер-офицеры и солдаты. Работавших военнопленных, совместное содержание которых противоречило интересам народного хозяйства, предполагалось просвещать на местах через листовки и визиты агитаторов, кроме того, среди них распространялась газета «Квартули Газети» («Qartuli Gazeti»), выпускавшаяся Грузинским комитетом в Берлине и проходившая цензуру Политической секции ГШ и Внешнеполитического ведомства. Пропагандистам грузинских национальных идей, проживающим в Германии в эмиграции, предоставлялась возможность беседы без свидетелей со своими соотечественниками в офицерских лагерях³¹².

310 *Ноепп G.* Muslime in der Mark. S. 107,143.

311 В.Биль указывает на незначительное число военнопленных, вступивших в стационарировавшийся в Трапезунде «Грузинский легион». См.: *Bihl W.* Kaukasuspolitik. Teil I, S. 86.

312 В качестве основных пропагандистов в лагере Заган В. Моритц называет Гаральда Козака, учительствовавшего до войны в немецкой школе Ташкента, а также грузинского националиста Кересселидзе. См.: *Moritz V.* Zwischen Nutzung und Bedrohung. S. 132.

Особая ставка делалась на организацию отправления религиозных обрядов и изучение военнопленными немецкого языка³¹³. Для Германии, пытавшейся установить свое влияние на Кавказе, военнопленные стали одним из аргументов при переговорах с правительством независимой Грузии³¹⁴.

РЕАКЦИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ АГИТАЦИЮ

С момента попадания военнопленных в лагерь немецкое командование старалось активно внедрить мышление национальными категориями, чему способствовали многочисленные анкеты, которые на первое место ставили не привычное для русских подданных вероисповедание, а именно вопрос о национальной принадлежности, и акцентировали внимание на противоположности русских и нерусских народностей³¹⁵. Первоначально основная масса военнопленных относилась к немецким военным органам и распространяемой ими агитации с недоверием и враждебностью, отказываясь принимать даже посылки РОКК как попытку подкупа со стороны комендатур³¹⁶. Однако постепенно в ходе реализации политики привилегий и пропаганды в немецких лагерях большая часть представителей нерусских народностей приобретала выраженную национальную идентичность или, по крайней мере, начала четко отделять себя от русских³¹⁷.

313 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr.155, Saechsisches Kriegsministerium, 9.7.1915; BayHStA, M Kr., Nr. 1638, PKMIN, 7.5.1915; Nr. 1644, PKMIN, 14.10.1915, Stellv. GKdo II. b. A.K., Nr. 555, PKMIN, 24.12.1917; Stellv. Generalkommando des III. bayerischen A.K., Nr. 177, PKMIN. 20.12.1917. Последние документы противоречат утверждениям М. Калейс и Р. Нахтигала об остановке пропаганды в отношении грузин и армян уже в 1915 г. как, якобы, неперспективной. См.: *Kahleyss M. Muslime in Brandenburg. Kriegsgefangene im Ersten Weltkrieg*. Berlin, 1998. S. 26; *Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront*. S. 38.

314 См.: BayHStA, M Kr., Nr. 1666, PKMIN, 18.9.1918; Nr. 1667, Kommandantur Aschaffenburg, 18.10.1918.

315 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 157, Generalstab, Dezember 1914.

316 *Terletzky O. Lager Rastatt*. S. 65–66.

317 В качестве иллюстраций стоит привести факт создания во многих смешанных лагерях национальных комитетов, постоянно конфликтующих за разделение помощи из России, но категорически отказывающихся объединиться с русским лагерным комитетом (ГАРФ, ф. 6169, оп. 1, д. 172, л. 10. Лагерь Ха-

Решающий перелом в политике просвещения национальных меньшинств произошел после Февральской революции в России, которую военнопленные расценили как подтверждение надежд на свободное развитие языка и культуры и на создание автономии в составе России. После распространения известия об отречении царя от своей присяги прежнему режиму отказалось практически все население мусульманского лагеря Вайнберг³¹⁸. Офицеры-украинцы в смешанных лагерях, ранее скрывавшие свои националистические воззрения, начали требовать перевода в отдельный лагерь и открыто заказывать агитационную литературу³¹⁹.

Риторика, используемая самими пленными в обращениях в немецкие военные ведомства, свидетельствует об активном присвоении ими предложенных сверху образцов толкования действительности. Так, в письме на адрес Попечительского союза военнопленные русские немцы апеллировали к памяти своих родственников, которые «были убиты русскими», а также к своему трагичному опыту, когда «кровью и плотью немцы ...были принудительно одеты в солдатскую форму», чтобы «как ненадежный элемент быть посланными на Кавказский фронт»³²⁰. Украинские военнопленные подчеркивали отличие национальных характеров русских и малороссов и обосновывали необходимость создания независимого государства общей для Германии и Украины великорусской опасностью³²¹. Жители Прибалтики, в свою очередь, критиковали политику русификации и уверяли офицеров германской разведки, что их родине не место в составе «отсталой» России³²².

вельберг); ответы лагерных переводчиков, что евреи довольны едой, а русские нет (*Mitze K. Kriegsgefangenenlager Ingolstadt. S. 226*); а также замечания пленных мусульман, что, в отличие от русских, немцы интересуются их культурой (*SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 727, Taetigkeitsbericht...; BayHStA, M Kr., Nr. 1695, Inspertion ... des I. A.K., 27.8.1918*).

318 См.: *Hoepf G. Muslime in der Mark. S. 90*.

319 См.: *BayHStA, M Kr., Nr. 1687, Kommandantur Ingolstadt, 5.5.1917*; а также *Das Kriegsgefangenenlager Ingolstadt waehrend des Ersten Weltkrieges. Muenster, 2000. S. 337*.

320 *SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7071, Deutschrussische Kriegsgefangene an den Fuersorgenverein für deutsche Rueckwanderer, 1918*.

321 *BayHStA, M Kr., Nr. 1638, PKMIN, 7.5.1915*.

322 *SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 642, Kommandantur Doebln, 12.3.1918, Russische Kriegsgefangene ueber den Frieden in Brest-Litovsk*.

В большей степени, чем другие национальные группы, к транслируемым кодам были восприимчивы жители Царства Польского. В прошениях в адрес немецких инстанций они упоминали свои страдания от произвола русской администрации и вынужденный характер своего участия в военных действиях против Германии³²³. Кроме того, они демонстративно отказывались отмечать день рождения русского императора, который был объявлен для всех русских поданных выходным днем³²⁴, а позже высказывали в разговорах с комендатурой лагеря сожаление, что немецкие армии не оккупировали Петербург для наведения там порядка³²⁵. В случае досрочного освобождения из плена польские офицеры активно участвовали в проводимых в Варшаве митингах и агитировали в пользу создания легионов: «Мы думали, что мы были в плену больны и будем здоровы, когда вернемся в нашу любимую Варшаву. Однако мы видим, что Варшава больна и вместо создания армии ждет неведомо чего»³²⁶.

Часть пленных пыталась использовать проводимую немецкой стороной политику привилегий в личных интересах. При объявлении об отборе «татар» в Цоссен в одном из лагерей несколько сотен военнопленных объявили себя мусульманами, чтобы развлечь себя переездом, в то время как действительные основания для отправки имели только 25 человек³²⁷. Военнопленные с оккупированных территорий, отбывавшие наказание в немецких тюрьмах, пытались использовать мотив службы новообразованным государствам как повод для освобождения из-под стражи и отправки домой³²⁸. Украинцы обосновывали свое желание попасть в просветительский лагерь при-

323 BayHStA, M Kr., Nr. 1687, Polnische Kriegsgefangene an die Kriegsverwaltung Warschau, 4.2.1917.

324 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 159, Kommandantur Koenigsbrueck, 23.2.1916.

325 SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 642, Kommandantur Doebein, 12.3.1918.

326 GStA PK, HA I, Rep 90 A, Nr. 2695, Kriegspresseamt, 7.1.1917.

327 См.: *Otte K. Soltau*. S. 122; о просьбах мусульманских военнопленных по отправке в Цоссен для общения с единоверцами. См.: BayHStA, M Kr., Nr. 1691, PKMIN, 28.2.1918.

328 BayHStA, M Kr., Nr. 14156, Bayrisches Kriegsministerium, 27.4.1918; Nr. 1666, Kommandantur Plassenburg, 6.9.1918.

теснениями со стороны русских офицеров³²⁹. Русские военнопленные после распространения слухов об отправке украинцев в связи с заключением мирного договора между Германией и Украиной в массовом порядке объявили о своей принадлежности к малороссам³³⁰.

Активное сопротивление пропаганде оказывали представители грузинской народности³³¹. Грузинские офицеры, выражавшие свое восхищение немецкой культурой и имевшие жен немецкого происхождения, тем не менее, подчеркивали свою принадлежность к русскому офицерству и верность присяге и угрожали пропагандистам³³². Русофильские настроения разделяли также солдаты этой национальности, которые даже после провозглашения независимого государства продолжали уверять русских товарищей в своей солидарности с ними и переводили деньги в помощь неимущим русским военнопленным³³³.

Значительным препятствием для пропагандистской политики стала получившая широкое распространение контрпропаганда, осуществлявшаяся прорусски настроенными военнопленными³³⁴. Во многих смешанных лагерях, где национальное меньшинство было отселено в отдельные бараки, русские офицеры проявляли активный интерес к пропагандистским изданиям, заявляя, что их изучение позволит позже бороться с предателями. По свидетельству очевидцев, русофилы в украинских просветительских лагерях записывали номера военнопленных, изымали украинскую литературу, избивали сепаратистов, пытались атаковать делегатов Союза освобождения Украины и распространяли слухи, что немецкое командование будет посылать антирусски настроенных военнопленных на

329 SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 640, Kommandantur Doebeln, 30.8.1917.

330 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6995, PKMIN, 23.5.1918.

331 См.: *Kahleyss M.* Muslime in Brandenburg, S. 26; *Bihl W.* Kaukasuspolitik. Teil I. S. 100.

332 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6996, Saechsisches Kriegsministerium, Dezember 1917.

333 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 36, л. 233–234. Лагерь Заган, 1920 г.

334 К вопросу о контрпропаганде среди военнопленных Австро-Венгрии см.: *Nachtigal R.* Russland und seine Kriegsgefangenen. S. 230.

фронт³³⁵. Это негативно сказывалось на распространении национальных идей, так как порождало у представителей меньшинств страх за свою безопасность и за судьбу своих родственников в России. Например, генерал Зелинский, на которого немецкое командование делало особую ставку в деле украинской пропаганды, был вынужден вплоть до революции в России высказывать прорусские настроения даже в беседах с доверенными лицами из просветительских лагерей³³⁶. В мусульманском лагере Вайнберг распространение контрпропаганды вынудило комендатуру пойти на срочную отправку из лагеря в течение 1915 г. 150 военнопленных, подозреваемых в распространении антигерманских и прорусских настроений³³⁷.

Резюме

Пример содержания русских военнопленных в Германии в период Первой мировой войны свидетельствует, что радикализация стихийного насилия и санкционированного принуждения не являлась прямым следствием самого вооруженного конфликта, а стала возможной в результате взаимодействия множества факторов. Туманность и незавершенность определений Гаагской конвенции и ограниченное пространство действий нейтральных учреждений не позволили создать системы действенного внешнего контроля. Затяжной характер войны и огромное число пленных обусловили складывание лагерной организации, функционировавшей за счет поиска новых и ужесточения существующих дисциплинарных практик. Значимую роль сыграла немецкая военная пропаганда, представлявшая восточных соседей в качестве культурно неполноценных наций и гипостазирувавшая русские зверства по отношению

335 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6996, Kommandantut Doebeln, 1917; *Terletzky O.* Opit.sit., S. 30–31.

336 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6970, Kommandantur Bischofswerda, 9.2.1916.

337 Несмотря на разницу в данных о количестве отправленных из лагерей прорусски настроенных военнопленных, факт контрпропаганды среди мусульман отмечают все исследователи, см.: *Bihl W.* Kaukasuspolitik. Teil I, S. 98, 100; *Hoerr G.* Muslime in der Mark. S. 77.

к жителям Восточной Пруссии и немецким военнопленным. Фактически вне зоны контроля Берлина и представителей нейтральных держав оказалось множество рабочих команд. Попытки высших военных органов поставить дисциплинарные практики в рамки действующих международных соглашений и традиционно уважительное отношение к офицерам противника свидетельствуют об ограниченном характере перехода к «тотальной войне».

Неготовность Германии к размещению и долгосрочному содержанию значительного количества солдат и офицеров противника, дефицит обеспечения и медицинского обслуживания привели к вспышке эпидемических заболеваний в лагерях в начальный период войны и к высокой смертности среди русских военнопленных. После стабилизации системы военного плена условия жизни солдат определялись типом лагеря, родом принудительных работ, принадлежностью к привилегированным категориям и множеством субъективных факторов. Разительные отличия наблюдались в условиях содержания солдат и офицеров. Унификации нового опыта послужило постоянное и интенсивное перемещение значительного контингента военнопленных. Оно не только сделало границу между лагерем и окружающим его миром максимально подвижной, но и способствовало формированию сообщества пленных с относительно одинаковыми образцами толкования и поведения.

Контактная среда пленных с немецким гражданским населением может быть охарактеризована как напряженное пространство, где пересекались личностные и групповые интересы, преодолевались языковые барьеры, осуществлялась межкультурная коммуникация и имели место трагические столкновения. Для мирных жителей пленные являлись единственным живым воплощением враждебного государства, на актуальное восприятие которого влияли, с одной стороны, заученные пропагандистские шаблоны, с другой — обыденность повседневного общения. Чем выше была плотность бытовых контактов, тем быстрее предубеждения сменялись нормальными межчеловеческими отношениями. Несмотря на свой статус, заключенные не всегда примирались с навязываемой им ролью безропотной рабочей силы. Каждый из них по-своему приспособлялся к ситуации и пытался использовать ее для облегчения своего положения.

Агитация среди национальных меньшинств в лагерях военнопленных не являлась исключительным признаком германского ведения войны. Однако, в отличие от России, которая первая пошла на создание военных формирований и использование их уже в ходе текущего конфликта³³⁸, главной особенностью немецкой политики стала нацеленность на обеспечение долгосрочных экономических и политических интересов. С помощью привилегированного содержания военнопленных русских немцев, поляков, украинцев, прибалтов, грузин и мусульман и сепаратистской агитации в их среде немецкая сторона стремилась воплотить в жизнь свое видение послевоенного порядка в Восточной Европе. Значительное влияние на реализацию обширной пропагандистской программы оказал колониальный дискурс, породивший противоречие между планами развития на окраинных территориях России современного национализма и устремлением к колонизации данных областей. Восприятие восточноевропейского населения сквозь призму колониальных стереотипов не позволило рассматривать национальные меньшинства в качестве полноценных партнеров и организовать равноправное сотрудничество с ними. Решающую роль в корректировке намерений сыграла необходимость максимального использования принудительного труда. Широкая палитра реакций пленных на агитацию не позволяет говорить о масштабных результатах пропаганды, однако свидетельствует о процессе политизации в их среде. Не в последнюю очередь она определила линии раздела внутри лагерного сообщества.

338 См.: R.Nachtigal. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914-1918. S. 128.

глава III «Армия за колючей проволокой»¹

Отсутствие полноценного учета с российской стороны и утрата центральных немецких архивов позволяют лишь приблизительно представить облик лагерного сообщества. Согласно немецкой статистике, в ходе войны в Германии оказалось 1 420 479 русских солдат и 14 050 офицеров². По данным Центропленбеж, сформированным на основе опросов вернувшихся на родину в 1918–1919 гг., большая часть из них (84 %) находилась в возрастной категории от 20 до 40 лет. По профессиональному составу преобладали хлебопашцы (64 %), 10 % приписывали себя к чернорабочим. 63 % военнопленных были женаты, при этом 49 % имели одного ребенка, 46 % — двух и более. 77 % были обучены грамоте (учитывая, что многие прошли обучение во время пребывания в плену), 20 % не умели читать и писать³. Необходимо, однако, отметить специфику возвращавшегося в этот период контингента. В основном, это были здоровые солдаты, уроженцы европейской России, которым удалось прорваться на родину в составе первой стихийной волны репатриации. Данная оговорка во многом снижает репрезентативность представ-

1 Здесь я использую заголовок популярной в межвоенной Германии книги Э. Двингера, побывавшего в плену в России. См.: *Двингер Э. Армия за колючей проволокой: дневник немецкого военнопленного в России, 1915–1918.* — М., 2004.

2 *Doegen W. Kriegsgefangene.* S. 56.

3 См.: Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). — М., 1925 г. С. 15, 38–39. Приведенные здесь данные сопровождаются важным комментарием: «Сведения получены в результате частичной обработки карточного материала на возвратившихся из плена».

ленного Центропленбеж материала. Сопоставление существующих данных по русской армии накануне войны с отрывочными сведениями немецких региональных органов позволяет представить конфессиональный состав пленных: наряду с православным большинством (около 80 %) в лагерях оказались католики и протестанты (около 9 %), мусульмане (около 6 %) и иудеи (около 3 %)⁴. Попав за колючую проволоку, эта разнородная масса солдат и офицеров столкнулась с совершенно новым измерением военного опыта, усвоение которого происходило в условиях актуализации уже накопленного социального и культурного багажа и интенсивных процессов его адаптации к экстремальной ситуации заключения.

III.1. ЛАГЕРНАЯ ИЕРАРХИЯ, ТОВАРИЩЕСТВО И КОНФЛИКТЫ

Длительное время исследования структурировали принудительно созданные сообщества, возникающие в концлагерях или тюрьмах, по признаку господства и подчинения. Заключенные в этом случае определялись как однородная масса, ставшая объектом манипуляций охраны и администрации⁵. Новейшие работы позволяют создать более детальное представление, выявить среди подавляемых формальные и неформальные иерархические образования, а также межгрупповые и личностные конфликты. Важным при этом является предположение о неизбежном наличии в подобном сообществе

4 К довоенной статистике по русской армии. См.: Плеханов А.А. «Помни, что солдат — Христов и Государев воин...» // ВИЖ. 2003. № 2. С. 35–38. Отдельные сведения о национальной и конфессиональной принадлежности пленных из Российской империи в немецких лагерях см.: Remer C. Die Ukraine im Blickfeld deutscher Interessen. S. 261; Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. S. 29–31; Hauptstaatsarchiv Stuttgart (далее — HStA Stuttgart), M 1/7, Bue. 24, Kommandantur Ulm, 28.1.1917; SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 164, PKMIN, 26.8.1917; 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 562, Kommandantur Lechfeld, Bestimmungen für die Arbeitgeber ueber die Aufklaerung der baltischen Kriegsgefangenen.

5 См., например: Goffman E. Asyle. S. 64. Данный подход также распространен в современных отечественных исследованиях. См., например: Абдрашитов Э. О социальной ностальгии. С. 131–135.

форм индивидуального и группового коллаборационизма, который выступает как один из столпов организации структур принуждения и важная стратегия выживания⁶.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ ГРУППЫ ВНУТРИ ЛАГЕРНОГО СООБЩЕСТВА

Во многом под влиянием созданных немецкой стороной условий формирование лагерного сообщества сопровождалось постепенным процессом дифференциации. Линии неравенства среди пленных определили близость к комендатурам, национальная принадлежность и профессиональная квалификация. Параллельно с насаждаемым «сверху» разделением в среде пленных возникла собственная неформальная иерархия, становление которой обусловили длительность пребывания за колючей проволокой (до 8 лет) и пространство относительной свободы (лагерный досуг, структуры самоуправления, контакты с мирными жителями)

Стремление лагерных администраций к утверждению порядка и дисциплины обусловило намеренное сохранение за колючей проволокой военной иерархии и армейской организации. После прибытия с фронта крупных партий военнопленных, солдаты делились на роты или бараки во главе с унтер-офицером той же национальности⁷. На него возлагалось посредничество между пленными и комендатурой, поддержание порядка в помещениях и участие в распределении солдат на работы по благоустройству лагеря. За прилежное исполнение своих полномочий старшие по баракам получали денежное вознаграждение. Однако, по наблюдениям немецкой стороны, данная категория лагерных начальников не пользовалась уважением большинства пленных и постоянно сталкивалась с панибратским отношением и неподчинением солдатской массы. Так, военный суд XII. А.К. в Саксонии, анализируя уровень преступности в лагерях, отмечал

6 См., например: *Davis G. H. Prisoner of War Camps as Social Communities*. S. 147–163; *Botz G. Binnenstrukturen, Alltagsverhalten und Ueberlebenschancen im Nazi KZ // Streibel R., Armanski G. (Hg.) Strategie des Ueberlebens. Haefitlingsgesellschaften in KZ und GULag*. Wien 1996. S. 45–71; *Herbert U. u.a. (Hg.) Die nationalsozialistischen Konzentrationslager. Entwicklung und Struktur*. Goettingen, 1998.

7 *Hinz U. Gefangen*. S. 98.

значительное количество случаев неповиновения пленных своим же соотечественникам: «...существуют также проблемы с нарушением субординации русских пленных по отношению к начальнику. Особенно если старшим по бараку или в команде становится их унтер-офицер, то они продолжают воспринимать его как сотоварища»⁸.

Фактически сразу после создания системы лагерей немецкое командование, заинтересованное в получении информации об армии противника и в утверждении контроля над пленными, создало при цензурных отделах комендатур должность переводчика-разведчика. Он освобождался от перлюстрации писем и занимался исключительно допросом пленных, ему предоставлялось отдельное помещение для ведения с заключенными лагеря бесед «с глазу на глаз». Первичную информацию о потенциально полезных или опасных в дисциплинарном отношении лицах предоставляла цензура корреспонденции. В ПВМ считали, что необходимое доверие у склонных к сотрудничеству пленных возникнет быстрее, если обеспечить переводчика табаком, материалами для письма и чтения, а также разрешить ему поощрять нужных людей маленькими подарками⁹. Особое внимание комендатуры уделяли тому, чтобы опросы и подкупы оставались для военнопленных тайной. Деятельность офицеров разведки скрывалась под видом помощи Красного Креста, культурных мероприятий в лагере, ускоренной отправки почтовых отправлений родственникам¹⁰.

По всей видимости, подобная тактика имела свои успехи: в документах отложились свидетельства о возникновении в среде пленных категории «доверенных лиц» комендатур. Они сообщали сведения о русской армии, настроениях в лагере, готовящихся акциях, а после революции — о политических воззрениях пленных, большевистских пропагандистах и их связях с немецкими комму-

8 См.: SaechsHStA, 11333, Oberkriegsgericht des XII. A.K., Nr. 3., Stellungnahme zu PKMIN von 13.7.1916; а также статистику наказаний в лагерях: 11248, Saechsches Kriegsministerium, Nr. 6951, Kommandantur Golzen, 8.6.1916, Nachweisung der ueber die Kriegsgefangenen verhaengten Strafen bis April 1915; и др.

9 HStA Stuttgart, M 77/2, Bue 31, PKMIN, 28.7.1915; M 77/1, Bue 748, PKMIN, 15.2.1917.

10 SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 727, Taetigkeitsbericht der Inspektion der Kriegsgefangenenlager XII und XIX. A.K. 1918. С. 85.

нистами¹¹. Утверждения пленных, что с комендатурой сотрудничали только лица еврейского происхождения, отражают не столько реальность, сколько антисемитские настроения и объяснительные коды самих заключенных. Немецкие материалы содержат упоминания о доверенных лицах всех национальностей и социальных групп. Основным мотивом сотрудничества становились вопросы выживания и получения привилегий. Примечательно, что институт доверенных лиц сохранился в лагерях вплоть до окончательной отправки контингента военнопленных на родину¹².

В одну из привилегированных групп лагерного населения постепенно превратились переводчики, набравшиеся из числа владевших немецким языком пленных: поляков, евреев и русских немцев. Последние активно привлекались и к выполнению функций надсмотрщиков в лагерной кухне, мастерских и лазаретах. За свою работу представители данной категории переводились на льготный режим содержания: размещались в отдельных комнатах, получали дополнительное пищевое и денежное довольствие, гражданскую одежду с нарукавной повязкой, им разрешались прогулки без охраны за пределами лагеря¹³. Негативным последствием подобного сотрудничества становилось отношение товарищей по лагерю: работавшие на комендатуру переводчики не только не пользовались уважением в среде своих соотечественников, но и воспринимались как безусловные предатели. Не понимавшие немецкого языка пленные солдаты были убеждены, что все наказания и лишения являются следствием намеренно неправильной передачи их обращений к охранникам и коменданту¹⁴. Так, в своем прошении на имя лагер-

11 См.: SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 540, Kommandantur Chemnitz, 26.5.1917; 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6997, Kommandantur Doebeln, 29.7.1918; Nr.7073, Kommandantur Bautzen.. 12.3.1919; 11351, GKdo des XIX. A.K., Nr. 758, Kommandantur Zwickau, 31.5.1919; HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 895, PKMIN, 19.05.1917; а также *Базилевич М.* Положение русских пленных в Германии. С. 151.

12 SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 824, Kommandantur Zwickau. 7.4.1919.

13 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 161, Kommandantur Bautzen, 23.11.1916, Hilfsdolmetscher unten den Deutschrussen.

14 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 158, Kommandantur Koenigsbrueck.

ной администрации пленный переводчик Артур Кениг жаловался, что «с самого начала был объявлен шпионом, особенно когда при перекрестном допросе [товарищей по лагерю — О.Н.] не смог ответить на некоторые вопросы». Автор признавался, что подобным гонениям подвергалось еще несколько его коллег из числа русских немцев. Поэтому он просил о переводе в другой лагерь с правом ношения гражданской одежды или немецкой униформы, заявлял о невозможности своего возвращения в Россию и настаивал на получении немецкого гражданства¹⁵.

В ходе развития системы просветительских лагерей и национальной пропаганды немецкая сторона активно стремилась привлечь к агитационной деятельности представителей национальных групп из числа самих пленных, которые уже на момент попадания к противнику высказывали сепаратистские убеждения или были готовы к сотрудничеству с военной администрацией. Из них набирались так называемые «учителя», проводившие занятия в лагерных школах и читающие доклады на политические темы, а также руководители самоуправления просветительских лагерей. Через полгода после начала своей деятельности они вознаграждались правом носить гражданскую одежду и освобождением от физического труда¹⁶.

Индивидуальный коллаборационизм представителей национальных меньшинств в немецких лагерях основывался на двойной заинтересованности военнопленных в изменении политического статуса своей народности и в улучшении собственного положения. Представители украинской интеллигенции и офицерства, стремившиеся активизировать национально-освободительное движение, пытались своими предложениями скорректировать просветительскую политику немецкого командования в отношении неграмотных солдат¹⁷. Через лагерных офицеров разведки туркменские националисты пытались обратить внимание ПВМ на угнетенное положение своей народности в составе Российской империи, предлагая свои услуги в образовании независимого государства, которое за-

15 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 158.

16 HStA Stuttgart, M 77/2, Bue 33, PKMIN, 10.12.1917, Anhang zur vorkommenden Bericht ueber Betrieb und Erfolg der Aufklaerungsarbeit.

17 BayHStA, M Kr., Nr. 1646, PKMIN, 29.1.1916.

ключит мир с Германией и будет способствовать закрытию Восточного фронта¹⁸.

Привилегиями пользовались и добровольные сотрудники пропагандистских газет, в частности, «Русского вестника», публиковавшие дружественные по отношению к Германии статьи. Позже выдержки из их произведений были объединены в отдельную брошюру «Русские военнопленные о своих впечатлениях в Германии»¹⁹, которая была снабжена тщательно отобранными фотографиями и предполагалась к распространению в России для смягчения анти-немецких настроений. За сотрудничество корреспондентам из числа пленных обещались поселение на оккупированных Германией территориях после заключения мира либо отправка на родину первоочередным порядком. Как и в случае переводчиков, расплатой за коллаборационизм для этой категории пленных стало подозрительное, а иногда и издевательское отношение товарищей по лагерю²⁰.

На особом положении в немецких лагерях находились военнопленные еврейского происхождения. ПВМ изначально не планировало их привилегированного содержания, однако по настоянию многочисленных еврейских организаций Германии пошло на введение в лагерях определенных послаблений. Евреи освобождались от работ в религиозные праздники, им была предоставлена возможность общения с местными раввинами и приготовления кошерной пищи, кроме того, в лагерях распространялись книги религиозного и исторического содержания²¹. Дополнительными личными привилегиями пользовались военнопленные-евреи, работавшие переводчиками при лагерных администрациях. Последние, однако, стали вскоре жертвой стереотипов русского и немецкого командования, а также своих товарищей в лагерях. Рассказы о предательстве евре-

18 BayHStA, M Kr., Nr. 1644, Kommandantur Wuerzburg; Nr.1645, Bayrisches Kriegsministerium, 14.11.1915.

19 Russische Kriegsgefangene ueber die Eindruecke in Deutschland. Hg. von der Schriftleitung des «Russische Boten». Berlin, 1917.

20 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7072, Gesuch eines Kriegsgefangenen, 28.8.1918.

21 См., например: *Maurer T.* «Sehr wichtig sind Buecher von der juedischen Geschichte». S. 261; *Bauer G.* u.a. Unfreiwillig in Brandenburg. Kriegsgefangene und Zwangsarbeiter in der Stadt Brandenburg in zwei Weltkriegen. Berlin, 2004. S. 18.

ев, распространявшиеся пленными и сестрами милосердия, привели к требованиям русской стороны в адрес германского правительства снять переводчиков еврейского происхождения с их постов²². Убеждение, что именно военнопленные-евреи виновны в ухудшении положения в лагерях, нередко приводило к преследованиям со стороны самоуправления: «У нас в комитете было постановлено, что ни один еврей в лазарете не может занимать какую-либо ответственную должность»²³. Бытовой антисемитизм в конфликтных ситуациях проявляли и комендатуры лагерей.

В соответствии с международными конвенциями немецкие военные органы были обязаны исключать из состава военнопленных представителей вражеского санитарного персонала, сумевших доказать свою принадлежность к данной категории. Однако острая нужда в лагерных медиках не позволила организовать их немедленную отправку на родину. Пленные врачи задерживались в лагерях, привлекались к работе в лазаретах, получая при этом возможно лучшие условия размещения и питания, а также право совершать «моцион» за пределами колючей проволоки²⁴. Медицинский персонал разделялся на 4 группы, в соответствии с которыми определялась заработная плата. К первой категории относились все медицинские работники с незаконченным образованием, получавшие 72,6 марок в месяц; ко второй — младшие врачи с оплатой в 160 марок; к третьей — старшие врачи (335,83 марок) и к четвертой — все военные врачи высших чинов (598,5 марок)²⁵. Русские медики в обязательном порядке подчинялись старшему немецкому врачу лагерного лазарета. Однако в разгар эпидемий, когда сотрудники комендатур покидали лагерь, вся организация жизни за колючей проволокой была отдана на откуп старшим по званию пленным докторам.

22 См.: ГАРФ, ф. Р-6402, оп. 1, д. 1, л. 45–46. Отчеты и доклады комитетов помощи русским военнопленным. 1914–1916; РГВИА, ф. 13152, оп. 1, д. 1969, л. 1–26. Голос Руси. 7 ноября 1916 г.; ф. 13159, оп. 1, д. 354, л. 24; д. 346, л. 10. Протоколы Чрезвычайной следственной комиссии, 1916 г.

23 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 36, л. 10. Лагерь Заган, 1919 г.

24 См.: Bundesarchiv, R 3003/464, PKMIN, Besprechungen am 23–25 Sept. 1915 in Berlin. Nur für Dienstgebrauch; HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 20, Medizinische Abteilung PKMIN, 12.8.1916; Военнопленные врачи. С. 6.

25 HStA Stuttgart, M 17/2, Bue 241, PKMIN, 20.9.1916.

Руководители комитетов самоуправления являлись связующим звеном между формальной и неформальной лагерной элитой. Возникшие по инициативе немецкой стороны комитеты первоначально возглавлялись врачами и священниками, которые налаживали работу касс материальной взаимопомощи, питательных комиссий, контакты с русскими и зарубежными благотворительными организациями. Они же устраивали досуговые мероприятия: обучение неграмотных, лекции, литературные чтения²⁶. Представляя интересы пленных перед комендатурой и облегчая материальное положение пленных, руководители комитетов в большинстве случаев пользовались безоговорочным авторитетом среди лагерного населения.

В офицерских лагерях предводителем пленного сообщества становился старший по званию, которого немецкая сторона наделяла широкими полномочиями. Он представлял интересы пленных в комендатуре, сотрудничал с офицерами охраны в назначении дежников на работы по уборке комнат и территории, участвовал в разрешении конфликтов между заключенными²⁷. Старшие по званию имели возможность доводить жалобы и обращения пленных до сведения вышестоящих органов, а также направлять их в испанское посольство.

В ходе войны с ростом зависимости немецкого хозяйства от принудительного труда комендатуры отбирали среди пленных обученных рабочих (слесарей, жестянщиков, водителей, инженеров), которые устраивались на относительно прибыльную работу²⁸. В отличие от чернорабочих, получавших до 60 пфеннигов, квалифицирован-

26 ГАРФ, ф. Р-6169, оп. 1, д. 172, л. 4. Комитет лагеря Коттбус в Лозаннский комитет помощи, 1916 г.; ф. 9491, оп. 1, д. 1, л. 2. Копенгагенский комитет, 1916 г.; ф. Р-6171, оп. 1, д. 1, л. 1. Обращения лагерных комитетов в русскую секцию Бернского комитета помощи военнопленным, 1915 г. Представители обществ Красного Креста также предпочитали видеть на ведущих постах самоуправления представителей данных профессиональных групп. См.: *Альбат Г.П.* Сборник международных конвенций. С. 33–44. Согласно Дэвису, тот же состав лагерных активистов наблюдался и в сообществах военнопленных Центральных держав. См.: *Davis G. H. Prisoner of War Camps as Social Communities.* P. 150.

27 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 155, Kommandantur Bischofswerda, 21.3.1915

28 SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 547, Fabrik Verdau, 9.1.1915.

ные специалисты могли зарабатывать 2–3 марки в день²⁹. Во многих крупных лагерях были устроены мастерские, где работали сапожники, столяры, седельщики из числа русских солдат. Особым спросом у немецкого населения пользовались резные деревянные изделия, изготавливаемые военнопленными из России. Известия о высоком качестве этих поделок распространились вплоть до директоров художественных школ и этнографических музеев, которые регулярно посещали лагерные выставки, покупали предметы творчества и вели с военным командованием переписку о копировании приемов обработки дерева для улучшения столярного мастерства в Германии³⁰. Поделки приобретали также нейтральные благотворительные организации для перепродажи их в Швеции, Дании и США³¹. Высокий спрос на продукцию столяров позволил им вскоре наладить самостоятельную оплату используемого материала и расширить производство при отчислении доли выручки в пользу комендатуры³². Кроме того, в ходе длительной работы в лагерных мастерских пленные умельцы скапливали достаточное количество денег для посещения платных профессиональных курсов в близлежащих немецких городах³³.

Лагерные ремесленники занимали в неформальной иерархии элитарное положение, так как, в отличие от других военнопленных, сразу получали денежное содержание, могли себе позволить дополнительные продукты, были избавлены от ежедневных изнурительных маршей до места работы и пользовались благосклонностью комендатуры и охраны. Кроме того, сами пленные постоянно нуждались в починке столь дефицитной в лагерях одежды и обуви, что еще

29 См.: *Speed R. B. Prisoners, Diplomats and the Great War: a Study in the Diplomacy and Captivity.* N.Y., 1990. P. 78.

30 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 152, Mdl Sachsen, 17.5.1915; Kommandantur Koenigsbrueck, 6.8.1915.

31 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6913. ПВМ. 7.11.1916. Verkauf von Gefangenenarbeiten.

32 ГАРФ, ф. 3341, оп. 1, д. 210, л. 112. Отчет о деятельности Союза молодых христиан в лагерях, 1917 г.

33 См. например, обращение пленного Середина с просьбой о посещении курсов закройщиков в Дрездене за собственный счет: SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 165.

больше поднимало авторитет местных умельцев³⁴. Часто портные и сапожники отправлялись в рабочие команды для приведения в порядок обмундирования работавших там солдат³⁵. Тем самым они получали возможность покидать пределы колючей проволоки и становились уважаемыми посредниками между лагерем и рабочими командами, обеспечивая пленных информацией из внешнего мира.

Недостаточное обеспечение, с одной стороны, и законы функционирования неформальной иерархии, с другой, породили в лагерях интенсивное стремление к дополнительному заработку. В каждом лагере находились пленные, которые за период вынужденного заключения превратились в преуспевающих предпринимателей, сумевших войти в контакт с комендатурой или охраной и наладивших торговлю «предметами первой необходимости»: хлебом, табаком и денатуратом³⁶. В письмах военнопленных упоминается также существование «ростовщиков», дававших неимущим деньги в долг под зарплату или почтовый перевод (посылку) из России³⁷. Активизация деятельности спекулянтов произошла во время первоочередной отправки на родину военнопленных-союзников, получавших из лагерных хранилищ новое обмундирование. Расторопные русские скупали у них старые и новые вещи для последующей перепродажи местному населению³⁸. После начала репатриации в Россию в ходовой товар превратилась очередь на отправку³⁹. Особо талантливые «торговцы» умудрялись продавать остающимся товарищам так называемые «переуступочные записки» на их долю материальной помощи, поступавшей в лагеря. Позже, однако, выяснилось, что подобные расписки не имеют веса для лагерного комитета, распределявшего

34 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 151, Kommandantur Bautzen, 25.9.1914, Beschaeftigung der Kriegsgefangenen; Kommandantur Bautzen, 9.10.1914.

35 Gaertner A. Einrichtung und Hygiene der Kriegsgefangenenlager. S. 225.

36 См.: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 110, д. 93. Обвинительное постановление товарищеского суда л. Штаргард, февраль 1920 г.; и др.

37 ГАРФ, ф. 6163, оп. 1, д. 1, л. 2. Письмо рядового из лагеря Нейссе. 15.4.1915.

38 HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 9, Kommandantur Eglosheim, Dezember 1918.

39 См.: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 90, л. 56; ф. 9491, оп. 1, д. 37, л. 114; д. 38, л. 21; д. 161, л. 5; HStA Stuttgart, M 17/2, Bue 244, Kommandantur Ulm, 12.7.1919.

бесплатные посылки только между нуждающимися военнопленными, наличествующими на данный момент в лагере⁴⁰.

От тяжелых физических работ за пределами лагерей освобождались образованные военнопленные: учителя, актеры, художники, аптекари. Они использовались комендатурами в качестве работников почты, лагерной картотеки, на работах по благоустройству⁴¹. Данная категория активно участвовала в организации лагерного досуга: спектаклей, концертов, выставок, что возводило ее в разряд неформальной элиты. Произведения лагерных художников часто раскупались офицерами охраны или членами специально приглашенных на показательные выставки высоких комиссий⁴². Иногда, очевидно, привилегированное положение лагерной богемы и ее предполагаемый достаток вызывали зависть и требования пленных представить финансовый отчет перед общим собранием, а также регулярно оглашать сведения о зарплате театральных работников⁴³.

СОЛИДАРНОСТЬ И СТОЛКНОВЕНИЯ

В источниках встречаются нечастые упоминания помощи при побегах и заступничества за своих соотечественников и земляков в форме нападения на немецкий персонал. Более распространенным стало пассивное наблюдение за показательной расправой над товарищами по лагерю⁴⁴. В немецких военных судах разбирались многочисленные случаи драк между пленными, воровства и даже убийства из-за денег⁴⁵. Напряженные отношения, как правило, складывались между рядовыми и унтер-офицерами, назначенными немецкой

40 Сквозняк. 1917. № 3.

41 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 177, Kommandantur Bautzen, 4.4.1917.

42 ГАРФ, ф. 3341, оп. 1, д. 210, л. 114. Отчет о деятельности Союза молодых христиан в лагерях, 1917 г.

43 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 36, л. 210, лагерь Коттбус-Зилов, февраль 1920 г.

44 BayHStA, M Kr, Nr. 14156, Kriegsgericht der 7. Brigade, 1917; HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 22, Gerichtsurteile; SaechsHStA, 11356, Generalkommando des XII. Reservekorps, Nr. 130, Russen-Gefangenenlager St.Clement, 16.8.1915.

45 HStA Stuttgart, E 130 b, Bue 134, Gerichtsurteile.

администрацией на должности старших по баракам. Н.М. Жданов в своей книге приводит признание бежавшего солдата: «Было хорошо, пока наши старшие не брали верх. А потом немцы дали им право нас колотить и сечь розгами и со своими старшими стало хуже... Когда пленные стали сами собой управлять, в это время у них начались всякие кражи и неприятности... Жили мы между собой в ссорах, которые происходили из-за пищи»⁴⁶. Статистика лагерных наказаний включала частые штрафы за ругательства солдат в адрес своих унтер-офицеров и неповиновение их приказам. При этом число подобных проступков значительно превышало количество нарушений в отношении немецкой охраны⁴⁷.

Во внешне более однородном и сплоченном сообществе офицеров существовали свои линии размежевания. А. Успенский, к примеру, упоминает стойкое разделение пленных на полковые землячества «уфимцев», «саратовцев» и т.д., старавшихся материально и морально поддерживать друг друга и отграничивавшихся тем самым от остальных⁴⁸. Столкновения часто возникали между группами старших и младших по званию офицеров. Комендатура лагеря Дебельн неоднократно была вынуждена удовлетворять ходатайства полковника Бубы о наказании молодых сослуживцев за неуважительное отношение к старшим товарищам и просто громкое чтение в их присутствии⁴⁹. Протоколы лагерных судов чести, учрежденных офицерами как часть лагерного самоуправления, свидетельствуют о многочисленных конфликтах, быстро перераставших из оскорблений в драки⁵⁰. В лагерные администрации поступали анонимные доносы от русских офицеров, сообщавших о подготовке соотечествен-

46 Жданов Н. Русские военнопленные в мировую войну. С. 156.

47 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr.6951, Kommandantur Golzen, 8.6.1916, Nachweisung der ueber die Kriegsgefangenen verhaengten Strafen bis April 1915; 11333, Oberkriegsgericht des XII. A.K., Nr. 3, Stellungnahme zu PKMIN von 13.07.1916.

48 См.: Успенский А.А. В плену.

49 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6952, Kommandantur Doebeln, 13.9.1915; 11352, St. GKdo, Nr. 620, Kommandantur Doebeln.

50 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 56, л. 8, 12–18, 23. Протоколы суда чести лагеря Крефельд, 1915 г.; SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6996, Lager Doebeln, 1917.

никами побега и способствовавших его предотвращению⁵¹. Один из подобных случаев привел к трагическому финалу: вернувшиеся в тот же лагерь после поимки и отбывания наказания горе-беглецы расправились с предполагаемым предателем⁵².

Видимость солидарности мгновенно исчезала при возникновении вопросов об очередности отправки на родину. При составлении списков решение часто принималось вопреки установленным принципам старшинства плена, если выбор стоял между «коренным жителем» данного лагеря и новичком⁵³. Комитеты военнопленных под давлением массы направляли в комендатуры протесты против «несправедливой отправки» из других лагерей и требовали дополнительного транспорта для себя⁵⁴. В ситуации острого конфликта населения лагеря Цвиккау с комендатурой, где в качестве решения была предложена внеочередная отправка за счет другого лагеря, заключенные Хемница категорически отказались приносить себя в жертву оказавшимся в сложных условиях товарищам⁵⁵. Подобная ситуация сложилась в лагере Гюстров, где прибывших из Шпрингирша присоединили к старожилам в очередь на отставку. Последние интенсивно воспротивились, так как «не хотели делить места с чужими»⁵⁶.

Нередко конфликты возникали на национальной почве. При соседстве в одной рабочей команде пленных русских и прибалтов имели место случаи намеренной порчи оборудования с целью обвиняния представителя другой национальности, драки и даже

51 SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 739, Kommandantur Doe-
beln, 7.12.1917.

52 BayStA, Stv. GenKdo I. A.K., Nr. 1734, Augsburgener Abendzeitung, Nr. 289, Mai 1917.
Г.Дэвис, ссылаясь на воспоминания одного из немецких офицеров, отмечает
возникшую в офицерской среде «ненависть к ближнему». См.: *Davis G. H. Pris-
oner of War Camps as Social Communities*. P. 150.

53 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 110, л. 11. Переписка военнопленных и советского
представительства, 1919 г.

54 BayHStA, M Kr., Nr. 1705, Lagerkomitee Hammelburgs, 1920.

55 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7000, Lagerdirektion
Chemnitz, 18.10.1920.

56 См.: ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 197, л. 192. Лагерь Шпрингирш.

убийства⁵⁷. Национальные конфликты обострила политика привилегированного содержания, проводившаяся немецкой стороной. Так, русские немцы, прибалты, поляки и евреи, работавшие в лагерях канцелярскими служащими, рассматривались остальными военнопленными в качестве шпионов и вражеских элементов; им объявляли бойкот и угрожали расправой после возвращения в Россию. Жизнь в лагере для некоторых становилась настолько невыносимой, что они писали прошения о вступлении в немецкую армию⁵⁸. Поведение представителей национальных меньшинств становилось предметом разбора лагерных товарищеских судов⁵⁹. В свою очередь, по свидетельству немецкой стороны, работавшие переводчиками при комендатурах евреи и русские немцы стремились отомстить своим бывшим командирам и искажали обращения русских унтер-офицеров или солдат таким образом, чтобы охрана или комендант воспринимали их как оскорбление или попытку бунта⁶⁰. Известие о провозглашении независимой Украины породило во всех лагерях противостояние русских и украинских военнопленных, очень часто переходившее в кровавые побоища. Русские солдаты требовали от лагерных комитетов и благотворительных организаций прекращения помощи бывшим соотечественникам⁶¹.

57 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 160, Kommandantur Bautzen, 26.4.1916; HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 907, Kommandantur Ulm, 16.1.1918; BayHStA, M Kr, Nr. 14131, St. GKdo des I. A.K., 29.07.1915.

58 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 158, Gesuch des russischen Kriegsgefangenen, 28.8.1918; BayHStA, M Kr., Nr.1641, PKMIN, 13.8.1915; Nr.1694, Kommandantur Hirschberg, 29.5.1918; Nr. 1651, Kommandantur Hirschberg, 6.4.1916; Stellv. GKdo II. b. A.K., Nr. 555, Bayrisches Kriegsministerium, 7.2.1917; sowie: Russische Kriegsgefangene ueber ihre Eindruecke in Deutschland, herausgegeben von der Schriftleitung des „Russischen Boten“, Berlin 1917. S. 24; HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 907, Kommandantur Ulm, 16.11.1918.

59 HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 296, PKMIN, 28.02.1917.

60 BayHStA, M Kr., Nr. 1642, PKMIN, 29.7.1915, Misshandlungen von russischen Kriegsgefangenen.

61 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 38, л. 7, 11, Протоколы общих собраний лагерей, 1920 г.; ф. Р-7494, оп. 1, д. 3, л. 172, Комитет лагеря Франкфурт на Майне в Отдел 6 «Россия», февраль 1920 г.; BayHStA, M Kr., Nr.1702, BayHStA, M Kr., Nr. 1702, Stellv.GKdo der I. und II. A.K., 19.9.1919; Nr. 1703, Heeresabwicklungsamt des III. A.K., 24.12.1919.

После начала репатриации столкновения между бывшими привилегированными группами и остальными пленными стали серьезной проблемой для немецкой стороны. Не имея возможности размещать представителей разных национальностей бывшей Российской империи по отдельным вагонам, репатриационные ведомства наблюдали постоянные перепалки и потасовки и даже были вынуждены обратиться к бывшим заключенным просветительских лагерей с рекомендацией скрывать свою национальную принадлежность и разговаривать между собой на русском языке⁶².

После революций в России к бытовым и национальным противоречиям в лагерях добавились политические. В газете лагеря Нюрнберг «Сквозняк» отразилась распространенная среди пленных легенда о существовании «записных книжек», куда сторонники старого режима заносили сведения о потенциально опасных революционных личностях: «Говорил на русской кухне, что каждая нация имеет право на самоуправление. Хвалил поляков... Обвинял правительство в малой заботе о пленных. Сказал, как приедем, так с ними расправимся. Стало быть — социалист... Составить особое донесение с указанием фамилий, имен и частей. Виселиц хватит для дружков сердечных»⁶³.

Затяжное противостояние, приобретшее политическую окраску, возникло на завершающем этапе плена среди офицеров лагеря Пlassenбург. Один из пленных, подвергшийся бойкоту товарищей за несоблюдение общей линии поведения по отношению к коменданту, из чувства мести донес о якобы готовящемся остальными большевистском мятеже с поджогом лагерных построек. Арестованные по данному обвинению, в свою очередь, попытались выставить доносчика провокатором и несколько раз обращались за поддержкой к советским представителям в Берлине. В результате особо опасные активисты были переведены в камеры предварительного заключения лагеря Ингольштадт⁶⁴.

62 HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 6, PKMIN, 14.1.1919.

63 Сквозняк. № 3. Декабрь 1917.

64 BayHStA, M Kr., Nr. 1693, Kommandantur Plassenburg, 5.6.1918; Nr. 1696, Gesuch eines Kriegsgefangenen, 17.7.1918.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ОФИЦЕРАМИ И НИЖНИМИ ЧИНАМИ

Немецкая система плена предполагала раздельное содержание солдат и офицеров противника⁶⁵. С одной стороны, это было обусловлено организационными причинами: в соответствии с международным правом офицерам и нижшим чинам полагались разные условия размещения и обеспечения. С другой — разделение чинов аргументировалось опасениями, что офицеры могут злоупотреблять своим влиянием на солдат, поддерживая в их среде антинемецкие настроения и призывая их к пассивному сопротивлению и прямому саботажу⁶⁶.

Все же военным органам не удалось добиться абсолютной изоляции старших и нижних чинов друг от друга. Для обслуживания офицерских лагерей привлекались денщики и санитары из числа солдат той же национальности, причем их контингент часто менялся не только из соображений безопасности, но и экономической эффективности: в середине 1917 г. все трудоспособные денщики были заменены на нетрудоспособных⁶⁷. Возможными были контакты в крупных лагерях, разделенных на солдатскую и офицерскую зоны, и близлежащих госпиталях.

Первоначально ситуация плена способствовала закреплению патриархального характера отношений между офицерами и рядовыми, особенно если речь шла о бывших однополчанах. Заключенные солдатских лагерей по собственной инициативе обращались к офицерам своей части за помощью. Несмотря на указание со стороны комендатур на несоответствие подобных ходатайств распоряжению о деловой переписке между лагерями, Прусское военное министерство учитывало бедственное материальное положение русских воен-

65 В своей статье Е. Сергеев ошибочно утверждает, что по «сословному принципу» организовывалось содержание исключительно русских военнопленных, в отличие от совместного содержания солдат и офицеров западных стран Антанты. См.: *Sergeev E. Kriegsgefangenschaft und Mentalitaeten*. S. 359.

66 HStA Stuttgart, M 77/2, Bue 92, Zur Einrichtung eines Offizier-Gefangenenlagers bei der Mobilmachung, 1918.

67 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 153. Inspektion der Kriegsgefangenenlager. 14.9.1917.

нопленных и не запрещало подобные контакты⁶⁸. В свою очередь, пленные офицеры старались поддерживать рядовых своих полков, отсылая им коллективную и индивидуальную помощь. В лагере Дебельн офицеры отказались от суммы, предложенной заграничным благотворительным комитетом, узнав, что 540 марок должны были быть разделены еще между двумя солдатскими лагерями, где «денежная нужда ... неизмеримо больше»⁶⁹. С одной стороны, офицеры устраивали для своих денщиков школы, помогали писать и читать письма⁷⁰, с другой — воспринимали услуги солдат, которые не оплачивались комендатурой лагеря, как данность, и лишь немногие устанавливали небольшое вознаграждение⁷¹.

Опубликованная Л. Васильковой переписка между поручиком Н. Кончицем (будущим советским военспецом в Китае) и произведенным в унтер-офицеры ефрейтором Г. Кобылиным отражает факт установления постоянных контактов между офицерами и нижними чинами и даже некоего подобия дружбы при сохранении положенной иерархии. Кончиц передавал нижнему чину своего полка небольшие суммы денег и продукты из собственных посылок. Кобылин, в свою очередь, сообщал ему о событиях, произошедших с сослуживцами, и даже отослал ему свою фотографию с просьбой ответного дара: «Ваше благородие, прошу я Вас, будьте настолько любезны, ежели Вы имеете фотографическую карточку, то пошлите мне. Так что я очень был бы рад иметь карточку Вашей личности»⁷².

В переписке Кобылина и Кончица ясно прослеживается проведенная Февральской революцией граница в отношениях нижних чинов и офицеров. Если послания Кобылина, датированные 1916 г.,

68 См.: SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6910, PKMIN, 25.1.1916, Postverkehr der Kriegsgefangenen; а также Успенский А.А. В плену.

69 SaechsHStA, 11352, Stellv.General Kommando, Nr. 641, Offizierlager Doebeln, 29.11.1917.

70 Положение русских военнопленных и деятельность Комитета РКК в Швейцарии. Б.м., б.г. С. 12; SaechsHStA, 11352, Stellv.General Kommando, Nr. 641, Kommandantur Doebeln, Beurteilung des russischen Heeres, 2.11.1917.

71 HStA Stuttgart, M 17/2, Bue 240, Intendantur des IX. A.K., 6.8.1915.

72 Из переписки русских военнопленных (1916–1917 гг.), Публикация Л.В.Васильковой // Голоса истории. — М., 1999. Кн. 3. Материалы по истории Первой мировой войны. С. 146.

пестрят обращениями «Ваше благородие», многочисленными извинениями за почерк и просьбами о помощи, то письмо от 29 июня 1917 г. начинается словами: «Здравствуй, дорогой мой товарищ, господин Кончиц»⁷³. В этот период немецкая сторона отмечала начавшееся охлаждение отношений между солдатами и офицерами в плену. Отчеты комендатур свидетельствовали, что среди офицеров «стало модным проявлять свой интерес к солдатам. Однако офицеры жалуются на непослушание, лень и неподчинение солдат. Это свидетельствует, что офицеры толкуют свободу для солдат только там, где им удобно, на самом деле продолжая воспринимать их как своих подчиненных»⁷⁴. Тем не менее, офицерские комитеты были вынуждены ввести представителей от денщиков в состав лагерного самоуправления⁷⁵. Нижние чины, в свою очередь, начали выказывать непослушание и неподчинение, часто приводившие к вмешательству лагерной администрации. Прежним вниманием и уважением продолжали пользоваться только «любимые» офицеры⁷⁶.

После официального извещения из России об упразднении воинских званий и уравнивании офицеров в правах с солдатами⁷⁷ последние продолжали относиться к своим бывшим командирам вполне нейтрально. По свидетельству немецкой стороны, при присоединении тяжелобольных офицеров к солдатским транспортам, отправлявшимся на родину, рядовые «тепло приветствовали» старших по званию и оказывали помощь при погрузке в вагоны⁷⁸. Только в условиях советской действительности вернувшиеся из плена солдаты начали воспринимать шаблоны большевистской пропаганды,

73 Составительница публикации трактует это изменение в обращении как смелую «казенного языка „нижнего чина“ участием здорового человека к тяжело больному товарищу». См. Там же. С. 140.

74 SaechsHStA, 11352, Stellv. Generalkommando, Nr. 641, Kommandantur Doebeln, 2.11.1917, Beurteilung des russischen Heeres.

75 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6994, Lager Doebeln, 20.10.1917.

76 HStA Stuttgart, Q 1/37, Bue 71, Kommandantur Eglosheim, 29.10.1917, Beurteilung des rus. Heeres.

77 ГАРФ, ф. 3333, оп. 8, д. 37, л. 244. Правовой отдел Центроплембж.

78 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6997, Kommandantur Doebeln, 29.7.1918.

приравнявшей офицеров к классовым врагам. Иногда это проявлялось на фоне проблем интеграции бывших рядовых военнопленных в новое общество: «Приветствую вождей народной революции тов. Ленина и Троцкого... в коллегии получил шапку, пару белья и 40 руб. В Германии в газете «Русский социалист» читал, что каждый возвратившийся пленный без определения классов получает две тысячи рублей. Мне ответили, что получают офицеры, а мы — сколько дадут вожди революции... прошу не старым офицерам выдавать, а нам, мозолистым рукам, пролетариату... не поддерживайте господ буржуа»⁷⁹.

III.2. САМООРГАНИЗАЦИЯ ПЛЕННЫХ И ВЛИЯНИЕ НА НЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В РОССИИ

ЛАГЕРНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

В истории лагерного самоуправления четко выделяются два этапа, рубежом которых стало заключение мира на Восточном фронте и последовавшее за ним распространение влияния на пленных советского представительства в Берлине. В первый период инициатором создания комитетов и касс взаимопомощи в солдатских лагерях выступила немецкая сторона. Положительный опыт с самоорганизацией французских пленных подвигнул ПВМ на образование подобных структур и среди остальных национальных сообществ⁸⁰. С подачи комендатур в лагерях организовывались лавочки (кантины), ведение которых отдавалось на откуп пленным. Под контролем немецкой администрации и при условии отчислений на благоустройство лагеря здесь продавались продукты, предметы первой необходимости, устраивались чайные⁸¹. Комитет вспомоществования

79 ГАРФ, ф. 3333, оп. 3, д. 593, л. 291. Обращение бывшего военнопленного в Кремль. 4.5.1919.

80 SaechsHSta, 11248. Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6908, PKMIN, 16.7.1915. Bildung von Hilfsgesellschaften und Unterstuetzungskassen in den Kriegsgefangenenlagern.

81 Вестник Красного Креста. № 4. С. 1250.

лагеря Шпротау своей целью поставил поиск денег в благотворительных комитетах и их распределение между солдатами лагеря. Часть полученных средств была положена на счет в немецком банке, среди нуждавшихся распределялись посылки умерших и бежавших товарищей⁸². После практически полного исчезновения возможности закупки на немецком рынке лагерные кооперативы и кантины продолжали существовать при поддержке нейтральных (прежде всего американских) благотворительных организаций⁸³. Некоторые управляющие промышленных предприятий, где трудились военнопленные, пытались создавать производственные комитеты с участием принудительных работников для обсуждения условий труда и содержания. С мест поступали отчеты о положительном эффекте подобных взаимодействий и повышении норм выработки. Однако ПВМ сочло данную инициативу слишком опасной и запретило дальнейшее распространение подобного опыта⁸⁴.

Проводимая немецкой стороной сепаратистская пропаганда привела к постепенному отмежеванию национальных отделений от первоначально единых русских лагерных комитетов. Помимо польских, украинских, грузинских организаций, создание которых стимулировалось комендантами лагерей, возникали многочисленные еврейские комитеты, поддерживаемые соответствующими благотворительными комиссиями в Германии и за ее пределами⁸⁵.

Большей самостоятельностью в создании органов самоуправления отличались офицерские лагеря. Здесь для поддержания дисциплины лагерная администрация возлагала на старшего по званию широкие полномочия: представительство интересов пленных в комендатуре, сотрудничество с офицерами охраны в назначении дежников на работы по уборке комнат и территории, разрешение конфликтов между заключенными⁸⁶. Старшие по званию имели возмож-

82 См.: ГАРФ, ф. Р-6169, оп. 1, д. 76, л. 1. Устав комитета лагеря Шпротау, 1916 г.

83 ГАРФ, ф. Р-7494, оп. 1, д. 1, л. 1. Отчет о ревизии кооператива в лагере Губен.

84 HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 7, PKMIN, 27.1.1917.

85 Barch, R 1508/ 1817. Lager Tschersk; а также: Maurer T. Sehr wichtig sind Buecher. S. 275.

86 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 155, Kommandantur Birschhofswerda, 21.3.1915

ность доводить жалобы и обращения пленных до сведения вышестоящих органов, а также направлять их в испанское посольство. Остальные офицеры по собственному почину проявляли значительную активность в благоустройстве лагерного быта. Получая от немецкой стороны денежное содержание, они за свой счет оборудовали лагерные лавочки, библиотеки, церкви, спортивные сооружения⁸⁷. Помимо театров и курсов лекций в офицерских лагерях возникали кружки агрономии и рыболовства. В лагере Нейссе было даже создано общество любителей солнечных ванн⁸⁸.

Разветвленную систему самоуправления просветительских лагерей на примере Раштатта описывает в своих мемуарах О. Терлецкий⁸⁹. Центральным органом здесь являлся совет старейшин, в состав которого входили офицеры и гражданские агитаторы. Его члены распоряжались денежными поступлениями от Союза вызволения Украины, назначали старших по баракам, контролировали деятельность школ и организацию досуговых мероприятий. Подконтрольные совету национальная, аграрная и редакционная секции, в рамках которых читались тематические доклады и распространялись газеты, охватывали своей деятельностью более 2000 человек. Помимо этого существовали музыкальный и театральные союзы, чайное товарищество и многочисленные временные комитеты, например, по постройке памятника умершим военнопленным. Раз в две недели проводились общие собрания лагеря, на которых обсуждались мировые события и текущие дела, а также распределялись посылки благотворительных организаций.

После заключения соглашений между немецким и советским правительствами об облегчении положения русских военнопленных и их скорейшем возвращении на родину при содействии представительства в Берлине в солдатских лагерях произошла смена состава самоуправления. Из него были удалены священники и другие «реакционные элементы», сменившиеся «в пользу интеллигент-

87 SaechsHSStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 155, Kommandantur Koenigstein, 24.3.1915.

88 См.: ГАРФ, ф. Р-6674, оп. 1, д. 2, л. 3-4. Макашов А.А. Художественный кружок лагеря пленных офицеров в Нейссе. 1917; а также: Успенский А.А. В плену.

89 Terleckij O. Die Ukrainer in Deutschland.

ных солдат, унтер-офицеров и вольноопределяющихся»⁹⁰. Представители старого состава комитетов, оставшиеся на своих постах, вызывали подозрения советской стороны как «лагерные паразиты», расхищавшие предназначавшуюся пленным помощь⁹¹. Негативную реакцию атташе Семкова, к примеру, вызывало наличие в составе комитетов представителей тех стран, которые на данный момент находились с Советской Россией в конфликтных отношениях. Когда при посещении лагеря Хемниц выяснилось, что один из членов самоуправления — поляк, Семков отвернулся и заявил остальным, что «русская рабоче-крестьянская республика не будет заботиться о таких буржуазных сынках»⁹².

Под влиянием революционных событий в России лагерные комитеты переименовывались в парламенты или советы солдатских депутатов, устанавливали «тайное барачное избирательное право»; комендантуры ставились в известность, что жизнь пленных будет отныне организована по образцу советской системы и на основе советских законов⁹³; «в соответствии с советской конституцией» вводилось всеобщее обязательное обучение⁹⁴. Во многих лагерях самоуправление приобрело разветвленную структуру в виде профильных комиссий: санитарной, хозяйственной (продовольственной), просветительской и развлекательной, а также товарищеского суда⁹⁵. В лагере Целле новая самоорганизация «по методу советской системы» представляла собой причудливое смешение до- и послереволюционных образцов. Бараки здесь были переименованы в селения,

90 ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 33, л. 6. Из отчета Копенгагенского бюро РОКК, июль 1918 г.

91 См.: ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 9, л. 5. НКВД — Йоффе.

92 SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 564, Lager Chemnitz, 23. 6.1918.

93 ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 197, л. 70; ф. 9488, оп. 1, д. 36, л. 122; д. 110, л. 23. Переписка комитета лагерей Гаммельн, Кассель и Штаргард с Советским бюро, 1920 г.; HStA Stuttgart, M 400/3, Rue 6, Lagerversammlung Gaensewiese, 26.5.1919

94 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 31, л. 2. Отчет делегата Бюро об осмотре лагеря Гарделеген, 1920 г.

95 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 110, л. 23–37. Лагерь Штаргард. 18.7.1919; ф. Р-7494, оп. 1, д. 2, л. 1–4. Лагерь Губен, октябрь 1920.

в них избирались волостные советы и комиссариаты. Соответственно, лагерный комитет был преобразован в собрание депутатов волостных советов, одним из постоянно действующих отделений которого выступал волостной суд⁹⁶.

Альтернативный взгляд на ситуацию с лагерным самоуправлением по советскому образцу отражают источники белой эмиграции. Так, газета «Руль», ссылаясь на высказывания одного из пленных офицеров, утверждала, что «в большевистском лагере все едущие в Россию вынуждены прикидываться коммунистами, цеплять на себя банты в целях самосохранения. От внешнего мира лагерь изолирован, газеты только красные. Прибывающие в лагерь одиночки попадают в сложное положение. Идут бесконечные допросы комитетчиками... Но после непродолжительного сидения оказывается, что красный сосед ненавидит коммунистов и не идет в белый лагерь лишь потому, что ему некуда ехать, кроме России, что он боится за семью и не знает, найдет ли он в Германии работу, поможет ли ему кто-нибудь»⁹⁷. Подобную же картину рисовали и немецкие военные органы: «Пленные надевают при отправке красные банты только для того, чтобы гарантировать себе хороший прием в Советской России»⁹⁸.

Рефреном в лагерной дискуссии зазвучала тема подготовки к возвращению в новую Россию. На введенных в повседневную жизнь митингах масса призывалась «стать достойными сынами принципов сознания свободы и вменить себе навсегда понятие и исполнение при всех случаях человеческих прав, а при возвращении в Россию предстать как образец свободного равноправного с сознанием высшего понятия жизни государства, ибо в сплоченности и единении мы достигнем тех идеалов человеческой жизни, которых мы так жадно ищем в стремлениях равенства»⁹⁹. Комитеты выносили постановления прекратить игру в карты на деньги, торговлю алкоголем и также перепродажу одежды: «...это наш долг не только перед нами самими, но и перед страждущими, ждущими там на далекой дорожке родине матерями, женами и детьми, для которых теперь

96 См.: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 90, л. 113. Лагерь Целле, 07.8.1920.

97 Руль. 1920. 17 февр.

98 Barch, R 43/1/ 237, Reichsabwickelungsamt, 15.1.1921.

99 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 90, л. 56. Комитет лагеря Целле, 1919 г.

так нужно хорошее доброе воспитание. ...пусть на нас, виновных, обрушится лучше товарищеская кара, нежели мы будем преданы в немецкие руки. ...забудьте свое „я“ и помните о „мы“»¹⁰⁰. Нарушители подвергались товарищескому суду и дисциплинарным наказаниям, о неисправимых элементах и их политических воззрениях сообщалось в советское представительство¹⁰¹.

В этот период пространство действия комитетов было максимально расширено. Оговорив необходимое подчинение лагерной администрации по вопросам сохранения дисциплины и ограничения внешних контактов с мирным населением, немецкая сторона полностью отдала внутреннюю организацию лагерной жизни на откуп самоуправлению пленных. Отныне члены комитетов допускались к расследованиям проступков военнопленных, присутствовали на допросах и судебных заседаниях, контролировали составление списка конфискованного имущества¹⁰². Они были призваны адаптировать приказы комендатуры для заключенных, могли закупать за наличный расчет нерационарированные товары и заниматься другой хозяйственной деятельностью¹⁰³. Даже перед лицом финансового кризиса лагерные дирекции были вынуждены сохранять зарплату функционерам лагерных комитетов во избежание дисциплинарного коллапса¹⁰⁴. Пользуясь разрешением немецкой стороны посещать открытия памятников умершим товарищам в близлежащих лагерях, представители самоуправления сумели наладить ранее запрещенные контакты с соседями. Участвуя в траурных церемониях, комитетчики обменивались информацией, перенимали друг у друга формы самоорганизации и, ссылаясь на положение соседей,

100 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, л. 108, л. 24–36, Комитет лагеря Штаргард, сентябрь 1919 г.; а также РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 812, л. 18. Колосов М. Воспоминания о положении русских военнопленных в Дании в 1918–1919 гг.

101 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 90, л. 10. Лагерь Целле, 1919 г.; SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7000, Heeresabwicklungsamt Preussen, 30.9.1920; HStA Stuttgart, M 400/3, Bue. 4, Heeresabwicklungsamt, 31.9.1920.

102 BayHStA, M Kr., Nr. 1703, Heeresabwicklungsamt Bayern, 11.3.1920; Nr. 1705, Heeresabwicklungsamt Bayern, 7.8.1920.

103 HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 20, Kommandantur Muensingen, 16.5.1920; Heeresabwicklungsamt, 13.6.1920.

104 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7003, ВДА. 2.9.1920.

предъявляли лагерной администрации требования по улучшению снабжения своего лагеря и увеличению свобод¹⁰⁵.

Стремление комитетов оказывать давление на комендатуры часто приводило к стычкам и серьезным противостояниям. В лагере Котбус-Зилов назначенный на должность коменданта бывший директор тюрьмы отказался признавать сложившуюся систему самоуправления, пытаясь в обход комитета насильно привлечь пленных к работам. Категорический отказ последних привел к закрытию лагеря и вмешательству Советского бюро¹⁰⁶. В Гарделегене директор лагеря также пытался снизить влияние на массу строптивых самоуправленцев и реанимировать систему назначаемых сверху старших по баракам¹⁰⁷. В Штутгарте волнения начались после игнорирования комендатурой требований комитета о введении советских порядков. За «наглое обращение к коменданту» несколько активистов самоуправления были арестованы, остальные пленные были наказаны закрытием чайной и запретом на выход в город¹⁰⁸.

Немецкое Центральное управление по делам военнопленных оказалось в очень сложной ситуации, так как малейший конфликт лагерных администраций с пленными приводил к угрозам со стороны советского представительства ужесточить условия содержания оставшихся в России немецких граждан. Под давлением Москвы Шлезингер и его сотрудники шли на уступки и призывали директоров лагерей не вмешиваться во внутреннюю организацию лагерной жизни. К примеру, после того как в Сольтау один из офицеров охраны обвинил членов комитета в распространении в лагере большевистских идей, комендант был вынужден в присутствии представителя Советского бюро и пленных вынести выговор своему сотруднику¹⁰⁹. Парадоксальность сложившейся ситуации отражена в прошении об от-

105 См., например: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, оп. 90, л. 69. Лагерь Целле, 1919.

106 ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 196, л. 2-3. Переписка Советского бюро с лагерями военнопленных, 1920 г.

107 ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 197, л. 112. Переписка Советского бюро с лагерями военнопленных, 1920 г.

108 HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 911, Inspektion der Kriegsgefangenenlager des XIII. A.K., 31.08.1918.

109 ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 196, л. 6. Переписка Советского бюро с лагерями военнопленных, 1920 г.

ставке одного из охранников лагеря Ульм: «... моя дальнейшая работа в настоящих условиях в лагере не совпадает с моим достоинством как человека и немца. Русские военнопленные взяли в руки всю власть и обвиняют коменданта в систематических издевательствах ... мое сердце обливается кровью, когда я вижу, что в нашей любимой стране русские военнопленные ценятся выше, чем служба почтенного человека, так как он мыслит иначе, чем нынешние властители»¹¹⁰.

Радикализация настроений насильно задержанных в Германии пленных, как правило, влекла за собой сплочение лагерного сообщества вокруг комитета. На попытки репрессий со стороны комендатур в отношении лагерных вожakov пленные отвечали забастовками, голодовками и нападениями на охрану. Основные конфликты возникали по вопросам отправки на родину, списки отправляемых должны были составляться органами самоуправления. Иногда комитет не обладал достаточным авторитетом для разрешения возникавших споров и был вынужден обращаться за поддержкой к комендатуре или Советскому бюро¹¹¹. Неслучайно во внутренних инструкциях комитетчики обращали внимание на то, что «с народом нужно общаться, возможно, вежливей»¹¹². Пленные, не согласные с установленным комитетом порядком, жаловались в Берлин на кулуарность принятия решений и их несправедливый характер¹¹³. Кроме того, комитетчики обвинялись в финансовых махинациях, а их вынужденный отказ от отправки вызывал у остальных подозрения в стремлении разделить кассу взаимопомощи после отъезда основного контингента. Часто подобные обвинения имели под собой веские основания: члены комитетов, действительно, злоупотребляли своим положением и брали с пленных взятки за включение в список на работы вне лагеря или на отправку ближайшим транспортом¹¹⁴. Сотрудники лагерных коми-

110 HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 5, Kommandantur Ulm, 20.11.1918.

111 BayStA, Stv.GenKdo I. A.K., Nr. 1395, Inspektion der Kriegsgefangenenlager des I. A.K., 26.3.1919.

112 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 110, л. 23. Лагерь Штаргард, июль 1919 г.

113 ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 33, л. 345. Обращение военнопленных лагеря Коттбус в Советское бюро, август 1920 г.

114 См.: там же, ф. 9488, оп. 1, д. 90, л. 58; ф. 9491, оп. 1, д. 37, л. 114; д. 38, л. 21; д. 161, л. 5. Переписка Советского бюро с лагерям военнопленных, 1920 г.

тетов использовали свое положение для направления в советское представительство информации о неблагонадежной «политической физиономии» того или иного заключенного, якобы являвшегося «ревностным защитником Лиги Наций», «черносотенцем», «анархистом, критикующим Советскую власть в эсеровском духе» и т.д.¹¹⁵

Вплоть до окончания репатриации Бюро старалось поставить органы выборного самоуправления под свой контроль. При возникновении трений представительство в Берлине «для усиления советского влияния» под видом пленных переводило в лагеря своих агитаторов¹¹⁶. Опасаясь первоочередного отъезда доверенных комитетчиков и воздействия намеренно остающихся в лагерях контрреволюционеров на «неразвитых и незнакомых с положением в Советской России людей», Бюро настаивало на задержке активистов от отправки в Россию¹¹⁷. Данное распоряжение было негативно воспринято самими комитетчиками, которые жаловались на изнурительную работу и прикрывали свое стремление вернуться на родину желанием принести пользу Советской власти и «дать другим возможность познакомиться с делом правления»¹¹⁸.

Масштабный конфликт между комитетами лагерей и советским представительством разгорелся по вопросу созыва второго съезда военнопленных. Неудовлетворенные деятельностью Бюро активисты самоуправления многих лагерей обвинили советских представителей в полном бездействии: «...мы в лице Бюро не имеем хорошего защитника наших интересов, мы не получаем от него материальной поддержки. Наша надежда ослабевает, и мы просим Бюро приложить все усилия»¹¹⁹. Другое обращение было составлено в более угрожаю-

115 Там же, ф. 9488, оп. 1, д. 23, л. 21. Из консульского отдела лагеря Альтдамм. Декабрь 1921; д. 37, л. 172. Переписка Советского бюро с лагерями военнопленных, 1920 г.

116 Там же, ф. 9488, оп. 1, д. 4, л. 3; ф. 9491, оп. 1, д. 59, л. 304. Переписка Советского бюро с лагерями военнопленных, 1921 г.

117 Там же, ф. 9491, оп. 1, д. 206, л. 38. Переписка Советского бюро с лагерями военнопленных, 1920 г.

118 Там же, д. 33, л. 366. Переписка Советского бюро с лагерями военнопленных, 1920 г.

119 Там же, д. 208, л. 120. Переписка Советского бюро с лагерями военнопленных, 1920 г.

щих формулировках: «Ни защиты, ни помощи со стороны Бюро мы не видим. Видим только халатное отношение и бездеятельность ко всем нашим нуждам и заявлениям. Вера пропала, терпение лопнуло»,¹²⁰ — далее авторы грозилась направить копию письма прямо во ВЦИК. Комитетчики даже составили примерный наказ делегату предполагаемого 2-го съезда: «...требовать от Советского правительства усиления отправки, обеспечения нас лучшим питанием, свободного выхода из лагеря и проезда по Германии, отмену караула, материальную поддержку культурно-просветительской работы. Добиваться положительного решения данных вопросов»¹²¹. Опираясь на налаженные между лагерями контакты, представители самоуправления планировали выступить против Бюро единым фронтом и направили в Берлин петицию примерно одинакового содержания: «Если Бюро откажет нашим требованиям без уважительных причин, то выражаем горячий протест против бездеятельности Бюро и безалаберного отношения к нуждам и заявлениям военнопленных. Все последствия возлагаем на Бюро»¹²². По-видимому, не желая допустить излишней активности и стремясь сохранить контроль над пленными, Бюро под благовидными предложениями все же отказалось от проведения повторной встречи лагерных депутатов. Разочарованные пленные могли только констатировать, что им «нужна родина, а никакие бюро»¹²³, однако вынужденно продолжали сотрудничество с советским представительством.

ЛАГЕРНЫЙ ДОСУГ

После относительной стабилизации ситуации с обеспечением и медицинским обслуживанием в солдатских лагерях по инициативе комитетов возникли организованные формы досуга: школы, библиотеки, кружки и самодеятельные коллективы. Несколько ранее тра-

120 См.: там же, л. 87. Переписка Советского бюро с лагерями военнопленных, август 1920.

121 Там же, л. 74. Примерный наказ делегату Второго съезда военнопленных, 1920 г.

122 Там же, л. 43 и далее. Резолюция общего собрания Кенигсмор (подобные резолюции были отправлены из лагерей Гюстров, Цербст, Хемниц, Франкфурт на Одере, Бауцен, Целле, Минден, Нойгаммер, Гаммельбург и др.).

123 Там же, д. 59, л. 230. Переписка Советского бюро с лагерями военнопленных, 1920 г.

диция проведения культурных мероприятий начала складываться в офицерских лагерях. При активной поддержке комендатур и ПВМ, которые в подобной организации видели возможный аргумент в международной дискуссии о содержании военнопленных, в лагерях формировались театральные коллективы, хоры, оркестры. Инструменты и декорации закупались из кредитов касс взаимопомощи, лагерных кантин, на пожертвования благотворительных организаций либо мастерились своими руками из подручных материалов¹²⁴.

В своей работе У. Хинц представляет лагерный досуг в качестве индикатора толерантности и признака свободного пространства в немецкой системе военного плена¹²⁵. Как и многие моменты лагерной организации, интенсивность творческой жизни полностью зависела от коменданта. Иногда стремление пленных скрасить монотонность пребывания за колючей проволокой использовалось в качестве дисциплинарного фактора. Желая подавить сопротивление, добиться от заключенных более лояльного поведения или в наказание за проступок одного из них лагерная администрация угрожала или действительно отменяла проведение выставки, концерта или представления.

Ограничивающим фактором в развитии солдатской лагерной культуры стал перевод основной массы пленных в рабочие команды, что обусловило временное затишье творческой жизни. Однако даже в этот период незначительное количество пленных (нетрудоспособных, представителей творческих профессий и пленных работников лагерной администрации) поддерживали функционирование театров, школ и библиотек. Очередной подъем творческой активности пришелся на послереволюционный период, когда значительная часть была отозвана с работ и вновь сконцентрирована в основных лагерях.

Творческие коллективы пленных являлись частью самоуправления и были подотчетны комитету. Общий доход от продажи билетов на спектакли и концерты, стоимость которых в зависимости от бли-

124 Там же, ф. Р-6674, оп. 1, д. 1, л. 2. Лагерь Целле. 26.6.1916; ф. 3341, оп. 1, д. 210, л. 118. Отчет о деятельности Союза молодых христиан в лагерях.

125 *Hinz U. Gefangen.* S. 117. Е. Сергеев, напротив, трактует организацию лагерного досуга как одно из важных средств немецкой пропаганды среди русских военнопленных. См.: *Sergeev E. Kriegsgefangenschaft und Mentalitaeten.* S. 360.

зости к сцене составляла от 20 пфеннигов до 1,5 марок, шел на оплату декораций, костюмов и инструментов. Благотворительные вечера устраивались в пользу лазаретов, лагерных школ, библиотек и церквей¹²⁶. Концерты и спектакли являлись одним из немногих выражений интернациональной солидарности в смешанных лагерях: пленные посещали мероприятия, организованные представителями других наций, в программы концертов включались гимны всех представленных за колючей проволокой стран, в офицерских лагерях национальные сообщества устраивали друг для друга творческие вечера¹²⁷. При этом мероприятия, организованные французами или англичанами, пробуждали у русских офицеров даже некоторое чувство соперничества¹²⁸.

Что касается содержания постановок, то оно во многом зависело от наличия в лагерной библиотеке текстов произведений. Неудивительно, что тематика представлений была чрезвычайно схожа. Чаще всего ставили комедийные сюжеты из творчества Гоголя, Чехова, Островского¹²⁹; трагедии на лагерных сценах были редкостью, несмотря на более поздние заявления режиссеров, что «театр никогда не считался с желанием довольно большой части публики, искавшей в театре только возможность к легкому и веселому препровождению времени». Целевой установкой всех художественных кружков, обществ любителей драматического искусства и музыкальных коллективов было «доставить эстетические развлечения в слишком обособленной и однообразной жизни устройством спектаклей, концертов, кинематографических сеансов, литературных и других художественных вечеров»¹³⁰. В агитационных лагерях театральные пред-

126 ГАРФ, ф. Р-6674, оп. 1, д. 2, л. 17–90. *Макашов А.А.* Художественный кружок лагеря пленных офицеров в Нейссе. 1917; ф. 9488, оп. 1, д. 110, л. 67. Лагерь Штаргард. 18.7.1919.

127 Barch, R 1508/1812; ГАРФ, ф. Р-6674, оп. 1, д. 1, л. 4. Программа 3 русского концерта. 21.1.1916; л. 5–23. Шпротау. 1916.

128 См.: *Успенский А.А.* В плену.

129 См.: Barch-MA, MSg 201/969, *Russische Theaterprogramme*, 1917; Barch, R 1508/1813, *Lager Neisse*; R 1508/1808, *Russisches Theater*, 25.11.1917; ГАРФ, ф. Р-6674, оп. 1, д. 1, л. 43. Офицерское казино в лагере Райхенберг.

130 ГАРФ, ф. Р-6674, оп. 1, д. 2, л. 17–90. *Макашов А.А.* Художественный кружок лагеря.

ставления превратились в одно из средств пропаганды сепаратизма и национальной идентификации. Здесь в репертуар старались включать произведения национальных поэтов и композиторов, а пьесы ставились только на родном языке. К примеру, в Вецларе наиболее популярными авторами являлись Т. Шевченко и М. Лысенко¹³¹.

Самодельным кружкам удавалось подняться на более высокий уровень при наличии в лагере профессиональных деятелей искусства: режиссеров, актеров, дирижеров и музыкантов¹³². Многие профессионалы пытались продолжить свое образование или повысить квалификацию во время пребывания в плену. В адрес немецких военных органов поступали прошения на посещение курсов по искусству и консерваторий, при этом выражалась готовность оплатить транспортные расходы на себя и охрану. Подобные обращения, однако, удовлетворялись только для представителей национальных меньшинств, подлежавших пропаганде или подавших заявление на получение немецкого гражданства¹³³.

Востребованными в лагерях оказались театральные критики, комментировавшие культурные события в лагерных газетах. Именно в этих заметках можно найти упоминание зрительской реакции на любительские постановки. Чаще всего «изголодавшаяся и не слишком взыскательная публика» принимала любые проявления творчества с восторгом. Они «отрывали слушателей от окружающей жизни» и «оживляли у некоторых впечатление» от просмотра этих же произведений в довоенных театрах¹³⁴. «Театр давал нам величайшую из иллюзий: он на несколько часов освобождал нас от плена, переносил в прекрасную свободную жизнь»¹³⁵. Даже при посещении иностранных спектаклей, где отсутствие языковых знаний обуслов-

131 Barch, R 1508/1814, polnische und ukrainische Theaterprogramme 26.12.1916; Barch-MA, MSg 201/969, Russische Theaterprogramme, 1917.

132 Barch, R 1508/1810, Lager Friedeberg, 1917; ГАРФ, ф. Р-6674, оп. 1, д. 2, л. 106. Макашов А.А. Художественный кружок; Успенский А.А. В плену.

133 SaechsHSta, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 166. Lager Skalmirschuetz, 1918; Lager Koenigsbrueck, 6.5.1918; 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 587. 26.11.1918.

134 ГАРФ, ф. Р-6674, оп. 1, д. 2, л. 17-90. Макашов А.А. Художественный кружок.

135 Цит. по: Абдрашитов Э. О социальной ностальгии российских военнопленных. С. 133.

ливалось понимание на уровне «моя-твоя», пленные «искренне, до слез хохотали, вторя развеселившимся товарищам», были «очень довольны собой и окружающими»¹³⁶.

В особый вид лагерного искусства превратились театральные и концертные программки. Каждую из них местные художники украшали виньетками, изображениями музыкальных инструментов или главных героев действия. Нередко визуализация последних носила явный эротический оттенок¹³⁷. В случае участия актеров или приглашенных лиц из числа чиновников немецких военных ведомств или пленных союзников программы составлялись на нескольких языках. Данные «шедевры» тщательно сохранялись как представителями комендатур для отчетности, так и самими пленными, высланными программки в письмах родственникам или забиравшими их при отправке домой.

Одним из организованных немецкой стороной видов досуга, особенно распространившимся в офицерских лагерях с 1915 г., стал кинематограф. Здесь даже при наличии развитого театрального кружка кино становилось «настоящим событием». О популярности этого времяпрепровождения свидетельствуют отчеты лагеря Нейссе, где за один год было организовано около 150 сеансов¹³⁸. Показы носили исключительно развлекательный или ознакомительный характер: пленным демонстрировались красоты Германии (горные озера Верхней Баварии, Циллертальская долина, жемчужины Балтийского моря), научно-познавательные сюжеты (жизнь водных жуков, охота на больших змей и носорога), юмористические зарисовки (радости и страдания садоводов)¹³⁹. Более выраженные пропагандистские цели имела демонстрация фильмов в просветительских лагерях. Особо тщательной цензуре подвергались игровые ленты с участием представительниц женского пола. В этом случае ведомства вели длительную переписку, обсуждая степень безопасности показа подобных

136 Сквозняк. 1917. № 2.

137 См. Barch-MA, MSg 201/969, Russische Theaterprogramme, 1917.

138 ГАРФ, ф. Р-6674, оп. 1, д. 2, л. 17-90.

Макашов А.А. Художественный кружок.

139 SaechsHSta, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6910. Lager Doebeln. 10.1.1916.

фильмов в мужском сообществе¹⁴⁰. В 1918 г. в ПВМ возникла инициатива использовать сеансы как один из видов поощрения солдат в рабочих командах за прилежное поведение и работоспособность. Перед просмотром предполагалось зачитывать на русском языке краткое содержание фильма. Однако с мест начали поступать протесты работодателей и ссылки на нежелание самих солдат посещать киносеансы по причине усталости после трудового дня¹⁴¹.

Культурные мероприятия в солдатских лагерях чаще всего приурочивались к праздничным дням: масленице, пасхе, рождеству, когда пленные освобождались от работ на пол дня или на весь день¹⁴². До революции в России нерелигиозные торжества в лагерях были редкостью. Результатом взаимных договоренностей между враждующими сторонами стало празднование дня рождения императора, который дважды (в 1915 и 1916 гг.) был объявлен для всех военнопленных из России выходным днем. При организации праздничных мероприятий комендатуры ослабили цензуру, позволив включить в программы патриотические песни и выдержки из оперы М. Глинки «Жизнь за царя»¹⁴³. К 1917 г. в лагерях сложилась традиция отмечать день поминовения усопших, когда все пленные или избранные делегации посещали места захоронения своих товарищей, произносили торжественные речи и организовывали церковные службы. В смешанных лагерях подобные мероприятия организовывались совместно с представителями других наций¹⁴⁴.

После повторной смены режима в России наряду с сохранившимися религиозными праздниками в лагеря пришла традиция революционных торжеств: 1 мая и годовщины социалистической революции. Советское представительство, пытавшееся распространить свое влияние на пленных, рассылало из Берлина специальные инс-

140 HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 896, Lager Ulm, 1917.

141 SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 728. Offizier der Kinoaufklaerung, 1918; HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 468, Inspektion der Kriegsgefangenenlager des VII. A.K., 20.08.1918.

142 Barch, R 1508/1811, Theaterabend in Guestrow, 17.12.1916; ГАРФ, ф. Р-6674, оп. 1, д. 1, л. 35–36. Лагерь Мюнстер, 25.4.1916.

143 Barch, R 1508/1809, Lager Doebeln, 6.12.1916.

144 См., например: Сквозняк. 1917. № 3.

трукции по организации мероприятий в нужном политическом ключе. Рекомендации содержали обязательную программу действия, тематику речей и лозунгов¹⁴⁵. По этой же схеме в лагерях проводились тематические недели «Просвещения», «Коммунистов», «Пролетарской культуры»¹⁴⁶.

III.3. ЛАГЕРНОЕ СООБЩЕСТВО КАК «ОДНОПОЛЫЙ ГОРОД»

С момента возникновения системы лагерей немецкое командование строго следило за предотвращением возможных контактов военнопленных с немецкими женщинами из числа мирного населения и обслуживающего персонала. Прачки и переводчицы не должны были нарушать границу колючей проволоки, даже в случае острой нехватки санитаров и врачей запрещалось привлечение медсестер Немецкого Красного креста к работе в лагерных лазаретах. С другой стороны, военные органы осознавали опасность длительного совместного содержания молодых мужчин и пытались предотвратить возможные эксцессы организацией постоянных физических упражнений и работ по благоустройству лагеря.

Обращение к теме противоположного пола стало неотъемлемой частью лагерной жизни, разговоров и публикаций: «Женщина — украшение жизни, источник былых счастливых грез, мгновений радости и ран глубоких и страданий. Ее нет в нашем однополом городе, но она живет у каждого в душе, в воспоминаниях прошлого и в грезах будущего...»¹⁴⁷. Успенский в своих воспоминаниях подчеркивает, что «оторванные войной и пленом от своих матерей, жен, сестер и невест, мы все сильно тосковали по женской ласке»¹⁴⁸. Даже в пропагандистской газете «Русский вестник» среди про- и антибольше-

145 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 4, л. 17. Инструкции Бюро по празднованию Первого мая, 1921 г.; ф. Р-7494, оп. 1, д. 2, л. 13. Лагерь Губен, 5 ноября 1921.

146 См.: BayHSta, M Kr, Nr. 1706. Lagerplakat, 25.11.1920; ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 4, л. 4.

147 Barch-MA, MSg 200/730, Doeberitz-Gazette, Nr. 2, 3.

148 Успенский А.А. В плену.

вистских призывов пленные продолжали публиковать лирические стихи под названием «Сон солдата»:

Он грезит: весною украшенный сад,
 Освещенный полной луной.
 Чуть слышны шаги, пробираясь в кустах,
 К нему на свиданье бежит
 Прелестная девушка,
 В черных очах
 Любовная радость блестит.
 Сплетаются руки и шепчут уста,
 В саду поцелуи звучат...
 И шепчет она, как люблю я тебя!
 Ты будешь навеки моим,
 Тобою владеть лишь одна я должна,
 Тобою, мой милый, одним...¹⁴⁹

Военнопленные настойчиво стремились к сохранению письменных контактов с оставленными в России женами и невестами: «Я всегда живу с мыслью о тебе, и в это тяжелое время сознание, что там далеко в дорогой родине, ты ждешь меня, дает мне силу и бодрость идти вперед»¹⁵⁰. Кроме того, они пытались восстановить давно утраченные связи с удивленными этой настойчивостью представительницами противоположного пола¹⁵¹. В переделках народных песен «на новый лад» с наболевшим вопросом о верности оставшихся на родине дам сердца связывалось отсутствие продуктовых посылок:

В момент особенного пыла,
 В приливе нежности былой,
 Вы добавляли фунтик мыла,
 Махорки пачку с колбасой...
 Забыли глазки уверенья,
 Забыли клятвы и любовь:
 Брожу по лагерю, как тень я —
 Мне не видать посылок вновь¹⁵².

149 Русский вестник. 1918. 8 марта.

150 РГВИА, ф. 14928, оп. 1, д. 2, л. 14. Письмо прапорщика Шапошникова жене, 1916 г.

151 ГАРФ, ф. 6163, оп. 1, д. 1, л. 5. Почтовая карточка. 1915 г.

152 Сквозняк. 1917. № 3.

Уже в межвоенный период тема сексуальности в лагерях военнопленных стала предметом обсуждения исследователей и публицистов. Целую главу ей посвятил М. Хиршфельд в своей научно-популярной работе «История нравов Первой мировой войны». Автор пришел к выводу, что «опыт плена и многолетняя патология сексуальной жизни превратили многих заключенных в душевных инвалидов»¹⁵³. Особенно в среде офицеров многолетнее пребывание в закрытом мужском сообществе должно было вызывать процесс «демаскулинизации» (Ф. Бисс)¹⁵⁴. Действительно, в заметках сестер милосердия, посещавших лагерь военнопленных, часто упоминаются проявления чувств, не свойственных мужчинам в обычной ситуации, тем более кадровым военным: «Полковник беззвучно зарыдал, слезы были на глазах у всех офицеров, с ними плакала я»¹⁵⁵ или: «...тысячи пленных запели «Боже царя храни», пели еле слышно. Тихие рыдания прорывались иногда...»¹⁵⁶.

Солдаты, жившие на работах вне лагеря и часто во всех смыслах заменявшие ушедших на фронт немецких мужчин, в меньшей степени страдали от сексуального голодания и в большей — от венерических заболеваний. Примечательно, однако, что лагерные комитеты и отдельные товарищи выражали отнюдь не брезгливость, а понимание и даже некую солидарность по отношению к последней достаточно многочисленной группе: «Кто из нас невиновен в том, чтобы при виде хорошеньких не соблазниться. Все мы природой созданы для жизни, и природа требует удовлетворения любовных страстей,

153 См.: *Hirschfeld M. Sittengeschichte des Ersten Weltkrieges*. Hanau am Main, 1965. 2 Aufl. S. 386

154 Подробнее о понятии демаскулинизации военнопленных на материале Второй мировой войны см.: *Biess F. Maenner des Wiederaufbaus — Wiederaufbau der Maenner. Kriegsheimkehrer in Ost- und Westdeutschland // Hagemann K., Schueler-Springorum St.* (Hg.). Heimat. Front. Militaer und Geschlechterverhaeltnisse im Zeitalter der Weltkriege. Frankfurt am Main 2002. S. 345–369. К «женской теме» в армии периода Первой мировой войны см.: *Hacker H. Die Frau als Regimentgeheinis. Irrationen zwischen Front und Geschlecht im Ersten Weltkrieg // Eifert Chr., Seifer R.* (Hg.) *Soziale Konstruktionen — Militaer und Geschlaechtverhaeltnis*. Muenster, 1999. S. 135–154.

155 *Казем-Бек П.А.* Поездка по Германии во время войны русской сестры милосердия. С прибавлением извлечений из отчета по осмотру лагерей ВП. Пг., Сенацкая типография, 1917. С. 45.

156 Отчет сестры милосердия А.В. Романовой // *Вестник Красного Креста*. 1916. № 6. С. 2011.

бывают моменты, когда трудно устоять». Пленные признавали, что «некрасиво ругать за это» больных и выделяли на их лечение значительные суммы денег (до 400 марок ежемесячно)¹⁵⁷.

В публикациях межвоенного периода достаточно активно обсуждалась распространенность среди пленных гомосексуальных отношений. В немецких ведомственных источниках и русских эго-документах эта табуированная тема отражена достаточно слабо. Материалы судебных органов Вюртемберга лишь однажды и очень скупо обращаются к факту проявления гомосексуальности среди русских солдат¹⁵⁸. В. Деген, в свою очередь, упоминает 22 приговора, вынесенных русским пленным за совершение «противоестественных сексуальных действий»¹⁵⁹. Только в мемуарах К. Левина, находившегося в австрийских лагерях, присутствует указание на сожительство театрального актера, исполнявшего женские роли, с богатым армянином: «Они ночевали вместе в отдельном помещении... и о них говорили нехорошо»¹⁶⁰.

Одним из вариантов восполнения отсутствия женщин в лагерной жизни стали «графические проекции» (М. Хиршфельд). Военнопленные украшали свои комнаты рисунками эротического и даже порнографического содержания¹⁶¹. В подобном ключе оформлялись театральные программы или, к примеру, плакат, оповещавший о выставке работ русских и французских офицеров лагеря Ингольштадт в пользу нуждающихся солдат. Центральной фигурой композиции стала нарочито вульгарная обнаженная белая женщина в окружении двух арапчат в экзотических одеждах¹⁶².

Наиболее исследованным аспектом компенсации демаскулинизации пленного сообщества является деятельность лагерных театров. Г. Пёрцген на основе опыта немецких военнопленных отмечал,

157 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 110, л. 40, 105. Воззвания лагерного комитета Штаргардт. 1919 г.

158 HStA Stuttgart, M 1/7, Bue. 22, Gerichtsurteile, 1916; Lager Ulm, 09.01.1919.

159 *Doegen W. Kriegsgefangene*. S. 137.

160 *Левин. К. Записки из плена*. С. 77.

161 См.: *Hirschfeld M. Sittengeschichte*. S. 367–386; а также *Poerzgen H. Theater ohne Frau. Das Buehnenleben der kriegsgefangenen Deutschen 1914–1920*. Koenigsberg 1933. S. 77–90.

162 См.: BayHStA, Staudinger Sammlung, Nr. 21596, Offiziersfort Orff: Ausstellung.

что появление хороших постановок с участием лже-женщин способствовало исчезновению в лагерях «эпидемий гомосексуальности». Наличие в труппе так называемых «див» являлось гарантией успеха театра, при отсутствии таковых он «быстро сворачивал свою деятельность»¹⁶³. М. Хиршфельд также приводит примеры получения «дивами» от своих поклонников в подарок цветов, конфет, косметики и даже ювелирных украшений¹⁶⁴.

Сходную роль играл театр и в среде русских военнопленных. В одном из номеров журнала «Сквозняк» автор небольшой заметки не сумел скрыть своих эмоций от театральной постановки с женскими ролями: «На сцене женщины (пусть и фальшивые!), да не одна, а целых четыре»¹⁶⁵. В рукописной монографии о деятельности театра в офицерском лагере Нейссе особое внимание обращалось на талант перевоплощения актеров в представительниц прекрасного пола: «Благодаря исполнителям женских ролей не чувствовалось, что эти роли исполняют мужчины»¹⁶⁶. Успенский в своих мемуарах о лагере Гнаденфрай писал: «Не обходилось, конечно, и без „ухаживаний“ за нашими театральными „примадоннами“. На каждом спектакле в антрактах „обожатели“ под разными предлогами старались проникнуть в дамскую уборную, а после спектакля непременно подносили огромные букеты цветов». Увеличенный фотопортрет одной из «примадонн» стал центральным экспонатом художественной выставки¹⁶⁷.

В Деберлице по поводу лучшей «исполнительницы» разгорелись жаркие газетные баталии. Штатный театральный критик С. Горный в одном из номеров лагерного журнала воспел одного из актеров: «Перед вами здесь Войницкий в одной из своих ролей. Кто видел его, тот помнит, что трудно было верить, что это мужчина, а не полная обаяния и женственности красавица». В ответ на это анонимный автор уже в следующем номере опубликовал очерк «Из-за женщины»: «...я не имею ни малейшего желания здесь в плену из-за женщины поссориться, выйти с ним на дуэль или затеять газетную полемику... Выставив

163 *Poerzgen H. Theater ohne Frau. S. 77–90.*

164 *Hirschfeld M. Sittengeschichte. S. 367–386.*

165 Сквозняк. 1917. № 2.

166 ГАРФ, ф. Р-6674, оп. 1, д. 2, л. 22. *Макашова А.А. Художественный кружок.*

167 *Успенский А.А. В плену.*

Войницкого как артиста в образе женщины. Горный ни словом не обмолвился о Тухшнаиде, который не менее, а в некоторых ролях и более проявил ту же женственность... Это были неподражаемые женщины-подростки в одних ролях и женщины-дамы — в других»¹⁶⁸. Примечательными здесь становятся серьезность соперничества за признание своей «фаворитки» лучшей, а также упоминание возможной «ссоры» и даже «дуэли» как средства разрешения мужского спора.

Одной из официально разрешенных возможностей общения с противоположным полом для русских пленных стали визиты сестер милосердия в составе нейтральных красно-крестных комиссий. И если солдаты, имевшие возможность контактировать с немками на работах вне лагеря, видели в этих посещениях повод пожаловаться на свою долю и попросить защиты, то ожидания и реакции офицеров окрашены иными эмоциями. Один из заключенных крепости Кёнигштейн признавался в письме, что перед визитом сестры пленное сообщество охватило значительное беспокойство: «В лагере появилось новое лицо, да еще и женского пола. За наше двухлетнее пребывание мы видим подобное второй раз [за год до этого лагерь посещала еще одна комиссия — О.Н.]». Все офицеры «перед ее приходом привели себя в порядок». Показательными являются также отклики на визит: один из старших офицеров отмечал, что после разговора с сестрой «почувствовал себя на 30 лет моложе». Его более молодой сослуживец в романтическом порыве посвятил уехавшей генеральше Ключевой (жене своего корпусного командира) целую поэму¹⁶⁹. Сходное описание присутствует и у Успенского: «Тусклая монотонная жизнь нашего лагеря была неожиданно, как лучом солнца, освещена посещением русской сестры милосердия... Восторженно, с цветами в руках мы встретили эту даму. Ведь это была первая женщина, переступившая порог нашего заключения!... Шутки и веселый смех впервые искренне и беззаботно зазвучали среди нас...»¹⁷⁰

Тема противоположного пола нашла свое устойчивое выражение в лагерном фольклоре. Ее расцвет пришелся на период перед от-

168 Barch-MA, MSg 200/730, Doeberitz-Gazette, Nr. 2, 3.

169 См.: SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7081, Lager Koenigstein, 18.10.1916.

170 Успенский А.А. В плену.

правкой на родину, когда военнопленные были охвачены не только нетерпением, но и страхом перед возвращением к мирной жизни. Газета «Сквозняк» попыталась инициировать на своих страницах обсуждение перспектив возвращения домой и будущее общение пленных, особенно холостых, с женским полом: «По слухам, в России образовалась «Лига молодых девушек», участницы которой отказываются выходить замуж за военнопленных. Как быть? Редакция ставит этот вопрос товарищам и просит их присылать свои мнения и советы для того, чтобы общими усилиями предотвратить грозящую беду. Торопитесь! Поможем несчастным холостякам»¹⁷¹.

Распространенность разговоров о женщинах среди репатрируемых отмечал возвращавшийся с ними в Россию В.Б. Шкловский. По его словам, в поезде бывшие пленные часто рассказывали друг другу истории о существовании в Киеве публичных домов, «где прислуживают сестры в белых халатах, а пришедших сперва моют». Автор признавал, что это были не циничные шутки, а «просто мечта о хорошем чистом публичном доме». При этом сами рассказчики искренне верили в свое повествование, искали эти дома по всему Киеву и выпытывали друг у друга адрес¹⁷².

Другая распространенная среди пленных байка была порождена лагерными слухами об излишней свободе немцев в России и их отношениях с русскими женщинами. Согласно одному из вариантов рассказа, пленный, едущий в Россию, встретил на станции свою жену, отправившуюся с венгерцем [в других случаях австрийцем или немцем — О.Н.] к нему на родину. «Солдат сперва снимает с венгерца золотые часы — образ явно эпический, потом раздевает его, снимает с него нарядное платье, потом отбирает сундуки и, наконец, убивает, а жену везет в Россию, говоря спутникам: „У нее допытаюсь, кому что продала, а потом убью!“». Шкловский добавляет, что этот рассказ скорее всего был сложен еще в лагерях, так как цены на проданное женщиной добро соответствовали довоенному уровню¹⁷³. Менее литературный вариант этого фольклорного произведения был помещен в омской газете «Заря»: «Возвращающийся из Германии эшелон

171 Сквозняк. 1917. № 3.

172 Шкловский В. Сентиментальное путешествие. — М., 1990. С. 176–177.

173 Там же. С. 177.

с пленными встретился на станции с эшеломом, везущим немцев. Один из русских увидел с немцем свою жену, началась драка, отбили женщину. «До первого места доехать бы только — в прорубь брошу». Как они поладили, неизвестно»¹⁷⁴.

III.4. «НЕ ДРУЗЬЯ, НО СОЮЗНИКИ»: ¹⁷⁵ ВЗАИМОТНОШЕНИЯ С ВОЕННОПЛЕННЫМИ ЗАПАДНЫХ СТРАН АНТАНТЫ

Неспособность русских политических институтов обеспечить моральную подготовку населения империи к войне обусловила отсутствие в обществе четкого представления как о противнике, так и о союзниках. Только после начала военных действий в прессе и публицистике начали предприниматься разрозненные попытки легитимации образа Антанты. Одним из способов создать представление о равноправном боевом товариществе наций стала идеализация взаимоотношений пленных союзников в немецких лагерях. В публикациях говорилось о взаимовыручке и совместном противостоянии лагерной администрации¹⁷⁶. Однако даже пропагандистские сообщения отражали неоднозначность ситуации. К примеру, «Русский инвалид», описывавший «радость, испытанную французами при встрече с пленными русскими», невольно раскрывал неравное положение двух национальных групп: «Последние ... старались им угодить, принимая на себя работы по уборке помещений, носке воды

174 Заря. 1919. 4 февр.

175 По свидетельству коменданта лагеря Ингольштадт Й.Петера, именно так один из французов обосновал свой отказ работать вместе с русскими военнопленными. См.: *Peter J. Ein deutsches Gefangenelager*. S. 326–327.

176 См., например: *Якушев Д.* В плену у немцев. Письма и рассказы русских военнопленных. Пг., 1916. С. 18; *Тасин Н.* Русские в германском плену // Современный мир. 1916. № 7–8. С. 102–126; *Русский инвалид*. 1915. 6 янв.; *Русские ведомости*. 1915. 1 окт.; *Юридический вестник*. 1915. № 4. С. 145; *Киевский местный отдел помощи русским военнопленным. Обращение к населению и общественным организациям и учреждениям принять участие в помощи русским военнопленным.* — Киев, 1915.

и другие повинности, налагаемые немцами на пленных». В рассказе подчеркивалась негативная роль немецкой стороны и добровольный характер поступков русских солдат¹⁷⁷. В изданиях же общественных организаций более открыто говорилось о том, что плохое обеспечение вынуждает русских военнопленных попрошайничать и наниматься за еду в услужение союзникам¹⁷⁸.

Современные исследования, затрагивающие тему межнациональных отношений в немецких лагерях, отражают факт существования «иерархии голода» или «двухклассового» лагерного общества. К привилегированным группам они относят французов, англичан и бельгийцев, которые получали объемную помощь от государственных и общественных благотворительных институтов, соответственно к непривилегированным — представителей восточноевропейских стран и итальянцев, лишенных своими правительствами весомой материальной и политической поддержки. Палитра исследовательских оценок достаточно широка. У. Хинц утверждает, что наряду с открытой демонстрацией западными союзниками своего превосходства по отношению к необеспеченным товарищам по лагерю встречались факты проявления сочувствия и устройства благотворительных акций¹⁷⁹. Р. Нахтигаль более категорично заявляет, что французы и англичане равнодушно относились к голодающим русским и даже пытались на этом нажиться¹⁸⁰. Тем не менее, оба автора в качестве ключевого фактора формирования межнациональных контактов в лагерях определяют разницу обеспечения.

Констатация данного факта не дает ответа на вопрос, почему французы и англичане добровольно делились излишками с итальянцами, нанимая русских в качестве obsługi. Кроме того, подобный ракурс не отражает всего многообразия повседневных контактов в плену и динамики их развития. Как представляется, значительную

177 Русский инвалид. 1915. 6 янв.

178 См.: Русские ведомости. 1915. 1 окт.; Юридический вестник. 1915. № 4. С. 145; Киевский местный отдел помощи русским военнопленным. Обращение к населению и общественным организациям и учреждениям принять участие в помощи русским военнопленным. — Киев, 1915.

179 *Hinz U. Gefangen im Grossen Krieg. S. 226.*

180 *Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront. S. 52.*

роль в формировании отношений в лагерях играли традиционные стереотипы западноевропейцев по отношению к жителям Российской империи, активное вмешательство немецкой стороны, а также сама ситуация принудительного совместного существования.

Хаос «импровизационной фазы» развития системы немецких лагерей отразился на частой смене концепций размещения пленных различных наций. Первоначально, согласно секретному распоряжению отдела полевой железной дороги от 13 августа 1914 г., военнопленных русских, бельгийцев, французов и англичан предполагалось разместить в лагерях по национальному признаку при соблюдении разделения на солдат и офицеров¹⁸¹. В связи с началом английской морской блокады и высокой эпидемической опасностью в лагерях в середине сентября того же года в ПВМ обсуждалась возможность перевода русских военнопленных на оккупированные территории Франции и Бельгии, а представителей западных стран — в лагерь русской Польши¹⁸². Подобный вариант размещения рассматривался как карантинно-дисциплинарное мероприятие, способное избавить территорию империи от лишних едоков, обезопасить мирное население, а также максимально затруднить пленным организацию побегов.

Однако уже с конца сентября 1914 г. немецкое военное командование, озабоченное судьбой собственных подданных в странах Антанты, стало рассматривать систему содержания вражеских пленников как способ политического давления на противника. В соответствии с новым видением вопроса была изменен и принцип наполнения лагерей: отныне его основой становилось целенаправленное смешение представителей различных наций и народностей. Несмотря на возникшие организационные и дисциплинарные трудности, ПВМ настойчиво убеждало комендатуры в необходимости скорейшей реализации данного шага и торопило с обменом крупными партиями военнопленных между лагерями¹⁸³.

181 SaechsHSta, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 142, Feldeisenbahn, 13.8.1914.

182 SaechsHSta, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 142, Besprechung im PKMIN, 18.9.1914.

183 BayHSta, M Kr. Nr. 1633, PKMIN, 16.11.1914. Mischung von Kriegsgefangenen bei ihrer Unterbringung; Nr. 1634, PKMIN, 13.1.1915.

Немаловажной целью совместного размещения являлось стремление поссорить союзников хотя бы в пределах лагерей. Данное устремление подкреплялось активной антианглийской и антифранцузской пропагандой в изданиях для русских военнопленных¹⁸⁴. На местах ситуацию усложняло неравное восприятие военнопленных немецкими комендантами, ставившими англичан и французов на более высокую ступень и пренебрежительно относившимися к русским. Данная позиция ярко проявляется в отчете генерала Й. Петера. Строгое соблюдение русскими офицерами этикета воспринималось им как «ревностное стремление выдать себя за представителей культурного народа и копирование французов, что в их исполнении выглядело комично». Кроме того, комендант крупнейшего смешанного лагеря в Германии был убежден, что безынициативных от природы русских на нарушения режима провоцировали именно предприимчивые французы, ставшие для первых «учителями во многих вещах»¹⁸⁵. В этом же духе высказывались сотрудники инспекции саксонских лагерей, считавшие, что инициатива стачек на производстве могла принадлежать только военнопленным западных держав, превратившим русских в послушное орудие¹⁸⁶.

Совместное содержание военнопленных-союзников в одном лагере не привело к возникновению гомогенного интернационального общества. В силу языковых и культурных барьеров военнопленные замыкались исключительно в рамках национальных групп, которые, особенно в солдатских лагерях, практически не стремились к общению друг с другом. Позицию представителей западноевропейских стран по отношению к выходцам из Российской империи в значительной степени определяли традиционные стереотипы и предубеждения. Французы открыто высказывали свое нежелание делить с русскими жилые комнаты, ссылаясь на их природную нечистоплотность¹⁸⁷. Кро-

184 См., например: Русский вестник. 1917. 2 нояб.; 1918. 8 окт; и др.

185 Peter J. Ein deutsches Gefangenenlager. S. 335. Подобная позиция отражена также в итоговых отчетах комендатур и инспекций. См.: HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 9, Bericht Kommandantur Eglosheim.

186 См.: SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 587.

187 Berichte des Herren C. de Marval und der Herren A. Eugster und C. de Marval ueber ihre gemeinsamen Besuche einiger Kriegsgefangenenlager in Deutschland und Frankreich. Basel, 1915. S. 58.

ме того, они постоянно жаловались в комендатуру, что при работе русской смены на кухне еда всегда бывает грязная¹⁸⁸. Рядовые лагеря Сольтау вспоминали, что они не только охотно пользовались услугами русских, но и однажды отдали одному из них испорченные консервы, объяснив не понимавшему чужого языка солдату, что их нужно выбросить. Далее в тексте следовало равнодушное замечание, что «этого парня больше никто не видел»¹⁸⁹. Англичане, в свою очередь, неохотно шли на контакт не только с русскими, но даже с французами¹⁹⁰.

Несмотря на навязываемую им обстановку и товарищами по лагерю ситуацию, русские пленные не всегда беспрекословно ее принимали. В письмах домой наряду с простодушным восхищением беззаботностью и предприимчивостью французов звучало «разочарование этой нацией»¹⁹¹. Вопросы материального обеспечения оказывали негативное влияние на настрой русских солдат по отношению к пленным союзникам. Шведские делегаты во время визита в лагеря зафиксировали «горькую иронию» в словах русских военнопленных в ответ на сообщение об отсутствии продуктовых пакетов в качестве подарков: «К французам никогда не приезжают Комиссии, но они получают все необходимое в изобилии, а мы, русские, принимаем посетителей, но никогда не получаем ничего нужного»¹⁹². Тема напряженных отношений с соседями по лагерю отразилась и в фольклоре пленных:

...Союзникам веселье,
 Союзникам почет,
 В Швейцарью поездами
 Француз с англишем прет...
 А русский серый воин
 На месте точно врос.

188 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 159. Aussagen franzoesischer Kriegsgefangenen. 12.1915.

189 Цит. по: *Otte K.* Lager Soltau. S. 200.

190 *Bauer G.* u.a. Unfreiwillig in Brandenburg. S. 19.

191 SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 620, Aus dem Brief eines russischen Oberleutnanten, 13.11.1915.

192 ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 10, л. 56. Обращение делегатов Швеции в РОКК. 30.08.1918.

Сердечко у бедняги
Кручиной занялось...¹⁹³

Ощущение несправедливости и обида на собственное правительство, усиленные немецкой агитацией, выливались в критику не только товарищей по лагерю, но и внешнеполитической линии западноевропейских правительств в целом: «Вы знаете, сколько битв выиграла Франция? нам русским военнопленным кажется, что ни одной. И тем не менее, французы получают больше, чем русские военнопленные, в то время как Россия выиграла много битв. Когда мы видим, что едят французские и английские военнопленные — так не питается король Бельгии или Сербии, а русские должны еще мыть за ними чашки. Англичане и французы подбивают Россию на продолжение войны. Когда мы видим, что в России ничего нет, а во Франции и Англии всего много, — пусть они сами сражаются с немцами. Они хотят завладеть всей Европой, но они этого не получают»¹⁹⁴. Некоторые прибегали и к настоящей мести, донося в комендатуру о дисциплинарных нарушениях со стороны французов или о якобы готовящихся ими акциях саботажа¹⁹⁵. Нередко к напряженной ситуации добавлялись бытовые противоречия. Комендантам приходилось по собственной инициативе разводить русских и французских военнопленных в разные зоны лагеря, чтобы прекратить постоянные столкновения¹⁹⁶. В баварском лагере Лехфельд состоялась кровопролитная битва между русскими и итальянцами¹⁹⁷.

В офицерских лагерях более прозрачная языковая граница увеличивала спектр возможных контактов. Структура самоуправления здесь подразумевала частые взаимодействия старших по званию, регулярно составлявших совместные сообщения в комендатуру с целью

¹⁹³ Сквозняк. 1917. № 2.

¹⁹⁴ SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6954.

¹⁹⁵ HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 906, Kommandantur Muensingen, Juni 1917; Bue 912, Lager Muensingen, 27.06.1917.

¹⁹⁶ HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 5, Kommandantur Ulm, 6.3.1915.

¹⁹⁷ К сожалению, в источниках и литературе не указываются ее причины. См.: *Vogel R. Lager Lechfeld — ein Truppenstandort im Wandel der Zeit. Augsburg, 1974. S. 467.*

улучшения лагерной жизни¹⁹⁸. Среди офицеров в плену продолжал действовать традиционный этос поведения по отношению к представителям военной элиты чужого государства. Французский полковник в лагере Крефельд принял решение не придавать огласке случай воровства со стороны русского офицера, с одной стороны, чтобы избежать вмешательства немецкой стороны, с другой — так как это не укладывалось в его представление об офицерском поведении. С его точки зрения, более логичным было предположить у подозреваемого kleptomанию¹⁹⁹. Как свидетельствуют протоколы судебных процессов, русские и французские офицеры активно помогали друг другу в подготовке побегов. К примеру, генерал Петер с восхищением вспоминал попытку бегства «в высоком стиле» в форте Орфф, которую в 1916 г. совершили 34 французских и 4 русских военнопленных²⁰⁰.

Однако лагерная администрация далеко не всегда воспринималась в качестве общего врага, перед лицом которого нужно было проявлять союзническую солидарность. Французы, к примеру, немедленно апеллировали к комендатуре в случае возникновения бытовых недоразумений, укладывавшихся в стереотипные представления о непреодолимом русском пьянстве²⁰¹. Иногда бытовые конфликты, возникавшие на почве устойчивых предубеждений, превращались в национальное противостояние между военнопленными, где союзником одной из сторон становилась немецкая комендатура. В офицерском лагере Виза французы, ссылаясь на извечную русскую нечистоплотность, потребовали от коменданта выделить им отдельную уборную. Вывеска «Туалет только для французских офицеров, русским вход воспрещен» была воспринята последними как оскорбление и сорвана, несмотря на угрозы со стороны лагерной администрации. Лишение вина, курения и прогулок для всех заключенных лагеря побудило русских объявить голодовку. Французы не присоединились к данной акции, за что были вознаграждены отменой для них всех ог-

198 SaechsHSta, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr.6974, PKMIN, 7.3.1916.

199 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 59, л. 1–8. Протоколы заседаний суда чести в лагере военнопленных офицеров Крефельд.

200 См.: *Peter J. Ein deutsches Gefangenenlager*. S. 352.

201 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 56, л. 1, 10. Протоколы заседаний суда чести в лагере военнопленных офицеров Крефельд.

раничений. Они отказались подписать жалобу русских офицеров в испанское посольство на «огульные» меры комендатуры, более того, при расследовании с участием представителя нейтральной державы дали показания в пользу немецкой администрации²⁰².

Чаще всего контакты между пленными разных наций возникали на почве лагерного творчества, так как все группы были заинтересованы разнообразить монотонность плена, в том числе за счет возможности лицезреть проявления чуждой и экзотичной культуры. Практически во всех смешанных лагерях существовали интернациональные театральные труппы и оркестры. При планировании спектаклей или концертов на всех языках лагеря составлялась программа, объяснявшая краткое содержание постановки. Ежегодно организовывались совместные празднования рождества²⁰³. В лагере Деберлиц союзники выпускали общую газету, которая, тем не менее, состояла из не связанных содержанием или совместным авторством разделов.

После Февральской революции в России к существовавшим национальным и культурным барьерам между военнопленными Антанты добавилось политическое противостояние, причиной которого стала активизация слухов о заключении сепаратного мира на Восточном фронте. В некоторых лагерях это привело к значительному охлаждению и без того непростых отношений: французы и англичане перестали делиться излишками продуктов даже в качестве вознаграждения за мелкие услуги. Русские, в свою очередь, наотрез отказывались с ними общаться²⁰⁴. Бывших союзников обвиняли в затягивании войны в ущерб России: «Дай нам бог мира. Только Англия остается неприступной, но это неудивительно. Чужая кровь для них ничего не значит... если мы освободимся от врагов, что мы будем де-

202 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6972, Kommandantur Wiesa, 18.3.1916.

203 Barch, R 1508/ 1811, Lager Guestrow, September 1918; Lager Friedrichsfeld, 20.11.1916; Lager Altengrabow, 22.10.1918; Lager Koenigstein, 2.1.1916.

204 См.: ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 10, л. 56. Отчет делегата Шведского Красного Креста о посещении лагерей; SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7071; BayHStA, M Kr., Nr. 1687, Kommandantur Grafenwoehr, 3.5.1917.

латя с друзьями? Они хуже врагов пытаются заполучить Россию»²⁰⁵. Раскол не минул даже оплот интернациональной дружбы — IX форт лагеря Ингольштадт. Здесь русский офицер во время проверки демонстративно обнял немецкого фельдфебеля со словами: «Мы скоро будем братьями. Я не люблю французских офицеров, а Германия велика, и наша императрица — тоже немка»²⁰⁶.

Приход к власти большевиков и заключение сепаратного перемирия на Восточном фронте еще более накалили обстановку в смешанных лагерях. Этот конфликт планировало использовать германское командование. В ситуации ноябрьского хаоса 1918 г., опасаясь разбоя со стороны неконтролируемой массы русских военнопленных и репрессий Антанты в случаях усиления лагерной охраны, армейское командование в округе Метц предложило перевести в лагерь с русскими вооруженных французских военнопленных для замены ими демобилизованного немецкого персонала²⁰⁷.

Конфликтный опыт сосуществования с представителями союзных государств отразился и в опубликованных в послевоенный период воспоминаниях бывших пленных. Подразумеваемое представителями белых армий предательство их дела странами Антанты в годы Гражданской войны и формируемые в Советской России образы врага обусловили схожесть образцов толкования как с той, так и с другой стороны. В мемуарах, вышедших в свет в эмиграции, отмечалось, что «различия в жизненном укладе и еде не могли не оставить следа. „Оборотистые“ французы не замедлили превратить свое относительное благополучие в предмет наживы и продавали излишки с аукционов»²⁰⁸. В советском варианте эта точка зрения оформлялась соответствующей риторикой: «Уже с лета 1915 г. пленные делились на две совершенно противоположные группы: имущих и неимущих, буржуев и пролетариев. Под буржуями подразумевались французы, англичане и бельгийцы, а под неимущими — русские»²⁰⁹.

205 SaechsHStA, 11352. Stell. GKgo, Nr. 575, Ausschnitte aus der Briefen russischer Offiziere. См. также: Sergeev E. Kriegsgefangenschaft und Mentalitaeten. S. 362.

206 BayHStA, M Kr., Nr. 1687, Kommandantur Ingolstadt, 5.5.1917.

207 HStA Stuttgart, M 33/2, Bue 495, Telegramm Gouvernement Metz, 11.11.1918.

208 Георгиевич М. Свет и тени. С. 15.

209 Кириш Ю. Под сапогом Вильгельма. С. 57.

Резюме

Международные соглашения, политика немецких ведомств в лагерях и стремление пленных приспособиться к ситуации инициировали процессы интенсивной дифференциации внутри принудительно созданного сообщества. К привилегированным категориям, вознагражденным лучшими условиями содержания, относились «доверенные лица» комендатур, переводчики, представители пропагандируемых национальных меньшинств и корреспонденты агитационных газет. При этом жизнь коллаборационистов существенно осложнялась преследованиями со стороны товарищей по лагерю. К неформальной элите, возникшей в среде самих пленных, принадлежали лагерные ремесленники, торговцы, врачи, представители самоуправления и творческих профессий. Свидетельства о совместном существовании столь разнопланового сообщества русских пленных подтверждает тезис об отсутствии идиллии лагерного товарищества. Напротив, принудительное общежитие изобиловало бытовыми, национальными и политическими конфликтами. Вопреки закрепившемуся в мемуарах и исследованиях образу контакты между пленными солдатами и офицерами долгое время сохраняли свой патерналистский характер. Их постепенная трансформация началась под интенсивным влиянием политических событий в России, завершившись уже в условиях советской действительности восприятием классово-риторической.

Вехой в развитии лагерного самоуправления, возникшего по инициативе немецкой стороны, стала Октябрьская революция в России. Отличительными признаками двух этапов являлись состав комитетов, пространство их действия и характер взаимоотношений с немецкой стороной и пленным сообществом. В первый период поставленные во главе органов самоуправления врачи и священники стремились облегчить положение своих подопечных и организовать лагерный досуг. Сменившие их солдаты и вольноопределяющиеся, которые действовали в условиях политизации массы пленных и мощного давления со стороны советского представительства в Берлине, концентрировали свои усилия на организации отправки и политической пропаганде. Расширение компетенции комитетчиков привело к возникновению многочисленных конфликтов с лагерной администрацией, Советским бюро и пленными соотечес-

твенниками. Особой сферой самоорганизации в лагерях стала творческая жизнь, нашедшая проявление в деятельности любительских театров, оркестров и праздничных мероприятиях. Их основной целью стало скрашивание монотонности плена и компенсация утраченных вместе со свободой возможностей досуга.

Одним из важных факторов существования лагерного сообщества стало ограничение или почти полное отсутствие контактов с противоположным полом. Процесс демаскулинизации пленных в наибольшей степени проявился в практически изолированных от внешнего мира офицерских лагерях. Для солдат нехватка общения с женщинами компенсировалась на начальном этапе необходимостью повседневного выживания, позже — привлечением к труду в немецком хозяйстве, где они получили возможность контактировать с немецкими женщинами. Тем не менее, образ противоположного пола регулярно присутствовал в разговорах, публикациях и различных проявлениях лагерной культуры. Факторами смягчения сексуального голодания выступили (псевдо)гомосексуальные отношения, графические проекции, театральные спектакли, посещения лагерей русскими сестрами милосердия. Значение «женской темы» возросло в связи с ожиданиями и опасениями перед возвращением на родину.

Одним из важнейших различий опыта немецкого и австрийского плена являлось совместное содержание русских военнопленных в Германии с представителями западноевропейских стран. Немецкая политика намеренного смешения в одном лагере солдат и офицеров разных наций привела к актуализации устойчивых стереотипов и возникновению многочисленных конфликтов между «союзниками». Языковые барьеры и разница обеспечения определили линии размежевания в солдатских лагерях. Большая степень солидарности и совместная организация досуга в офицерском интернациональном сообществе стали жертвой бытовых противоречий в плену и политических событий на родине.

глава IV Переработка переживаний, образцы толкования и поведенческие практики

Важнейшей частью процесса обучения стало приспособление рядовых и офицеров к условиям плена через поиск подходящих норм и образцов поведения. Быстрота выработки поведенческих моделей и их разнообразие в солдатской массе зависели от времени пленения и последующего места пребывания. Первая волна пленных, совпавшая с «фазой импровизации» в развитии немецкой лагерной системы, была вынуждена приспособляться к организационному хаосу, жестокому обращению охраны и катастрофическим переживаниям эпидемий тифа и холеры. Попавшие к противнику в более поздний период становились частью отлаженного механизма и могли перенимать опыт заключенных, находившихся в плену длительное время. С другой стороны, им было сложнее найти свое место в уже сформировавшейся лагерной иерархии. В свою очередь, стратегии приспособления работников промышленных или сельских команд значительно отличались от поведенческих практик, распространенных среди постоянных жителей основных лагерей.

IV.1. СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ: АДАПТАЦИЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ

Высокий уровень адаптивности рядовых царской армии иллюстрируется на примере образцов поведения, сложившихся еще до попадания к противнику. Их ос-

новой стала развернутая русским военным командованием пропагандистская кампания, направленная на ужесточение образа врага и создание негативных представлений об условиях плена. Под ее влиянием казаки, с которыми, по представлению прессы, противник обходился особенно жестоко, в случае неминуемой (или планируемой) сдачи остригали чубы и срывали лампасы, чтобы избежать издевательств и расстрела¹. Представители гвардии в аналогичных ситуациях стремились избавиться от знаков отличия своих частей². Распространенное в России мнение о том, что в Германии заканчивается продовольствие, а местные жители и пленные в лагерях находятся на грани голодной смерти, заставляло солдат еще на линии фронта до транспортировки в лагерь запастись хотя бы небольшим количеством продуктов. Немецкое командование отмечало, что «многие русские после сдачи в плен сразу жаловались, что несколько дней не ели, имея при этом внешний вид очень хороший, ...чтобы вызвать чувство сожаления»³. Кроме того, у многих солдат при обыске после пленения находили за пазухой запасы хлеба⁴.

БЕГСТВО ОТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, ПАССИВНОЕ И АКТИВНОЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЕ

Не всем пленным удавалось преодолеть «шок приема» в лагерь, вызванный транспортировкой, жестоким обращением, процедурой дезинфекции и последующей жизнью в деперсонализированном про-

1 Немецкие ведомственные источники не содержат упоминания о жестоком обращении с пленными казаками. См.: *Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront. S. 27.* Интерпретацию субъективных и пропагандистских источников см. в разделе IV. 4.

2 РГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1020, л. 1, 38. Протоколы допросов солдат, бежавших из плена, 1915 г. Предписания Прусского военного министерства также подтверждают, что у русских при попадании в плен отсутствовали погоны и знаки отличия. См.: *Das Werk des Untersuchungsausschusses. Bd. 3. Hbd.1. S. 871.*

3 *Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России.* — М., 1999. С. 261.

4 См.: *Нарский И.В. «Я как стал среди войны жить, так и стала мне война, что дом родной...». Фронтвой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России / Под ред. И.В. Нарского.* — Челябинск, 2007. С. 491

странстве. Одной из форм ухода от экстремальной ситуации стало употребление алкоголя, равно распространенное среди солдат и офицеров. Столкнувшись с ограничением или полным запретом на спиртные напитки со стороны немецкого командования, пленные начали разными путями доставлять в лагерь самогон или употреблять присылаемую родственниками парфюмерию и денатураты. Пьянство стало настолько массовым явлением, что вызывало частые конфликты не только с администрацией лагеря, но даже с соотечественниками и пленными союзниками, поэтому к борьбе с ним пришлось присоединиться лагерным комитетам⁵.

Безнадежность ситуации, вынужденная пассивность, отсутствие должного медицинского ухода и плохое питание приводили к душевным расстройствам и попыткам суицида. По безусловно заниженным данным немецкой статистики за годы плена 453 русских пленных покончили с собой, в их числе 13 офицеров и 440 солдат⁶. Количество самоубийств резко возрастало в периоды массовых эпидемий, когда безнадежно больные бросались на проволочные заграждения и погибали под пулями часовых⁷. Один из пленных врачей, досрочно вернувшийся в Россию, вспоминал, что на его вопрос о причине угнетенного состояния солдаты часто отвечали: «До песочка хочется, Ваше Высокоблагородие»⁸. Поводом для самоубийства становились тяжелые условия работы или плохое отношение охраны. Источники свидетельствуют, что военнопленные, особенно работавшие на фронте, провоцировали немецких солдат на применение оружия и с облегчением принимали смерть⁹.

Способом ухода от действительности и одновременно средством ее упорядочивания для пленных стало курение. Несмотря на дороговизну, частые запреты и дефицит табака в лагерях, отказаться

5 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7073, Kommandantur Chemnitz, 11.6.1919.

6 Doegen W. Kriegsgefangene. S. 56.

7 См.: ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 33, л. 123. Комитет лагеря Нойгаммер. 1920 г.; РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 817, л. 4. Мартынов М. «В цепях реакции»; HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 22, Infektionslazarett Ulm, 27.9.1918.

8 Жданов Н. Русские военнопленные. С. 161.

9 HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 22, Kommandantur Ulm, 18.9.1918.

ся от его употребления многие были не в силах именно по психологическим причинам: «слишком приподняты нервы и слаба воля»¹⁰. Наиболее заядлые курильщики продавали за табак свои порции хлеба и питались, как шутили товарищи, «дымом»¹¹. Курение превратилось также в способ организации досуга, который на фоне спортивной и культурной активности французов выглядел для немецкой стороны проявлением меланхолического национального характера: «Русские молча прислонялись к стене барачков или садились на пол, курили свои трубки и грели спины на солнце... безмолвно, без единого слова»¹².

Для основной массы пленных постепенная нормализация обстановки в лагерях, привлечение к работам и осознание длительности войны способствовали восприятию сложившейся ситуации как нормальной, что выразилось в различных формах кооперации и сотрудничества с администрацией лагеря или хозяевами на работах. Многие солдаты, размещенные в сельской местности, настолько вживались в обстановку, что не нуждались в охране. Немецкие газеты регулярно публиковали похвальные оценки русских военнопленных, добровольно оказавших содействие властям в тушении пожаров в жилых домах и на производстве и даже рисковавших жизнью при спасении немцев. Особо отличившиеся получали денежное вознаграждение и представлялись положительным примером для своих товарищей¹³.

Мизерный объем материальной помощи из России побудил пленных писать многочисленные прошения и рассылать их по всем известным адресам. Часто обращения из одного лагеря были написаны не только в одном стиле, но и одной рукой, что позволяет предположить наличие «специалиста», обладавшего каллиграфическим почерком и особым талантом составлять грамотные, вызывающие сочувствие формулировки. Заграничным комитетам пришлось рассылать в российские общественные организации особую инструк-

10 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 110, л. 104. Комитет лагеря Штаргардт. 1920 г.; РГВИА, ф. 14928, оп. 1, д. 2, л. 8. Письмо капитана И. Березовского, лагерь Майнц. 1917 г.

11 ГАРФ, ф. 6169, оп. 1, д. 72, л. 18. Комитет лагеря Тухель. 1917 г.

12 *Peter J. Ein deutsches Gefangenenlager. S. 324.*

13 См.: SaechsHSta, 11352, Stellv. GKdo, Nr. 640, Kommandantur Chemnitz, 24.7.1917.

цию с предупреждением не отправлять посылок по неизвестному жертвователю адресу. «Пишут во все концы и просят обыкновенно не самые нуждающиеся, а самые бойкие и пронырливые». Некоторым пленным удавалось наладить контакт одновременно с несколькими комитетами и получать «до 10 посылок в день, в обиду и ущерб ничего не имеющим»¹⁴. Даже в большевистский комитет в Женеве, занимавшийся исключительно пропагандой, постоянно поступали запросы на имя «Вашего Высокоблагородия ...выслать съестных припасов»¹⁵.

Обязательной составляющей таких посланий было сравнение с пленными других национальностей или лагерей, которые, якобы, получали больше помощи извне¹⁶. В 1920 г. военнопленные стали требовать от советского представительства и германского демобилизационного управления уравнивания своего пайка с содержанием интернированных красноармейцев¹⁷. Распространение известий о программе вербовки в Германии местных специалистов с их последующей транспортировкой в Россию вызвало энергичный протест пленных и требование срочно отправить их домой или выдать денежное пособие¹⁸. При написании прошений о помощи военнопленные апеллировали к привычным авторитетам: многие из них продолжали писать на высочайшее имя даже после поступления в лагерь известий о свержении монархии в России¹⁹. В запросах не выдерживалась строгая идеологическая линия. Письма с жалобами на тяжелое положение и требования помощи из одного лагеря рас-

14 См.: ГАРФ, ф. 6169, оп. 1, д. 172, л. 7. Переписка лагерных комитетов и благотворительных организаций. 1917 г.; Вестник Красного Креста. 1916. № 1. С. 171.

15 См.: РГАСПИ, ф. 351, оп. 1, д. 180, л. 58. Письма военнопленных в КЗО. 1917 г.

16 См.: ГАРФ, ф. 3341, оп. 1, д. 215, л. 14. Комитет раздачи посылок лагеря Ра-штатт-Баден. 3.05.1917 г.; ф. 9491, оп. 1, д. 6, л. 3, 39; д. 33, л. 100. Прошения военнопленных в Советское бюро, 1920 г.; РГВИА, ф. 14928, оп. 1, д. 4, л. 27. Лагерный комитет Котбус-Зилов. 1917 г.

17 См.: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 110, л. 317. Переписка Советского бюро и лагерных комитетов. 1920 г.; ф. 9491, оп. 1, д. 11, л. 59. Германское демобилизационное ведомство. 18.6.1920.

18 Черноперов В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа. С. 241.

19 См.: ГАРФ, ф. 3341, оп. 1, д. 213, л. 8. Письмо военнопленного лагеря Саарбрюкен. 7.04.1917 г.

сылались представителям Советской России, контрреволюционных эмигрантских организаций, Антанты, германских благотворительных обществ, нейтральных бюро и комитетов²⁰. В обращениях к большевикам и антибольшевицким правительствам преобладал требовательный тон, в то время как в посланиях к представителям стран Антанты доминировали мольбы к «могучим союзникам», а пленные представлялись страдающими жертвами, не виновными «за ту гражданскую войну, которая сейчас идет в России»²¹.

Большая часть лагерного населения, не обладавшая деловой хваткой, старалась сохранить и преумножить свое имущество путем сокращения потребностей и накопления, не гнушаясь при этом подлогом и обманом. Получая денежную помощь от различных комитетов, военнопленные чаще всего отказывались от пожертвования ее на общие нужды (обеспечение школы, приобретение зубного кабинета), требуя выдачи на руки даже крохотных сумм²². Ради обладания книгами, являвшимися в лагерях признанной ценностью, в библиотеке назывались не соответствующие действительности имена и номера барачков²³. Комендатуры были завалены ложными заявлениями о пропаже одежды, которые писались в расчете на получение нового комплекта обмундирования, перепродаваемого товарищам или немецкому населению²⁴.

Настоящим бедствием в лагерях стало воровство, в котором, согласно результатам официальных судебных процессов, русские военнопленные превзошли представителей других стран²⁵. Пользуясь пра-

20 См.: Там же, ф. 9488, оп. 1, д. 110, л. 1-4. Переписка комитета лагеря Штаргардт с Советским бюро и генералом Потоцким. 1919 г.; РГВИА. ф. 14928, оп. 1, д. 19, л.8. Переписка МГК с военнопленным лагеря Пархим. 1917 г.

21 См.: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 110, л. 21. Переписка комитета лагеря Штаргардт и Межсоюзнической комиссии; д. 131, л. 1. Обращение военнопленных в Международное бюро труда в Женеве.

22 См.: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 108, л. 43, 54, 112. Распоряжения комитета лагеря Штаргардт по лагерю. 1919 г.

23 См.: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 36, л. 232. Комитет лагеря Кассель. 1920 г.

24 ГАРФ, ф.9488, оп. 1, д. 90, л. 26. Комитет лагеря Целле. 1919 г.; ф. 9491, оп. 1, д. 228, л. 9. Переписка Советского бюро с военнопленными. 1920 г.

25 См.: HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 22, Militaergericht der 52. Brigade, 1918; Kommandantur Ulm, 9.1.1919; Kriegsgericht Ludwigsburg, 10.1.1919; а также: *Doegen W. Kriegsgefangene Voelker*. S. 139.

вом на прогулки по окрестностям, они организовывали обширную торговлю предметами, похищенными из лагерных арсеналов²⁶. С пиететом относясь к собственному «кровью и потом заработанному» имуществу, солдаты в прямом смысле «разносили по бревнышку» лагерное оборудование. В качестве недостающего топлива для обогрева барачков в печах исчезали деревянный настил для пола и скудная мебель²⁷. Увоенные образцы поведения оставались актуальными даже после интернирования в нейтральной Дании, где русские военнопленные перед отправкой домой разграбили барак со старыми вещами²⁸.

Желание выжить и занять достойное место в лагерном сообществе вытесняло на задний план прежние моральные ценности и чувство товарищества. Случаи краж «у своих» происходили настолько часто, что пленные не могли оставлять собственные вещи в бараках и были вынуждены носить наиболее ценное с собой²⁹. Добытое преступным путем часто продавалось прямо на территории лагеря на импровизированных «толкучках»³⁰, где, особенно после окончания военных действий, можно было обменять или купить практически все. Помимо немецкого казенного имущества разворовывались вещи, принадлежавшие русским лагерным комитетам, перед отъездом на родину расхищались и лагерные библиотеки³¹. Эгоцентричный настрой пленных ярко иллюстрирует типичный случай: лежавший при смерти в лазарете рядовой продал костюм, выданный ему лагерным комитетом во временное пользование, а на вырученные деньги организовал себе последний роскошный ужин с белым хлебом и коньяком³².

26 См.: EstA. Fach 94. Akt 402, Abschrift Kommandatur des Gefangenenlagers Erlangen. 28.1.1920; Abschrift Polizeiwache Erlangen. 16.4.1920.

27 См.: HStA Stuttgart, M 17/1, Bue. 22. Wuerttembergische Zeitung, 5.5.1915; Bue.511, Kommandantur Gmuend, 20.7.1915; M 1/6, Bue 1193, PKMIN, 13.6.1916; M 77/2, Bue 92, Kommandantur Ulm; SaechsHStA, 11352, St. GKdo, Nr. 542, Kommandantur Doebeln, 25.8.1917.

28 См.: РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 812, л. 19. *Плигунов*. «Воспоминания военнопленного».

29 См.: РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 817, л. 14, 16. *Мартынов М.* «В цепях реакции»; и др.

30 См.: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 110, л. 82. Комитет лагеря Штаргардт. 1920 г.

31 См.: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 110, л. 12, 57, 69. Комитет лагеря Штаргардт. 1920 г.; д. 36, л. 37, 114. Комитет лагеря Заган. 1919 г.

32 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 110, л. 87. Комитет лагеря Штаргардт. 1920 г.

В стремлении уклониться от постоянного надзора комендантов и охраны военнопленные шли на скрытое и открытое сопротивление немецкой стороне: они отказывались наводить порядок в собственных бараках, нарушали запрет на игру в карты, халатно относились к работе по благоустройству лагеря³³. В более серьезных случаях подделывались подписи коменданта на удостоверении переводчика, которое обеспечивало более мягкий режим и сносный заработок; для получения возможности перехода в другой лагерь использовались самодельные повязки Красного Креста; для обхода контроля почтовой корреспонденции сводились на стекле подписи цензора³⁴.

Несмотря на постоянный контроль, угрозу гибели или последующего жестокого наказания, устойчивой нормой поведения стал побег из лагеря или рабочих команд. Общая численность неудавшихся, успешных и повторных попыток (107 391) превышала сходные «показатели» других наций³⁵. Обеспокоенные этим явлением немецкие военные органы разных уровней называли бегство военнопленных «массовым потоком»³⁶. Превентивные меры были направлены на усиление охраны границы, просвещение местного населения и ужесточение наказаний. Все они, однако, не достигали желаемого результата, и, несмотря на низкий процент удачных случаев и широкое оповещение пленных о гибели товарищей при побеге, попытки не прекратились и после начала массовой отправки на родину, более того — осуществлялись даже из лагерей, интернированных в Дании³⁷. Э. Абдрашитов отмечает психологическое

33 См.: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 36, л. 23. Комитет лагеря Заган. 1919 г.; РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 817, л. 14, 16. *Мартынов М.* «В цепях реакции».

34 См.: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 106, л. 119; ф. 9491, оп. 1, д. 56, л. 29. Комитет лагеря Альтдамм. 1922 г.; SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6962, Saechsisches Kriegsministerium, 22.9.1917.

35 См.: SaechsHStA, 11352, St. GKdo, Nr. 623, Stellv.GKdo des I. A.K., 28.10.1916, Flucht der Kriegsgefangenen unter Zuhilfnahme der Eisenbahnen; HStA Stuttgart, M 77/2, Bue 32, Erfahrungen der Abteilung II f des St. GKdo XIII. A.K.; а также: *Doegen W.* Kriegsgefangene. S. 28.

36 См.: HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 922, Generalstab, 3.10.1917; M 33/2, Bue 494, 7. Armee, 18.5.1918.

37 См.: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 90, л. 20. Комитет лагеря Целле. 1919 г.; д. 110, л. 195. Комитет лагеря Штаргардт. 1920 г.

значение побега для военнопленных как возможности несколько часов побыть свободным и изменить условия реальности по своему выбору³⁸.

Решение о побеге принималось не только под влиянием условий содержания и обращения охраны, определенную роль здесь играли ситуативные факторы: местонахождение и время года. Сезон «полетов» начинался весной и заканчивался с первыми холодами. Пребывание в прифронтовой зоне или в близких к границе регионах также стимулировало попытки побегов. Высокий процент бегства наблюдался среди приговоренных к отбыванию дисциплинарного или уголовного наказания³⁹. Решившиеся на побег пользовались малейшим недосмотром охраны: незарешеченным узким световым окном, незаятыми при обыске инструментами, моментом транспортировки в другой лагерь, переводом в менее охраняемые сельские команды⁴⁰. Массовые побеги были исключением, чаще всего пленные бежали парами, которые потом также разделялись в надежде, что одиночка привлечет к себе меньше внимания. Бежавшие старались по возможности обходить поселения и совершали переходы по ночам, отлеживаясь днем в лесу. Многие путешествовали в товарных вагонах, выбирая в качестве укрытия упаковки от габаритных предметов⁴¹. Распространение в лагерях информации о заключении между Германией и Австрией договоров о невозвращении беглых военнопленных и слухи о более мягком режиме на территории Австрией обуславливали выбор направления побега. Прежде всего, русские солдаты надеялись на помощь славянского населения при дальнейшем продвижении на родину⁴².

Часть беглецов, после того, как у них заканчивались продукты, добровольно сдавалась в руки немецкой полиции. Желая избежать наказания, они заявляли, что просто хотели сменить место работы

38 Абдраштов Э. О социальной ностальгии российских военнопленных. С. 133.

39 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6999, Kommandantur Bautzen, 1920.

40 SaechsHStA, 11356, Generalkommando des XII. R.K., Nr. 131, 20.6.1917.

41 SaechsHStA, 11352, St. GKdo, Nr.623, Stellv.GKdo des I. A.K., 28.10.1916, Flucht der Kriegsgefangenen unter Zuhilfenahme der Eisenbahnen.

42 HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 566, St. GKdo des XIII. A.K., April 1916.

или вернуться в основной лагерь, называли чужие фамилии и воинские части, либо, в случае близости фронта, скрывали свой статус и объявляли себя перебежчиками⁴³.

В офицерских лагерях побеги превратились из индивидуально-явления в своеобразный ритуал или таинство, главной чертой которого был заговор против комендатуры лагеря. Переведенные в штрафные лагеря беглецы разных наций со стажем обменивались картами, компасами и опытом предыдущих «полетов». Планирующие побег скрывали от комендатуры свое знание немецкого языка, накапливали необходимые суммы денег, симулировали болезненное состояние для перевода в отдаленный и менее охраняемый лазарет либо жаловались на отсутствие контакта с товарищами по оружию и просили перевести их в другой лагерь⁴⁴. В качестве удобного момента использовались разрешенные враждующими сторонами прогулки вне лагеря под честное слово. Не страшась угрозы смертной казни в случае поимки и, в отличие от французов и англичан, спокойно преступая этические соображения, русские офицеры подделывали подписи друг друга⁴⁵. Широкую известность получил совершенный подобным образом побег лейтенанта М. Тухачевского из форта IX лагеря Ингольштадт. Уважение союзников и охраны вызывали побеги русских офицеров из другой части этого же лагеря, когда в холодные осенние месяцы они переплывали заполненный водой ров⁴⁶.

Особые поведенческие нормы складывались среди военнопленных, привлеченных к принудительному труду. На протяжении войны немецкие органы сталкивались с упорным и массовым отказом русских солдат работать в прифронтовой зоне или на предприятиях по изготовлению предметов вооружения. Пленные ссылались на нежелание нарушать присягу, на международное право, запрещавшее подобное принуждение, в действительности опасаясь наказаний по

43 HStA Stuttgart, M 33/2, Bue. 491, Armeegruppe Gallwitz, 22.5.1915; M 77/1, Bue 922, Generalgouvernement Warschau, 26.7.1917; SaechsHStA, 11356, Generalkommando des XII. R.K., Nr. 131, 8.7.1917.

44 SaechsHStA, 11352, St. GKdo, Nr. 824, Kommandantur Doebeln, 26.9.1917.

45 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6971. PKMIN, 31.10.1917, Ehrenwortsabgabe der russischen Offiziere.

46 Peter J. Ein deutsches Gefangenenlager. S. 354.

возвращении на родину. Иногда в рабочих командах действительно находился унтер-офицер, записывавший имена согласившихся работать и угрожавший передать информацию в Россию. В этом случае сопротивление становилось непреодолимым: военнопленные заявляли, что предпочитают умереть на месте, чем навредить оставшимся на родине семьям. В ответ немецкие охранники и начальники команд пытались убеждать подчиненных либо, если события происходили в прифронтовой зоне, применяли физическое принуждение⁴⁷. Причиной оказания активного сопротивления часто становились языковые барьеры: непонимание военнопленными приказа воспринималось охранником как неподчинение, что влекло за собой принуждение с помощью штыка или огнестрельного оружия. Считавшие себя незаслуженно обиженными пленные в такой ситуации нередко нападали на работодателей или караульных⁴⁸. Источники содержат единичные упоминания о массовых забастовках в рабочих командах, поводом для которых становилось грубое обращение охранников со своими подчиненными. По предварительному сговору пленные прекращали работу и требовали прибытия контрольного офицера из лагеря. На увещевания и угрозы каждый в отдельности отвечал: «Если товарищи не будут работать, то и я не буду»⁴⁹. Уверенные в своей безнаказанности внутри анонимной массы солдаты осмеливались на провокации охраны: в одной из команд 300 человек после отбоя не только курили и играли в карты, но и отвечали на приказы караульного смехом и свистом⁵⁰.

Невозможно дать однозначный ответ на вопрос о частоте совершения русскими пленными акций саботажа на немецком производстве. В ходе затянувшейся войны и в ситуации недостаточного обеспечения тыла немецкие военные органы были вынуждены начать

47 SaechsHStA, 11356, Generalkommando des XII. R.K., Nr. 130, Generalquartiermeister, 7.7.1915; 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6908, Arbeitskommando Riesa, 8.8.1915; 11356, GKdo des XII. R.K., Nr. 130, Russen-Gefangenenlager St. Clement, 16.5.1915; 23. Reserve-Division, 14.12.1915; HStA Stuttgart, M 1/6, Bue 1423, PKMIN, 18.3.1916; BayHStA, M Kr., Nr. 1634, Kommandantur Grafenwoehr, 1.1.1915.

48 HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 22, Gerichtsurteil; Bue. 23, Gerichtsurteil, 1917

49 HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 23, Gerichtsurteil, 1917

50 См.: SaechsHStA, 11333, Oberkriegsgericht des XII. A.K., Nr. 3.

широкомасштабный перевод экономики на военные рельсы и максимально использовать ресурсы гражданского населения. Трудовая мобилизация подкреплялась мощной пропагандистской кампанией, одним из стержней которой стал поиск внутренней угрозы для морального единения тыла и фронта. Распределенные во всех отраслях и регионах военнопленные были представлены населению в качестве потенциальных организаторов подрывной деятельности. Борьба с «вредителями» достигла своего пика в 1917 г., когда под подозрение в нанесении вреда немецкому хозяйству попала масса невинных солдат: большинство судебных процессов прекращалось из-за недостатка доказательств⁵¹. Предварительные данные в работе В. Дегена указывают всего на 128 доказанных случаев саботажа, из которых 39 составляли поджоги⁵². В этой связи было бы неправомерно говорить об активной подрывной деятельности как о массовом явлении среди русских военнопленных. Скорее всего, повторные факты разрушения военнопленными машин и отравления домашних животных, а также собственные признания в порче урожая на том основании, что «Германия является врагом России», свидетельствуют об единичном характере нанесения преднамеренного вреда⁵³.

Пытаясь избежать тяжелой работы, особенно в шахтах и на промышленных предприятиях, солдаты изобретали различные способы симуляции болезней, не останавливаясь перед опасностью серьезно навредить своему здоровью. Пленные выливали на себя кипяток, курили пропитанные маслом сигареты для нагнетания температуры, привязывали на ночь к ногам сырой картофель, а к утру с жалобами на ревматизм показывали охране распухшие конечности. С помощью химических составов, используемых в производстве, они сти-

51 См.: BayStA, Stv. GenKdo I. A.K., Nr. 1407, PKMIN, Geheim, 30.7.1917, Abwehr in den Gefangenenlagern; SaechsHStA, 11352, St. GKdo, Nr. 850, Kommandantur Chemnitz, 13.12.1917.

52 См.: *Doegen W. Kriegsgefangene*. S. 139.

53 В случае доказательства факта саботажа военнопленные приговаривались к каторжным работам до 14 лет. См.: SaechsHStA, 11348, St. GKdo, Nr. 1633, Inspektionsgericht, 4.7.1917; HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 906, Gerichtsurteil, 28.7.1917; BayHStA, St. GKdo II. b. A.K., Nr. 275, Zementwerk, 27.11.1917; Generalstab, 1918.

мулировали нарушение работы желудка или сердца⁵⁴. В редких случаях солдаты решались на нанесение себе увечий, ведущих к полной потере работоспособности⁵⁵. После установления процедуры обмена инвалидов, получивших возможность еще в ходе войны вернуться домой, военнопленные шли, порой, на отчаянный шаг и перед осмотром брали в рот мокроту туберкулезного товарища, чтобы врачи при исследовании нашли желательные бактерии⁵⁶.

АКТИВИЗАЦИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Распространение в лагерях известий о подписании мирного договора и распоряжений ПВМ об облегчении условий содержания русских военнопленных, моральная и политическая поддержка со стороны большевистского правительства, обещавшего свое покровительство и скорое возвращение пленным на родину в качестве равноправных граждан новой страны, привели к распространению в солдатских лагерях массового сопротивления немецкой стороне. Основным поводом для конфликтов являлась задержка отправки на родину. Члены лагерных комитетов отмечали, что «масса заметно левела: перестала просить и начала требовать», отказываясь от работ и настаивая на уравнивании оплаты с германскими рабочими⁵⁷. По наблюдениям представителя МККК, именно после начала деятельности советского представительства среди пленных в лагерях участились волнения и столкновения с комендатурой⁵⁸. Солдаты требовали улучшения пайка, увеличения количества разрешений на выход из лагеря, отмены подсудности немецким законам и введения полного самоуправления. Работавшие на

54 См.: HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 911, St. GKdo des XIII. A.K., 13.10.1917; PKMIN, 16.11.1917, Vortauschung von Krankheiten durch Kriegs- und Zivilgefangene zur Erlangung des Austauschtes.

55 См.: HstA Stuttgart, M 77/1, Bue 911, Kommandantur Eglosheim, 16.3.1918.

56 См.: ГАРФ, ф. 3333, оп. 9, д. 33, л. 19. Заявление русских военнопленных, прибывших из Германии. 25.07.1918.

57 См.: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 90, л. 142. Комитет лагеря Целле. 1920 г.; РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 412, л. 35, *Копелович Я.Л.* «Записки пленного рядового 36 пехотного Орловского полка».

58 См.: ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 197, л. 99. Представительство МККК. 1920 г.

благоустройстве лагерей «как ныне свободные люди» отказывались выполнять свои прежние функции без оплаты или добавки к питанию⁵⁹. В ответ коменданты арестовывали подстрекателей, запрещали функционирование лагерной лавочки и прогулки вне лагеря⁶⁰.

Ситуация еще более усложнилась после начала революции в Германии. Многие военнопленные восприняли участие в местных событиях как своеобразную компенсацию невозможности повлиять на развитие ситуации у себя дома. Они не только превратились в активных рядовых деятелей революции⁶¹, но и мечтали собственными силами совершить переворот в нейтральной Дании⁶². В революционной неразберихе и ожидании отправки они начали продавать лагерное оборудование, наладив связи с немецкими частями, недавно вернувшимися с фронта⁶³. Большинство комитетов изготовили печати, с помощью которых пытались обеспечить себе свободный проезд, уход с места работы, внеплановый отпуск⁶⁴. Бессилие немецкой стороны, ограниченной в пространстве действий диктатором победителей, нашло свое отражение в жалобе коменданта лагеря Ульм: «После демилитаризации русские решили, что охрана несостоятельна. Они открыто высказывались, что комендант теперь гражданское лицо и не может им приказывать. Русская униформа с повязками военнопленных сменилась на одежду, добытую или сшитую ими самими. Опыт свидетельствует, что русские любую уступку вознаграждают наглостью, так как принимают ее за слабость»⁶⁵.

59 См.: SaechsHStA, 11352, St. GKdo, Nr. 644, Kommandantur Koenigsbrueeck, 8.3.1919.

60 См.: HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 911, St. GKdo des XIII. A.K., 31.8.1918.

61 См.: SaechsHStA, 11351, GKdo des XIX. A.K., Nr. 758, Kommandantur Zwickau, 31.5.1919.

62 См.: РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 812, л. 22. Колосов М. «Воспоминания о положении русских военнопленных в Дании».

63 См.: SaechsHStA, 11352, St. GKdo, Nr. 562, Saechsisches Ministerium dl, 23.11.1918; HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 5, Kommandantur Muensingen, 12.4.1919.

64 См.: РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 812, л. 36. Колосов М. «Воспоминания о положении русских военнопленных в Дании»; EstA. Fach 94. Akt 402, Abschrift Reichsministerium des Innern, 29.12.1919; SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Lagerkomitee Guben, 18.12.1920.

65 HStA Stuttgart, M 400/3, Bue. 4, Kommandantur Ulm, 1920. См. также прошение об отставке лейтенанта Лутца: Bue. 5, Kommandantur Ulm, 20.11.1918.

Действенным средством защиты интересов военнопленных стали распространившиеся практически во всех лагерях массовые голодовки⁶⁶, так как они неизменно привлекали внимание нейтральных делегатов и советских представителей. Напряжение в лагерях достигло такой стадии, что достаточно было малейшего повода, например, неосторожного высказывания сотрудника охраны, чтобы спровоцировать открытые столкновения⁶⁷. В стремлении взять ситуацию под контроль коменданты были вынуждены вводить в действие установленные в лагерях пулеметы⁶⁸. В рабочих командах солдаты все чаще отказывались трудиться под предлогом плохого питания или оказывали сопротивление при попытке вывести их на уборку урожая на час раньше положенного⁶⁹.

После остановки репатриации Антантой в январе 1919 г. население лагерей требовало отправки пешком, нередко в случае отказа пытаясь вырваться из лагеря насильственным путем и используя в качестве оружия камни и палки⁷⁰. Военные представительства союзников, против которых также была направлена агрессия русских пленных, даже попытались восстановить немецкую дисциплинарную систему в виде штрафных лагерей⁷¹.

66 См.: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 90, л. 46, 48. Комитет лагеря Целле. 1919 г.; ф. 9491, оп. 1, д. 209, л. 135. Комитет лагеря Зальцведель в Советское бюро. 1920 г.; Голос России. 1919. 26 апр.

67 HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 22, Kommandantur Ulm, Juli-August 1918; SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7000, Sowjetische Kriegsgefangenenbuero, 12.11.1920.

68 Barch, R 904/88, Urteil der Kommission zur Untersuchung der Anklagen wegen völkerrechtswuerdiger Behandlung der Kriegsgefangenen in Deutschland.

69 SaechsHStA, 11356, Generalkommando des XII. R.K., Nr. 131, AOK C., 17.4.1918, Arbeitsleistung der russischen Kriegsgefangenen; BayHStA, M Kr., Nr. 1694, Russischer Bote, 11.6.1918; HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 22, Kommandantur Ulm, 14.9.1918; Kommandantur Ulm, 28.10.1918.

70 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7073, Kommandantur Chemnitz, 22.2.1919; Kommandantur Zwickau, 31.5.1919; HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 6, Wuerttembergisches Kriegsministerium, 4.1.1919; Heeresabwicklungsamt Wuerttemberg, 21.8.1920.

71 BayHStA, M Kr., Nr. 1700, Bayerisches Kriegsministerium, 1.4.1919; Kommandantur Puchheim, 21.3.1919; HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 6, Kommandantur Ulm, 24.5.1919.

ОСОБЕННОСТИ СКЛАДЫВАНИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК В ОФИЦЕРСКОЙ СРЕДЕ

Более мягкий режим содержания, сохранение относительной самостоятельности в распоряжении полученным жалованием, а также отсутствие принуждения к физическим работам обусловили иной вариант трансформации поведенческих норм в офицерских лагерях. В целом старшие чины рассматривали плен как вынужденное и временное состояние, о чем свидетельствуют постоянные упоминания будущего возвращения в Россию. До этого момента откладывались дела о дисциплинарных нарушениях, составлялись докладные записки начальнику Генштаба⁷², прилежно коллекционировались распространяемые в лагерях немецкие газеты, «чтобы после войны показать на родине, каким образом на них оказывалось воздействие»⁷³. В отличие от рядовых, которые в плену активно осваивали новые, нехарактерные для них виды деятельности и межличностных отношений, в офицерских лагерях приспособление к ситуации и вытеснение переживаний военного и личного поражения заключались в попытке придерживаться привычных образцов поведения. Основной нормой здесь стали этикет и строгое соблюдение военной иерархии: главой лагерной организации в офицерских лагерях становился только старший по званию, но ни в коем случае не выборный представитель. Он же председательствовал в суде, который создавался для предотвращения и наказания действий, порочащих «честь офицера Русской армии». При этом под понятием «оскорбление офицерского сообщества» подразумевалось, в том числе, использование личной вилки для накладки картофеля из общей тарелки при наличии специального прибора. При разборе дел о злоупотреблении помощью русских и иностранных комитетов в качестве состава преступления чаще всего определялся не сам факт соstellения прошений, а их отправка в обход старшего по званию,

72 ГАРФ. ф. 9488, оп. 1, д. 56, л. 5, 17. Протоколы суда чести офицерского лагеря Крефельд. 1915 г.; д. 58, л. 25. Протоколы суда чести офицерского лагеря Крефельд. 1917 г.

73 SaechsHStA, 11348, St. GKdo, Nr. 1976, Kommandantur Koenigstein, 12.9.1915, Bericht ueber Lagerzeitungen.

т.е. нарушение субординации. В качестве пути восстановления погранной офицерской чести в лагерях была узаконена дуэль⁷⁴.

Пока сохранялась уверенность во временном характере ситуации и в возвращении к прежней жизни после окончания войны, старшие офицеры оставались предельно щепетильны в вопросах сохранения верности присяге. После разрешения организации в лагерях прогулок под честное слово большинство русских офицеров долгое время не осмеливались воспользоваться этой возможностью, требуя от комендатур письменного подтверждения договоренности между воюющими сторонами. Честное слово противнику, по их мнению, выглядело бы в глазах русского правительства излишним доказательством их предательства и могло повлечь за собой репрессии по возвращении на родину. Только после распространения в лагерях извещения начальника Отдела эвакуационного и по заведованию военнопленными ГУ ГШ генерал-майора А.И. Калишевского от 12 ноября 1916 г.⁷⁵ офицеры начали массово пользоваться данной возможностью.

Взаимоотношения пленного сообщества и лагерной администрации во многом зависели от контингента лагеря, личных качеств коменданта и позиции старшего по званию русского офицера. Наибольшим потенциалом сопротивления обладали так называемые «штрафные лагеря», где содержались беспокойные элементы, совершившие несколько попыток побега либо конфликтовавшие с комендатурой. Взрывоопасными в этом отношении были признаны Ингольштадт, Цорндорф, Штроермоор. Однако и в других лагерях, где было сосредоточено значительное количество молодых офицеров, статистика судебных процессов, арестов и дисциплинарных наказаний была достаточной высокой. Данная закономерность прослеживается на примере трех саксонских лагерей Кёнигштейн, Бишофсверд и Дёбельн, где в большинстве своем содержались офицеры, попавшие в плен в битве при Танненберге. Офицерское сообщество Кенигштейна,

74 См.: ГАРФ. ф. 9488, оп. 1, д. 56, л. 6–23. Протоколы суда чести офицерского лагеря Крефельд. 1915 г. Х. Ляйдингер и В. Моритц рисуют схожую картину для лагерей военнопленных австрийцев. Узаконенная в лагерном сообществе сатисфакция обычно откладывалась до возвращения на родину. См.: *Leidinger H., Moritz V., Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr*. S. 185.

75 См.: SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6971, Doebeln, 22.6.1916.

предводимое готовым к ограниченной кооперации с немецкой стороной генералом Н.А. Ключевым, предпочитало сдержанные отношения с лагерной администрацией. Напротив, в последних двух лагерях, где в роли старших офицеров выступали антигермански настроенные генерал Л.В де Витт и полковник Буба, сохранялась напряженная ситуация, требовавшая постоянного вмешательства инспекции и Саксонского военного министерства.

Чаще всего немецкую сторону на конфликты провоцировали молодые офицеры, явно страдавшие от скуки. Лейтенант Бучинский, содержащийся в лагере Дёбельн, повесил на стене своей комнаты скомпонованную из заголовков газет надпись «Германия должна быть уничтожена», заявив в суде, что ни в коем случае не хотел оскорбить чувств охраны и коменданта. Еще четверо заключенных этого же лагеря отказались отдавать военное приветствие немецким офицерам, ссылаясь на разницу между традициями в Германии и России. Суд, однако, не признал их доводы аргументированными и приговорил офицеров к двум месяцам заключения в крепостной тюрьме⁷⁶.

Во всех офицерских лагерях в орудие борьбы с комендатурами превратилось разрешенное международным правом обращение в нейтральные представительства с жалобами на неправомерное поведение лагерной администрации. Немецкие коменданты отмечали, что для многих отправка подобных посланий превратилась в своего рода форму досуга и спортивное состязание, которое развлекало и «доставляло особое удовольствие»⁷⁷. Поводы для жалоб придумывались самые разнообразные: регулярные обыски, плохое питание, недостаточное количество прогулок и даже «грубый тон коменданта»⁷⁸. В некоторых лагерях находились специалисты с юридическим образованием, которые не только сами «занимали своими обращениями все инстанции», но и подстрекали к этому остальных, предлагая свои услуги по составлению текстов⁷⁹. Стараясь досадить комендатуре, офице-

76 См.: SaechsHStA, 11333, Kriegsgerichte von Inspektionen, Nr. 87, Kommandantur Doebeln, 14.3.1917.

77 См. например: *Peter J. Ein deutsches Gefangenelager*. S. 321-372.

78 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr.6959, Kommandantur Bischofswerda, 27.8.1917; BayHStA, M Kr., Nr. 1689, PKMIN, 10.10.1917.

79 BayHStA, M Kr., Nr.1689, Kommandantur Plassenburg, 6.10.1917.

ры регулярно вызывали к себе лагерного врача, который констатировал прекрасное состояние их здоровья⁸⁰. Иногда офицерское сообщество выражало свой протест против установленных в лагере порядков более действенным способом. Так, по сведениям сестры милосердия де Витт, заключенные лагеря Оснабрюк в ответ на запрет прогулок и введение четырехразовых поверок разбили все оконные стекла⁸¹.

Иногда конфликты с немецкой стороной принимали характер личного противостояния коменданта и пленного. Один из подобных случаев в лагере Дёбелн закончился ходатайством офицера Саранина (которого, по подозрению комендатуры, подстрекал все тот же полковник Буба) в адрес испанского представительства «о предоставлении права требования с господина коменданта удовлетворения, если не теперь, то, во всяком случае, после войны». В Саксонском военном министерстве, куда первоначально попало данное письмо, было принято решение вмешаться в ситуацию, пока информация не дошла до нейтральной стороны. В итоге комендант был смещен со своего поста, а наиболее строптивные пленные офицеры были переведены в штрафные лагеря⁸².

Революция и поражение России в войне, которые офицерское сообщество восприняло как исчезновение надежды на возвращение к привычной жизни, стали катализатором ускоренной трансформации поведенческих норм. Распространенным времяпрепровождением стала игра в карты, во время которой уровень ставок «превышал все мыслимые размеры». При обыске прибывавших из других лагерей офицеров сотрудники комендатуры находили зашитые в одежду крупные суммы денег, по всей видимости, собранные перед отправкой у должников⁸³. Не в силах официально бороться с этим небезобидным видом досуга, комендант лагеря Галле был вы-

80 См.: Staatsbibliothek zu Berlin, Angeschlagene Lagerbefehle und Bekanntmachungen aus dem Kriegsgefangenenlager in Halle a.S., 16.7.1917.

81 См.: Жданов. Русские военнопленные. С. 234.

82 См.: SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6972, Beschwerdeschrift eines russischen Offiziers an die Spanische Botschaft, 22.7.1916; Kommandantur DoebeIn, 25.9.1916; 11348, Stellv.General Kommando, Nr. 143, Inspektion der Kriegsgefangenenlager des XII. A. K., 7.9.1916, Betrifft Offiziergefangenenlager Szczuczyn; Nr. 160, Inspektion der Kriegsgefangenenlager, 21.7.1916.

83 См.: BayHStA, M Kr., Nr. 1687, Kommandantur Ingolstadt, 25.6.1917.

нужден обратиться к старшему по званию офицеру с просьбой установить максимальный размер допустимых ставок⁸⁴.

После получения известий о большевистском перевороте в России большинство военнопленных офицеров впали в апатию, перестали заниматься изучением языков, следить за чистотой в бараках и в лагере. Очень быстро в их среде распространились типы поведения, которые были прежде характерны только для солдатской массы: воровство столовых приборов, недозволенные прогулки в город, самовольное распределение обмундирования⁸⁵. Окончание войны повысило чувствительность офицеров к обращению с ними лагерной администрации, которое воспринималось как «невозможный режим по отношению к гражданам государства, с которым Германия уже не воюет»⁸⁶. Любые дисциплинарные мероприятия вызывали сопротивление и обращения в Межсоюзную комиссию с просьбой разъяснить правовое положение «задержанных против своей воли пленных»⁸⁷.

IV.2. ЯЗЫК ПЛЕНА: КАНАЛЫ КОММУНИКАЦИИ И НОВЫЕ РЕЧЕВЫЕ ФОРМЫ

Неотъемлемой частью процесса адаптации к новым условиям и накопления опыта плена стало обсуждение новых переживаний. Для облегчения восприятия и толкования окружающей действительности принудительно сконструированное сообщество должно было найти новые каналы и средства обмена информацией и выработать соответствующие речевые формы⁸⁸. Культурно-исторический подход

84 См.: Staatsbibliothek zu Berlin, Angeschlagene Lagerbefehle, 14.7.1917.

85 См.: ГАРФ, ф.9488, оп. 1, д. 129, л. 11, 12–19. Лагерь Вецлар; BayHStA, M Kr., Nr. 1702, Heeresabwicklungsamst des III. A. K., 2.10.1919.

86 BayHStA, M Kr., Nr. 1694, Beschwerde der russischen Offiziere, September 1918.

87 BayHStA, M Kr., Nr. 1696, Russische Offiziere des Hirschberg-Lagers, 23.8.1918; Nr. 1697, PKMIN, 29.10.1918.

88 Подробнее к значению языка как аккумулятора и символического выразителя нового опыта см. работы теоретиков социологии знания и исследователей военного опыта: Бергер П., Лукманн Т. Социальное конструирование реальности. — М., 1995. С. 48; Buschmann N., Carl H. Zugaenge zur Erfahrungsgs-

дает исследователю возможность «разговорить» молчаливые маргинальные группы, которые до сих пор представлялись лишь в качестве объекта или жертвы государственных мероприятий⁸⁹. Изучение отражений устной и письменной коммуникации в лагерях позволит также исследовать формирование языковых практик и кодов, которые позволили отдельной социальной группе и русскому/советскому обществу усвоить переживания первой современной войны.

ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ УСЛОВИЯ ПИСЬМЕННОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ⁹⁰

Организация почты военнопленных всех держав была определена ст.16 Гаагской конвенции и дополнительными соглашениями меж-

geschichte des Krieges. Forschung, Theorie, Fragestellung // Die Erfahrung des Krieges: Erfahrungsgeschichtliche Perspektiven von der Franzoesische Revolution bis zum Zweiten Weltkrieg. Padeborn, 2001 S. 18.

89 В качестве примера подобных исследований на материале других национальных групп, а также Второй мировой войны см., например: *Fussell P.* The Great War and Modern Memory. New York, 1975; *Schuh H.* Das Geruecht. Psychologie des Geruechts im Krieg. Muenchen 1983; *Джекобсон М. и Л.* Песенный фольклор ГУЛага как исторический источник (1917–1939). — М., 1998; Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров. 1942–1944. / Сост. и текстология Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова. — М., 1998.

90 Современные исследования военных писем подчеркивают их зависимость от господствующего дискурса и вытекающую отсюда необходимость предварительного освещения внешних условий создания подобных источников, механизмов самоконтроля авторов и других влияющих факторов. См., например: *Latzel K.* Die Zumutungen des Krieges und der Liebe — Zwei Annaehrungen an Feldpostbriefe // *Knoch P.* (Hg.) Kriegsalltag: die Rekonstruktion des Kriegsalltags als Aufgabe der historischen Forschung. Stuttgart, 1989. S. 204–221; *Schikorsky J.* Kommunikation ueber das Unbeschreibbare. Beobachtungen zum Sprachstil von Kriegsbriefe // *Wissenswehr.* 1992 (2). S. 295–315; *Broks Chr., Ziemann B.* «Vom Soldatenleben hatte ich gerade genug». Der Erste Weltkrieg in der Feldpost von Soldaten // *Rother R.* (Hg.) Die letzten Tage der Menschheit. Bilder des Ersten Weltkrieges. Berlin, 1994. S. 109–121. К общей теории анализа проявлений письменной коммуникации: *Landwehr A.* Einfuehrung in die Europaesische Kulturgeschichte. Padeborn, 2004. S. 125. Многие исследователи, обращающиеся к теме писем из лагерей военнопленных, до сих пор игнорируют вышеобозначенные суждения и рассматривают письма как прямой источник информации о настроениях пленных. См., например: *Казаковцев С.В.* Культурное наследие вятичей (отражение событий Первой мировой войны во фронтовых письмах) / Электронное научное издание «Аналитика культурологии». url. <http://analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=282>; Из переписки русских военнопленных (1916–1917 гг.), Публикация Л.В. Васильковой / Голоса истории / Отв. сост. И.С. Розенталь. Б.м., 1992. Кн. 2. С. 138–148.

ду воюющими странами: все отправления освобождались от оплаты почтовых сборов и таможенных пошлин, в месяц пленный солдат имел право отсылать 2 письма и 4 открытки, офицер соответственно — 4 и 6⁹¹. Однако практика вскоре показала, что русские солдаты, многие из которых были неграмотны, очень редко отправляли полноценные письма, поэтому ПВМ рекомендовало комендатурам скорректировать соотношение писем и открыток в пользу последних⁹².

Функционированию налаженной системы письменного сообщения между лагерями и родиной препятствовали многие моменты: обмен корреспонденцией проходил через нейтральную Швецию, что значительно удлиняло срок доставки; раздача писем и посылок осуществлялась через десять дней после их попадания в лагерь, определенных в качестве карантина; часть писем терялась в дороге из-за неправильного написания адреса. Кроме того, запрет на переписку часто использовался немецкими военными органами в качестве дисциплинарного наказания отдельного военнопленного или репрессивной меры в отношении целого лагеря с целью давления на правительство противника. Революционные события и Гражданская война в России практически полностью прервали поток письменных отправлений в обе стороны.

Боязнь шпионажа, а также стремление поддержать в международной дискуссии образ страны, соблюдающей нормы гуманитарного права, вынуждали немецкие органы наложить ограничения на допустимую к сообщению информацию: военнопленным не разрешалось распространять сведения, «которые не должны быть известны за границей», жаловаться на содержание и лагерный персонал, сообщать о внутрисполитических процессах в Германии, прежде всего, о стачках и продовольственной ситуации. При нарушении запре-

91 Как отмечает в своей работе Э. Абдрашитов, заданность открыточного формата играла определяющую роль для содержания солдатских писем из плена. См.: *Абдрашитов Э.Е. Источники личного происхождения по истории российских военнопленных первой мировой войны. Автореферат на соискание степени к.и.н.* » Казань, 2003.

92 Например, число отправленных русскими солдатами из лагеря Стендаль открыток и писем за одну неделю составило соответственно 8280 и 564. См.: *Risse R. Die Kriegsgefangenenlager im Bezirk des IV. A.K., Halle 1916, S. 9.*

та автору грозило дисциплинарное взыскание⁹³. Несмотря на организационные и, прежде всего, кадровые трудности, в лагерях возникла хорошо налаженная система цензуры, выполнявшая функцию информационного фильтра и поставлявшая военному командованию сведения о противнике. Уровень ее организации отражает наличие в нескольких лагерях химических лабораторий, куда для проверки отправлялись подозрительные письма. По признанию лагерных цензоров, около половины всех отправок задерживались при проверке и не достигали адресата⁹⁴.

Одной из задач немецких ведомств при работе с корреспонденцией военнопленных стало оказание влияния на население противника. Предполагалось, что послания из лагерей могут способствовать ослаблению политического режима и распространению революционных идей. ПВМ активно пыталось влиять на содержание и географию распространения почтовых отправок в Россию: «Содержание писем военнопленных в России распространяется со скоростью огня. Однако раз большая часть военнопленных безграмотна, необходимо писать письма за них. При этом нужно разделять адресатов на три группы: жители столиц, население других городов, жители деревень. Первая группа посланий может быть написана только самими военнопленными и должна опровергать жестокое обращение с военнопленными в Германии и содержать сведения о победах немцев. Вторая группа должна описывать господствующий в Германии порядок, великолепное обращение с ранеными, волю немцев к победе. Третья — сведения о плохом обеспечении в русской армии в отличие от немецкой. В составлении таких писем неоценимую помощь могут оказать евреи, однако к их личным письмам нужно относиться с повышенным вниманием». Первая крупная партия «заготовленных» писем должна была попасть в Россию до конца апреля 1915 г., «чтобы усилить недовольство крестьян по поводу недостатка рабочей силы в посе-

93 См.: SaechsHSta, 11348, St. GKdo, Nr. 150, Kommandantur Zwickau, 1915; BayH-StA, Stellv.General Kommando des III. bayerischen A.K. Nr. 175, Postzensur Ingolstadt, 18.12.1917.

94 См.: Barch-MA, MSg 201/385, Verhaeltnisse in den Kriegsgefangenenlagern in Deutschland, 1914/15.

ную»⁹⁵. Наглядным способом демонстрации образцовой ситуации в Германии должны были стать отпечатанные формуляры недельного лагерного меню, на которых военнопленному оставалось только написать адрес⁹⁶. Фильтр «предварительной цензуры» (Д. Байрау) немецких органов, пытавшихся с помощью корреспонденции пленных оказать влияние на население противника, вызывал беспокойство русских политических и военных институтов⁹⁷. Наряду с представлениями о деморализующем влиянии образа пленных воинов на фронтовые части и тыловую общественность это способствовало стигматизации попавших к врагу солдат и офицеров как предателей и отказу от их активной материальной и политической поддержки.

Система немецкой цензуры прямо или косвенно определила форму и содержание писем военнопленных. Не имея возможности открыто ей противодействовать, солдаты и офицеры, а также их родственники часто пассивно приспосабливались к нему, сообщая в переписке лишь дозволенные сведения⁹⁸. Все же части корреспондентов удалось выработать определенные стратегии обхода заданных информационных барьеров.

- 95 Очевидно, принятие решения составлять письма за военнопленных было обусловлено их отказом сообщать положительную информацию о Германии из опасений наказания после возвращения на родину. См.: SaechsH-Sta, 11348, St. GKdo, Nr. 149, PKMIN, 30.3.1915, Geheim; Nr.150, Kommandantur Chemnitz, 16.2.1916. О сходной деятельности австрийских цензурных органов см.: *Moritz V. Zwischen Nutzung und Bedrohung*. S. 64. О европейском характере феномена использования заготовленных писем в период Первой мировой войны см.: *Холквист П.* «Осведомление — это альфа и омега нашей работы». Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет*. Ч. 3. — Самара, 2001. С. 45–93. За указание на последнюю работу я благодарю Ю.Ю. Хмелевскую.
- 96 См.: Staatsbibliothek zu Berlin. Zeitungen aus Kriegsgefangenen- und Internierungslagern 1914–1918.
- 97 К вопросу о реакции русской стороны см.: *Байрау Д.* Фантазии и видения в годы Первой мировой войны: Православное духовенство на службе Вере, Царю и Отечеству // *Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей / Под ред. Л.Г.Захаровой.* — М., 2008. С. 752–774.
- 98 Отчеты русских цензоров подчеркивают «бессодержательность» писем из плена. См.: ОГАЧО, ф. И–153, оп.1, д. 2, л. 82, 89. Военный цензор г. Троицка, 1916 г.

ОБМЕН ИНФОРМАЦИЕЙ МЕЖДУ ЛАГЕРЯМИ

Несмотря на первоначальное стремление немецких военных органов воспрепятствовать контактам между отдельными лагерями и рабочими командами, практика содержания военнопленных доказала невозможность последовательной реализации данного принципа. Возникшая с увеличением количества пленных и усложнением организационных структур системы лагерей массовая флуктуация заключенных сопровождалась интенсивным обменом информацией.

После заключения Брест-Литовского мирного договора и образования Советского бюро по делам военнопленных в Берлине эта организация стала своеобразным связующим звеном между комитетами отдельных лагерей, а также между военнопленным сообществом и Советской Россией. Организованное при посредничестве Бюро Содействие военнопленных в Берлине, а также открытие памятников умершим военнопленным с участием делегаций из окрестных лагерей и рабочих команд способствовали налаживанию контактов и обмену сведениями о состоянии питания и степени свободы у соседей. Данные сведения становились основой требований в адрес комендатуры своего лагеря, ПВМ или советских представителей.

ЛАГЕРНЫЕ ГАЗЕТЫ⁹⁹

Незначительное количество газет, имевших хождение среди пленных солдат и офицеров Российской империи, подразделялось на

99 Вследствие утраты архивных и библиотечных фондов в ходе Второй мировой войны, основополагающим источником о лагерной прессе Первой мировой служит написанная в межвоенный период диссертация Р. Хойссера (*Haeusser R. Das Nachrichten- und Pressewesen der feindlichen Kriegsgefangenen in Deutschland. Berlin, 1940*), уделившего основное внимание газетам западных союзников. Важность исследования газет военнопленных при изучении повседневности в лагерях отмечает также Р. Пёппингхеге. Однако он также не обращается к специфике лагерных газет, изданных русскими военнопленными. См.: *Poeppinghege R. Nabelschau hinter Stacheldtaht? Zum Quellenwert von Kriegsgefangenenzeitschriften // MGZ 59 (2000), S. 183–193*. Мне удалось найти отдельные номера газет «Сквозняк», «Джихад», «Селянин», «Громадска думка», «Doeberiz-Gazette» (хранящиеся в собрании Государственной библиотеки Берлина и Бундесархива во Фрайбурге), «Неделя» и «Русский вестник» (хранящиеся в Российской государственной библиотеке). См. также: Три пайки хлеба (рукописный журнал пленных немецкого лагеря Фридрихсфельд) // Родина. 1993. № 8/9. С. 127–132.

три категории: созданные по инициативе самих пленных, выпускавшиеся пленными с подачи и под руководством пропагандистских институтов, печатавшиеся и централизованно распространявшиеся немецкими и австрийскими военными органами¹⁰⁰.

Первую группу составили пять русскоязычных изданий: «Сквозняк» (солдатский лагерь Нюрнберг, редактор Л. Либерберг), «Журнал лагеря военнопленных Дёберитц» (солдатский лагерь Дёберитц, редактор Н. Левитин), «Вестник пленных» (офицерский лагерь Фридрихсфельд), «Новости дня» (офицерский лагерь Нейссе), «В замке» (офицерский лагерь Райзен). Если первое и второе издания были выпущены только в количестве трех номеров, третье — в восьми, то «Новости дня» насчитывали несколько сотен выпусков. Тематически все русские газеты концентрировались на лагерной жизни и отказывались обсуждать политику или военные события. Содержание «Сквозняка» составляли карикатуры, лагерный фольклор, отчеты комитета помощи, сообщения о текущих изменениях в положении пленных, лагерная хроника и объявления о предстоящих мероприятиях¹⁰¹. Русская часть выпускавшейся совместно с польскими, английскими и французскими военнопленными «Doeberitz-Gazette» насчитывала всего несколько страничек и была заполнена критическими отзывами о театральных представлениях, стихами и фельетонами¹⁰². Примечательно, что некоторые газеты были допущены к распространению в других лагерях и к отсылке в Россию.

С целью пропаганды среди национальных меньшинств Российской империи идей независимости и германофильских воззрений немецкие военные органы и российские эмигрантские организации инициировали выпуск газет в просветительских лагерях. Военнопленные здесь выступали в качестве пассивной читательской аудитории, и только явные сепаратисты из их числа привлекались к написанию статей. Польскоязычные «Будущее», «Польский курьер», «Военнопленный» и «Наша мысль» были основаны немецким командованием в перспективе провозглашения независимого польского

100 См.: Haeusser R. Das Nachrichten- und Pressewesen.

101 См.: Haeusser R. Das Nachrichten- und Pressewesen; а также «Сквозняк», 1917, Nr. 1–3.

102 См.: Barch-MA, MSg 200/730, Doeberitz-Gazette, Nr. 2, 3.

государства и с целью снятия противоречий между декларациями Центральных держав и их политикой на оккупированных территориях. Данный круг газет (особенно «Наша мысль», редактировавшаяся военным священником) значительное внимание уделял не только пропаганде идей новой Польши, но и обсуждению религиозных вопросов. Не предназначавшиеся для распространения среди общественности издания для военнопленных украинцев: «Союз Украины», «Громадская думка» (Вецлар), «Рассвет», «Селянин» (Зальцфельд), «Ново зоря», «Вильне слово» — финансировались эмигрантским «Союзом вызволения Украины» и были наполнены антирусской и пронемецкой пропагандой. В «Селянине» обсуждались достижения немецкого сельского хозяйства, которые украинцы после окончания войны должны были применить у себя на родине. Позже, после поражения гетмана Скоропадского и поворота Украины в сторону Советской России, украинские газеты были запрещены либо попали под жесткую цензуру. Помимо названных печатных органов среди соответствующих народностей распространялись латвийское, грузинское и эстонское издания. Особую роль в национальной пропаганде играла межлагерная газета «Джихад», выпускавшаяся для пленных мусульман (арабов, индусов и татар) и призывавшая их к священной войне против неверных в поддержку Турции и союзных ей Германии и Австрии.

К последней категории газет относились «Русский вестник» и «Неделя», издававшиеся, соответственно, немецкими и австрийскими военными органами. «Русский вестник» содержал некомментированные сводки с фронта, статьи о русской политике и фельетоны «поучительного характера» о Германии¹⁰³. Помимо финансовых вливаний ПВМ, печатный орган существовал за счет подписки и публикации рекламных объявлений, предлагавших военнопленным самые разнообразные товары и услуги. По утверждениям издательства, уже к 1916 г. газета, выпускавшаяся тиражом в 150 тыс. экземпляров, насчитывала 50 тыс. абонентов в лагерях военнопленных, кроме того, 800 экземпляров расходились в нейтральных странах:

¹⁰³ Подробнее о «Русском вестнике» см.: *Колоницкий Б.* Берлинская газета «Русский вестник» (1915–1919 гг.) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века: Сб. научн. трудов / Российская Национальная библиотека. Вып. 8 / Отв. ред. И.И. Фролова. СПб, 1996. С. 132–143.

Швейцарии, Норвегии, Дании и Швеции среди русскоязычного населения. С 1917 г. издание нелегально распространялось среди русских солдат на фронте. Примечательно, что последовавшее в этом же году переименование его в «Русский социалист» резко снизило интерес к нему за границей¹⁰⁴. По свидетельству самих военнопленных, в лагерях мало верили публикуемой в газете информации. Популярностью пользовалась только колонка вопросов в адрес редакции о правовом положении пленных, а также раздел поиска родственников или однополчан, оказавшихся в плену¹⁰⁵.

слухи¹⁰⁶

Вследствие недостатка внешней информации и ее фальсификации со стороны германских властей значительную, а иногда и определяющую роль в жизни военнопленных играли слухи. Прежде всего, они стали каналом выражения ожиданий и страхов, распространенных внутри пленного сообщества. Например, уже в ходе войны стало ясно, что прописанная в Гаагской конвенции возможность освобождения офицеров из плена под честное слово останется в условиях нового противостояния неиспользованным реликтом. Однако в среде русских офицеров настойчиво циркулировал слух о французе, якобы отпущенном немецкими военными органами к больной матери. Именно этот слух-надежда подталкивал писать в адрес немецкого правительства прошение об отпуске для свидания с умирающими родителями¹⁰⁷.

104 См.: Barch R 704/72079, Briefwechsel in der Redaktion des «Russischen Boten», 1916; R 704/72321, Aufzeichnung, 20.7.1916.

105 Е.Сергеев обозначает деятельность «Русского вестника» как «промывку мозгов» русских военнопленных, которая в корне изменила настроение и поведение солдатской и офицерской массы. См.: *Sergeev E. Kriegsgefangenschaft und Mentalitaeten*. S. 360.

106 Согласно современным исследованиям, слухи являются не просто носителями ложной информации, а выполняют важные социальные функции формирования групповой идентичности, выражения основных чаяний сообщества, его мотивации к определенным действиям и т.д. Подробнее см.: *Слухи в России*. Материалы международного интернет-семинара по восточноевропейской истории. Опубликовано на: http://isem.susu.ac.ru/arch/rumors_russia/comments/

107 См.: SaechsHSta, 11348, St. GKdo, Nr. 158, Kommandantur Koenigsbrueck.

Среди офицеров также курсировали слухи, что досрочное возвращение в Россию возможно через денежные пожертвования в Норвежское общество Красного Креста. Число поверивших данной информации было настолько значительно, что ПВМ было вынуждено проводить в лагерях разъяснительную работу¹⁰⁸. Распространявшаяся практически с самого начала войны немецкой стороной известия о заключении сепаратного мира с Россией часть военнопленных, в основном солдаты, передавали дальше, выражая в них надежду на окончание войны и возвращение домой. Офицеры, напротив, делились ими с оттенком страха: «В лагере распространяется слух, что будет подписан мир. Я не поверю, что я смогу пережить такой позор. Что было и что случилось?»¹⁰⁹ Среди солдатских слухов-страхов стоит упомянуть (основанные на боязни потерять с трудом нажитое имущество) известия, что перед отправкой на родину комендатура отбирает вещи. Подобная информация вызывала мгновенное оживление на лагерной толкучке, где военнопленные массово стремились сбыть все излишки¹¹⁰.

Уже из последнего примера видно, что слухи становились наиболее действенным мотивирующим средством, стимулировавшим отдельные личности и целые группы к пассивному сопротивлению или активному противостоянию вооруженной охране. В одном из лагерей исходящие от возвращавшихся из плена немецких солдат рассказы о более приемлемых условиях жизни в России стремительно обрастали невероятными подробностями, основанными на собственных представлениях об идеальном содержании: немцы не охраняются, носят гражданскую одежду, едят белый хлеб и пьют с жителями кофе. Буквально на следующее утро русские солдаты потребовали улучшения условий работы, прибавку к зарплате и белый хлеб¹¹¹. Распространяемая (в том числе и в русской прессе) информация о более человечном обращении с пленными в Австрии была четко усвоена русскими солдатами и продолжала циркулиро-

108 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7071, PKMIN, 5.7.1918.

109 SaechsHStA, 11352, St. GKdo, Nr. 642, Kommandantur Doebeln, 12.3.1918.

110 См.: ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 59, л. 220.

111 См.: HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 9, Ausschnitt aus Telegramm an Kriegsministerium Wuerttemberg, 29.11.1918.

вать в германских лагерях в качестве слухов. Многие пленные при попытках побега направлялись именно к австрийской границе в надежде, если и не достичь России, то попасть в более сносные условия¹¹². После неудачной попытки немецких военных органов скрыть от заключенных информацию о революции в Германии она прошла по лагерям волной слухов о новом правовом положении военнопленных и повысила интенсивность сопротивления охране, приведшую к кровопролитиям¹¹³. Среди солдат в рабочих командах распространилось мнение, что в случае симуляции болезни или неудачной попытки побега они имеют шансы быть отправленными в лагерь, откуда проще попасть в очередь на отправку¹¹⁴. После официального объявления о начале репатриации слух об отходе из того или иного лагеря большого транспорта вызывал не только значительные волнения, но и массовое бегство военнопленных в этот лагерь или в славянские области бывшей Австро-Венгрии, где (опять же по слухам) отправка велась полным ходом¹¹⁵.

Редко слухи формировались и использовались самими военнопленными для оказания противодействия немецкой администрации. К примеру, офицеры одного из лагерей через переводчиков распространили информацию, что 1 июня 1917 г. во всех лагерях после дообеденной переключки военнопленные собираются начать восстание, планируют уничтожить дороги и мосты, телеграфы и телефоны и в возникшем беспорядке осуществить попытку массового бегства. ПВМ даже объявило чрезвычайное положение¹¹⁶, однако цензура других лагерей не подтвердила тревожные сведения. В Сак-

112 См.: Солдатские письма Первой мировой войны // Красный архив. 1934. № 4–5. (1915. № 41); BayHStA, M Kr., Nr. 1639, Kommandantur Lechfeld, 21.5.1915; HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 899 Nachrichtenoffizier, 19.9.1917.

113 См.: SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7073, Kommandantur Zwickau, 31.5.1919.

114 См.: GStA PK, HA I, Rep. 87 B, Nr. 16103, Auszuege aus Beschwerden pommerscher Landwirte ueber die Haltung russischer Kriegsgefangenen, 15.8.1918.

115 См.: SaechsHStA, 11348, St. GKdo, Nr. 177, Kommandantur Bautzen, 15.6.1918; HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 4, Wuerttembergisches Kriegsministerium, 20.11.1918; РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 817, л. 56.

116 См.: SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6962, Stellv.GKdo des XIX. A.K., 28.5.1917, Geheim; Nr. 6993, Kommandantur Gnadenfrei, 14.2.1917

сони немецкие военные органы устроили масштабную акцию по поиску мифической кассы Самсоновской армии, таинственно исчезнувшей в битве при Танненберге. Поводом для этого послужило сообщение одного из офицеров, что у его товарищей в одежде и в церковном помещении спрятана приличная часть утерянных денег. Однако повальные обыски в Кенигштейне, Бишофсверде и Дебельне не дали результата и привели лишь к многочисленным протестам старших по званию в испанское посольство¹¹⁷. В пропагандистских лагерях с помощью слухов патриотически настроенные пленные пытались противодействовать сепаратистской пропаганде среди национальных меньшинств, утверждая, что согласившихся на сотрудничество солдат и офицеров немецкое командование отсылает на фронт¹¹⁸. Эта информация в совокупности с угрозами физической расправы значительно затрудняла деятельность агитаторов.

ЛАГЕРНЫЙ ЖАРГОН

Жаргон превратился для пленных в связующую нить с утраченной свободой и привычным образом жизни на родине, а также стал способом сопротивления постоянному надзору часовых и коменданта. Он облегчал складывание новой групповой идентичности и помогал посредством обозначения экстремальных условий привычными понятиями принять и в известной степени примириться с окружающей действительностью. О данной функции жаргона свидетельствует, например, самоопределение обитателей лагеря как жителей городов: штреенцы (заключенные лагеря Штроермоор), альтдамовцы (заключенные лагеря Альтдамм)¹¹⁹, избавлявшее пленных от постоянного напоминания о статусе заключенных. В свою очередь, офицеры с иронией именовали себя «заслуженными гефангенами»¹²⁰.

117 SaechsHSta, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6962, St. GKdo des XIX. A.K., 22.09.1917.

118 См.: SaechsHSta, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr.6996, Kommandantur Doeblen, 1917; *Terletzkyj O. Ukrainer*. S. 30–31.

119 См.: ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 211, л. 4. Переписка Советского бюро с лагерями военнопленных, 1920 г.; Barch-MA, MSg 200/730, Doeberitz-Gazette, № 2.

120 От немецкого Gefangene — пленный. См.: *Георгиевич М.* Свет и тени. Первая мировая война и Добровольческая армия. Сидней, 1968. С. 13.

В обиходную речь вошли такие устойчивые выражения, как «собачка» (самогон) и «черпак» (уборка лагерных туалетов). За нелегальную «торговлю собачки», воровство и другие нарушения лагерных порядков военнопленный мог быть приговорен лагерным комитетом к «трем дням черпака»¹²¹. Введенные комендатурами для предотвращения побегов и скапливания у пленных немецкой валюты лагерные деньги пленные называли «ласточками» или «мушками», так как из-за небольшого размера и плохого качества бумаги они грозили разлететься от малейшего дуновения ветра¹²².

Иногда русские военнопленные перенимали выражения, используемые представителями других национальностей в лагерях: одно из наказаний, представлявшее собой запираение в деревянной клетки под дождем или снегом, с подачи англичан именовалось «подводная лодка», другое, заключавшееся в изоляции пленного на несколько дней на ограниченном пространстве под открытым небом, — «бивак»¹²³. Попытки побегов именовались «полетами». Утешением в заключении становились поговорки, типа «хуже, чем было, не будет» или присказки: «доля солдата русской армии хуже собачьей, а до мира далеко, як до солнца». В общении с лагерной администрацией, например, во время опросов о ситуации в русской армии, военнопленные прикрывались заученной армейской формулировкой «не могу знать»¹²⁴.

УРОКИ НЕМЕЦКОГО

Плен означал не только столкновение с чужой языковой средой, но и необходимость хотя бы поверхностного в нее погружения. Немецкие органы в своих отчетах о смертности среди пленных сообщали, что большинство несчастных случаев происходило на производстве

121 См.: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 108, л. 24, 71. Комитет лагеря Штаргард, 1919 г.; д. 110, л. 37, 91. Судебная инструкция комитета лагеря Штаргард, 1919.

122 См.: Военнопленные врачи. С. 13.

123 См.: *Hakel G.* Die Leipziger Prozesse. Deutsche Kriegsverbrechen und ihre strafrechtliche Verfolgung nach dem Ersten Weltkrieg. Hamburg, 2003. S. 326–330.

124 См.: ВайнштА, М Кр., Nr. 1687, Kommandantur Amberg, 5.4.1917; РГАСПИ, ф. 351, оп. 1, д. 179, л. 103.

«по вине самих погибших из-за незнания немецкого языка»¹²⁵. Кроме того, языковые различия приводили к неправильному пониманию распоряжений лагерной охраны, что влекло за собой применение физического насилия¹²⁶. В связи с этим в лагерях был введен своеобразный языковой ликбез, в ходе которого военнопленным объяснялся смысл основных команд, принятых в немецкой армии при проверке, на марше и для приветствия старшего по званию. При входе немецкого офицера в помещение и команде «Achtung» («Внимание») солдаты должны были стоять смирно до тех пор, пока не будет отдан приказ «Ruehrt euch» («Вольно»). В случае выхода за пределы лагеря при встрече офицера на марше колонна пленных должна была реагировать на выкрики: «Achtung», «Augen rechts (links)» («Равнение направо (налево)»), «Ruehrt euch»¹²⁷. При окрике «Halt!» («Стой!») пленные должны были немедленно останавливаться, в противном случае, охрана, полиция и пограничники были обязаны стрелять на поражение¹²⁸.

Для солдат знакомство с письменным немецким становилось обязательным хотя бы на уровне написания адресов лагерей и рабочих команд, без чего было невозможно получать корреспонденцию из дома. Различные комитеты помощи, а позже и Советское бюро призывали военнопленных «писать свой адрес четко и по-немецки»¹²⁹. Редакторы лагерных газет также считали целесообразным вставлять в русский текст топографические и организационные обозначения на немецком языке: «на местном кладбище Sued-Friedhof состоится торжественное поминовение усопших»; «с требованиями обращаться Russische Bibliothek, KGLager Nuernberg»¹³⁰. Кроме того, согласно сделанным в лагерях фотоснимкам и рисункам

125 SaechsHStA, 11352, St. GKdo, Nr. 727, Taetigkeitsbericht der Inspektion der Kriegsgefangenenlager XII und XIX. A.K., Juli 1918, S. 106.

126 См.: HStA Stuttgart, M 33/2, Bue 495, PKMIN, 23.9.1918.

127 См.: HStA Stuttgart, M 1/7, Bue 21, Stellv.GKdo des XIII. A.K., 20.15.1917, Ehrenbezeugungen der Kriegsgefangenen

128 См.: HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 5, Kommandantur Gaensewiese, 1915; M 1/7, Bue 20, Stellv.GKdo des XIII. A.K., 1916; M 77/2, Bue 16, Stellv.GKdo des XIII. A.K., 3.4.1917.

129 См.: Известия Бюро военнопленных. 1920. № 1.

130 Сквозняк. 1917. № 1–3.

в лагерных газетах, все внутренние объекты: кухня, почта, школа — снабжались немецкими вывесками¹³¹.

Минимальные знания языка повышали шансы на выживание в лагерях и рабочих командах, а также увеличивали вероятность успеха при попытках побега. Немецкие органы отмечали, что военнопленные не просто доставали гражданскую одежду, но и по пути к границе спокойно «обращали к прохожим слова приветствия, хотя это вообще были единственные слова, которые они знали». Мирных жителей не случайно убеждали в необходимости вести продолжительные беседы с подозрительными лицами, чтобы опознать в них таким образом беглых военнопленных¹³². В офицерских лагерях поводом для поддержания и углубления языковых знаний становилось вынужденное бездействие, а также созданные комендатурой условия. Например, в Галле приказы и распоряжения лагерной администрации, сохранившиеся в виде настенных объявлений для пленных, не переводились на русский язык¹³³.

Об интенсивности процесса приобщения офицеров и солдат к чужой языковой среде свидетельствуют многочисленные обращения в русские и зарубежные общественные организации (Заграничный комитет РСДРП, Лозаннский комитет помощи русским военнопленным, Общество народного издательства для русских военнопленных им. Герцена и др.) с просьбами выслать учебные пособия по немецкому языку для активно функционировавших в лагерях школ¹³⁴. Свой вклад в развитие языковых знаний среди военнопленных нерусских народностей из Российской империи внесли немецкие военные и политические органы, убежденные, что «уже то обстоятельство, что большое количество военнопленных выучит немецкий язык, может быть позднее использовано» для распро-

131 Barch-MA, M5g 201/303, Album mit 28 Aufnahmen aus verschiedenen deutschen Lagern.

132 См.: HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 895, St. GKdo des XIII. A.K. 7.7.1917.

133 См.: Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz. Angeschlagene Lagerbefehle.

134 См.: ГАРФ, ф. Р-6221, оп. 1, д. 1–7, Обращения лагерных комитетов в благотворительные организации; РГАСПИ. ф. 351, оп. 1, д. 179, 180. Письма военнопленных в КЗО РСДРП.

странения германского влияния в новых государствах, создаваемых на окраинах Российской империи¹³⁵.

Письма и обращения военнопленных в различные организации, отражающие непосредственный процесс коммуникации в лагерях, а также созданные позже воспоминания свидетельствуют о возникновении у большинства рядовых пленных устойчивой привычки встраивать в устную и письменную речь отдельные немецкие слова. Примечательно, что при их произнесении и написании солдаты использовали кириллицу и склонение в соответствии с правилами русской грамматики: «потребовать от комендатуры увеличение количества аусвайсов»; «потом послали к бауру»; «завышенные цены в кантине»; «немецкие священники отказываются нас исповедовать, так как мы ортодоксы» и т.д. Кроме того, некоторым словам придавалось более удобное звучание, например, немецкие пфенниги оказавшиеся в плену крестьяне превратили в «феники»¹³⁶.

Интенсивную, но своеобразную языковую практику проходили солдаты и унтер-офицеры, работавшие на немецких предприятиях и в поместьях. Охранники и хозяева сообщали, что при общении с пленными специально употребляли исключительно простые грамматические формы с целью облегчения понимания. Так, при судебном разбирательстве об оказании военнопленными сопротивления своему работодателю последний уверял, что отдавал приказы работнику «на ломаном немецком, чтобы тот лучше понял»: «Почему ты не носить фрукты, ты — большой, ты — сильный, ты фрукты но-

135 См.: HStA Stuttgart, M 1/6, Bue 1427, PKMIN, 24.12.1917; Vossische Zeitung, 16.6.1916, «Sprachunterricht für die Kriegsgefangenen»; Deutscher Sprachfuehrer für estnische Kriegsgefangene: Grammatik, Berlin 1918.

136 См.: ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 226, л. 65. Письма военнопленных в Советское бюро; РГАСПИ, ф. 351, оп. 2, д. 180, л. 11, 58. Письма военнопленных в КЗО; ф. 70, оп. 3, д. 811, л. 2. Неопубликованные воспоминания Кябанова А.А. «1917 г. за границей»; д. 817, л. 6. Неопубликованные воспоминания Мартынова М. «В цепях реакции». Оба автора содержались в плену в различных лагерях и были привлечены на работы в промышленности и сельском хозяйстве. Следуя призыву Истпарта, они прислали в журнал «Пролетарская революция» свои воспоминания о пребывании в лагерях. Тексты не были опубликованы, так как не отражали успехов большевистской агитации в лагерях и революционного сознания пленной массы. Однако для данного исследования они содержат интересную информацию о повседневной жизни в лагерях и специфическую лексику. См. также: Сквозняк. 1917. № 2.

силь»¹³⁷. Соответственно, после длительного пребывания на работах военнопленные пытались выстраивать целые предложения на немецком языке, сконструированные, однако, на основе неопределенных форм частей речи. Один из судебных протоколов упоминал употребление русским солдатом угроз на немецком языке: «Posten zwei Meter, ich tot, du tot!» (пост два метра, ты мертв, я мертв) или «nix arbeiten» (ничего не работать)¹³⁸. В другом случае пленный заявил хозяйке: „Du nicht Patron, ich Patron“ (ты не патрон, я патрон)¹³⁹.

Уже после репатриации пленные при опросах презентировали подобную языковую форму в качестве знания немецкого языка. Согласно письменному анкетированию, проведенному среди небольшой партии прибывших в 1920 г. в Уфу военнопленных-татар, практически половина опрошенных заявила, что разговаривает по-немецки, не имея при этом навыков чтения или письма на других языках¹⁴⁰. Уровень языковых знаний вернувшихся из плена солдат иллюстрирует в своих воспоминаниях А. Окнинский: «Некоторые ... бывшие в плену продолжительное время научились говорить по-немецки. Но что это был за язык! В этом отношении особо отличался крестьянин села Подгорного Саблин. Он говорил на исковерканном на свой лад platt-deutsch, и я ничего другого из его немецкой речи не мог понять, кроме «Guten Morgen». При встрече со мной он всегда поднимал котелок вверх и в сторону и говорил: «Морин». Был в Подгорном еще один из бывших в немецком плену. Этот, хотя знал по-немецки очень мало слов, выговаривал их правильнее Саблина...»¹⁴¹.

Тем не менее, для многих бывших военнопленных немецкий язык становился после окончания войны стартовым капиталом при приспособлении к новому советскому обществу. В адрес советского

137 См.: HstA Stuttgart, M 1/7, Bue 23, Gerichtsurteil, 1916.

138 См.: HstA Stuttgart, M 1/7, Bue 22, Gerichtsurteil, 1916.

139 См.: GStA PK, HA I, Rep. 87 B, Nr. 16103, Auszuege aus Beschwerden pommerscher Landwirte ueber die Haltung russischer Kriegsgefangenen, 15.8.1918.

140 См.: РГАСПИ, ф. 583, оп. 1, д. 186, л. 27–41. Список и анкеты лиц татарской национальности, прибывших из германского плена (1919–1920).

141 Окнинский А. Два года среди крестьян. Виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 года до ноября 1920 г. Рига, 1936. С. 62–63. (За указание на этот источник я благодарю Нарского И.В.)

представительства в Германии и в другие организации регулярно поступали обращения из лагерей с просьбой дать возможность занять какую-то административную должность на основании владения немецким. И если офицеры ссылались на действительное знание языка: «Готов немедленно предложить мою кандидатуру комиссариату финансов или всероссийскому экономическому совету. В этой или другой администрации могу крайне продуктивно работать в области международных отношений — в большей степени с Германией, так как владею языком и теоретическими познаниями. Закончил Московский университет»¹⁴², — то вернувшиеся на родину солдаты в попытках приобретения значимых позиций в государственных и партийных органах присовокупляли к своему мнимому владению языком приукрашенный революционный опыт: «в плену... немало поработал в пользу Советской России... при свержении германского царизма я строил баррикады в Берлине... ездил по фабрикам, вел пропаганду среди рабочих и подвергался аресту... Прошу дать мне какую-либо должность, чтобы ездить в Германию с какой-либо делегацией, хотя бы по торговому делу, а если можно, помочь нашим товарищам в Германии для расширения коммунизма среди германского пролетариата»¹⁴³.

ТАЙНОПИСЬ И ИНОСКАЗАНИЯ

С целью преодоления двойной цензуры корреспонденции с немецкой и русской стороны военнопленные и их родственники прибегали к различным уловкам: от тайников и специальных жидкостей для написания до использования особых знаков и иносказаний. Немецкие военные ведомства, которые регулярно обменивались опытом противодействия подобным ухищрениям, свидетельствовали об использовании для передачи информации внутренней стороны конвертов, крошечного квадратика под почтовой маркой, сигаретных

142 SaechsHSta, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6961, Leutnant Greves an Russisches Buero, Juni 1918.

143 ГАРФ, ф. 3333, оп. 3, д. 53, л. 132–133. Заявление П. Фалеева Председателю СНК Ленину. 1921 г.

гильз, хлеба, клубков шерсти или двойного дна посылочных ящиков¹⁴⁴. Поверх обычного текста и между строк пленные писали луком, молоком или уриной¹⁴⁵. Некоторые буквы в письмах подчеркивались, другие писались с особым нажимом или обводились дважды, в середине или в конце предложения появлялись заглавные буквы, которые при сопоставлении превращались в скрытые послания¹⁴⁶. По сведениям немецкой цензуры, знаки «-» и «+», а также буквы «о, п, х» сообщали о качестве жизни в лагере. Если в выражении «Кормление наше хорошо» в буквах «о» ставились точки, предложение должно было приобретать обратный смысл, то же значение имел оторванный уголок почтовой карточки. Использование тайнописи в корреспонденции военнопленных подтверждалось и русскими цензорами. В ГУ ГШ был составлен целый перечень условных знаков, к которым чаще всего прибегали военнопленные при передаче информации родственникам. Например, заглавные буквы «ГХМ» должны были читаться как «Германия хочет мира», «РМ» — «работами мучают» и т.д. Кроме того, письмо, написанное косыми строчками, или с оторванными уголками должно было обозначать плохую жизнь в плену¹⁴⁷. Список предполагаемых знаков распространялся в России среди провинциальных цензоров в качестве инструкции.

Военнопленные выработали множество вариантов сообщения об истинных условиях содержания в плену. Чаще всего они превращали передающие нужную информацию слова в фамилии, надеясь

144 См.: SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6954, Kommandantur Chemnitz, 30.3.1917; Nr. 6979, PKMIN, 28.4.1916, Geheimnachrichten in den Briefen von Kriegsgefangenen; 11352, St. GKdo, Nr. 727, Taetigkeitsbericht der Inspektion der Kriegsgefangenenlager XII und XIX AK, Juli, S. 7; BayStA, Stv.GenKdo I. A.K., Nr. 1407, PKMIN, Abwehr in den Gefangenenlagern. 30.7.1917; Stellv.General Kommando des III. bayerischen A.K. Nr. 175, Postzensur Ingolstadt, 18.12.1917; РГВИА, ф. 2031, оп. 4, д. 1751, л. 504, 510. Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта. Рапорты о цензуре почтовых отправлений военнопленных, 1916 г..

145 См.: BayHStA, Stellv.General Kommando des III. bayerischen A.K. Nr. 175, Kommandantur Erlangen; Stv.GenKdo I. A.K., Nr. 1412. 16.10.1917; Nr. 1417. Inspektion der Kriegsgefangenenlager des I. A.K., 26.4.1917.

146 См.: BayHStA, Stv.GenKdo I. A.K., Nr. 1418, St. GKdo II. b. A.K., Nr. 275, Bericht des Nachrichtenoffiziers des X.A.K., 21.6.1917.

147 См.: ОГАЧО, ф. И-153, оп. 1, д. 3, л. 186. Военный цензор г. Троицка. Секретно. Циркулярно. 16.12.1916.

на автоматизм действий и невнимательность переводчиков: «Голодников», «Голодарев», «Мясников», «Масляков» и т.д. В полном виде послание выглядело вполне безобидно: «Я живу здесь с Ермолаем Кормильичем Голодухиным, с которым ты вскоре познакомишься, мы с ним неразлучны». Иногда при написании даты вместо слова «года» писалось «голода»¹⁴⁸. С этой же целью пленные еврейского происхождения вставляли в послания выражения на иврите: «От Исаака Борис часто получает письма, также от Меер Ялоп. Он вместе с Хазер-Лехем, так он пишет». В примечаниях немецкого переводчика пояснялось, что первое выражение означает «в Германии в плену», второе — «мало хлеба»¹⁴⁹. Еще один пример: «Мой товарищ Лехемович [лехем — хлеб] меня уже давно покинул. Я все время живу с товарищем Ноов [но — голод]. Среди нас Тонессов [тонес — пост]»¹⁵⁰.

Кроме того, солдаты и офицеры прибегали к иносказаниям, которые должен был понять только адресат. Часть из них, однако, была «расшифрована» и немецкими цензорами. Употребляя выражения: «Я живу здесь неплохо, как у Николая Чудотворца»; «...как на Выборгской стороне»; «... не хуже, чем в нашем пансионе в деревне Медведская», военнопленные вели речь об известных психбольницах или местах заключения в России. Иносказания в письмах военнопленных фиксировались и русской стороной. В журнале «Нива» сообщалось о «хитрости русского пленного», который после нескольких предложений о прекрасном содержании сравнил свою жизнь с пребыванием на «Сабуровой даче», имея в виду больницу для умалишенных¹⁵¹. Немецкие источники цитировали также выписку из письма одного офицера, обратившего на себя внимание указанием на цитату из Библии «2 Кор.11–27»¹⁵². В указанной строфе зна-

148 См.: BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K., Nr. 275, Bericht des Nachrichtenoffiziers des X. A.K., 21.6.1917; SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6993, PKMIN, 19.5.1917.

149 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6952. Kommandantur Doebeln, Geheime Mitteilungen in den Briefen Kriegsgefangenen, 4.9.1915.

150 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr.6979, PKMIN, ПБМ. 9.9.1916, Paketuntersuchungen und Geheimschriften in den Briefen der Kriegsgefangenen

151 См.: Нива. 1915. № 15. С. 4.

152 См.: BayStA, Stv. GenKdo I. A.K., Nr. 1418.

чится: «в труде и в изнурении часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в нагоде». Метафора «у нас здесь великолепная татарская кухня» должна была сообщить, что в лагерях кормят козиной¹⁵³. Э. Абдрашитов приводит в своей статье цитату из письма доктора Базилевича, который скрыл сообщение о плохом обеспечении в лагерях под «кодом» — «питание по нормам известного профессора гигиены Цытовича»¹⁵⁴.

В свою очередь родственники с помощью иносказаний доносили до военнопленных информацию о положении на фронте или в русском тылу. Россия обычно кодировалась в посланиях именем «Ваня» или словом «Матушка», соответственно Германия — «Гера» или «дядя Миша», Австрия — «дядя Йозеф»¹⁵⁵. На имя одного из русских офицеров в саксонском лагере пришло письмо следующего содержания: «Ванин процесс закончится к июню, так думают ведущие адвокаты. Хотя перед Ваней стоят колоссальные задачи, победа все же гарантирована»¹⁵⁶. Лейтенанту Смирнову родственники из Минской губернии сообщали: «Ты хочешь знать, как детям дяди Миши [немецким военнопленным] живется у Вани? Им не сладко, Ваня держит их строго, но зла от него они не видят, потому что он своих детей содержит не лучше. Все это потому, что он не понимает, как ему правильно вести свое хозяйство»¹⁵⁷. Ему же от другого адресата: «Матушка еще жива, но бог дает нам терпение, ее болезнь по предсказанию врачей может быть вылечена, и мне тоже так кажется. Все ее внуки заботятся о ней, несмотря на то, что признаков выздоровления пока не видно»¹⁵⁸. После вступления Румынии в войну на стороне Антанты и неудач на румынском фронте брат писал капитану

153 См.: SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6979. PKMIN, 28.4.1916, Geheimnachrichten in den Briefen von Kriegsgefangenen.

154 Цит. по: Абдрашитов Э. О социальной ностальгии российских военнопленных. С. 132.

155 Интересно, что французы, также очень активно использовавшие в переписке тайные знаки и иносказания, именовали Россию «Николеттой». См.: SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6996; M Kr., Nr. 12910.

156 SaechsHStA, 11348, St. GKdo, Nr. 150, Kriegsgefangenenbriefe, November 1915.

157 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6952. Kommandantur Doebeln, Geheime Mitteilungen in den Briefen Kriegsgefangenen, 4.9.1915.

158 SaechsHStA, 11348, St. GKdo, Nr. 150, Kriegsgefangenenbriefe, November 1915.

Пиотровичу: «Что я могу тебе сказать о нашей матушке? Ее здоровье очень плохо, особенно после несчастья с сестрой [Румынией]. Бедняжке, если она выживет, разрушили весь организм и доктора не могут помочь. Но как все старые женщины она очень своевольна и не хочет прибегнуть к радикальному лечению. Ее питание очень плохо»¹⁵⁹. Часто в письмах проскальзывали сообщения и о западных союзниках России: «Наши инженеры занимаются улучшением нашего дома и очень энергично, так что их работа успешно продвигается. Тети Леля [Англия] и Клер [Франция] помогают нам, насколько возможно. Недавно одна из них прислала нам своих рабочих». В другом послании на имя того же адресата сообщалось, что некто Александровский [по-видимому, один из полков] уехал к тете Клер¹⁶⁰. В письме из Симферополя на имя военнопленного офицера в лагере Дебельн с помощью иносказаний сообщалось, что турки потерпели неудачу при попытке высадиться в Крыму: «Недавно здесь был знакомый Османов. Он, видимо, скучает по Сахаревичу и хочет его видеть. Османов ехал ко всем нашим, однако, не смог попасть в институт»¹⁶¹.

Сообщения с фронта стилизовались также под обычные рассказы о сборе урожая в поместье: «Из владений [с фронта] я получил хорошие известия. Подготовка урожая [новой атаки] закончена и обмолот идет полным ходом. Особенно энергично молотят на юго-западе. Новый управляющий [царь] очень деятелен и молотит в полную силу. Если работа так пойдет дальше, то больше нечего желать, и мы все рады по поводу успехов в улучшении хозяйства. Ты можешь спокойно собирать силы: урожай весной будет таким же неизмеримым... Собаки [офицеры] здоровы и передают тебе привет. Доверься моему радостному известию: скоро мы будем богаты»¹⁶². Наконец, предложения типа «Тебя приветствует Николай Николаевич Победоносец» означали, что на каком-то участке фронта русские войска одержали победу¹⁶³.

159 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6952. Kommandantur Doebeln...

160 SaechsHStA, 11350, Abwicklungsamt des XII. A.K., Nr. 120, 11.6.1916.

161 SaechsHStA, 11352, St. GKdo, Nr. 575. Kommandantur Doebeln, 18.4.1916.

162 SaechsHStA, 11348, St. GKdo, Nr. 150, Kriegsgefangenbriefe.

163 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6952. Kommandantur Doebeln.

Иногда письма в лагеря содержали информацию о продовольственной ситуации в русском тылу: «Телятников и Овечкин бывают у нас каждый день. Яновер заглядывает не часто. Он тебя не забыл? Ты спрашиваешь о даме Гречевой, она не у Булатова. Может, мне удастся найти ее у Базарчика. Я пытаюсь выполнить твою просьбу относительно Саловой, но она все время у Жоржа. К нам приехали дети дяди Йозефа. Боба видел их сегодня без присмотра»¹⁶⁴.

Через прием иносказания родственники военнопленных офицеров пытались объяснить им стратегию поведения, которая могла бы облегчить их обмен в качестве инвалидов. Так, одно из писем на имя лейтенанта Демидова привлекло внимание цензоров своим подозрительным содержанием: «... мы были вместе у дяди Толи [МИД?] и послали письмо в город, ... в котором летом был умерший Алеша. Там проводятся переговоры с генералом Испанцевым [послом Испании] о возвращении наследства [инвалидов]. Ему послано письмо обратить внимание, что Демущка [Демидов], возможно, душевно болен и это для процесса [обмена] очень важно. Я рада, что смогу тебе передать через Американца письмо, которому ты должен рассказать подробности». Сопоставление фактов привело комендатуру лагеря к выводу, что с помощью американского представителя Харта, который должен был вскоре посетить лагерь, Демидов попытается симулировать признаки душевной болезни¹⁶⁵.

ВОСПРИЯТИЕ СОВЕТСКОГО НОВОЯЗА

Задолго до Октябрьской революции в России большевистское руководство, находившееся во время войны в эмиграции в Женеве, обозначило массу военнопленных в качестве важнейшего объекта своей пропаганды. В связи с этим еще до возвращения основной массы на родину солдаты в немецких лагерях испытали на себе воздействие большевистской агитации и приобщались таким образом к языку нового государства. Особенно активной обработке подвергались военнопленные, содержащиеся в основных лагерях, в меньшей сте-

164 SaechsHStA, 11352, St. GKdo, Nr. 575, Kommandantur Doebeln, 18.4.1916.

165 См.: SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6953, Kriegsgefangenenbriefe, 12.4.1916.

пени — работавшие небольшими партиями в отдаленных хозяйствах. Относительному успеху советской пропаганды способствовали удачно использованное большевистскими агитаторами возведение пленных в ранг «жертв старого режима», их освобождение от стигмы предателей, а также регулярная демонстрация усилий новой власти по возвращению солдат старой армии на родину. Лагерное сообщество, стремившееся не пропустить обещанный большевиками раздел земли и поверившее в возможность возвращения к мирной жизни, с готовностью строило свою жизнь за колючей проволокой по советскому образцу и училось «говорить по-большевистски» (С. Коткин).

С самого начала своей деятельности Советское Бюро по делам военнопленных в Берлине прикладывало значительные усилия, чтобы добиться перевыборов состава лагерных комитетов. Сменившая врачей, унтер-офицеров и священников на постах лагерных представителей новая «элита», избранная из числа солдат, облегчала распространение нужных лозунгов среди военнопленных. По распоряжению советских представителей лагерные комитеты обязывались привлечь к обучению в школах минимум 2/3 от общего числа неграмотных¹⁶⁶. В рамках ликбеза военнопленные подвергались большевистской агитации. По инициативе Бюро в лагерных газетах одним из обязательных разделов стал политический словарь, где объяснялись значения базовых понятий типа «пленарный» и «ликвидация»¹⁶⁷.

Под воздействием массивной пропаганды военнопленные встраивались в господствующий дискурс и заучивали предписываемую им лексику. На имя большевистского правительства (так же как и ранее на имя Временного) поступали пламенные уверения: «Мы, военнопленные, ознакомившись с положением мировой революции, просим передать товарищеский привет руководителям авангарда ее и уверение, что, прибыв на места, будем помогать прокладывать ближайший путь всемирной единой коммуне»¹⁶⁸. Многочисленные декларации, направляемые пленными в адрес Бюро о готовности

166 См.: ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 37, л. 183. Переписка Советского бюро и лагерных комитетов, 1920 г.

167 См.: Красная заря. 25 нояб. 1920.

168 ГАРФ, ф. 3333, оп. 3, д. 336, л. 197. Переписка с СНК и редакциями газет и журналов об освещении в печати писем военнопленных, 1918 г.

«работать на благо власти рабочих и крестьянских Советов», а также организовывать сборы для приобретения и отправки в Советскую Россию машин и инструментов «в знак непреодолимого влечения и симпатии к рабочим РСФСР»¹⁶⁹, чаще всего стимулировались стремлением к досрочной отправке. Подобные формулировки стали неотъемлемой частью различного рода обращений, например, просьб разрешить возвращение на родину вместе с женой-немкой и детьми, которых солдат не хотел «оставлять в стране насилия для издевательства над ними ненавистной буржуазии»¹⁷⁰. После прибытия на родину на вопросы анкеты о политических настроениях в данный момент указывалось: «Вполне сочувствую и признаю существующую Советскую власть единственную, которая приемлема русскому народу и способна вывести на светлый путь будущего»¹⁷¹.

Отдельные письма в адрес Бюро свидетельствуют, что усвоение большевистского учения часто являлось лишь видимостью, а основной целью солдат оставалось возвращение на родину: «Прошу канцелярию сообщить: какое направление имеет коммунизм, в чем заключается его сущность и какую разницу он имеет с большевизмом. Нас всех записывают в коммунисты. Не повлияет ли это на отправку?» или «Мне бы только домой, я политики не понимаю»¹⁷². Во время промежуточного пребывания в Дании, где антисоветские настроения были достаточно сильны, репатрианты с готовностью заявляли, что «не являются большевиками и вообще имеют о них смутное представление», с восторгом принимая при этом денежные пособия от советского представителя¹⁷³.

169 ГАРФ, ф. 3333, оп.3, д. 171, л. 40. Доклад о деятельности агитпунктов, 30.10.1920.; ф. 9488, оп. 1, д. 110, л. 114–115. Обращение от 18 лагерей военнопленных в Советское бюро, 1920 г.

170 ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 59, л. 298. Обращение военнопленного в Советское бюро, 1920 г.

171 ОГАЧО, ф. Р-70, оп.-3, д. 6, л. 6. Анкеты военнопленных, прибывших из германского плена, 1921 г.

172 См.: ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 215, л. 158. Обращения военнопленных в Советское бюро, 1920 г.; ф. 9488, оп. 1, д. 110, л. 383. Воззвание комитета лагеря Штаргард, 1920 г.; РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 812, л. 7. Колосов М. Воспоминания о положении русских военнопленных в Дании в 1918–1919 гг.

173 РГАСПИ, ф.70, оп. 3, д. 812, л. 18. Колосов М. Воспоминания о положении русских военнопленных в Дании в 1918–1919 гг.

IV.3. ОФИЦИАЛЬНАЯ И НАРОДНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ЛАГЕРЯХ

Полтора миллиона солдат и офицеров русской армии в немецких лагерях военнопленных Первой мировой войны отражали этническое и конфессиональное многообразие Российской империи. Наряду с православным большинством в плену оказались католики, протестанты, мусульмане и иудеи. Изучение религиозной жизни в лагерях позволяет осветить контактно-конфликтное взаимодействие лагерного сообщества с чужой религиозно-культурной средой, а также пока еще мало изученный вопрос влияния бытовой набожности на усвоение индивидом опыта первой современной войны.

Исследования, посвященные процессам секуляризации и трансформации религиозности в первой половине XX в., подчеркивают, что основными составляющими восприятия и преодоления кризисной ситуации индивидами и социальными группами являлись не только обращение к уже существующей «религиозной смысловой системе» (П. Бергер, Т. Лукманн, К. Гирц), но и выработка новых (не всегда легитимированных церковью) форм коммуникации и практик благочестия¹⁷⁴. Проявления бытовой набожности: суеверия, мистические ритуалы, ношения талисманов — были объединены теоретиками религиозной социологии в понятие «популярная религиозность» (М. Эбертц, Ф. Шултейс). Ее формы и границы аморфны и зависят от практикующей ее социальной группы¹⁷⁵. Эмпирические работы об официальной и популярной религиозности на Восточном фронте Первой мировой войны пока немногочисленны, при этом они практически не затрагивают тематику плена. В публикациях о деятельности военного духовенства Д. Байрау и А. Кострюков констатируют недостаток православных священников в армии, отсутствие у них должной подготовки

174 См.: Бергер П., Лукманн Т. Социальное конструирование действительности; Гирц К. Интерпретация культур. — М., 2002. Раздел «Религия как культурная система».

175 Schieder W. Religionsgeschichte als Sozialgeschichte. Einleitende Bemerkungen zur Forschungsproblematik // Geschichte und Gesellschaft. 3 (1977). S. 291–298; Knoblauch H. Religionssoziologie. Berlin, 1999. S. 186; Beil C. u.a. Populäre Religiosität und Kriegserfahrungen // Theologische Quartalschrift (Themenheft). 4 (2002). S. 316.

и общее падение авторитета церкви среди солдат и офицеров¹⁷⁶. Е. Сенявская, описывая бытовой мистицизм в русской армии, отмечает преобладание в солдатской среде традиционного конфессионального сознания, не затронув при этом вопрос о влиянии на него нового военного опыта¹⁷⁷. Перспективу сравнения религиозности в лагерях с трансформацией набожности в русской провинции открывают выводы И. Нарского о том, что в условиях революции народная религиозность сохранила статус альтернативной культурной системы толкования действительности и выбора моделей поведения¹⁷⁸.

Реконструкция религиозной жизни в немецких лагерях военнопленных предполагает изучение официальной организации требоисполнений, альтернативных повседневных практик, выявление частоты употребления военнопленными соответствующей лексики, а также роли религиозных представлений в выработке образцов толкования нового опыта. В силу представительности группы военнопленных православного вероисповедания ей будет уделено основное внимание, в то время как религиозная повседневность остальных конфессиональных групп может быть освещена только в виде краткого экскурса.

ТРУДНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ БОГОСЛУЖЕНИЙ В ЛАГЕРЯХ

Для приведения религиозной жизни военнопленных в соответствие со ст.18 Гаагской конвенции немецкая сторона планировала использовать уже существующую в Германии к началу войны военно-цер-

176 См.: *Байрау Д.* Фантазии и видения в годы Первой мировой войны; *Кострюков А.* Русское военное духовенство в 1917 г. Опубликовано на сайте «Седмица». url. <http://www.sedmitza.ru/index.htm?did=36954>.

177 См.: *Сенявская Е.С.* Бытовая религиозность на войне (на примере двух мировых и советско-афганской войн) // *Менталитет и политическое развитие России*. — М., 1996. С. 135–136.

178 См.: *Нарский И.* Народная религиозность на территории Оренбургского казачьего войска в испытаниях революцией (1917–1922) // *Оренбургское казачье войско. Религиозно-нравственная культура*. — Челябинск, 2001. С. 125–139; *Narskij I.* Volksfroemigkeit und Kriegserfahrung im Ural (1917–1922) // *Beyrau D.* (Hg.) *Der Krieg in religioesen und nationalen Deutungen der Neuzeit*. Tuebingen, 2001. S. 165–188; *Нарский И.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922. — М., 2001. С. 156–161.

ковную организацию, не привлекая дополнительные силы из числа гражданского духовенства¹⁷⁹. Согласно первоначальным расчетам ПВМ, на каждые 3 тыс. солдат и офицеров противника должен был приходиться один священник, проводящий требоисполнения минимум раз в две-три недели¹⁸⁰. Значительное превышение ожидавшегося числа военнопленных, их привлечение к принудительному труду, постоянное дробление рабочих команд и катастрофическая нехватка священников¹⁸¹ внесли в утвержденные директивы существенные поправки. Несмотря на то, что в богослужениях в рабочих командах были задействованы не только местные пасторы, но и военнопленные священники, число обрядов для крупных формирований пришлось сократить до одного раза в шесть недель, в случае небольших и далеко расположенных друг от друга бригад подобные мероприятия были признаны нецелесообразными и полностью отменены¹⁸². Однако даже эта сокращенная программа была трудно реализуема. Хозяева поместий, особенно в разгар сельских работ, отказывались отпускать военнопленных в ближайшую церковь¹⁸³. В Саксонии посещение местных служб было признано нежелательным после скандала, когда около ста русских и французских военнопленных были

179 В Германской империи полевые (католические и протестантские) священники подчинялись не церкви, а военным органам и приравнивались в своем статусе к высшим военным чиновникам.

180 BayHStA, M Kr., Nr. 1637, PKMIN, 27.3.1915; SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 155, PKMIN, 8.5.1915. Seelsorge bei den Kriegsgefangenen; Barch-MA, PH 32/620, III. A.K., 13.2.1919; Reichswehrministerium, 1.4.1920, Sammlung von Kriegserfahrungen.

181 По утверждению протопресвитера русской армии, более 100 православных священников попали в плен. Для Шавельского это служило подтверждением, что священник «находился на своем посту, а не пробавлялся в тылу, где не угрожала опасность». См.: *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера. Нью-Йорк, 1954. С. 106. Исследователи, однако, указывают цифру в 76 военных священников, попавших в лагерь Центральных держав. См.: *Байрауд Д.* Фантазии и видения; *Кострюков А.* Русское военное духовенство.

182 Barch-MA, PH 32/7, Stellv. GKdo des X. A.K., 7.4.1916; HStA Stuttgart, M 77/2, Bue. 32, Erfahrungen der Abteilung II f des St. GKdo XIII. A.K. September 1916. Та же мера уже из эпидемиологических соображений была предписана карантинным лагерям. См.: Barch-MA, PH 32/8, Kriegsgefangenenlazarett Lamsdorf, 23.6.1915.

183 Barch-MA, PH 32/9, Katholischer Garnisonpfarrer Kolodziej in Altengrabow, 13.5.1918.

приведены на богослужение в придворную капеллу Пильница, где в это время молилась королевская семья¹⁸⁴. В целом, по признанию немецкой стороны, удовлетворить религиозные потребности находящихся в рабочих командах военнопленных было невозможно, и в результате только немногие посещали службы¹⁸⁵.

На фоне западных союзников организация религиозной жизни военнопленных из Российской империи представлялась наиболее проблематичной. Постепенно к обслуживанию незначительного количества католиков, протестантов и иудеев были привлечены немецкие священники, раввины или теологи из окрестных университетов. Что касается православных и мусульман, практически все коменданты и инспекции указывали на отсутствие богослужений в течение более чем полугода вследствие нехватки пастырей или предметов культа¹⁸⁶. В адрес ПВМ поступали регулярные заявки срочно предоставить православного священнослужителя, из которых удовлетворялась только каждая десятая¹⁸⁷. Нехватку проповедников в лагерях немецкие военные органы пытались восполнить за счет перевода духовных лиц из оккупированных прибалтийских и польских областей, в исключительных случаях вместо отсутствующего священника религиозные обряды исполняли военнопленные учителя или представители других интеллигентных профессий¹⁸⁸. Временным решением проблемы было признано привлечение

184 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr.155, Stellv. GKdo des XII. A.K.,

185 Barch-MA, PH 32/620, Militaer-Oberpfarramt I. A.K., 31.1.1919.

186 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr.155, Inspektion des XII. und XIX. A.K., 01.1915; Barch-MA, PH 32/8, Inspektion der Gefangenenlager im Bereiche des Gardekorps, 10.4.1915; Barch, R 1508/ 750, Kommandantur Wetzlar, 1.11.1915; BayHStA, M Kr., Nr. 1646, Lagerbericht ueber Religionsorganisation in den Lagern, 23.1.1916; HStA Stuttgart, M 77/2, Bue 92, Zur Einrichtung eines Offizier-Gefangenenlagers bei der Mobilmachung. 1918; К положению в Баварии см. также: *Mitze, K.*. Das Kriegsgefangenenlager Ingolstadt waehrend des Ersten Weltkrieges. Muenster 2000, S. 213.

187 SaechsHStA, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr.155, PKMIN, 8.5.1915. Seelsorge bei den Kriegsgefangenen.

188 BayHStA, M Kr., Nr.1641, Bayerisches Kriegsministerium, 23.8.1915; ., Nr. 1648, PKMIN, 25.2.1916, Russische Geistliche für die Seelsorge bei Kriegsgefangenen; Barch-MA, MSg 201/385, Die Verhaeltnisse in den Kriegsgefangenenlagern in Deutschland um die Jahreswende 1915/16; Eindruecke eines Seelsorgers (Pfarrer Correvon), Frankfurt am Main 1916, S. 7.

к службам наличествующих в лагерях французских католических священников¹⁸⁹. Однако многие из них «из религиозных соображений» отказывались «проводить отпевания православных и тем более иудеев». Поэтому чаще всего с представителями этих конфессий работали протестантские пасторы, к которым приставлялись лагерные переводчики¹⁹⁰.

Усилия российской стороны по организации религиозной жизни военнопленных не были подчинены продуманной программе духовного просвещения и в итоге были ограничены бессистемной посылкой в лагеря книг и предметов культа. С одной стороны, при Синоде была учреждена Комиссия по удовлетворению религиозно-нравственных нужд русских военнопленных под председательством протопресвитера военного и морского духовенства Г.И. Шавельского. В ее обязанности входило «командировать в Германию и Австрию для пастырского попечения о военнопленных священников, снабжать их необходимыми для богослужений принадлежностями, ...посылать ...военнопленным в духовную помощь и утешение соответствующие издания религиозно-нравственного, научного и общелитературного содержания»¹⁹¹. Реализации этих намерений должны были способствовать и решения Копенгагенской конференции 1916 г., предоставившие странам-противницам возможность отправить «потребное число духовных лиц с условием, чтобы они не имели права до конца войны выезжать из этой страны без разрешения правительства этой страны». В одном из своих выступлений представитель РОКК Маркозов сослался на настоятельное желание протопресвитера, чтобы православные священники оставались в плену весь период войны, «дабы все время подавать духовное утешение военнопленным»¹⁹². Однако в источниках пока не удалось найти подтверждений фактов добровольной или организованной отправ-

189 SaechsHSta, 11348, Stellvert. Generalkommando, Nr. 142, Kommandantur Bautzen, 25.8.1914, Unterbringung von Gefangenen.

190 Barch-MA, PH 32/404, Kriegsgefangenen-Inspektion VIII. A.K. Koeln, 26.6.1918; PH 32/9, Cassel-R, Marienkrankenhaus, 25.7.1918.

191 ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 76, л. 183. Отчет о деятельности Союза молодых христиан, 1918 г.; РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 753, л. 92. Военная летопись. 14 апр. 1916 г.

192 Вестник Красного Креста. 1916. № 1.С. 116.

ки духовных лиц из России в лагеря, более того, уже попавшие в плен военные священники досрочно возвращались на родину, оставляя свою паству¹⁹³. Негативную роль для авторитета церкви в лагерях сыграл Комитет императрицы, массово присылавший в лагеря образки и книги религиозного содержания¹⁹⁴ вместо столь ожидаемых там продуктовых пакетов. Полностью вне поля зрения русской стороны остались представители неправославных конфессий. В результате отсутствия планомерных усилий по духовному воспитанию военнопленных со стороны официальной церкви религиозная жизнь в лагерях отошла от заведенных канонов, а вниманием массы легко завладели немецкие пропагандисты и революционеры-эмигранты.

Частично отсутствие духовного утешения было восполнено нейтральными религиозными организациями, прежде всего YMCA. Издававшийся им «Вестник военнопленного» распространялся в лагерях на французском, русском, немецком и английском языках в количестве 41 тыс. экземпляров и проповедовал среди военнопленных христианские идеи и нравственные принципы вне зависимости от конфессиональной принадлежности, здесь же печатались тексты и ноты религиозных песен¹⁹⁵. Одну из своих задач представители организации видели в побуждении пленных к изучению Библии, отмечая, однако, что русские в силу особенностей православия не были к этому склонны¹⁹⁶. Организация религиозных праздников и лагерного досуга принесла Союзу заслуженную популярность в рядах пленных, подтверждавшуюся многочисленными благодарностями с их стороны¹⁹⁷.

193 Barch-MA, PH 32/9, Cassel-R, Marienkrankenhaus, 25.7.1918.

194 Русские ведомости. 1916. 27 янв.

195 BayHStA, M Kr., Nr. 1689, PKMIN, 27.10.1917; St. GKdo II. b. A.K., Nr. 275, Kommandantur Aschaffenburg, 3.6.1918; Это я, не бойтесь (проповедь на русском языке). Кассель 1917. Издательство YMCA для военнопленных; Lettisches Flugblatt für Kriegsgefangene, Nr. 8, 1917; SaechsHStA, 11352, Stellvert. Generalkommando, Nr. 559, Christliche Gesellschaft in Kassel, Maerz 1918.

196 ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 76, л. 190. Отчет Союза молодых христиан о деятельности в лагерях, 1918 г.

197 Там же; ф. 3341, оп. 1, д. 210, л. 153. Отчет Союза молодых христиан о деятельности в лагерях, 1917 г.; ф. 9488, оп. 1, д. 36, л. 175. Переписка Союза молодых христиан с лагерями военнопленных, 1918 г.

РЕЛИГИОЗНЫЕ МЕНЬШИНСТВА: КАТОЛИКИ, ПРОТЕСТАНТЫ, МУСУЛЬМАНЕ И ИУДЕИ

Вплоть до оккупации немецкими армиями западных территорий Российской империи, которая позволила мобилизовать местных священников для обслуживания лагерей, пленные католического вероисповедания (поляки и литовцы) посещали службы совместно с французами, бельгийцами и итальянцами¹⁹⁸. По свидетельству немецких военных священников, поляки, в отличие от остальных, были очень благодарны за эту возможность и прилежно исповедовались¹⁹⁹. Немногочисленным представителям протестантской церкви из числа русских немцев, латышей и эстонцев был разрешен контакт с местными пасторами. Кроме того, из оккупированных областей в лагеря присылалась литература религиозного содержания и сборники псалмов на родных для военнопленных языках²⁰⁰.

Религиозная жизнь мусульман в Германии была подчинена, прежде всего, пропагандистским целям, поэтому ее центром стал агитационный лагерь Вайнберг под Берлином. Помимо общения с муллой переведенные сюда солдаты получали возможность посещать специально построенную в соседнем Вюнсдорфе мечеть, пользоваться школой и библиотекой. С наибольшим размахом из всех исламских праздников отмечался байрам, во время которого мусульмане освобождались от работ, обеспечивались лучшей едой и объединялись для молитв с представителями располагавшихся поблизости рабочих команд²⁰¹. Главные празднества проходили в Вайнберге, где в присутствии немецких генералов, турецких представителей и де-

198 Barch-MA, MSg 201/385, Die Verhaeltnisse in den Kriegsgefangenenlagern in Deutschland um die Jahreswende 1915/16; PH 32/9, Der Bischof von Ermland, 5.2.1918.

199 SaechsHStA, 11348, St. GKdo, Nr.155, Kommandantur Zittau, 27.3.1916; Barch-MA, PH 32/620, Katholisches Garnisonpfarramt, Berlin, 13.2.1919.

200 Barch-MA, PH 32/7, Hilfsausschuss für Gefangenen-Seelsorge, 31.3.1916, Evangelische Abteilung; PH 32/620, Stellv.GKdo des VI. A.K., 10.2.1919.

201 BayHStA, M Kr., Nr. 1705, Kommandantur Erlangen, 4.8.1920; Nr. 1691, PKMIN, 28.2.1918; Nr. 1702, An Bayerisches Kriegsministerium, 25.8.1919; Frenndt A. Puchheim.

легаций из других лагерей совершались положенные обряды, включая жертвоприношения²⁰².

Инициатива в организации религиозных отправлений военнопленных иудейского вероисповедания исходила от еврейских организаций Германии и нейтральных стран, которые в качестве влиятельного лобби сумели наладить интенсивные контакты с военными органами. Через персональные обращения и печатные воззвания в еврейских журналах к сбору книг для лагерей привлекалась и русская общественность. В качестве инициаторов выступали «Организация просвещения евреев», «Комитет помощи пленным евреям-воинам» и видные общественные деятели²⁰³. Активное участие в обеспечении пленными материалами для чтения принимали раввины из оккупированных областей²⁰⁴.

При содействии Свободного объединения интересов ортодоксального еврейства уже в сентябре 1914 г., во время празднования иудейского нового года, немецкие военные органы предоставили священникам местных еврейских общин возможность проводить службы в лагерях либо разрешили пленным посещать соседнюю синагогу²⁰⁵. Фактически это стало первым масштабным мероприятием немецких военных органов по обеспечению религиозных отправлений военнопленных. Спустя месяц Объединение обратилось в ПВМ с просьбой в рамках предписанного рациона организовать в лагерях с большим представительством евреев религиозную кухню. Министерство согласилось при условии, что пленные ясно выразят свои желания и раздельное питание не помешает функци-

202 Aus deutschen Kriegsgefangenenlagern, zweite Folge. Frankfurt am Main, 1916. S. 128–133.

203 См.: ГАРФ, ф. Р-6402, оп. 1, д.1, л. 45, 46. Комитет помощи военнопленным евреям из России (Женева). Еврейский комитет помощи русским военнопленным в Германии и Австрии (Лозанна). а также: *Maurer T.* «Sehr wichtig sind Buecher von der juedischen Geschichte». S. 266.

204 Так, после запрещения раздачи в лагерях «Варшавского ежедневника» польский раввин Ауэрбах по собственной инициативе разослал в адрес комендантур пробные номера консервативно-религиозной газеты «Еврейское слово», допущенного военной цензурой в Варшаве. См.: *SaechsHStA*, 11248. *Saechsisches Kriegsministerium*, Nr. 6969. An Kommandantur Bautzen, 23.2.1917.

205 См.: *SaechsHStA*, 11348, St. GKdo, Nr. 155, PKMIN, 30.8.1915, а также: *Mitze K.* Das Kriegsgefangenenlager Ingolstadt. S. 216.

онированию налаженной системы обеспечения²⁰⁶. В ходе проведенных в лагерях расчетов и опросов выяснилось, что организация отдельной кухни для еврейских военнопленных предположительно нарушит сложившийся порядок, а объединение их в один лагерь — работу лагерных канцелярий, где они исполняли обязанности переводчиков. Кроме того, большинство иудеев не высказало желания получать кошерную пищу²⁰⁷. Тем не менее, в лагерях, где их представительство было наиболее массовым — в Гермерсгейме, Раштатте, Пархиме были организованы отдельные кухни²⁰⁸. В остальных лагерях и рабочих командах к пасхе раздавалась маца вместо хлеба, для чего ПВМ выделяло 200 грамм пшеничной муки на человека²⁰⁹.

В Баварии ортодоксальных иудеев удалось объединить в одном из фортов крепости Ингольштадт. Жизнь этой крупной общины еврейских военнопленных в Германии зафиксировал в своих воспоминаниях комендант Й. Петер: «В форте Фридрихсхофен были размещены военнопленные израильты — унтер-офицеры и солдаты родом из России или Польши, которые в течение многих лет не получали вестей с родины или посылок с продуктами. С помощью раввина в Ансбахе для них была организована кухня, полностью отданная в управление пленным... Большинство из них вели себя хорошо, были скромны и довольны. Днем они занимались культивацией почвы вокруг форта. Зимой регулярно организовывались вечеринки и танцы. Они танцевали страстно. Им был предоставлен темный каземат, в углу которого висела керосиновая лампа. Один играл на балалайке или скрипке, остальные танцевали часами. Угроза быть исключенным из вечернего мероприятия влекла за собой чудеса послушания. Так как эти военнопленные были очень религиозны, в одном из помещений была устроена синагога. В крупные еврейские праздники они освобождались от работ»²¹⁰.

206 Maurer T. Sehr wichtig sind Buecher, S. 259–286.

207 BayHStA, Stellv.General Kommando des III. bayerischen A.K. Nr.175, Kommandantur Plassenburg, 11.12.1914; M Kr., Nr. 1640, St. GKdo des I. bay.A.K., 8.6.1915.

208 Aus deutschen Kriegsgefangenenlagern. S. 118–127.

209 HStA Stuttgart, M 1/8, Bue 227, PKMIN, 20.2.1918.

210 Peter J. Ein deutsches Gefangenenlager. S. 339.

На протяжении всей войны ПВМ пыталось сохранять баланс между обязанностью организации религиозных обрядов и строгостью лагерного режима. К примеру, в ответ на жалобу, что во время дезинфекции был испорчен талес иудея, оно предписало всем лагерям обращаться с подобными вещами «максимально осторожно»²¹¹. Местным органам, однако, постоянно напоминалось, что религиозное утешение не должно улучшать условий содержания военнопленных. При реализации этого распоряжения в Вюртембеге доктор философии А. Швейцер, допущенный к проведению богослужений среди еврейских военнопленных в Вюрттемберге, был обвинен в посылке одному из заключенных 2 ритуальных колбасок (310 грамм). В результате судебного разбирательства ему было вынесено предупреждение, а продукты были поделены между нуждающимися лагеря²¹².

«РЕЛИГИОЗНЫЙ ПАТРИОТИЗМ» ПЛЕННЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯЩЕННИКОВ

С самого начала войны одним из основных направлений просветительской деятельности военных священников в русской армии стала агитация против сдачи в плен: «тот, кто воюет без рвения, ленится и сдается в плен без боя, ...совершает тяжкое преступление перед Богом, так как нарушает присягу и не исполняет своего долга перед Царем и Родиной...перед своими товарищами, многие из которых страдают и даже погибают вследствие его трусости ...наконец, пред семьей, родом, селом и городом своим, на которые ляжет позор... По окончании войны сдавшиеся в плен будут судиться как тяжкие преступники, а семьи их будут лишены всякой помощи. Изменники покروют и себя, и детей, и внуков своих неизгладимым позором»²¹³. После попадания в лагеря православные священники также продолжали проповедовать антигерманские убеждения и поддерживать всеми

211 HStA Stuttgart, M 1/8, Bue 224, PKMIN, 10.8.1917.

212 HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 913, St. GKdo des XIII. A.K. an israelitische Kirche. 15.12.1917; Bue 914, Polizeizentrale Wuerttemberg, 24.10.1918.

213 Цит. по: *Байрау Д.* Фантазии и видения в годы Первой мировой войны. С. 752.

средствами «чувство религиозного патриотизма»²¹⁴. Отдельные случаи подобной деятельности накладывались на стойкие предубеждения немецких военных, провоцируя многочисленные конфликты и отягощая становление системы богослужений в лагерях.

Согласно немецким источникам, содержащийся в лагере Графенвер священник А. Соколов не только способствовал установлению запрещенных контактов между лагерями, но и передал с предназначенным к обмену французским врачом воззвание антинемецкого характера для публикации его в русских газетах. В округе этого же армейского корпуса за агитацию солдат против работ на немецких предприятиях от исполнения своих обязанностей были отстранены священники Павлович и Малиновский. В результате несколько крупных баварских лагерей долгое время оставались без богослужений. Только в исключительных случаях к погребениям удавалось привлекать греческого посла в Мюнхене²¹⁵. Сходная ситуация сложилась в саксонских лагерях, где священник А. Арцишевский по обвинению в неповиновении, оскорблении начальства и возбуждении недовольства во время проповедей был приговорен к годичному заключению в тюрьму. Так как духовный сан освобождал его от подсудности немецким законам, инспекцией было принято решение досрочно отправить его в Россию²¹⁶. Здесь же был отстранен от проведения служб за пропаганду и передачу корреспонденции между лагерями священник Яроцкий²¹⁷. Лишение права проводить службы и высылка на родину не всегда рассматривались немецкой стороной в качестве оптимального решения проблемы. Несмотря на подозрения в германофобских настроениях, священник лагеря Нойберг Бережной был признан не подлежащим к возвращению на Украину, так как «вследствие подстрекательского настроения может повре-

214 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6954, Inspektion der Kriegsgefangenenlager XII. und XIX. A.K., 3.5.1917.

215 См.: BayHStA, M Kr., Nr. 1641, St. GKdo des III. A.K., 16.9.1915; Nr. 1645, Inspektion des III. A.K., 24.12.1915; а также Ingolstadt im Ersten Weltkrieg. Das Kriegsgefangenenlager, Ingolstadt 1999. S. 88–90; Mitze K. Das Kriegsgefangenenlager Ingolstadt, S. 215.

216 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr.6972, Saechs.Kriegsministerium, 21.5.1917.

217 SaechsHStA, 11352, St. GKdo, Nr. 639, Kommandantur Doebeln, 4.3.1917.

дить нашим [немецким — О.Н.] интересам». Под предлогом диагноза тяжелой неврастении он был изолирован от лагерного населения²¹⁸. Обобщая свой опыт работы, коменданты вюртембергских лагерей квалифицировали пленных православных священников как «злоупотребляющих доверием подстрекателей и носителей вражеской пропаганды», предложив не только ограничить их поездки между лагерями исключительными поводами, но и запретить свободное передвижение внутри одного лагеря²¹⁹.

Отчеты с мест повлияли на позицию ПВМ, которое начало подозревать всех православных священнослужителей в отрицательном влиянии на работоспособность военнопленных и в оказании помощи при попытках бегства и приняло решение «ограничить религиозную деятельность на основных лагерях». При решении о допуске священников к требоисполнениям рекомендовалось отдавать предпочтение не профессиональным качествам и знанию языка, а абсолютной политической лояльности. Однако даже в этом случае переводчики должны были контролировать содержание проповедей²²⁰. После сообщения одного из комендантов об использовании пленными открытого круглые сутки церковного барака в качестве совещательной комнаты для подготовки побега последовало распоряжение об ограничении доступа в лагерную церковь только дневными часами²²¹.

В итоге, прогосударственный настрой военнопленных православных священников и их противостояние с немецкой военной администрацией сделали невозможным налаживание канонической церковной жизни православных пленных.

218 BayHStA, M Kr., Nr. 1691, Kommandantur Neuburg, 26.2.1918.

219 HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 898, Kommandantur Stuttgart, 23.1.1917, Geheim.

220 При подборе священников для оккупированных областей в первую очередь учитывалась национальность. В качестве нежелательных здесь элементов были определены лотарингцы и поляки. См.: Barch-MA, PH 32/9, Kommandantur der Festung Diedenhofen, 23.9.1918; а также PH 32/7, St. GKdo des XXI. A.K., 10.7.1916; PH 32/620, Gardekorps, Katholisches Militaerpfarramt, 14.2.1919; BayHStA, M Kr., Nr. 1646, PKMIN, 24.1.1916; SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6908.

221 BayHStA, M Kr., Nr. 1648, PKMIN, 4.3.1916; SaechsHStA, 11352, St. GKdo, Nr. 727, Inspektion der Kriegsgefangenenlager XII. und XIX. A.K., 31.7.1918.

ПРАВОСЛАВНОЕ БОЛЬШИНСТВО: РИТУАЛЫ, ПРАЗДНИЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ И МЕИАЛИЗАЦИЯ ТРАУРА

С подачи немецкой стороны устройство церкви во всех лагерях отдавалось на откуп лагерному сообществу, что привело к возникновению пестрого многообразия лагерных храмов. В лагерях, где не было в наличии отдельного здания церкви, в общем бараке устанавливался аналой, образа для которого умельцы среди лагерного населения писали с приходящих из России открыток²²². В благотворительные организации регулярно поступали индивидуальные и коллективные заявки на религиозную литературу и предметы культа²²³. В офицерских лагерях, где существовала возможность обустраивать церковь за свой счет, помещения для молений были более однотипны в убранстве и планировке²²⁴.

Для православных военнопленных чужая религиозная среда содержала в себе скрытый конфликтный потенциал, так как нарушала маркированный церковными праздниками годовой цикл²²⁵. Несовпадение григорианского и юлианского календарей вынуждало русских военнопленных перестраиваться на другое времяисчисление, так как не только в повседневной жизни, но и в переписке с благотворительными организациями им приходилось «число писать по-заграничному»²²⁶. Соответственно, часто религиозные праздники отмечались в согласии с чужим календарем вместе с немецкой охраной и работодателями либо с товарищами по лагерю: французскими, итальянскими и бельгийскими католиками и английскими про-

222 Илья Муромец. 1916. № 11; *Шуберская Е.М.* Дневник командировки. С. 14.

223 ГАРФ, ф. Р-6656, оп. 1, д. 1, л. 3. В издательство Гаспари из лагеря Гейльсберг. 20.3.1916; Вестник Красного Креста. 1916. № 7. С. 2303.

224 Здесь необходимый антураж заказывался за границей при посредничестве МГК. См.: ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 1, л. 1. Офицерский лагерь Альтенау; *Румша К.Ю.* Пребывание в германском плену. С. 21; *Успенский А.А.* В плену.

225 К значимости религиозных праздников как центрального аспекта популярной религиозности см.: *Ebertz M., Schultheis F.* Volksfroemigkeit in Europa, Muenchen 1986. S. 11–42.

226 SaechsHSta, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6955, PKMIN, 14.6.1916.

тестантами²²⁷. В некоторых лагерях комендатуры, настаивавшие на приоритете сельскохозяйственных работ, запрещали православным отмечать какие-либо празднества за исключением Рождества²²⁸. При этом немецкая сторона не учитывала преимущественное значение Пасхи в православном календаре. Только после заключения мира, чтобы «поднять настроение» насильно задержанных в Германии пленных, было принято решение освободить их от работ в пасхальное воскресенье²²⁹.

Проявления этого своеобразного культурно-религиозного конфликта прослеживаются в высказываниях и действиях самих военнопленных. Именно к Пасхе лагерные комитеты всеми силами старались организовать обильный стол и обращались во все концы с просьбами о пожертвовании продуктов²³⁰. Большинство пленных к этой дате ожидали маленького чуда: посылки, улучшения пищи, освобождения от работ. Несбывшиеся надежды часто провоцировали эмоциональные срывы в виде плача или депрессивного настроения²³¹.

Причиной всплеска религиозных эмоций становились длительное отсутствие богослужений, закрытие лагерей в период эпидемий и вызванная болезнями высокая смертность. Устраиваемые во время Пасхи после спада волны тифа 1915 г. в лагерях или на кладбищах религиозные действия сопровождались массовыми рыданиями как солдат, так и офицеров: «Умилению и слезам нашим не было конца»²³². Состояние религиозной экзальтации вызывали визиты русских сестер милосердия, во время которых военнопленные «отводи-

227 Barch, R 1508/1809, Kommandantur Doebeln

228 *Frendt A. Das Kriegsgefangenenlager Puchheim. S. 197.*

229 SaechsHSta, 11348, Stellv. GKdo, Nr.155, Kommandantur Koenigsbrueck, 24.4.1918.

230 РГВИА. Ф.14928. Оп.1. Д.4. Л.28. Переписка Копенгагенского комитета и лагерей военнопленных, 1917 г.; ГАРФ, ф. 5815, оп. 1, д.14, л. 74. Комитет лагеря Вюнсдорф. 15.12.1920.

231 См., например: ГАРФ, ф. Р-6656, оп. 1, д. 1, л. 3. Переписка издательства Гаспари, 20.3.1916; ф. Р-7494, оп. 1, д. 3, л. 74. Переписка Отдела 6 «Россия» немецкого благотворительного общества с лагерями военнопленных. 1921; ф. 5815, оп. 1, д. 14, л. 74. Комитет лагеря Вюнсдорф в общество помощи русским гражданам в Берлине, 1920 г.

232 *Успенский А.А. В плену; а также: Eindruecke eines Seelsorgers. S. 24.*

ли душу»²³³. Подобные эмоции наблюдались среди репатрируемых, которые впервые после многих лет плена получали возможность посетить православный храм²³⁴.

В религиозные праздники для военнопленных превращались визиты в лагеря духовных лиц, независимо от их принадлежности к определенной конфессии. Событием стало посещение в 1915 г. баварских лагерей двумя православными священниками из союзной Центральной державам Болгарии²³⁵. В 1917–1918 гг. лагеря северной и южной Германии удостоил своим визитом папский легат Пачелли (будущий Папа Римский Пий XII), приветствовать которого было разрешено православным военнопленным. Произнесенная гостем из Рима речь была частично переведена на русский язык и сопровождалась раздачей подарков, на которых была изображена папская тиара и стояла надпись «Даровано с благословением святого отца». По свидетельству самого Пачелли, русские православные и католики («за исключением евреев») приглашали его в свои капеллы, просили благословения и прикладывались к его руке. Позже в его адрес поступали многочисленные благодарности от русского населения посещенных им лагерей²³⁶.

Постепенно католические священнослужители были включены военнопленными в круг авторитетных лиц. После заключения мира на Восточном фронте население одного из лагерей подало прошение на имя Папы Римского с просьбой способствовать отправке на родину. Более того, опасаясь оказаться в антибольшевистских формированиях, они выбрали понтифика гарантом своего маршрута, отказавшись покинуть лагерь без его санкции²³⁷.

С момента попадания в лагерь на военнопленных давило незримое присутствие смерти. Высокая эпидемичность, наличие в пределах лагеря постоянно растущего кладбища служили под-

233 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6952, Kommandantur Chemnitz, 20.10.1915; Моисеенко И. В плену у немцев. — М., 1916. С. 38.

234 ГАРФ, ф. Р-6171, оп. 1, д. 4, л. 67. Бернский комитет помощи военнопленным, 1919 г.

235 *Frendt A.* Das Kriegsgefangenenlager Puchheim. S. 219.

236 См.: *Treffer G.* Pacelli in Ingolstadt. Ingolstadt, 1995, S. 16–60.

237 BayHStA, M Kr., Nr. 1703, Kommandantur Hammelburg, 17.12.1919.

тверждением опасений, что далеко не все из них увидят родину: «... тяжелое впечатление оставили гробы, во множестве стоявшие в бараках. Как хочется жить! Как не хочется умирать на чужбине в юные годы! а ведь смерть близка...»²³⁸; «потемневшие деревянные кресты ужасно действовали на психику многих»²³⁹. Соответственно, религиозная медиализация траура стала способом индивидуального преодоления страхов и печали, а также формирования лагерной идентичности²⁴⁰. В этой связи примечательно обращение пленных к строфе Пушкина: «И хоть бесчувственному телу равно повсюду истлевать, но ближе к милому пределу мне бы хотелось почивать»²⁴¹.

При участии немецкой стороны похороны умерших военнопленных превращались в торжественный ритуал, совместивший в себе черты военного погребения и церковной службы. На похоронах, открытии памятников и возложении венков обязательно присутствовали немецкие офицеры и солдаты охраны в парадной униформе, комендант произносил торжественную речь, а похороны офицеров завершались ружейным залпом. Почти сразу же в лагерях появилась традиция дня поминовения усопших с церемониальным шествием, возложением венков и проведением богослужений. В случае захоронения на городском кладбище на эту церемонию допускались и представители местного населения. В смешанных лагерях делегации составлялись из равного представительства каждой национальности, соответственно проповеди читались священниками разных конфессий. Мероприятие обычно сопровождалось игрой немецкого военного оркестра и церковными песнопениями лагерных хоров²⁴². Через использование цветов

238 РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 817, л. 6. Мартынов М. «В цепях реакции».

239 Аскольдов А.А. Памяти германского плена. Прага, 1921. С. 30.

240 Подробнее к данным функциям траурных церемоний см.: Winkel H. Soziale Grenzen und Moeglichkeit der Kommunizierung von Trauer. Zur Kodierung von Verlustfahrungen als individuelles Leid // Schuetzeichel R. (Hg.) Emotionen und Sozialtheorie. Frankfurt am Main, 2006. S. 286–303.

241 Сквозняк. 1917. № 2.

242 См.: Barch, R 1508/ 1810, Kommandantur Gardelegen, 27.9.1916; R 1508/ 1814, Kommandantur Worms, 14.10.1917; HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 919, Ansichtskarte, Kriegsgefangenenendenkmal Ulm; Peter J. Ein deutsches Gefangenenlager. S. 332;

национального флага для украшения могил пленные стремились подчеркнуть идентичность умерших товарищей как борцов за национальное дело.

Значительная часть одного из номеров нюрнбергской лагерной газеты «Сквозняк» за ноябрь 1917 г. была посвящена описанию траурного ритуала: «Выступавший от русских начал с того, что охарактеризовал глубокую внутреннюю связь между умершими и теми, кто пришли почтить их память. Горечь расставания с жизнью, страдания от ран и болезней заслуживают почтительной памяти со стороны всех. И вот теперь, когда справедливость справляет свою победу над ложью, когда перед нами открывается свободное и светлое будущее нашей дорогой родины, нам страстно хочется, чтобы мертвые услышали ликующие слова: «У нас на Руси народ победил!» Вам, испытавшим на себе тяжелое бремя самодержавия, вам не пришлось увидеть свободной России. Но добрая память о зарытых на чужбине товарищах будет жить в наших сердцах, пробуждая к отпору против всякого, кто дерзнет посягнуть на завоеванную свободу. Пройдет бурное время тревог, но страдания жертв, овеянные славой, будут жить в сердцах внуков и правнуков, вызывая благоговение грядущих поколений. По окончании речей русский хор пропел «Коль славен» и «Вечную память». Суровые лица солдат хмурились, а женщины, стоявшие позади, плакали, потрясенные волнующими напевами чужестранной печали»²⁴³. Данная цитата ярко демонстрирует, что получившая церемониальное выражение сакральная связь с умершими была нацелена, прежде всего, на преодоление страха перед смертью, смягчение чувства вины перед погибшими и конструирование лагерного товарищества, а также на отвлечение от рутины лагерной жизни²⁴⁴.

Тарасевич А.В. Отчет по обследованию лагерей и мест водворения русских военнопленных в Австрии и Венгрии. — М., 1917. С. 10.

²⁴³ Сквозняк. 1917. № 2.

²⁴⁴ О функции церемоний подробнее см.: *von Geldern J.* Bolshevik festivals, 1917–1920. Berkley, 1993; *Merridale C.* Steinerne Naechte. Leiden und Sterben in Russland. Muenchen, 2001.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА И ОБРАЗЦЫ ТОЛКОВАНИЯ

Повседневная религиозность нашла свое выражение в использовании пленными привычной лексики и шаблонов восприятия действительности. В письмах родственникам и знакомым из плена присутствовали пожелания «от Господа Бога доброго здравия», клятвы не забывать своих благодетелей «до самой своей загробной жизни»²⁴⁵. Обращения к религиозному вокабуляру использовались для успокоения родных: «...верьте, мои дорогие, в милость божью. Если ему будет нужно, он защитит меня от тяжелых потрясений, я верю, что он не откажет мне в своей милости»²⁴⁶. Обязательным поводом для появления в письмах религиозных формулировок становились церковные праздники: «...в наш великий праздник вознесения богоматери во время моей молитвы в церкви я действительно думаю, что твоя душа со мной, и благодарю бога...»²⁴⁷.

Через призму религиозных представлений трактовались конфликтные ситуации плена. При посредничестве русских сестер милосердия в ПВМ была передана жалоба совершивших попытку побега солдат, которых возмущал не перевод в штрафные команды на особо тяжелые работы, а распоряжение в целях идентификации беглецов нашивать им на заднюю часть брюк перекрещивающиеся желтые полосы, в чем пленные видели оскорбление религиозных чувств²⁴⁸. В источниках зафиксирован факт отклонения пленным ухаживаний немецкой барышни из-за ее принадлежности к другой религии²⁴⁹. В некоторых случаях формулировка «оскорбление религиозных чувств» прикрывала антисемитские настроения православной массы, протестовавшей, если при отпевании русского военно-

245 Г.В. Кобылин — Н.И. Кончицу. 29 июня 1917 года. Цит. по: Из переписки русских военнопленных... С. 145.

246 SaechsHStA, 11352, St. GKdo, Nr. 620, Kommandantur Doebeln, 10.8.1915.

247 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7081. Brief eines russischen kriegsgefangenen Generals. 7.9.1916.

248 SaechsHStA, 11348, St. GKdo, Nr. 159, PKMIN, 10.2.1916.

249 BayHStA, Stellv. Generalkommando des III. bayerischen A.K. Nr. 177, Arbeitskommando Amberg, 11.10.1918.

пленного протестантский священник передавал православное евангелие помогавшему ему при похоронах переводчику еврейского происхождения²⁵⁰. Часто данное словосочетание присутствовало в жалобах офицеров на имя испанского посольства²⁵¹ как предлог для протеста против любых действий коменданта. В переписке ПВМ зафиксирован полуанекдотичный рассказ о том, что один из русских военнопленных, потерявший связь с родственниками и оставшийся без поддержки из дома, написал письмо Богу «со смиренной просьбой» послать ему 100 марок. Послание вызвало сочувствие офицеров-цензоров, собравших и отославших в лагерь 25 марок. В следующем обращении к Всевышнему тот же военнопленный благодарил за помощь, но просил больше не присылать деньги через немецких военных, которые присвоили 75 марок себе²⁵².

Восприятие плена и освобождения в привычных категориях: «кара божья» и «воскрешение» — подтверждает описание одним из военнопленных солдат своего возвращения из плена в Россию с партией инвалидов через нейтральную Данию: «Христос Воскресе! Поздравляем Вас с праздником. Я раньше был мертв, я был в аду, но сейчас воскрес и попал в царство. Когда мы приехали и увидели много народа с цветами и подарками в руках, тогда каждый из нас заплакал от радости и не подумал, что это люди, а ангелы, которые прилетели, чтобы спасти нас из ада, где мы страдали о своих грехах!» И далее: «Дай Бог, чтобы Данию наградил Господь большой наградой за то, что она вырвала нас из тьмы Египетской»²⁵³. А. Успенский, вспоминая «Голгофу XX корпуса», утверждал, что перед боем и попаданием в плен все его однополчане видели на небе сияющий крест²⁵⁴. Сходное толкование в визуальном варианте укрепилось в оформлении программ лагерных мероприятий. Повторяющимся мотивом в театральных программах лагеря Пройсиш Холланд стало

250 BayHStA, M Kr., Nr. 1689, PKMIN, 27.10.1917.

251 SaechsHStA, 11348, Stellv. GKdo, Nr. 155, Kommandantur Bischofswerda, 22.1.1916.

252 ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 76, л. 190. Отчет Союза молодых христиан о деятельности в лагерях военнопленных. 1918 г.

253 Русский военнопленный. 1917. № 2. С. 1.

254 См.: Успенский А.А. В плену.

аллегорическое изображение пленного в виде прикованного к скале русского богатыря, протягивавшего руки в кандалах к православным церквям со светящимся над ними в небе крестом²⁵⁵.

После Октябрьской революции прямой реакцией на антирелигиозную пропаганду, инициированную в лагерях Советским бюро, стало повышение уровня нетерпимости лагерного сообщества к представителям других конфессий. Некоторые комитеты, не рискуя пойти против многочисленной православной общины, начали гонения на баптистские организации и отдельных верующих. По инициативе комендатур о данном факте было сообщено Советскому Бюро, которое, желая сохранить лицо перед немецкой стороной, указало пленным, что «нарушение религиозных отпавлений инаковерующих ... идет вразрез с законами и принципами Советской власти»²⁵⁶. Тем не менее, в обход немецких органов советские представители следили за деятельностью баптистских проповедников, дав распоряжение комитетам сообщать информацию о «характере их речей и успехе, который они имеют»²⁵⁷. Пытаясь усилить атеистическую агитацию действенными мерами, Бюро отказывало обращающимся к ним пленным священникам в материальной помощи, заявляя, что «религиозные отправления являются частным делом граждан»²⁵⁸.

В целом же в военнопленном сообществе привычная религиозная лексика и символика причудливо смешались с революционным новоязом²⁵⁹. Военнопленные отмечали тщетные усилия коммунистической ячейки агитировать в пользу отречения от религиозных верований, вопреки которым все население лагеря во главе с комите-

255 Barch, R 1508/1813, Theaterprogramm, Preuss. Holland.

256 SaechsHSta, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr.7003, Heeresabwicklungsamf, 29.7.1920; ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 9, л. 11; д. 209, л. 194. Переписка Советского бюро с лагерными комитетами. 1920 г.

257 ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 206, л. 43. Переписка Советского бюро с лагерными комитетами. 1920 г.

258 Там же; ф. 9488, оп. 1, д. 37, л. 218. Переписка Советского бюро с лагерными комитетами. 1920 г.

259 Складывание подобной модели «смешения языков», когда привычные религиозные формы культуры начинают функционировать в новой ситуации необычным образом, констатирует И.Нарский применительно к ситуации в российской провинции периода революции и Гражданской войны. См.: *Нарский И.* Народная религиозность. С. 133.

том праздновали Пасху, а в школьном бараке продолжала функционировать церковь, по-прежнему получавшая от комитета часть материальной помощи. Открытие памятника умершим в плену солдатам сопровождалось возложением венков «жертвам мирового империализма» и пением «Коль славен наш Господь». Партийные собрания и лекции, инициированные Бюро в других лагерях, также начинались церковными гимнами. Следующий за ними Интернационал именовался не иначе, как «новый Отче наш». В результате включенного в план проведения Недели пролетарской культуры конкурса плакатов 2-ю премию получили рисунки под лозунгами «Боже, помоги нам» и «Сим победиши» и только 4-ю — «Церковь и религиозные предрассудки — оковы пролетарской культуры»²⁶⁰. В случае необходимости лагерное сообщество давало немецкой стороне религиозные клятвы не вмешиваться в политические события, происходившие в Германии²⁶¹. В источниках присутствует только одно упоминание, когда на предложение православного священника организовать богослужение «все население лагеря категорически отказывалось» от его услуг²⁶². Смешение большевистской и религиозной лексики зафиксировалось также в индивидуальных обращениях пленных на имя Советского Бюро в Берлине: «Желаем быть соучастниками вашего доброго дела... нам благоволит Бог вернуться на родину, где скажем: Да здравствует Русская Социалистическая Федеративная республика, да здравствует товарищ Пленпом!»²⁶³ В религиозных понятиях выражалось стремление скорее вернуться домой и боязнь отправки на фронты Гражданской войны: «мы очень страшимся попасть в антиреволюционные партии ...к Архангелу Врангелю»²⁶⁴.

260 См.: ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 4, л. 20. Отчет о праздновании первого мая в лагере Вюнсдорф, 1921 г.; ф. 9491, оп.1, д. 25. Газета «Пробуждение» лагеря Нейгаммер. 16.11.1920.; РГАСПИ, ф. 351, оп. 1, д. 180, л. 199. Письма военнопленных в КЗО РСДРП. 1917 г.

261 HstA Stuttgart, M 400/3, Bue 5, Kommandantur Ulm, April 1919.

262 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 37, л. 257. Переписка Советского бюро с лагерными комитетами, 1920 г.

263 Там же; д. 39, л. 13. Письмо из рабочей команды лагеря Заган в Советское бюро, 1920 г.

264 Там же; ф. 9491, оп. 1, д. 228, л. 9. Письмо военнопленных лагеря Сольтау в Советское бюро, 1920 г.

Значительно позже, уже в середине 1920-х гг. возвратившиеся на родину пленные, активно публиковавшиеся в советских пропагандистских изданиях, перешли к использованию атеистических клише. Согласно новой интерпретации, само долгосрочное заключение, нечеловеческие страдания и жестокость окружающей действительности доказали пленным лживость религиозного учения. В воспоминаниях заимствовались и органично вписывались в повествование легитимированные новым режимом определения и образы: «К морфию он привык и капризно требовал, чтобы ему делали впрыскивания каждый вечер. ...Кому морфий, а кому и молитва...» В соответствии с классовым подходом, согласно которому на основе религии «зиждется господство буржуазии», пленные при Советской власти «вспоминали», что церкви в германских лагерях устраивались по инициативе унтер-офицеров, насильно загонявших солдат на службу. Поэтому рядовые игнорировали организованные офицерами празднования православной Пасхи, и вместо этого всей массой собирались на митинги, устроенные большевиками²⁶⁵.

IV.4. ТОЛКОВАНИЕ ПЕРЕЖИВАНИЙ ПЛЕНА И ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В РОССИИ

Плен не означал окончания войны. Выведенные из непосредственного противостояния, пленные всячески стремились не терять связь с родиной. Хозяйственные и семейные дела оставшихся дома близких были главной темой писем, а стремление вернуться на родину — основным стимулом²⁶⁶. Репрессии германских властей в форме отмены корреспонденции с Россией приводили к потере интереса к действительности: «люди падали духом, ходили как тучи и ни о чем не хотели слышать»²⁶⁷. Заключение лагерей ревностно следили за развитием

265 См.: *Нагорная О.* Воспоминания. С. 57–58.

266 См.: РГВИА, ф. 14928, оп. 1, д. 22, л. 9. Доклад о деятельности Юротдела МГК, 1917 г.

267 РГАСПИ, ф. 351, оп. 2, д. 179, л. 123. Письма военнопленных в КЗО РСДРП, 1917 г.

положения на фронтах, оставаясь зависимыми от русской общественной и внутриведомственной дискуссии. Вынужденно превратившись в сторонних наблюдателей, и солдаты, и офицеры, хоть и с разной интенсивностью, пытались найти возможное толкование политическим событиям в России, сменявшим друг друга с калейдоскопической быстротой. Важно также учитывать, что сформированные в лагерях коды стали неотъемлемой частью русской/советской дискуссии о войне и плене, наложив значительный отпечаток на процесс принятия политических решений и культуру памяти о Первой мировой войне.

ВОЙНА И ПЛЕН В ТОЛКОВАНИИ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ

Представления русских солдат об условиях германского плена формировались задолго до попадания на фронт. В интенсивной внутриведомственной переписке ГУ ГШ и Ставки, обеспокоенных высокой численностью попавших в плен русских солдат, отмечалось, что практически с самого начала войны «в деревнях ...новобранцев отпускают с советами: не драться до крови, а сдаваться, чтобы живыми остаться»²⁶⁸. Причины вероятного добровольного перехода к противнику высшие органы видели в недостаточном воспитании и обучении прибывших пополнений, низком уровне патриотизма и боеспособности: «...достаточно ничтожной кучке немцев появиться в тылу окопов, как начинается ...поднятие белых платочков»²⁶⁹. Под влиянием предыдущего опыта и общественных настроений в солдатской среде сформировалось представление о плене как о лучшей доле и пути возможного избежания гибели: «Конечно, наш брат попадает в плен, чтобы только спасти свою жизнь, а присягу забыл. ...почти все, кто участвовал в японской войне и были в Японии в плену, они же в плену и теперь, и вот они пишут письма из плена домой, а дома его читает не только одна семья, но и целое село. Пошел воевать его сосед или знакомый — тоже попал в плен...»²⁷⁰

268 Поливанов А. Из дневников и воспоминаний. С. 185.

269 РГВИА, ф. 391, оп. 2, д. 101, л. 3. Переписка командующего армиями Северного фронта и ГУ ГШ, 1915 г.

270 Там же: ф. 2031, оп. 4, д. 1732, л. 41. Доклад начальнику штаба Северного фронта, май 1916 г.

Немецкие протоколы допросов содержат признания солдат, что «оставные, бывшие в плену в японской войне, убеждали товарищей сдаваться»²⁷¹.

Низкий удельный вес пленных русских офицеров по отношению к солдатам и в сравнении с другими нациями позволяет говорить об их более высокой моральной устойчивости в условиях современной войны. Чаще всего для кадровых военных пленение становилось профессиональной и личной трагедией («Моя карьера полетела ко всем чертям»²⁷²), требовавшей объяснения и оправдания. В отличие от солдат, которым повседневная борьба за выживание и физический труд оставляли мало пространства для саморефлексии, вынужденное бездействие офицеров провоцировало интенсивную переработку опыта поражения. В результате обысков в саксонских лагерях, где содержалась основная масса окруженной самсоновской армии, у большинства офицеров были обнаружены многочисленные немецкие издания о сражении при Танненберге и причинах неудач русского командования²⁷³. Попавший в плен в Августовских лесах А. Успенский вспоминал, что его однополчане тщательно отслеживали в немецких газетах описание боев с их участием и радовались, если враг признавал их заслуги. Это рождало у офицеров надежду, что и в России их подвиг найдет достойное признание, а не осуждение за предательство²⁷⁴.

Опросы, проводимые немецкими ведомствами среди пленных, раскрывают постепенный процесс выработки образцов толкования произошедшего. Первоначально главной причиной катастрофы участники называли спешку при мобилизации и продвижении вглубь Германии. Собственное поражение они пытались оправдать указанием на чужое предательство — бездействие Неманской армии после ее первых успешных столкновений с противником²⁷⁵. Позднее была сформулирована более значимая моральная трактовка — долг союзнической верности. Пленные генералы акцентировали внима-

271 SaechsHStA, 11352, St. GKdo, Nr. 620, Vernehmensprotokoll, 8.10.1915.

272 SaechsHStA, 11352, St. GKdo, Nr. 620, Brief eines russischen Offiziers, 13.11.1915.

273 См.: SaechsHStA, 11352, St. Generalkommando, Nr. 824.

274 См.: Успенский А.А. В плену.

275 SaechsHStA, 11348, St. Generalkommando, Nr. 157.

ние на том, что ускоренное в интересах Франции продвижение привело к нехватке вооружения в решающем сражении²⁷⁶.

В сентябре 1915 г. внимание немецких цензоров привлекло письмо офицера, возмущавшегося фактом выплаты его семье половины жалования. Он убеждал жену, что общие правила обеспечения не должны распространяться на состав Наревской армии. На допросе в комендатуре автор письма пояснил, что раз атака самсоновских частей была отвлекающим маневром для спасения Антверпена и Парижа, то принесенные командованием фронта в жертву офицеры должны получать полное содержание²⁷⁷. Офицеры лагеря Нейссе были уверены, что за сражение при Гумбиннене им во Франции были заготовлены ордена Почетного Легиона, и также именовали себя «спасителями Парижа»²⁷⁸. В итоге в качестве наиболее распространенного толкования укрепился топос жертвенности, который вводил в объяснение неконтролируемые силы и снимал персональную ответственность с непосредственных участников.

Благодаря распространявшейся на фронте пропаганде, попавшие в плен, особенно солдаты, работавшие на немецких предприятиях, были уверены, что после возвращения на родину их ждет ссылка в Сибирь. Наказание казалось настолько неотвратимым, что некоторые рядовые и офицеры уже в середине войны обращались за разрешением остаться в Германии, объясняя свое желание страхом перед расстрелом в России²⁷⁹. Неизбежность суда на родине предчувствовал пленный командующий 13-го армейского корпуса генерал Н.А. Ключев в разговоре со швейцарскими делегатами Красного Креста²⁸⁰. Как подтверждение негативного отношения командования к попавшим в плен воспринималось сокращение выплат оставшимся на родине семьям. На постоянные жалобы жен или родителей на невозможность

276 См.: SaechsHStA, 11348, St.Generalkommando, Nr. 157.

277 См.: SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6952:11352, St.Generalkommando, Nr. 575: 641.

278 См.: Успенский А.А. В плену.

279 HStA Stuttgart, M 77/2, Bue 33, PKMIN, 2.10.1915.

280 Berichte des Herren C. de Marval und der Herren A. Eugster und C. de Marval ueber ihre gemeinsamen Besuche einiger Kriegsgefangenenlager in Deutschland und Frankreich. Basel, 1915.

прожить на половинное содержание, а также на пренебрежительное отношение ведомств к рапортам и доверенностям, присылаемым из лагерей, даже самые уравновешенные реагировали вспышками гнева и угрозами в адрес административных институтов: «Больше всего меня мучает и возмущает факт, что семьям военнопленных офицеров сокращают содержание... Это не только мое мнение, но и всех окружающих. От всего сердца я желаю матушке [России — О.Н.] такую тяжелую болезнь, чтобы все служащие в своих конторах были затравлены и старая фирма была навсегда ликвидирована»²⁸¹. Данный мотив нашел свое отражение в солдатском лагерном фольклоре, который уже после революции объяснял позицию политических органов личными предубеждениями царя: «Был крут с солдатом Коля и пленных не любил»²⁸². Пленные настойчиво выспрашивали посещавших лагерь сестер милосердия об истинном отношении к ним власти²⁸³.

Стигматизация плена как предательства со стороны русских военных и политических инстанций вынуждала лагерное сообщество еще во время пребывания в Германии выработать смысловые конструкции, создающие атмосферу сочувствия и оправдывающие попадание к врагу. В средствах массовой информации пленные старательно культивировали ореол мученичества, которым их наградила пропаганда, и преувеличивали масштаб «немецких зверств» в лагерях. Представители казачьих формирований, которым удалось совершить побег из плена, охотно подтверждали особо жестокое обращение немцев по отношению к их частям и активно поддерживали распространенное в обществе мнение о своем героизме, свободолюбии и исключительной верности царю. Некоторые из них даже приписывали себе попытку покушения на Гинденбурга в Ковно: «...Хотя он мимо проходил, но не было у нас предмета, которым мы могли бы его хватить»²⁸⁴.

281 SaechsHSta, 11352, St. GKdo, Nr.620, Auszuege aus der Korrespondenz von russischen Kriegsgefangenen, 5.10.1915, 21.10.1915; 11348, St. GKdo, Nr. 150, Auszuege aus der Korrespondenz von russischen Kriegsgefangenen, 12.1915.

282 Сквозняк. 1917. № 2.

283 См.: SaechsHSta, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr.7081, Kommandantur Doebeln, 8.8.1916; Тарасевич А. С. 16.

284 См.: РГВИА, ф. 2031, оп. 4, д. 1732, л. 35. Доклад начальнику штаба Северного фронта, май 1916 г.; цитата: Оп.1.Д.1020.Л.128. Выдержки из опросов бежавших пленных, ноябрь 1915 г.

Досрочно вернувшиеся из плена в качестве мотива для публикации собственных впечатлений о пребывании в лагерях представляли высокое чувство долга перед товарищами, оставшимися в плену и желавшими, «чтобы на родине знали правду о германском плене: они еще надеются на помощь и заступничество»²⁸⁵. Помимо груза вины в воспоминаниях красной нитью проходит стремление объяснить свою пассивность и работу на вражеское государство: «Наверное, у многих возникнет недоуменный и недружелюбный вопрос: „Зачем же пленные работали на врага? Ведь без их работы Германия не могла бы ни дня продолжать войну!“ Кто захочет вдуматься в душевное состояние человека, униженного и забитого так, как забиты русские пленные в Германии, тот найдет ответ»²⁸⁶.

Одной из форм вытеснения осознания собственной «негероичности» для пленных стал поиск «настоящих предателей» — тех, кто добровольно сотрудничал с противником во вред родине и своим товарищам по несчастью. Это клеймо было приписано пленным еврейского происхождения, которые в силу своего знания языков привлекались к работам в лагерных администрациях. Степень усвоения традиционных антисемитских клише демонстрирует отсутствие упоминания русских немцев и поляков, также выполнявших канцелярские функции в комендатурах. В большинстве сообщений бежавших из плена и вернувшихся по обмену инвалидов рассказывалось о сотрудничестве евреев с немецкой администрацией, об их издевательствах над остальными пленными, об организации торговли в лагерях по завышенным ценам и т.д.²⁸⁷ Благодаря распространенной в России антиеврейской и антинемецкой истерии данные коды были быстро восприняты военными и политическими органами и определили ведомственную практику. При опросах сотрудники Чрезвычайной следственной комиссии и военные делопроизводители особо выделяли те места повествования, которые подтверждали предательское поведение евреев в плену. Кроме того,

285 Шамурин Ю. Два года в германском плену. — М., 1917. С. 1.

286 Там же. С. 41.

287 См.: РГВИА, ф. 13159, оп. 1, д. 354, л. 24; д. 346, л. 10; д. 1969, л. 25, 26 об. Отчеты о деятельности Чрезвычайной следственной комиссии, 1915–1916 гг.; Румша К.Ю. Пребывание в германском плену. С. 21.

Комиссия по наблюдению за эвакуацией установила «надзор за вернувшимися подозрительными инвалидами, прежде всего, легкоранеными и евреями», а сестры милосердия, посещавшие лагеря в составе нейтральных комиссий, пытались проводить с лагерными переводчиками беседы нравственного содержания²⁸⁸. И если в советских воспоминаниях о плене антисемитские клише были заменены на классовые, то в эмиграции они продолжали оставаться неотъемлемым элементом объясняющего повествования²⁸⁹.

Через создание «позитивных» мифологем военнопленные пытались представить себя не только мучениками, но и героями. Стимулом для возникновения одной из подобных конструкций стало распространяемое в русской пропаганде представление бежавших из плена в качестве образца для подражания: многие из них награждались георгиевскими крестами и чествовались в прессе. Не случайно идентификационной фигурой пленного сообщества был избран генерал Л.Г. Корнилов, приобретший широкую популярность после побега из австрийского лагеря. Именно он был возведен в почетные председатели Союза бежавших из плена, развившего интенсивную деятельность по защите интересов бывших пленных²⁹⁰. Соответственно при опросах, а также в более поздних воспоминаниях военнопленные обязательно включали в свои биографии факт отказа от работ на врага или попытку побега, которая по каким-то причинам закончилась провалом. Иногда эта же конструкция усиливалась антисемитскими нотами: раскрытию планов побега комендатурой способствовал один из евреев²⁹¹.

Еще один образец толкования был «предложен» уже немецкими военными органами. Для выставки в берлинском Цейхгаузе ПВМ

288 См.: РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 547, л. 136. Отчет о деятельности комиссии по наблюдению за эвакуацией инвалидов, 1916 г.

289 См.: *Нагорная О.* Воспоминания. С. 54.

290 См.: РГВИА, ф. 2031, оп. 2, д. 570, л. 59. Телеграмма ГУ ГШ о бежавших из плена, апрель 1917 г.

291 См.: ГАРФ, ф. 3333, оп. 3, д. 336, л. 177. Выписка из заявления военнопленного Иванова Василия, 1918 г.; РГВИА, ф. 13159, оп. 1, д. 346, л. 19, 22. Из протоколов Чрезвычайной следственной комиссии, 1915 г.; Утро России. 3 апреля 1918. О сходных мотивах совершения побегов среди русских военнопленных в Австро-Венгрии см.: *Moritz V.* Zwischen Nutzung und Bedrohung. S. 66.

при активном участии комендатур организовало сбор знамен поверженных русских полков. Зная русскую традицию восстанавливать военные части, если их знамя считалось спасенным, комендатуры тщательно обыскивали лагерь²⁹². Соответственно в опросах и воспоминаниях русских военнопленных появились упоминания о спасении знамени без указания фамилии героя и конкретной части. Часто к сообщениям прибавлялось, что реликвии все же попали к противнику из-за предательства евреев-переводчиков²⁹³.

ПОЛИТИЗАЦИЯ ПЛЕННЫХ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВОСПРИЯТИЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В планах немецких органов по отношению к военнопленным из царской России заметное место занимала революционная пропаганда. Уже в июне 1914 г. центральные и некоторые местные ведомства обосновывали необходимость насаждения среди русских военнопленных антиправительственных настроений: «Если мы будем подстрекать их основательно против царизма, тогда это вознаградится хорошими процентами... Революция в России может в будущем защитить нас от его жестокой природы»²⁹⁴. С подачи ПВМ и при активном участии русских политических организаций в эмиграции, сделавших ставку на развитие революционного потенциала пленных, лагерные библиотеки снабжались агитационной литературой. В то же время немецкие военные органы не смогли последовательно реализовать намеченную программу, опасаясь роста популярности левых взглядов среди мирного населения, а также репрессий со стороны русского правительства.

Успех пропаганды в отдельных лагерях зависел от содержавшегося там контингента, который в массе своей не был подготовлен

292 См.: SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6905, PKMIN, 8.12.1914.; 11352, St. GKdo, Nr. 542.

293 См.: РГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1020, л. 7. Сводка сведений о внутреннем состоянии Германии по показаниям бежавших из плена, 1915 г.; ф. 13152, оп.1.д. 1969, л. 25, 26 об. Протокол возвратившейся из плена Клавдии Николаевны Григорьевой, 1916 г.; а также: Успенский А.А. В плену.

294 BayHStA, M Kr., Nr. 1633, Bayerisches Kriegsministerium, 1.12.1914.

к восприятию политических лозунгов. Контактные лица с мест, среди которых оказался попавший в плен депутат Госдумы от большевиков Р.В. Малиновский, сообщали, что «собранные здесь пленные стоят по своему развитию очень низко, а потому литературу нужно простую и ясную»; «большинство читателей малограмотны, им Маркс и Лассаль не по плечу»; «почва для работы самая неблагоприятная, а условия существования усугубляют дело». В основном в нелегальные революционные организации поступали заказы на беллетристику и «занимательные учебники». Только в исключительных случаях в лагере собиралось несколько единомышленников, которые требовали теоретических изданий, так как «решили подготовиться к серьезной деятельности в России»²⁹⁵. Высшим пропагандистским успехом Комитета заграничной организации (КЗО) РСДРП может считаться распространяемая в лагерях листовка «Земельный вопрос в России». Написанная доступным для массы языком, она пользовалась популярностью. Воззвание убеждало пленных крестьян, что «помещики и их правительства» не отдадут землю без борьбы, поэтому деревенская беднота должна бороться вместе с городскими рабочими за нее «и дальше за завоевание всей власти, за социализм»²⁹⁶.

Офицеры, регулярно получавшие немецкие газеты, устраивали в читальнях дебаты об устройстве немецкой политической жизни, достоинстве германских методов ведения войны и ошибках русского командования²⁹⁷. Рядовые заключенные смешанных лагерей получили возможность оценить русскую военную и экономическую организацию в сравнении с обеспечением пленных союзников, получавших масштабную материальную и политическую поддержку. Обида на собственное правительство и ощущение заброшенности подкрепляли критическое отношение солдат и офицеров к политической системе в России. Высказывания самих пленных свидетельствуют о достижении ими определенного уровня политической реф-

295 РГАСПИ, ф. 351, оп. 1, д. 179, л. 127, 133, 156; д. 180, л. 170. Из писем военнопленных в КЗО РСДРП, 1916–1917 гг.

296 Там же; д. 164, л. 1. Листовка «Земельный вопрос в России».

297 SaechsHStA, 11352, St. GKdo des XIX. A.K., Nr. 576, Zusammenfassung aus Gesprächen und Briefen der kriegsgefangenen Offiziere, 1917.

лекции: «Наше пребывание в плену открывает нам глаза на многое, на многое смотришь по-другому»²⁹⁸.

Первое полуофициальное известие о революции в России было направлено в лагеря 28 марта 1917 г. от имени объединенной организации Земского и Городского союзов: «Особоуполномоченный Комитета телеграммой из Петрограда поручил оповестить русских военнопленных, что в России установлено НОВОЕ ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО. Все стеснения, которые раньше чинились по отношению к помощи русским военнопленным, устранены. В настоящее время помощь военнопленным будет расширена. Все обстоит благополучно». Последнее предложение в послании, однако, показалось немецким органам слишком неоднозначным, поэтому в Берлине было принято решение не распространять извещение в лагерях во избежание неправильного толкования²⁹⁹. Официального известия военнопленные так и не дождались.

Подавляющее большинство пленных солдатских лагерей радостно восприняло известие о революции, явно надеясь на скорый мир и возвращение домой. Тем не менее, уничтожив все изображения отрекшегося царя, они (на всякий случай) интересовались наличием нового³⁰⁰. После того, как ожидания скорого мира не оправдались, часть рядовых пленных охладели к восторженным политическим призывам и попытались оценить новую власть через призму материальной помощи нуждающимся в лагерях. Неспособность Временного правительства организовать широкомасштабную поддержку военнопленных вызвала критическое к нему отношение: «Наконец-то мы имеем новое правительство, но сухарей и соли по-прежнему не получаем... Мы же никому не нужны, ни старому правительству, ни новому... мы не просим даже сахара. Видимо, зубы у вас от сахара уже болят с 1915 г. или новое правительство не может навести порядок в стране?..»³⁰¹

До более закрытых от внешнего мира офицерских лагерей известия о произошедших в России событиях дошли со значительным

298 SaechsHStA, 11352, Stellv. GKdo, Nr. 620, Kommandantur Doebeln, 15.10.1915.

299 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6979, PKMIN, 22.4.1917.

300 BayHStA, M Kr., Nr. 1687, Regensburg, 5.5.1917; Inspektion der Kriegsgefangenenlager des II. bay. A.K., 9.5.1917.

301 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6954.

опозданием. Протоколы большинства комитетов свидетельствуют, что «на сообщения о волнениях в Петрограде... реагировали всеобщим возбуждением, собирались и обсуждали эти события...»³⁰² Первоначально многие расценили известие как очередную немецкую провокацию. Еще в середине апреля 1917 г. полностью дезориентированные старшие по званию посылали запросы в адрес испанского посольства: «Правда ли, что в России сменилось правительство, а Николай Александрович отказался от трона? Есть ли новый император?»³⁰³ И хотя настойчивость обращений аргументировалась необходимостью сохранения спокойствия в лагерях, вероятнее всего, офицеры нуждались в достоверном источнике информации. Окончательное осознание реальности происходящего пришло ко многим только во время богослужений, когда священники, в соответствии с распоряжением Синода, впервые вместо здравицы царю упомянули во время службы новое правительство³⁰⁴.

С этого момента офицерское сообщество раскололось в своей оценке политических перемен в России на категорических сторонников, ярых противников и испуганных сомневающихся. Представители наиболее многочисленной первой группы воспринимали революцию как воскрешение, приписывая ей сакральный характер. Она именовалась «идеалом, богиней, к которой можно было подойти только чистым и честным». Происходящие весной события представлялись в пасхальных символах³⁰⁵: одна из программ пасхального концерта 1917 г. изображала освещенного солнечными лучами солдата с транспарантом «Мир, свобода, братство», который разбивал кандалы стоящего на коленях пленного³⁰⁶.

302 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 58, л. 4. Рапорты суда чести лагеря Крефельд, март 1917 г.

303 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr.6958, Brief eines Offiziers an Spanische Botschaft, 14.4.1917.

304 SaechsHStA, 11348, St. GKdo, Nr. 164, Erlass des russischen hochheiligsten Synods. 5.9.1917.

305 И. Нарский описывает отождествление революции с Пасхой как устойчивую интерпретационную формулу провинциального сообщества в России. См.: *Нарский И.* Народная религиозность. С. 133. Для православных военнопленных эта конструкция включала в себя еще и надежду на скорое освобождение — воскрешение из ада плена.

306 Barch-Koblenz, R 1508/1814, Konzertprogramm, 2.4.1917.

Сторонники произошедших в России изменений открыто заявили о своей партийной принадлежности: «Я — кадет, а значит — демократ, и приветствую с радостью уход старого правительства». В массовом порядке из лагерей отсылались поздравительные открытки родственникам в Россию, а также обращения в адрес новых властных структур с уверениями в поддержке: «...Сначала мы не могли поверить в правдивость событий. Слишком велико было счастье, чтобы ему поверить... у вас в руках красное знамя как символ свободы и счастья...мы с вами, мы за вас!»³⁰⁷ Сторонники революции наиболее остро чувствовали свою оторванность от родины и сожалели о невозможности личного участия в происходящем: «...С каким удовольствием я вчера прочитал манифест об отречении. Очень сожалею, что я сейчас не в Петербурге... думаю, что мы в свободной России будем жить лучше»; «я поздравляю вас не только с весной в природе, но и с весной новой жизни...сейчас я вдвойне жду возвращения»; «снова стыдишься, что судьба исключила из жизни и из добровольного участия в больших исторических событиях»³⁰⁸.

В письмах к родственникам высказывалась новая политическая позиция, выработанная за годы плена: «...многие думают, теперь свобода и республика и работать не надо. Нет, братцы, работать в будущем вдвойне надо, чтобы наверстать потерянное. Только объединение и работа спасет...»³⁰⁹; «Не хочется верить, что русский народ сам себе враг. Время очнуться и понять, что свобода не освобождает от обязанностей перед родиной и правительством»³¹⁰. Часто адресаты в России обвинялись в политической пассивности: «...Думаю, что виновата во всем ваша халатность. Разве можно молча переносить такое положение?...»³¹¹

307 См.: SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6996, Kommandantur Hemnitz, 2.5.1917; BayHStA, M Kr., Nr. 1687, Grafenwehr, 3.5.1917; Erlangen, 5.5.1917.

308 См.: HStA Stuttgart, M 77/2, Bue 33, St.GKdo XIII A.K., 6.6.1917, Eindruck der revolutionaeren Ereignisse in Russland auf Kriegsgefangene.

309 SaechsHStA, 11352, St. GKdo des XIX. A.K., Nr. 576, Abschrift des Briefes des deutschstaemmigen Kriegsgefangenen, 14.9.1917.

310 SaechsHStA, 11352, St. GKdo des XIX. A.K., Nr. 576, Zusammenfassung aus Gesprachen und Briefen der kriegsgefangenen Offiziere, 1917.

311 HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 917, Lesestoff, Briefverkehr Kriegsgefangener, 7.7.1918.

Противники изменений болезненно реагировали на радость большинства по поводу революционных известий и провоцировали словесные оскорбления и потасовки. Одно из подобных противостояний стало предметом разбирательств в суде чести лагеря Крефельд. Монархически настроенный офицер объяснял иницированную им драку непристойными выражениями прапорщиков «о ныне Царствующем Доме и об Особе Его Императорского Величества: «Слава Богу, теперь этого негодяя Николашку повесят и эта сволочь государыня не будет существовать. Настало время избавиться от этой сволочи». Эти ругательства повторялись несколько раз. Я заставил их молчать, замахнувшись табуретом»³¹². К монархистам присоединились антигермански настроенные офицеры, обвинявшие в возникших беспорядках Центральные державы «с их проделками». Аутсайдеров двух групп больше всего беспокоила неизвестность: «Как только я прочитал в газете новости, я плакал и молился. Они легли мне тяжелым камнем на сердце. Что будет?»³¹³

В рядах сторонников началось интенсивное обсуждение будущего строя и первых шагов нового правительства: «... опасна попытка дать солдатам на фронте избирательные права. Они не образованы, что они с этим правом будут делать?» Порой высказывания были достаточно противоречивы: «Царя как человека может и жалко, но не систему. Он был слишком слаб и только инструмент в руках своего окружения». И тут же: «...я выступаю за монархию. Монарху легче быть внепартийным». Некоторые офицеры не могли удержаться от сарказма и не припомнить Николаю II старые обиды: «Очень веселые вещи теперь происходят с нашим господином императором. Теперь он арестован и такой же военнопленный, как и мы». Считавшиеся наиболее политически просвещенными утверждали, что Россия будет республикой, и прогнозировали, что Временное [в его первом составе — О.Н.] правительство, поддерживаемое Англией, пробудет у власти не дольше нескольких месяцев. При этом они отгораживались от радикальных элементов, поясняя немецкой стороне, что «Россия состоит сейчас из двух частей: Пре-

312 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 58, л. 4. Рапорт суда чести лагеря Крефельд, 2 марта 1917.

313 SaechsHSfa, 11352, Stelv. Generalkommando, Nr. 641, Kommandantur Doebeln, Mai 1917.

менного правительства и сумасшедшего дома», к которому причислялись социалисты, анархисты и черносотенцы³¹⁴. И приверженцы республики, и сторонники конституционного правления энергичного царя положительно высказывались в адрес Керенского, которого они считали «олицетворением энергии и способностей», именовали «русским Наполеоном и человеком с железной волей», восхищаясь и видя в нем спасителя России³¹⁵.

Неоднозначным было отношение к возможному заключению сепаратного мира, на который после революции надеялась немецкая сторона. Часть офицеров подчеркивала важность для России победоносного исхода, не желая, по всей видимости, к личному позору плена добавлять поражение в войне: «Если русский народ желает освободиться и не быть рабом, то он должен довести эту войну до конца»³¹⁶. Известия о решимости нового правительства продолжать войну некоторыми были восприняты с облегчением: «Слава богу, здоровое понимание русского народа снова на правильном пути, и война оценена правильно. Я бы отказался возвращаться в Россию, если бы был заключен сепаратный мир. Боже убереги нас от этого! Я думаю, эта опасность миновала»³¹⁷. На опросы немецких офицеров разведки о причинах отказа нового правительства принять предложения о мире пленные поясняли: «Русские должны показать Германии, что они еще не сломлены, иначе Германия поверит, что может делать с Россией все. Сепаратный мир был бы бесчестием»³¹⁸.

Незначительное число офицеров видело в затягивании войны происки союзников и тем самым опасность для России: «Надежда велика, что осенью мы будем дома. Дай нам бог мира. Только Англия остается неприступной, но это неудивительно, чужая кровь для них ничего не значит... если мы освободимся от врагов, что мы будем де-

314 BayHStA, M Kr., Nr. 1687, Regensburg, 5.5.1917; Inspektion der Kriegsgefangenenlager des II. bay. A.K., 9.5.1917.

315 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7071.

316 SaechsHStA, 11352, St. GKdo, Nr. 575.

317 SaechsHStA, 11348, St. GKdo, Nr. 150, Brief eines russischen Offiziers, 24.3.1917.

318 SaechsHStA, 11352, St. GKdo des XIX. A.K., Nr. 576, Zusammenfassung aus Gesprächen und Briefen der kriegsgefangenen Offiziere, 1917.

латя с друзьями? Они хуже врагов пытаются заполучить Россию»³¹⁹. Разрушенные надежды на скорое возвращение и разочарование не выполненными новой властью обещаниями облегчить положение пленных выплеснулись в недовольстве офицеров в адрес Временного правительства. Один из лейтенантов в лагере Дебельн пытался через знакомых влиятельных лиц добиться публикации своего письма в русской прессе: «...Тем, что вы решили продолжать войну, вы приговорили пленных к гибели... английская блокада не позволяет Центральным державам мягко обходиться с военнопленными...в то время, как Англия и Франция прилагают все усилия для поддержки своих солдат в плену, мы забыты как старым, так и новым правительством... Мы протестуем против подобной насмешки над нами... Мы выполнили наш долг на фронте, и если мы попали в плен, то только благодаря тем, кто нами командовал. Если вы напишете, что наша гибель послужит счастьем и благу обновленной России, то мы умрем без единой жалобы, но за Эльзас-Лотарингию мы не хотим умирать и пойдем на все, если вы нам не поможете. Мы имеем право писать от имени всех пленных, так как находимся здесь уже третий год»³²⁰.

Помимо дебатов о будущем устройстве России и целях текущей войны, лагерные сообщества пытались сформировать революционную идентичность с помощью переорганизации плеяды исторических героев и создания новых праздников. В газете «Сквозняк» была помещена развернутая статья о восстании декабристов, которое было представлено одной из вех на пути русского народа к свободе: «Из вековой эпохи, заполненной мучительной неравной борьбой за свободу, поднимаются величавые образы сраженных героев — страдальцев и мучеников... Новой России близки и родны эти образы. Память о них она хранит с благоговением. Дни, отмеченные яркостью этих стремлений, она чтит как великий праздник»³²¹. В некоторых лагерях в курс лекций были включены беседы о революции 1905 г.

Революция привнесла новую риторику в лагерные ритуалы. В день поминовения усопших на кладбище Нюрнберга к пропове-

319 Ebenda.

320 SaechsHSta, 11352, Stellv.GKdo des XIX. A.K., Nr. 576, Kommandantur Doebeln, 14.9.1917.

321 Сквозняк. 1917. № 3.

дям и песнопениям добавились речи политического содержания. Оратор взывал к захороненным товарищам: «Прошлой осенью существовала еще царская Россия. Одно лишь слово „царская“ заставляет нас морщиться, как это бывает, когда переживаешь ужасный кошмар, который душил во сне. Сегодня уже нет царской России! Рухнуло источенное червями постылое царское здание под тяжестью переполнившейся чаши народного гнева. Постыдно забились в углы темные силы при виде рождающейся свободы, подобно ночным теням, разбивающимся при первых лучах утреннего солнышка»³²².

К этому времени в России образ военнопленных претерпел существенную трансформацию³²³. Опасаясь возвращения в страну значительного контингента исстрадавшихся и озлобленных солдат и офицеров, пропаганда легитимировала новую власть через ее противопоставление старому режиму: «Кончится эта страшная война, вернется наш военнопленный домой в обновленную переустроенную Россию... Он увидит, что на России новой не лежит греха России старой, бесславно сгнувшей. Но еще нежнее полюбит Россию новую и за то малое, что она смогла сделать для военнопленных»³²⁴. В сложившийся образ нечеловеческих мучений пленных в лагерях была внесена существенная корректировка: страдания не были бесцельными, так как это были жертвы во имя родины. «Нас несколько лет не только называли свиньями, но и относились, как к свиньям... Нас держали в беспрестанном страхе, не давая ни минуты быть спокойным за свою жизнь, каждый, кто приближался к нам, оплевывал и высмеивал нашу родину для того, чтобы еще беспросветнее давило на нас ярмо плена — добивались этого голодом, побоями, страхом и унижениями»³²⁵. Важным интерпретационным кодом стало пространенное к этому времени в общественной дискуссии обвинение прежней власти: «Чтобы наглядно себе представить атмосферу германского плена, вспомните наш старый полицейский режим»; «в прошлом у него — темная жизнь раба и застарелое наследственное недовольство... он просто темный обездоленный человек, которого

322 Сквозняк. 1917. № 2.

323 См.: *Нагорная О.* Воспоминания. С. 58.

324 См.: *Русский военнопленный.* 1917 г. № 1. С. 1–2.

325 *Шамурин Ю.* Два года в германском плену. С. 5.

тащат то в участок, то на арену мировой борьбы»³²⁶. Таким образом, военнопленные пытались преодолеть сегрегацию маргинальной группы, вписывая себя в общий для всего русского общества опыт.

ОЦЕНКА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И БРЕСТСКОГО МИРА

По утверждениям немецких ведомств, регулярно отслеживавших настроения в лагерях, солдаты либо оставались равнодушными к известиям о смене власти в России, либо, как и с началом Февральской революции, воспряли духом в надежде на мир. Задержка отправки по инициативе немецкой стороны вопреки сообщениям о заключении мира вызвала у массы рядовых пленных протестную реакцию. Повсеместно раздавались требования повышения оплаты и разрешения общаться с работающими в соседних командах. Немецкие органы регистрировали резкий взлет количества побегов, угроз в адрес охраны и работодателей, а также оказание физического сопротивления³²⁷.

В офицерской среде Октябрьская революция была воспринята в целом негативно. Немецкая сторона свидетельствовала, что «после падения Керенского офицеры не могли сдержать эмоции», а в адрес большевистского правительства звучало ругательство «сволочи». Среди старшего офицерства разговоры о новых властителях приобретали антисемитскую окраску, многие требовали введения в Россию войск Антанты или Германии для наведения порядка³²⁸. Постфактум они признали ошибкой отказ Керенского заключать сепаратный мир, убедившись, что «Россия не в состоянии вести войну и должна разобраться с внутренними проблемами»³²⁹. Один из офицеров, для которого вторая революция свершилась «не так, как [он — О.Н.] надеялся», советовал комендатуре не отделять русских солдат

326 Там же. С. 42.

327 BayStA, Stv.GenKdo I. A.K., Nr. 1734, 8.4.1918; SaechsHStA, 11352, St. GKdo, Nr. 739, 10.4.1918; 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 7071; HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 911, Kommandantur Muensingen, 8.2.1918.

328 SaechsHStA, 11352, St. GKdo, Nr. 567, Kommandantur Doebeln, 15.6.1918, Vorbereitung für den Abtransport der russischen Kriegsgefangenen in ihre Heimat.

329 SaechsHStA, 11352, St. GKdo, Nr. 641.

в лагерях от французов, «которые сумели бы и объяснить ошибки и недостатки большевистского государства. Тогда бы пленные возвратились в Россию и повлияли бы на местное население»³³⁰.

После поступления в лагерь официальных известий об условиях Брестского мира даже те немногие, кто симпатизировал большевикам, превратились в их яростных противников: «Мирный договор с Россией нас больно удивил. К потере многих провинций мы были готовы, но передача Батуми и других областей Турции для нас явилась ударом грома»³³¹. Тяжесть окончательного поражения и осознание невозможности возвращения к прежнему статусу в послевоенной России ввергли многих офицеров в апатию: «большинство ...перестало заниматься излюбленным до сих пор хобби — изучением языков, выпиливанием по дереву и собиранием марок»³³². Все чаще они говорили о своей усталости от войны: многие кадровые военные заявляли о своем намерении оставить службу, а в случае продолжения «беспорядков» — остаться в Германии и заниматься научной или культурной деятельностью³³³. Часть из них действительно подали заявки на получение гражданства в Германии, пытаясь таким образом выиграть время и переждать хаос на родине³³⁴.

Известия о судьбе офицеров старой армии при большевистском режиме подтолкнули многих к отказу от возвращения в Советскую Россию. Часть офицеров заявили о своем желании вступить во французскую, но чаще в родственные по «языку, строению и обычаям» славянские армии³³⁵. В декабре 1917 г. в адрес Баварского военного министерства поступило прошение генерала Г.С. Аксенова остаться в Германии после освобождения из плена. Генерал отмечал, что политические изменения в России произвели на него нега-

330 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6997, Kommandantur Doebeln, 29.7.1918.

331 SaechsHStA, 11352, Stellv. GKdo, Nr. 642.

332 *Георгиевич М.* Свет и тени. С. 15.

333 SaechsHStA, 11352, Stellv. GKdo, Nr. 642.

334 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6981, Inspektion des XII. und XIX. A.K., 6.12.1918.

335 BayHStA, M Kr., Nr. 1693, Kommandantur Plassenburg, 24.5.1918; SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6962, Gesuche der russischen Offiziere, 24.11.1918; Nr. 7072, Kommandantur Doebeln, 23.10.1917.

тивное впечатление. Он опасался, что на родине на него могли донести за ярко выраженные монархические настроения, поэтому возвращаться туда он не хотел ни при каких условиях³³⁶. И хотя сам Аксенов все же оказался в России в качестве одного из командиров антибольшевистского Северного фронта³³⁷, очевидно, что намерение остаться вне военных действий осуществили многие бывшие военнопленные офицеры³³⁸. Русские и балтийские немцы, планировавшие после освобождения из плена поселиться на территории отошедших от России государств, направляли в адрес ПВМ и немецкой администрации в Курляндии прошения помочь переправить родственников из большевистского Петрограда за границу³³⁹. Принявшие решение о возвращении в Россию испрашивали у немецких органов разрешение на замену униформы гражданской одеждой в желании скрыть свой офицерский статус³⁴⁰.

Начавшийся еще в лагерях процесс обсуждения переживаний плена и политических событий в России, а также выработка приемлемых в изменившейся ситуации образцов толкования были продолжены после возвращения основной массы пленных на родину. В период, пока большевистское правительство допускало деятельность негосударственных организаций, репатрианты активно поддерживали существование «социальных сетей» и пытались отстаивать интересы своей группы в рамках различных союзов. Наступле-

336 См.: BayHStA, M Kr., Nr. 1691, Lager Marienburg, 16.12.1917.

337 С 1919 по 1920 г. генерал Аксенов находился в штабе Главнокомандующего войсками Северной области. См.: Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. — М., 2002. С. 10.

338 См.: В одной из первых работ о судьбе русского офицерства после Октябрьской революции А.Г. Кавтарадзе отмечает, что 30 % офицеров старой армии не примкнули ни к одному лагерю Гражданской войны. См.: Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917-1920 гг. — М., 1988.

339 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr.6961, Gesuch eines kurlandischen Offiziers, 9.10.1918.

340 SaechsHStA, 11348, Stellv. GKdo, Nr. 165, PKMIN, 27.2.1918. Переписка советских органов подтверждает, что многие репатриированные офицеры при регистрации выдавали себя за солдат. См.: ОГАЧО, ф. Р-393, оп. 6, д. 2, л. 18. Приказ № 18 Троицкий уездной военной комиссии по мобилизационному отделу, 24 марта 1920 г.

ние власти на общественные организации и монополизация ею процесса перехода индивидуальных переживаний в коллективную память определили подстройку трактуемых конструкций маргинальной группы к навязанным сверху шаблонам толкования.

IV.5. «РУССКИЙ НАРОД ЗАКОНЧИЛ В ЭТОЙ ВОЙНЕ ВСЕ КЛАССЫ И СЕМИНАРЫ»³⁴¹: ПЛЕН КАК ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ

В ходе развития немецкой системы военного плена по инициативе комендатур, а также при поддержке представителей самоуправления практически во всех лагерях возникли школы, в рамках которых значительная часть солдат приобщалась к грамоте, а для имевших начальное образование были устроены уроки математики, агрономии и немецкого языка, а также лекции и литературные чтения³⁴². Согласно отчетам представителей самоуправления, посещаемость занятий была достаточно высокой, а через некоторое время большинство учащихся «могли читать письма из дома и писать их»³⁴³. Масштабы просветительской деятельности в агитационных лагерях отражают данные по лагерю Раштатт, где различные курсы посещали 2 500 человек³⁴⁴.

С поздней весны 1915 г., после перевода большинства солдат в рабочие команды, массовое обучение было прервано, однако наладившие свою деятельность лагерные библиотеки старались снаб-

341 Цитата из письма русского военнопленного. См.: SaechsHStA, 11248, Saechsches Kriegsministerium, Nr. 6954. 9.11.1917.

342 ГАРФ, ф. Р-6169, оп. 1, д. 172, л. 4. Отчет лагерного комитета Коттбус. 1917 г.; ф. 9491, оп. 1, д. 1, л. 2. Отчет Копенгагенского Бюро помощи военнопленным; ф. Р-6171, оп. 1, д. 1, л. 1. В русскую секцию Бернского комитета помощи военнопленным. 1915 г.; ф. 9488, оп. 1, д. 51а, л. 1–11. Отчет Советского Бюро о посещении лагеря Кассель, 1921 г.; д. 108, л. 5–62. Лагерный комитет Штаргардт. 1919 г.

343 SaechsHStA, 11348, Stellv. GKdo, Nr. 162, Kommandantur Bautzen, 31.10.1916.

344 Terleckij O. Die Ukrainer in Deutschland. S. 136.

жать крупные бригады книгами и учебниками. Неработоспособные, оставшиеся в основных лагерях, продолжали повышать свой образовательный уровень, заказывая в благотворительных организациях учебную литературу, книги и программы для сдачи экзаменов на гражданский чин после возвращения в Россию: «Даром провести время — грех. Желая дополнить свои знания, вышлите книги по сельскому хозяйству»; «Политической литературы совершенно не нужно. Высылайте беллетристику и учебники»; «Желая подготовиться к сдаче экзамена на классный чин, вышлите учебников» и т.п.³⁴⁵. Здесь же инвалиды, лишившиеся в боях или на производстве правой руки, обучались владению левой.

Новый всплеск в развитии лагерных школ произошел по инициативе советского представительства в Берлине, которое распространило на лагеря закон об обязательном образовании и финансировало закупку книг и работу учителей³⁴⁶. Путем пламенных увещеваний, что «самым сильным орудием борьбы с поработителями есть учение»³⁴⁷, а также угроз, что «неграмотные отправятся в Россию не будут»³⁴⁸, большинство еще не научившихся чтению и письму солдат были привлечены к посещению уроков.

В офицерских лагерях, во многих из которых содержались выпускники Академии ГШ и преподаватели высших школ из числа вольноопределяющихся, с согласия комендатур организовывались постоянно действующие курсы лекций на различные темы: о российской и зарубежных системах железных дорог, финансах, налогообложении, биологии и анатомии³⁴⁹. В лагере Нейссе окончившим агрономи-

345 РГАСПИ, ф. 17, оп. 1, д. 1729, л. 2. Письмо Р. Малиновского Ленину и Зиновьеву. Декабрь 1915 г.; ф. 351, оп. 1, д. 178, л. 13, 96, 109. Письма военнопленных в КЗО РСДРП; д. 180, л. 4. Письма военнопленных в КЗО; ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 66, л. 25–26. Переписка Отдела 6 «Россия» с лагерями военнопленных. 1921 г.

346 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 31, л. 1. Доклад о положении пленных и состоянии лагеря Гарделеген. Июнь 1920 г.; д. 110, л. 273; ф. 9491, оп. 1, д. 37, л. 34; д. 197, л. 71. Переписка Советского бюро и с лагерями военнопленных, 1920 г.

347 Там же; ф. 9488, оп. 1, д. 110, л. 238. Переписка Советского бюро и с лагерями военнопленных, 1920 г.

348 Там же; д. 62, л. 75. Переписка Советского бюро и с лагерями военнопленных, 1921 г.

349 См., например: Barch, R 1508/ 1810. Offizierlager Friedberg, 23.8.1917.

ческие курсы выдавались соответствующие аттестаты³⁵⁰. В смешанных лагерях по инициативе самих пленных устраивались так называемые «языковые тандемы» — парное обучение иностранным языкам у пленных союзников и преподавание им русского; это позволило желающим углублять свои знания английского и французского.

В одном из писем жене предводитель русского офицерского сообщества в лагере Дебельн полковник Буба, пусть и с легкой иронией, описывал многообразие обучающих мероприятий: «...Использую предоставленное время, чтобы читать. Благодаря службе, я отстал в этом и теперь восполняю недостаток знаний. Слушаю лекции по физиологии растений, которые читает доцент Московского университета в форме болтовни с некоторыми нашими офицерами. О пчелах и пчеловодстве уже прослушал. Учусь у француза языку»³⁵¹. Популярность подобных форм досуга подтверждается письмом еще одного офицера из этого лагеря: «...С полудня до часу слушаю доклады о шахматах, с полвторого до полтретьего — по химии, после этого я читаю и гуляю. В шесть — общая переключка. По понедельникам и пятницам вечером — доклады о жизни растений и биологии. Потом читаем или играем в шахматы»³⁵². И все же добровольный характер подобных мероприятий и частые переводы офицеров в другие лагеря не позволяют сделать обобщающие выводы о результативности их обучения.

Одним из последствий привлечения к работам на заводах и фабриках Германии русских военнопленных, большинство которых были выходцами из крестьянской среды, стало приобретение ими новых профессиональных навыков. Уже в феврале 1915 г. ПВМ озабочилось созданием на каждого солдата индивидуальной рабочей карты с информацией о квалификации и степени работоспособности³⁵³. С этой целью после попадания очередной группы пленных в проходной лагерь солдаты опрашивались на предмет их профессиональной деятельности до призыва в армию. Обученные шахтеры,

350 См.: Успенский А.А. В плену.

351 SaechsHStA, 11352, Stellv. GKdo, Nr. 620, Oberst Buba an seine Frau, 1915.

352 SaechsHStA, 11352, Stellv. GKdo, Nr. 620, Auszuege aus dem Brief eines russischen Oberleutnants, 13.11.1915.

353 Oltmer J. Baeuerliche Oekonomie. S. 345; Ленцен И. Использование труда русских военнопленных в Германии. С. 130.

слесари и инженеры сразу после прохождения карантина отделялись от основной массы и предоставлялись в распоряжение прусских предприятий. Чернорабочие и крестьяне направлялись на работы в сельском хозяйстве, в шахты, на строительство железных дорог или в прифронтовую зону³⁵⁴. Для восполнения нехватки рабочих рук ПВМ практиковало сезонную занятость, после окончания сельскохозяйственных работ переводя военнопленных на промышленные предприятия, и наоборот³⁵⁵.

Недостаточное количество квалифицированных рабочих среди пленных вынудило немецкое командование пойти на устройство краткосрочных курсов по обучению специальностям, «необходимым для немецкого хозяйства»³⁵⁶. На местах родилась инициатива по обучению военнопленных на машиниста парового плуга, которая среди солдат и работодателей пользовалась высоким спросом³⁵⁷. В баварских лагерях Лехфельд, Траунштейн, Диллинген была организована подготовка электроинженеров и газовщиков³⁵⁸; профессиональное обучение в техникуме проходили военнопленные-мусульмане, содержащиеся в агитационном лагере под Берлином³⁵⁹. Результаты реализации данных проектов определялись региональной спецификой: если в Вюртемберге местные ведомства оказывали сопротивление из опасения знакомства вражеских солдат с немецким производством и возможного использования ими приобретенного опыта против Германии, то другие области отчитывались о положительном эффекте обучения³⁶⁰.

354 SaechsHStA, 11352, Stellv. GKdo, Nr. 727, Inspektion der Kriegsgefangenenlager XII. und XIX. A.K., 31.7.1918.

355 *Oltmer J.* Baeuerliche Oekonomie. S. 374.

356 BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K., Nr. 550, PKMIN, 19.1.1916, Bestimmungen ueber Einrichtung von Facharbeiterschulen für Kriegsgefangene; Inspektion der Kriegsgefangenenlager des II. A.K., 17.11.1916; Stellv. Generalkommando des III. bayerischen A.K. Nr. 354, PKMIN, 16.1.1916.

357 GStA PK, HA I, Rep 87 B, Nr. 16102, Ausschnitt aus der Zeitung, 24.3.1916.

358 BayHStA, M Kr., Nr. 1648, Stellv. GKdo des II. A.K., 14.3.1916.

359 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 127, л. 6. Ведомство лагерей военнопленных и интернированных. 14.11.1921.

360 BayHStA, M Kr., Nr. 1648, PKMIN, 4.3.1916; HStA Stuttgart, M 77/1, Bue 445, PKMIN, 13.9.1916.

Интересным примером обучения военнопленных немецкой трудовой культуре стала так называемая «система Крухена» — окружного архитектора в Восточной Пруссии, которому было поручено восстановление населенных пунктов после русской оккупации провинции. Отданных под его начало военнопленных ремесленников из Российской империи (число которых в момент расцвета деятельности строительного батальона превышало 6000) он делил на команды по 20 человек и приставлял к ним двух немецких специалистов в качестве обучающих мастеров. Отличившиеся при возведении домов, церквей и хозяйственных построек военнопленные вознаграждались повышенной оплатой и получали в качестве отличительных знаков желтые нарукавные повязки³⁶¹.

Некоторые военнопленные, получившие после революции в Германии относительную свободу передвижения, по собственной инициативе и за свой счет записывались на обучающие курсы. Так, солдат из лагеря Альтдамм в завершающий период репатриации даже обратился в Советское бюро с просьбой отложить его отправку: «...учусь на курсах шофера-механика, за которые заплатил большие деньги. Можно ли мне пропустить этот транспорт и поехать на другом, чтобы получить удостоверение, к примеру, шофера-механика»³⁶². В целом на местах отмечалась покладистость русских солдат, в краткие сроки приобретающих необходимую квалификацию³⁶³. Ту же характеристику получили и унтер-офицеры, показавшие себя «безупречными работниками» и «незаменимыми ремесленниками»³⁶⁴.

После заключения мира на Восточном фронте советское правительство попыталось использовать профессиональную подготовку военнопленных в целях скорейшего восстановления собственной

361 См.: *Сухин Д.* Восточная Пруссия: изобретая провинцию наново // Проект Балтия. 2008. № 1. С. 73–78; а также неопубликованный текст доклада «1915–1925: Die fruehen Werkjahre Hans Scharouns», любезно предоставленный автором.

362 ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 56, л. 20. Письма военнопленных в Советское бюро. 1922 г.

363 SaechsHStA, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6988, Fuersorgenverband, 11.7.1916. См. также: *Ленцен И.* Использование труда русских военнопленных в Германии. С. 133.

364 GStA PK, HA I, Rep 87 B, Nr. 16101, Ministerium für Landwirtschaft, Domaenen und Forsten, 11.1.1916.

промышленности путем первоочередной отправки специалистов из германских лагерей³⁶⁵. Работавший по поручению советских органов над обобщением опыта плена мировой войны Н.М. Жданов характеризовал немецкий плен как «современную школу производственного труда и подготовки к более культурным формам хозяйства и общественной жизни»³⁶⁶. В пропагандистских изданиях Бюро военнопленные призывались проявлять активность в приобретении новых профессий: «Германия — страна высокоразвитой промышленности. Если умеючи использовать пребывание здесь, то можно хорошо подучиться разным ремеслам. Россия чрезвычайно нуждается в обученных рабочих»³⁶⁷. Эвакуационные органы (Центропленбеж, Советское бюро) вели активную переписку с немецкой стороной и лагерными комитетами, пытаясь организовать формирование и отправку эшелонов со специалистами в Советскую Россию. Квалифицированным работникам из числа пленных обещалось досрочное возвращение на родину, если они обяжутся приступить к работе на указанном им предприятии в Москве, Петрограде или на Урале³⁶⁸.

Однако пленные увидели в этой акции лишь возможность скорейшего возвращения домой и в обращениях к берлинскому представительству открыто признавались: «Не имею возможности на скорое возвращение из плена, поэтому прошу зачислить меня в специалисты»³⁶⁹. Советское бюро в переписке с лагерными комитетами вынуждено было констатировать: «При составлении ударных групп специалистов выяснилось, что заявления военнопленных об их спе-

365 ГАРФ, ф. 3333, оп. 8, д. 37, л.90; ф. 9488, оп. 1, д. 110, л. 348; ф. 9491, оп. 1, д. 9, л. 22, 30; д. 18, л. 13.

366 Жданов Н. Русские военнопленные в мировую войну. С. 64.

367 Известия русского бюро военнопленных. 1920. июнь № 1.

368 РГВА, ф. 1, оп. 4, д.12, л. 67. Управление делами Наркомвоена по вопросу переговоров с Германией об обмене военнопленными. 3.1.1918; ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 191, л.100. Распоряжение Центрозвака. 1921 г.; оп. 8, д. 37, л. 90. Обращение Центропленбеж в Германскую комиссию по военнопленным. 1918 г.; ф. 9488, оп. 1, д. 110, д. 348. Воззвание Советского бюро к военнопленным. 1920 г.; ф. 9491, оп. 1, д. 9, л. 22, 30. Обращение Советского бюро к лагерным комитетам. 1920 г.; д. 18, л. 13. Списки на отправку. 1920 г.

369 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 8, л. 41; 67. Обращения военнопленных в Советское бюро. 1921 г.; ф. 9491, оп. 1, д. 33, л. 121. Обращения военнопленных в Советское бюро. 1921 г.

циальности не соответствуют действительности. Этим мы можем ввести в заблуждение правительство Советской России»³⁷⁰. Таким образом, ложные сведения о профессиональной квалификации осложнили процедуру отбора и отправки и привели к фактическому срыву намерений нового режима использовать профессиональный потенциал военнопленных.

Один из молодых офицеров характеризовал свои переживания за колючей проволокой как процесс социального взросления: «Из слабого мальчика я превратился в обросшего бородой мужчину, много пережил горя и лишений, но тяжелые испытания укрепили меня, теперь уже не страшно смотреть вперед»³⁷¹. Специфический настрой и набор поведенческих моделей, приобретенные солдатами и офицерами царской армии в плену, отмечался уже их современниками. Представитель советской комиссии в Будапеште, куда в попытке попасть на родину на собственный страх и риск добирались военнопленные, четко выделял в массе возвращавшихся особый тип пленных, «прибывающих из Германии... Это были предприимчивые люди, не боявшиеся никаких опасностей и стремившиеся каким бы то ни было способом пробраться в Россию, хотя комиссия указывала каждому ясно на опасности такого путешествия. Они неохотно задерживались на сборном пункте и довольствовались проездным свидетельством и небольшим количеством денег»³⁷². Коллективные ожидания российского населения в отношении пленных зафиксированы во фразе одного из рядовых солдат: «Мы уже не научены, а вот те, что из плена вернутся, те нас многому учить будут»³⁷³.

После возвращения в Советскую Россию те из пленных, кому удалось уклониться от мобилизационной политики властей, меняли методы хозяйствования, род занятий или место жительства. Представители упомянутой выше партии уфимских репатриантов свидетельствовали о своем желании посещать сельскохозяйственные

370 Там же: ф. 9488, оп.1, д. 110, л. 252. Советское бюро лагерным комитетам. 1920 г.

371 ГАРФ, ф.17, оп.1, д. 46, л. 46, Письмо военнопленного из лагеря Штральзунд, 6.8.1919.

372 ГАРФ, ф.3341, оп.6, д.314, л.254. Отчет представителя РОКК в Венгрии за апрель-май 1919 г.

373 Федорченко С. Народ на войне. — М., 1990. С. 27.

курсы для дальнейшего повышения квалификации³⁷⁴. Об активной жизненной позиции бывших заключенных лагерей свидетельствует сохранившееся в фондах архива Штутгарта письмо немки, вышедшей замуж за русского военнопленного по имени Феодосий и уехавшей с ним в Россию. Послание оставшимся в Германии родителям было адресовано из села Карасилко Черниговской губернии, где к радости женщины оказалось большое количество немцев-колонистов: «...По пути мы три дня пробыли в Петербурге. Город полностью разрушен, царский дворец разграблен. До места от столицы мы добирались целый месяц. Здесь все очень дорого, покупается за продукты, но у нас есть мельница. Мы с Феодосием собираемся уехать на Кавказ или на Амур, так как здесь плохая земля». Помимо упоминания собственной мельницы, благосостояние пары отражается в обещаниях отослать в ближайшее время деньги на содержание оставленного в Германии ребенка³⁷⁵.

А. Окнинский легко различал в среде вернувшихся к своим местам проживания категорию бывших работников немецких хозяйств: «Возвратившиеся из плена по приобретенному ими там мировоззрению разделялись, главным образом, на две категории: на находившихся в плену в Австрии и Германии в концентрационных лагерях и на живших в плену в Германии в качестве рабочей силы среди крестьян или у городских жителей. Первые отличались своей большевицкою распропагандированностью, тогда как вторые приехали домой с понятиями о порядке, об уважении к чужой собственности, с мыслями о лучшей, более культурной жизни и с намерением по возможности применить виденное там у себя дома»³⁷⁶. Далее автор свидетельствовал, что представители второго типа бывших пленных солдат стремились применять полученные навыки в своих родных селениях. Один из них «из привезенных домой водопроводных принадлежностей устроил у себя в запасной избе баню с баками с холодной и горячей водой и с кранами и пускал желающих мыться за плату»³⁷⁷.

374 РГАСПИ, ф. 583, оп. 1, д. 186, л. 27, 40. Анкетные листы прибывших из Германии бывших военнопленных. 1920 г.

375 HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 6, 22.12.1921.

376 Окнинский А. Два года среди крестьян. С. 62–63.

377 См.: Там же. С. 162–163.

Внимание американского журналиста Мориса Хиндуса, посетившего летом 1929 г. белорусскую деревню, на крестьянском рынке сразу привлек бывший пленный, который после возвращения «пытался жить и хозяйствовать в соответствии с выученными принципами»: «...поддерживать порядок и чистоту, прежде всего, не заводить скотину в избу». Он наклеил дома обои и повесил картины, его работоспособность и прилежание в сельском хозяйстве приносили хорошие доходы. Его хозяйство насчитывало 7 десятин пашни, лошадь и две коровы. Сам крестьянин признавался, что не заводил дополнительную скотину, чтобы не заклеями кулаком, а также планировал отказаться от подработки на свадьбах баянистом³⁷⁸.

Распространенность подобного поведенческого образца среди вернувшихся в Россию пленных привела к их превращению в литературный типаж в конце 1920-х гг. Главный герой романа И. Макарова «Стальные ребра» (1927–1928 гг.)³⁷⁹ — Филлип Гуртов — во время пребывания в плену «много читал», приобрел квалификацию токаря и электромонтера. После возвращения на родину он одержим идеей изменить захудалое родное село по образцу опрятенькой немецкой деревеньки с тракторами и черепичными крышами. Для этого он использует полученные в плену профессиональные навыки и прибегает к радикально-насильственным методам реализации своего плана. Гуртов для красоты вставляет в разговор исковерканные немецкие словосочетания и поражает земляков привезенными из Германии «ерманской парой» и шапкой лебяжьего пуха. В романе упоминаются также сохранившиеся связи между бывшими заключенными: при необходимости Филлип апеллирует к своему знакомству с ротным фельдшером — товарищем по лагерю. Примечательно, что автор заканчивает роман гибелью главного героя, который своими приобретенными в плену представлениями и методами не вписывается в новую советскую действительность.

378 См.: *Goerke K. Russischer Alltag*. S. 41, 121–122.

379 См.: *Макаров И. Стальные ребра*. — М., 1964. С. 15–265. За указание на этот источник я благодарю В. Токарева.

Резюме

Источники, отражающие непосредственную ситуацию в лагерях, раскрывают перед нами интенсивный процесс приспособления солдат и офицеров к ситуации плена. Палитра поведенческих моделей, выработанных за время пребывания в лагере, простиралась от пассивного принятия плена и бегства от действительности, скрытого и открытого сопротивления ситуации, поощряемых и подавляемых немецким командованием практик до организованных и стихийных выступлений. Скорость адаптации и разнообразие реакций часто являлись непосредственным ответом на вызов окружения: можно говорить о разнице образцов поведения пленных, содержащихся в основных лагерях и рабочих командах, зависимости форм сопротивления от фазы развития лагерной системы и ситуации на Восточном фронте, а также об особенностях процесса трансформации принятых норм в офицерской среде.

Одной из важных составляющих процесса адаптации солдат и офицеров царской армии к ситуации плена стал язык. Множество каналов и средств формальной и неформальной коммуникации (газеты, слухи, письма, фольклор) способствовало интенсивному обмену информацией, предоставляло возможность для переработки переживаний и облегчало восприятие действительности. С помощью усвоения специфической формы немецкого языка военнопленные улучшали свое положение в условиях заключения и обеспечивали себе более тесные контакты с чуждым и часто враждебным культурным окружением. Прием иносказаний в письменной корреспонденции позволял им обходить цензурные ограничения и обмениваться информацией с оставшимися в России родственниками. Использование нового языка советского государства привело к возведению их большевистским правительством в ранг «революционеров за границей» и обеспечило допуск к обсуждению опыта войны и революции в рамках контролируемого сверху дискурса.

Непреодолимые трудности немецких военных ведомств при организации религиозной жизни в лагерях, пассивность российской стороны в оказании пленным духовной поддержки и патриотической настрой священников способствовали отходу православного населения лагерей от официальных церковных канонов. Возникно-

вление специфического варианта «народной религиозности» в плену стимулировалось тесными контактами с представителями других конфессий, совместным проведением праздников вне пределов православного календаря, использованием одного и того же помещения в качестве общего храма и просветительской деятельностью иностранных благотворительных организаций. Пленные признавали в качестве духовных авторитетов представителей других церквей, во многих лагерях возникли баптистские общины и различные секты.

Отойдя от старого соблюдения церковных ритуалов, православные военнопленные продолжали проявлять приверженность религиозным образцам толкования, с помощью обращения к которым сглаживалась конфликтная ситуация плена и инсценировалось чувство лагерного товарищества. Примечательно, что через призму религиозной лексики толковались и революционные события в России. Только погружение в советскую действительность и стремление получить привилегии от новой власти привнесли в воспоминания бывших пленных атеистические формулировки.

Массовое привлечение русских пленных к принудительному труду во всех сферах немецкой военной экономики определило не только условия содержания, но и способствовало приобщению солдат и унтер-офицеров к чуждой им производственной культуре. В соответствии со стратегическими интересами немецкой стороны часть военнопленных приобрели опыт работы и в промышленности, и в сельском хозяйстве, а часть из них прошли обучение новым специальностям. Благодаря организации лагерных школ, библиотек, киносеансов и курсов лекций, рядовые приобщались к грамоте и расширяли свой кругозор. Многие бывшие пленные уже после возвращения в Россию применяли усвоенные навыки у себя дома, меняя не только методы хозяйствования, но и бытовой уклад. После окончания войны профессиональный потенциал военнопленных надеялось использовать в своих интересах советское правительство. Однако попытка организовать досрочную отправку специалистов из лагерей на советские предприятия была сорвана самими пленными, увидевшими в этой акции возможность скорейшего возвращения на родину и представлявшими ложные сведения о своей квалификации.

Во время пребывания в лагере пленные пытались выработать удобные модели объяснения попадания к противнику и изложить

их в рамках русской общественной дискуссии о войне. Наибольшей активностью отличались офицеры, которых к саморефлексии вынуждали вынужденное бездействие и зависимость от позиции русского военного командования. Они стремились оправдать поражение с помощью образов жертвенности, чужого предательства и собственного героизма на поле боя и в лагере. При этом толчком к возникновению толкований часто становились мероприятия немецких комендатур или русских военных органов. Пленные активно откликались на политические события в России, пытаясь инструментализировать свой новый опыт применительно к изменившейся обстановке. И если Февральская революция была преобладающе позитивно воспринята и в солдатской, и в офицерской среде, то приход к власти большевиков и заключение сепаратного мира разделили массу военнопленных на несколько групп. Большая часть стремилась любой ценой попасть на родину, опасаясь пропустить раздел земли. Кадровые офицеры постарались компенсировать свое военное поражение участием в антибольшевистских формированиях. Еще одна группа бывших пленных предпочла остаться вне конфликта, получив разрешение на пребывание в Германии или переехав в другие европейские страны.

глава V Долгая дорога домой: бывшие военнопленные в межвоенном обществе

V.1. «ЭВАКУАЦИЯ В ТОМ ВИДЕ, В КОТОРОМ ОНА СУЩЕСТВУЕТ, ГУБИТЕЛЬНА ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ОПАСНА ДЛЯ ГОСУДАРСТВА»¹: ПРАКТИКА РЕПАТРИАЦИИ

В силу внешнеполитических обстоятельств репатриация военнопленных прошла в два неравнозначных по своим масштабам этапа: с января 1918 по середину 1919 гг. и с лета 1920 г. по 1922 г. Пик первой волны пришелся на ноябрь — февраль 1918–1919 гг., когда число прибывавших на родину на свой страх и риск значительно превышало количество доставленных официальными транспортом. Это соотношение наглядно иллюстрируют статистические данные петроградского эвакуационного пункта. К началу ноября 1918 г. здесь было зарегистрировано 18037 русских военнопленных, прибывших по обмену из Германии, при этом приток за сентябрь составил всего 83 человека. На этом фоне цифра в 3 653 человека, добравшихся одиночным порядком, выглядела очень скромно. С возникновением массового потока пленников картина полностью изменилась: с 18 ноября по 31 декабря 1918 г. соотно-

1 РГВА, ф. 34, оп. 5, д. 14, л. 203. Рапорт Санитарного управления Красной армии. 20.12.1918.

шение между организованно и самовольно прибывшими составило 7 211 к 35 273². В итоге распределительный пункт за полтора месяца был вынужден принять в два раза больше возвращавшихся, чем за предыдущие 10,5 месяцев своей работы. Пик второй волны пришелся на 1920–1921 г., составив для внутренних районов страны 300–500 репатрируемых в месяц. Уже к лету поток сократился до нескольких десятков и почти иссяк в середине 1922 г.³

Стихийное возвращение основной массы пленных нарушило надежды советских органов на планомерное прибытие незначительных партий. Невозможность установления контроля над ситуацией в обстановке Гражданской войны спровоцировала конфликт интересов и вмешательство негосударственных организаций в дело эвакуации и социального обеспечения. Дискуссия о возвращении и призрании бывших пленных определялась с этого момента тремя заинтересованными сторонами: властными институтами, благотворительными организациями и населением в лице самих военнопленных и их родственников. Настойчивый интерес людей к положению репатрируемых и требования в адрес правительства ускорить их возвращение вызывали опасения центральных органов в «возбуждении населения против существующего порядка» и стремление сообщать в прессе «даже самые элементарные сведения» о предпринимаемых шагах⁴.

УРОКИ СТИХИЙНОЙ МИГРАЦИИ

Пространство, на котором предполагалось развернуть мероприятия обмена, красноречиво описано в телеграмме М.Д. Бонч-Бруевича на имя нового главнокомандующего Н.В. Крыленко: «...театр военных действий ...представляет из себя огромную площадь, покрытую трупа-

2 См.: ГАРФ, ф. 3333, оп. 6, д. 53, л. 1–17. Сведения о количестве русских пленных, прибывших в Петроград и выбывших из Петрограда, 1918 г.

3 См.: ГАРФ, ф. 3333, оп. 4, д. 70, л. 3–9. Сведения о движении контингентов по Челябинской губернии; ОГАЧО, ф. Р-254, оп. 1, д. 37, л. 1–14, 22–29. О движении контингентов по Пермской и Челябинской губерниям, 1921 г.

4 ГАРФ, ф. 3333, оп. 3, д. 336, л. 142. Переписка с СНК и редакциями газет и журналов об освещении в печати писем военнопленных, 16.11.1918; оп. 6, д. 67, л. 24, 27. Отчет о работе отделения по учету русских военнопленных на 1 января 1920 г.

ми лошадей и брошенным имуществом. Он является очагом разных заболеваний и эпидемий, грозящих мором не только России, но и Европе». Резюмировав провал планомерной демобилизации старой армии, а значит, и отсутствие у молодой власти положительного опыта эвакуационных мероприятий, генерал настаивал на тщательной и детальной разработке плана мероприятий по обмену пленными, чтобы «с наименьшим риском для здоровья и в возможно кратчайшие сроки завершить эти выпадающие на государство ответственные задачи»⁵.

Отсутствие двухсторонних договоренностей об условиях репатриации и железнодорожного сообщения через демаркационную линию превратило переход границы в настоящее испытание, выходящее за пределы человеческих возможностей. Персонал немецких поездов высаживал пассажиров за несколько десятков километров до первого советского пограничного пункта. Остаток пути пленные, «подавляющее количество которых были одеты в отрепья и буквально босиком», вынуждены были в зимнюю стужу проходить пешком. Очутившись, наконец, на долгожданной родной земле, они сталкивались с полным отсутствием организации приема и размещения и часто с равнодушием полуголодного станционного персонала⁶.

Свидетелем прибытия на пункт обмена одной из первых крупных партий военнопленных в период их односторонней отправки из Германии стал немецкий дипломат Г. Хильгер: «Военнопленные были ... переданы на попечение советским ведомствам, которые к этому были абсолютно не готовы. В Орше не было ни продуктов, ни помещений, ни транспортных средств в достаточном количестве ... Я до сих пор слышу, как тысячи из них проходят вдоль поезда. Многие падали от холода, голода и усталости и оставались лежать вдоль дороги... Они попытались насильно ворваться в наш поезд. Когда это им не удалось, они решили поджечь состав, но не смогли»⁷.

5 РГВА, ф. 1, оп. 1, д. 57, л. 6. Телеграмма из Ставки Верховному командующему Крыленко. 31.1.1918.

6 См.: ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 38, л. 68, 78. Телеграмма Центропленбеж от 15 ноября 1918 г.; оп. 3, д. 296, л. 16. Переписка Центропленбеж и НКВД о возвращении русских пленных, 13.6.1918; оп. 9, д. 30, л. 13. Военному комиссару Московско-Курской ж/д, 19.11.1918.

7 Hilger G. Wir und Kreml, Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941. Berlin, 1956. S. 30.

Только через пограничную станцию Калинковичи за две недели января 1919 г. прошло более 100 тыс. военнопленных. Причем, оборудованный на средства Киевского Красного Креста и добровольные пожертвования служащих питательный пункт смог обеспечить пайками только 2/3 нуждавшихся. Отсутствие медицинской помощи и пассивность местных властей привели к тому, что «умершие пленные лежали под открытым небом по несколько дней, пока не находились отдельные лица, бравшие на себя труд похорон»⁸. Военно-санитарные инспекторы, обследовавшие другие обменные пункты, отмечали некомпетентность местных органов в вопросах регистрации и снабжения прибывавших⁹. Их отчеты подтверждались сообщениями самих бывших пленных: «Продовольствие в пути следования самое неудовлетворительное. В Орше на распределительном пункте приходится ждать, так как работает очень нерасторопная девочка лет шестнадцати. Пока дождешься, можно потерять свой поезд. Недостает ориентировки — знакомства возвращающихся на родину с интересующими вопросами»¹⁰.

Среди полуголодных и раздетых пленных, размещенных в поездах в условиях значительной скученности, с ошеломляющей быстротой распространялись инфекции. Одним из самых проблемных пунктов на пути до Москвы оказался Смоленск, через который в ноябре 1918 г. проходило до 30 тыс. пленных в день. При отсутствии на станции врачей неопытные сотрудники эвакуационных ведомств не в состоянии были выделить зараженных из общей массы транспортируемых. В результате больные тифом и испанкой направлялись дальше в Москву без получения квалифицированной помощи. Неудивительно, что значительная часть пленных погибала в пути, так что по прибытии с поездов в массовом порядке снимали трупы умерших¹¹. В.Б. Шкловский, обманом оказавшийся

8 ГАРФ, ф. Р-4094, оп. 1, д. 203, л. 60. Отчет о проделанной работе приемного пункта станции Калинковичи, 1919 г.

9 РГВА, ф. 34, оп. 5, д. 14, л. 22. Докладная записка Начальнику главного военно-санитарного управления врача Френдлера, 1918 г.

10 ГАРФ, ф. 3333, оп. 9, д. 30, л. 5. Выдержки из письма вернувшегося из плена гражданина Б. Холодковского, 1918 г.

11 РГВА, ф. 34, оп. 5, д. 14, л. 143. Записка Санитарного управления Красной армии, 21.11.1918; Л.202. Рапорт Санитарного управления 20.12.1918; л. 214. Ра-

в составе репатрируемых пленных, упоминает наличие в поезде нескольких вагонов с надписью «Гробы обратно»: «Если умрешь, отвезут до Курска и там похоронят в «горелом лесу», а гробы обратно. Берегите тару»¹².

Как отмечали современники, «в лучших условиях оказались те, кто служил в плену в сельском или другом производстве, успел сделать некоторые сбережения и купить на них одежду и продукты. ... Неимущие в следующие дни заболевали, тут же умирали, и из-за тесноты выбрасывались из вагонов во время движения поездов»¹³. Значительное количество больных, которым удалось добраться до столицы, «умирали в течение трех дней по прибытию», так как московские госпитали не были подготовлены к приему такой массы людей. Представители медицинских ведомств обращались в военные органы с настойчивыми предупреждениями, что «положение эвакуации критическое, банкротство военного ведомства неизбежно. Нужно привлечь все общественные организации... иначе Москве и всей республике грозит неминуемая опасность мора, сифилизации и прочих болезненных бед»¹⁴.

В лучшем физическом состоянии прибывали пленные, которым в свое время удалось бежать в Голландию, Данию или Швейцарию, где продовольственная ситуация была значительно лучше, чем в Германии¹⁵. Пребывание в этих странах, несмотря на привлечение в некоторых случаях к тяжелому физическому труду, позволяло бежавшим заключенным восстановиться настолько, что на родине к ним относились с подозрением: «Наша полнота и свежесть были

порт. 28.11.1918; ГАРФ, ф. 3333, оп. 5, д. 57, л. 87. Московский приемный пункт в Центропленбеж, ноябрь 1918 г.; оп. 9, д. 30, л. 7. Отчет Смоленского приемного пункта, 29.11.1918.

12 Цит по: Шкловский В. Сентиментальное путешествие. — М., 1990. С. 178. За указание на этот источник я благодарю К. Тайхмана (Берлин).

13 ГАРФ, ф. 3333, оп. 5, д. 29, л. 1. ff. Рапорт окружного эпидемиолога московского военного округа Илькевича. 7.12.1918.

14 РГВА, ф. 34, оп. 5, д. 14, л. 141. Рапорт Санитарного управления Красной армии. 27.11.1918. Этот же документ в ГАРФ, ф. 3333, оп. 5, д. 57, л. 90.

15 ГАРФ, ф. 3341, оп. 6, д. 320, л. 25–43. Объяснительная записка к денежному отчету Швейцарской комиссии РОКК; ф. 3333, оп. 2, д. 131, л. 169. Копенгагенский комитет. 15.12.1920.

слишком резким контрастом с изголодавшимися жителями... Они ожидали увидеть военнопленных оборванными и голодными»¹⁶.

В ситуации кризиса обеспечения СНК пытался регулировать стихийные потоки возвращавшихся, предписывая запрещенные или желательные для их приема губернии¹⁷. По мнению центральных ведомств, наводнившие столицу пленные представляли собой еще и политическую угрозу. В связи с этим комиссару по военным делам Н.И. Подвойскому было поручено «ввиду продовольственных затруднений и опасности контрреволюционных выступлений ...принять немедленно самые решительные и экстренные меры для высылки из Петрограда всех военнопленных, в первую голову офицеров»¹⁸. Местные органы настаивали на более радикальных действиях: выставлении заградительных отрядов на определенных пунктах, «чтобы ни один военнопленный-сибиряк не проникал» в кризисные области¹⁹.

Более трагично обстановка выглядела во внутренних районах страны. Губернские коллегии по делам пленных и беженцев сталкивались с тем, что многие учреждения, задействованные в приеме и обустройстве репатрируемых, существовали только на бумаге. Поэтому первые помимо функций непосредственной эвакуации, вынуждены были принимать на себя задачи бирж труда, а также санитарных ведомств по борьбе с тифом²⁰. Показательны оговорки сотрудников коллегий, характеризовавших эвакуацию не в категориях помощи, а в терминах боевой задачи, сообщая об отсутствии успехов в «борьбе против стихийного наплыва пленных» и своем бессилии в «борьбе с местными органами»²¹. Последние враждебно относились к отправке уже собранной продуктовой помощи в германс-

16 РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 812, л. 51. Колосов М. Воспоминания о положении русских военнопленных в Дании в 1918–1919 гг.

17 Декреты Советской власти. Т. 4. — М., 1968. С. 18.

18 Там же. Т. 1. С. 567–569.

19 ГАРФ, Ф. 3333, оп. 2, д. 38, л. 130.

20 Там же; оп. 5, д. 29, л. 173. Саратовская коллегия в Центропленбеж, ноябрь 1918 г..

21 Там же; оп. 2, д. 38, л. 91. Телеграмма Курской коллегии в Центропленбеж. 20.11.1918.

кие лагеря, несмотря на уверения Центропленбеж, что оставшиеся там находятся «на грани голодной смерти»²². Даже в столичных городах далеко не все ведомства содействовали мероприятиям эвакуации. Так, Военный комиссариат Москвы отказался от сотрудничества с Датским Красным Крестом в деле помощи заключенным советских тюрем взамен на поддержку оставшихся в лагерях Центральных держав, заявив, что «русские военнопленные в Австрии и Германии его не касаются»²³. К хаосу организации добавилось стремление сотрудников местных ведомств улучшить свое материальное положение за счет отпускаемой пленным помощи²⁴. Подобное поведение было распространено и среди представителей медицинских учреждений: «некоторые санитары занимались мародерством, т.е. снимали с умерших военнопленных одежду и забирали деньги»²⁵.

Ситуация во внутренних районах России красочно описана в акте осмотра Челябинского переселенческого пункта в 1920 г.: «Пленные помещены до невозможности скученно..., живущие размещаются не только на двухэтажных нарах, но и на полу. Грязь при такой тесноте и невозможно спертый воздух... Обнаружен труп военнопленного, лежащий более двух суток. Расположившись после прибытия под нарами, он удавился ночью веревкой. Дознания не произведено, вероятная причина — кошмарные условия в общежитии»²⁶. Челябинская коллегия жаловалась, что «все советские организации, в том числе и те, у которых Пленбеж требует помещения, ежедневно просят, чтобы им давали рабочих, и если не получают, то ругают саботажниками и собираются поставить к стенке все управление Пленбежа... Другие организации считают Пленбеж каким-то само-

22 Там же: оп. 10, д. 3, л. 138. Центропленбеж Народному комиссару путей сообщения, июнь 1918 г.

23 Там же: ф. 3341, оп. 1, д. 43, л. 28–36. Миссия Датского КК в Москве в РОКК. 29.11.1918.

24 Там же: д. 219, л. 6. Приемный пункт Потулово в Центральный комитет по делам военнопленных. 17 янв. 1918.

25 ОГАЧО, ф. Р-363, оп. 1, д. 117, л. 15. Доклад о работе Челябинского губпленбежа с 20 ноября 1919 по 1 января 1920 г.

26 Там же: ф. Р-895, оп. 2, д. 4, л. 24. Акт. 2.2.1920 об обследовании питательного пункта.

вольным выродком, учреждением никудашным»²⁷. На деле основной причиной невозможности отправить бывших пленных на работы было отсутствие у них одежды — «многие имеют только летние рубашки»²⁸. Поэтому коллегия стремилась отправить вернувшихся по деревням «работать на кулаков» и тем самым освободить от лишних едоков город, в котором разразилась эпидемия тифа²⁹.

ЭВАКУАЦИЯ БЫВШИХ ПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ

Несмотря на острый характер военного противостояния, развернувшегося на территории России, военнопленные стали предметом переговоров для советского и колчаковского правительств. До тех пор, пока репатриация не приобрела стихийного характера, отдельным лицам и даже небольшим партиям удавалось перейти линию фронта между большевистскими формированиями и чехословацким корпусом и добраться до мест проживания³⁰. После начала массовой эвакуации командование Красной армии предприняло попытку блокировать передвижение через зону боевых действий. Однако пленные, охваченные единственным желанием во что бы то ни стало добраться до дома, грозили беспорядками на прифронтовых территориях. В этой ситуации советские военные органы приняли решение войти в контакт с командованием чехословацких войск и пропустить возвращавшихся³¹. 7 декабря 1918 г. СНК издал тайный приказ военным и гражданским ведомствам не задерживать пропуск на родину военнопленных-сибиряков³². Десять дней спустя РВС Восточного

27 Там же; ф. Р-363, оп. 1, д. 117, л. 15. Доклад о работе Челябинского губпленбежа с 20 ноября 1919 по 1 января 1920 г.

28 Там же; д. 172, л. 16. Протокол междуведомственного совещания в Челябинской губернии. 8.10.1919.

29 Там же; д. 117, л. 2-4. В информационно-инструкторский отдел челябинского Губревкома. Доклад о деятельности Челябинского Губпленбежа за октябрь месяц по 20 ноября 1919 г.

30 ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 38, л. 242. Из переписки Центропленбеж и местных коллегий, 5.12.1918.

31 Там же; д. 119, л. 2. Центропленбеж в СНК, 3.12.1918.

32 Декреты Советской власти. Т.4. С. 575-576.

фронта определил маршруты перехода фронта по направлениям: Казань–Сарапуль–Красноуфимск и Казань–Мамадыш–Мензелинск–Бирск. По данным И. Щерова, с февраля по март 1919 г. в плановом порядке через эти пункты было отправлено 11 137 человек³³. Прорехи в линии обороны вызывали, однако, недовольство командования, опасавшегося распространения шпионажа. Поэтому с марта 1919 г., по настоянию Троцкого, были введены ограничения на транспортировку в Сибирь офицеров³⁴.

На подконтрольных Омскому правительству территориях эвакуация и оказание помощи бывшим пленным были поручены военному ведомству, МИД и земствам. Вопреки распоряжению, ответственные органы отказались от масштабной подготовки приема, сославшись на отсутствие каких-либо примерных данных и контактов с центральными державами. В итоге военное ведомство заранее смирилось с тем, что «волна пройдет стихийно и беспорядочно», и предоставило всю заботу по устройству пленных Красному Кресту³⁵. Отсутствие подготовительных мероприятий и хаотичность перемещения военнопленных придала эвакуации на территории Сибири характер гуманитарной катастрофы.

По данным Объединенной организации земств и городов, пленные «находились в крайне бедственном состоянии». Не получая продуктов и обмундирования, «они гибли дорогой из-за морозов»³⁶. Корреспонденты омской газеты «Русский воин» констатировали, что массы прибывавших из Перми пленных «пробирались к своим родным очагам в буквальном смысле христовым именем». Особенно трудно им пришлось в прифронтовой полосе, где жители «почти пассивно относятся к братьям-страдальцам». Здесь же отмечалось не-

33 Щеров И.П. Центропленбеж в России. С. 29.

34 ГАРФ, ф. 3333, оп. 3, д. 593, л. 62, 66, 103. Переписка Центропленбеж с мобилизационным управлением Всероссийского ГШ о возвращающихся в Россию военнопленных, 1918–1919 гг.

35 Там же; ф. Р-200, оп. 1, д. 633, л. 10–13. Протокол Межведомственного совещания, состоявшегося по распоряжению верховного правителя; ф. Р-1845, оп. 1, д. 177, л. 8. Краткий очерк деятельности РОКК при армиях адмирала Колчака. 1923 г.

36 Там же; ф. Р-200, оп. 1, д. 633, л. 2. Телеграмма из Уфы Омскому правительству. 6.12.1918.

преодолимое стремление репатриированных любой ценой добраться до дома: «Военнопленные просят об отправлении, а в иных случаях требуют, не считаясь ни с чем... Заполняют летучки, лезут, куда только возможно: на паровоз, на тормоз и даже на крышу вагона»³⁷. Наиболее эмоционально описал состояние жертв зимнего путешествия корреспондент газеты «Заря»: «Я встретил человека. Голова повязана тряпкой, тело прикрыто не то остатками женской кофты, не то куском ватного одеяла. В протертую дыру брюк глядела сухая замерзшая коленка. Ноги густо обмотаны бумагой и перевязаны веревкой. Денег у меня нет, а поесть бы надо... Он долго не мог поймать окоченевшей рукой ни пирожок, ни вилку. Это был русский, прибывший из плена»³⁸. Как и их советские коллеги, корреспонденты белой прессы отмечали, что военнопленные страдают не только от бессилия власти, но и от равнодушия борющегося за выживание населения.

Несмотря на провал эвакуации, образ репатрируемых стал любимым объектом колчаковской пропаганды, стремившейся легитимировать в сознании местного населения противостояние с Советской Россией и образ внешнего врага в лице Германии. Уральская газета «Республиканец» писала: «...Достаточно только посмотреть на этих несчастных [военнопленных], чтобы увидеть преступления, за которые должна будет ответить перед человечеством Германия»³⁹. «Русский воин» сообщал, что «пленные, возвращающиеся из Германии и Австрии, сманиваются всеми способами, подкупами и угрозами, запугиваниями в Красную армию, держат их впроголодь, даже загоняют в особые концентрационные лагеря, которые охраняют немецкие и китайские часовые». Подобная политика, по мнению автора, являлась доказательством антисоциалистического и антинародного характера большевистского режима⁴⁰. Более поздний номер этого же издания вкладывал в уста пленных убедительные свидетельства разрухи и кризиса власти на советских территориях: «О большевиках отзываются отрицательно и жалуются на их наси-

37 Русский воин. 26 янв. 1919.

38 Заря. 7 янв. 1919.

39 ОГАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 138, л. 97. Экстренные телеграммы газеты «Республиканец». 25.11.1918.

40 Русский воин. 5 янв. 1919.

лия, благодаря чему массы раздеты и разуты. Все только и говорят о том, как бы скорее добраться до дома, отдохнуть и приняться за мирную работу. У большевиков редко кто остается, разве что только бездомные, да и те на фронт не идут»⁴¹.

На территориях, подконтрольных антибольшевистским правительствам, бывшие пленные также поддерживали социальные сети и создавали организации для защиты собственных интересов. В 1919 г. Уральский комитет Союза бежавших из плена русских воинов на средства от организованной им лотереи пытался создать санаторий для туберкулезных больных, дома призрения для нетрудоспособных и наладить контакты с биржей труда, распространял призывы среди населения, а также планировал организовать сбор исторического материала о жизни в плену. Кроме того, представители Союза пытались получить политическую аккредитацию у Омского правительства⁴².

СОВЕТСКИЙ ОПЫТ «ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРАНТИНИЗАЦИИ» И АГИТАЦИИ СРЕДИ РЕПАТРИИРУЕМЫХ

Стихийность прохождения первой волны военнопленных не позволила властным институтам регулировать контингент прибывавших. Длительный период граница оставалась фактически открытой для всех персон, именующих себя русскими военнопленными старой армии. В своих воспоминаниях В.Б. Шкловский свидетельствует, что ему без труда удалось в 1918 г. влиться в поток пленных, переходящих границу Украины и России, и даже получить документы на чужое имя⁴³. Уменьшение потока эвакуируемых, а также эскалация Гражданской войны и интервенции стимулировали властные институты к основанию системы фильтрации прибывавших из-за рубежа. Ее законодательное и институциональное оформление началось в июне 1919 г. в соответствующем предписании Совета обороны

41 Русский воин. 26 янв. 1919.

42 ГАРФ, ф. 148, оп. 5, д. 50, л. 1–5. Уральский комитет союза бежавших из плена русских воинов Министру внутренних дел. Омск. 21.6.1919.

43 Шкловский В. Сентиментальное путешествие. — М., 1990. С. 176.

в адрес ВЧК⁴⁴. Дипломатические ведомства высказывали сомнения в целесообразности подобной «не вполне благополучной в политическом отношении» меры, «ибо соответствующим образом освещенная в иностранной прессе, она несомненно отпугнет от возвращения на родину большое число наших пленных, находящихся за границей»⁴⁵. Тем не менее, уже весной 1920 г. в Эстонии функционировал специальный отдел Центроэвака, «который был призван выявлять противников советской власти»⁴⁶.

Новый импульс развитию системы «политической карантинизации» придал советско-польский конфликт, в результате которого в Германии было интернировано 40 тыс. красноармейцев. Советская сторона опасалась возможного проникновения на подконтрольную ей территорию бывших представителей белых армий, также сконцентрированных в немецких лагерях. В январе 1921 г. при активном участии ВЧК фильтрационные мероприятия были возложены на командование Западным фронтом и Военным ведомством. Во время пребывания на приемных пунктах и проверки данных для военнопленных устраивались митинги и киносеансы, в свою очередь, командование могло привлечь возвращавшихся к общественным работам. «Морально благонадежные» солдаты подлежали откомандированию в Красную или трудовую армию либо в двухмесячный отпуск; комсостав — в распоряжение Петроградского и Московского округов. Сомнительные личности, «политический профиль» которых невозможно было установить, передавались ВЧК⁴⁷.

В апреле этого же года советская сторона обвинила Польшу в намеренной отправке в Россию бывших солдат армии Врангеля и «агентов» Б.В. Савинкова и С.Н. Булак-Балаховича под видом репатрируемых военнопленных и красноармейцев. По подозрениям фильтрационных ведомств части диверсантов все же удалось сойти с поезда на советской территории до первой станции. Во избежание

44 Декреты Советской власти. Т. 4. — М., 1968. С. 528–529.

45 ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 191, л. 96. Центропленбеж председателю ВЧК по поводу карантинизации, февраль 1920.

46 См.: *Черноперов В.Л.* Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии. С. 149.

47 РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 805, л. 84–87. Приказ по армиям Западного фронта от 20.1.1921. № 117.

подобных инцидентов фильтрационный пункт было решено перенести ближе к границе⁴⁸. В сложившейся обстановке 4 мая 1921 г. Совет труда и обороны (СТО) выпустил еще одно постановление «Об установлении системы политической карантинизации всех въезжающих в Россию и на Украину контингентов» «в целях возможно полной и действительной проверки прибывающих и выделения политически опасных элементов»⁴⁹.

Одновременно проверка началась и в немецких лагерях. По итогам допросов в Бюро из лагерей отсылались списки кандидатов на отправку с соответствующими замечаниями о желательности или опасности возвращавшихся для советской власти⁵⁰. Помимо биографии выяснялся факт наличия у претендента на возвращение собственности в России, а также его отношение к новому режиму. «Политически безграмотные и не представляющие из себя ничего серьезного» военнопленные транспортировались на родину. Подозрительные лица, усиленно стремившиеся попасть в Советскую Россию, задерживались до установления истинных намерений⁵¹. На учет ВЧК попадали также отказывавшиеся возвращаться на родину, кроме того, соответствующие органы уведомлялись о местожительстве семей невозвращенцев в Советской России⁵².

Успешное прохождение двойного фильтра лагерной и пограничной проверки не освобождало военнопленных, особенно офицеров, от подозрений в подрывной деятельности. К учету и наблюдению за вернувшимися были привлечены местные органы. В губернских центрах и в уездах создавались специальные «тройки» в составе местного военного комиссара, председателя ЧК и представителя политбюро. Они отвечали за составление особых списков, содержавших сведения о национальности, месте рождения, постоянного проживания и пребывания в плену, а также партийной принадлежности и спе-

48 Там же; л. 344. Нота польскому правительству, 22.04.1921.

49 Декреты Советской власти. Т. 15. — М., 1999. С. 243–244.

50 См.: *Черноперов В.Л.* Дипломатическая деятельность В.Л.Коппа. С. 273.

51 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 8, л. 258; д. 23, л.1. Консульский отдела лагеря Альтдамм, декабрь 1921.

52 Там же; ф. 9491, оп. 1, д. 47, л. 5–19. Переписка Советского бюро с лагерями военнопленных, 25.04.1921.

циальности⁵³. После получения первых отчетов с мест губернские органы еще раз обратили внимание уездных военкомов на тот факт, что «агентами Савинкова и прочих могут быть не только бывшие белые, но и вообще все офицеры и чиновники, попавшие в плен во время германской войны и теперь возвращающиеся в Россию»⁵⁴. На особый учет ВЧК ставились даже те репатриированные, которые занимали видные должности в партийных органах и милиции⁵⁵.

Для советского государства репатриация массы пленных и интеграция их в новое общество стали школой дипломатического искусства, миграционной, социальной и фильтрационной политики. Все же за фасадом официальной пропаганды большевистское правительство оценивало военнопленных старой армии не только как демографический и революционный ресурс, но и как потенциальную угрозу. В инструкции о «принципах и методах политической работы среди возвращающихся из-за границы военнопленных» 1920 г. говорилось: «Пробывшие несколько лет за границей военнопленные, присмотревшиеся к условиям европейской жизни, после неприглядных условий российской действительности, несомненно, убедились в высокой культурности... и в большей производительности труда европейского рабочего, в превосходстве техники, европейской промышленности и европейского земледелия. Все это вместе взятое, несомненно, расширило их умственный кругозор, и в этом положительная сторона их пребывания в плену. Однако пребывание в плену имело и отрицательные стороны. Видимость свобод, характеризующая весь уклад буржуазного строя, при сопоставлении с суровым режимом пролетарской диктатуры, может создать нежелательные последствия в настроении военнопленных. Картина разрухи промышленной и продовольственной в сравнении с картиной относительного довольства жизни за границей из-за на-

53 ОГАЧО, ф. Р-70, оп. 3, д. 4, л. 193. Выписка из приказа по войсковым частям и учреждениям Челябингубвоенкомата 27.10.1921 № 624 г. Челябинска; ф. Р-393, оп. 6, д. 17, л. 1. Секретно. Приказы по войскам ПриУрВО. 21.10.1921; л. 39. Приказ по войскам Приурво г. Екатеринбург № 2197/470. 25.11.1922.

54 Там же; ф. Р-70, оп. 3, д. 4, л. 214. Челябинскому военному от губвоенкома. 19.11.1921.

55 ОГАЧО, Р-393, оп. 1, д. 818, л. 1. Переписка ВЧК и военкома Челябинской губернии, 1921 г.

лаженного административного аппарата — второй факт, могущий вызвать нежелательное настроение...» Исходя из этих соображений, «поверхностные методы агитации, применимые для широкой красноармейской массы», были признаны неподходящими для возвращавшихся из германских лагерей. Перед пропагандистами ставилась задача разработать углубленные курсы лекций, в ходе которых изучившим европейскую действительность пленным следовало продемонстрировать иллюзорность западных свобод в сравнении с благами, предоставляемыми режимом диктатуры пролетариата⁵⁶.

Агитационная «обработка военнопленных империалистической войны» на территории Советской России планировалась как безостановочная пропаганда с момента пересечения границы и до конечного пункта следования. Прием репатриантов предполагался в форме торжественной встречи с оркестром и последующих за ней агитационных мероприятий в декорированном помещении. До следующей станции состав сопровождался политработником для продолжения пропагандистских бесед. Наркомвоен настаивал, что «ни один эшелон не должен пройти незатронутым», и грозил взысканиями за неисполнение распоряжения⁵⁷.

Одной из форм агитации стало распространение среди возвращавшихся печатной продукции: брошюр, листовок, изданий «Известия Центропленбежа» и «Газеты военнопленного», пропагандировавших лозунги советской власти и призывавших бывших пленных к вступлению в Красную армию⁵⁸. С течением времени при местных коллегиях возникли 59 культурно-просветительских отделов, слабость организации которых, по мнению И. Щерова, проявлялась в отсутствии четких планов деятельности, примитивных формах работы и пренебрежении к составлению отчетов⁵⁹. Нехватка опытных агитаторов и библиотекарей превращала пропагандистские мероприятия на пропускных пунктах в «веселый вечер

56 РГАСПИ, ф. 17, оп. 60, д. 18, л. 71. В отдел агитации и пропаганды при ЦК РКП. 22.9.1920.

57 РГВА, ф. 104, оп. 2, д. 1062, л. 4. Инструкция по работе с военнопленными, возвращающимися из Германии.

58 Подробный обзор содержания газетной пропаганды см.: *Щеров И.* Миграционная политика. С. 54–60.

59 *Щеров И.* Миграционная политика. С. 61.

с веселым репертуаром и платою в 50 руб.»⁶⁰ Но и само состояние вернувшихся и окружающая обстановка заранее обрекали все усилия на неудачу. Сотрудники эвакуационных органов признавались: «...были попытки устраивать митинги, но это ни к чему не привело — ибо, как говорить там о будущих прелестях коммунизма, где от ужасной настоящей жизни человек перерезает себе горло, чтобы только от нее избавиться, где стоны больных прерывают речь говорящего, там не место словам, а нужно дело, а делать мы, конечно, ничего не могли»⁶¹.

Всплеск агитационной активности приходился на знаменательные даты: годовщины революции, утвержденный СНК День военнопленного (5 января 1919 г.). Помимо митингов, лекций и концертов пленным полагался дополнительный паек⁶², который обычно ограничивался выдачей чая сверх нормы, так как достать другие продукты среди агитаторов считалось большой удачей⁶³.

Большей степенью организованности отличалась пропаганда среди второй волны репатрируемых, к которой были подключены активисты-комсомольцы. Снижение притока эвакуируемых до 1500 человек в месяц позволило агитбригадам Западного фронта устраивать торжественные встречи с пением Интернационала, митинги и лекции об истории компартии, задачах экономического фронта и международном положении России. Иногда в список докладов включались выступления самих военнопленных о положении в лагерях Германии. Отчеты о подобных мероприятиях описывали настроение прибывших как «приподнятое», «бодрое» и «даже революционное»⁶⁴.

60 ГАРФ, ф. 3333, оп. 4-а, д. 2, л. 16. Брянская коллегия в Центропленбеж, октябрь 1918 г.; РГВА, ф. 104, оп. 2, д. 1062, л. 1, 5. Инструкция по работе с военнопленными, возвращающимися из Германии, 1918 г.

61 ОГАЧО, ф. Р-363, оп. 1, д. 117, л. 4. Доклад о деятельности Челябинского Губпленбежа за октябрь месяц по 20 ноября 1919 г.

62 Щеров И. Миграционная политика. С. 62–63.

63 ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 323, л. 302. Вятская коллегия в Центропленбеж. 30.09.1918.

64 РГВА, ф. 104, оп. 2, д. 1058, л. 31, 32, 141. Начаштов Запфронта. По работе среди военнопленных и эмигрантов с 5 по 10 февраля 1921 г.

ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ: ПЕРВЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ ПРИБЫВШИХ С СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ

Формальным фразам этих документов противоречат наблюдения современников эвакуации и заметки самих военнопленных, позволяющие в общих чертах реконструировать столкновение надежд возвратившихся со сложившейся на родине ситуацией. Многолетнее ожидание освобождения способствовало возникновению в лагерях устойчивых представлений о России, где исстрадавшиеся жертвы войны будут встречены сочувствием населения и поддержаны властью. Так, сестра милосердия, работавшая в санитарных поездах в период репатриации инвалидов, отмечала, что не только солдаты, но и офицеры «выражали свою радость... они были уверены, что едут в счастливую Россию! Они сразу же стали рассказывать обо всем, что они пережили в плену, как голодали. Они привезли, чтобы показать, дневную порцию хлеба. Большинство решило ехать в Петербург — получать пенсию, протез, лечение и т.д. Они не могли поверить, что кроме голода и страданий их ничего не ждет»⁶⁵. Не менее романтизированное и однозначное отношение к революционной родине высказывали репатрианты второй волны. Эмигрантская газета «Руль», обращавшая внимание немецкой общественности на ведение большевистской пропаганды в лагере Штетин, отмечала: «У всех непреодолимое желание попасть домой. Там все кажется заманчивым: „Не даром товарищи за нас кровь проливали“. Сомнений в том, что в России наступил рай земной, у большинства нет ни малейших. Стоит высказать, как на тебя злобно взглянут и слушать не станут»⁶⁶.

По возвращении на родину радужные надежды сменились разочарованием, чувством обиды на невыполненные обещания и более трезвым отношением к окружающей действительности. Различные по своему характеру источники отражают сравнительно схожие реакции. Прибывшие в Москву инвалиды описывали корреспонденту свои впечатления от неорганизованного приема: «Как мы ждали

65 Варнек Т.А. Воспоминания сестры милосердия (1912–1922) / Добровольцы. Сб. воспоминаний. — М., 2001. С. 7–170.

66 Руль. 20 ноября 1920 г.

возвращения в Россию, как надеялись. И что же?»; «Так и напишите, что тяжело нам»⁶⁷. Служащий одного из железнодорожных пунктов во время прохождения стихийной эвакуации «слышал большой ропот по отношению к Советской власти» и просил «принять крутые меры», так как не мог вынести «нарицаний от товарищей пленных на святое имя дорогих мне вождей Октябрьской революции»⁶⁸.

Поводом для подобной смены настроений становилась не только плохая организация, но и почти враждебное отношение населения: пресса свидетельствовала об избиении репатриированных сразу же после выхода из поезда только за ношение кокард⁶⁹. Некоторым военнопленным, отсутствовавшим долгие годы, были не рады даже в собственных семьях. Так, одна из местных коллегий длительное время не могла установить местонахождение прибывшего на родину рядового Бурмистрова. После проведенного расследования в колодце его дома был найден неопознанный труп мужчины, что позволило предположить насильственную смерть пленного от рук его бывшей жены и ее нового сожителя⁷⁰. Другой пленный писал своему брату, что после возвращения находится «в критическом состоянии, так как ... супруга вышла замуж за другого. Она хочет жить со мной, но новый муж ее не отпускает и не отдает имущество»⁷¹.

В своих nereкомендованных к публикации воспоминаниях М. Колосов отмечал, что после прибытия эшелона из Дании в Петроград ему «сразу бросились в глаза следы разрухи. В душу как змея заползла грусть и жалость». Его восторг в адрес победившей революции, выраженный в желании немедленно вступить в партию, встретил «холодное и безучастное отношение». Автор описал изменения в настроениях пленных и стратегиях поведения: «по приезду в Россию голод, холод, грязь и нищета, сопровождавшие победивший пролетариат и его свободу, многих из нас так огорошили, что пропала большая часть энтузиазма... Взяло перевес мещанство,

67 ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 64, л. 8. Утро России. 3 апреля.

68 Там же; д. 38, л. 233. Заявление агитатора станции Орша, декабрь 1918 г.

69 Наше слово. 21 апр. 1918 г.

70 См.: ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 171, л. 13. Из переписки Центропленбеж с губпленбежами, 1920 г.

71 Там же; ф. 9488, оп. 1, д. 8, л. 22. Из письма военнопленного, 1920 г.

и большинство занялось не действительной борьбой за общее дело, а борьбой за самосохранение»⁷².

Столкновение с революционной действительностью и реальностями Гражданской войны скорректировало восприятие военнопленными политики большевиков и советской реальности и определило их поведенческие стратегии при возвращении к «мирной» жизни.

V.2. «СВОИМ УЖАСНЫМ ВИДОМ, ЖАЛОБНЫМИ СТОНАМИ И НЫТЬЕМ ... ВОЕННОПЛЕННЫЕ... ОТРАВЛЯЮТ НАШУ ЖИЗНЬ ПОДОБНО СМЕРТИ, ВОРВАВШЕЙСЯ В ЗАЛ ПИРШЕСТВА»: СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕПАТРИИРОВАННЫХ И ИНВАЛИДОВ⁷³

Незадолго до начала войны в законе от 25 июля 1912 г. государство признало право всех инвалидов войны на пенсию и бесплатные протезы, а критерием обеспечения определило не материальное и се-

72 РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 812, л. 29, 50, 51. Колосов М. Воспоминания о положении русских военнопленных в Дании в 1918–1919 гг.

73 Цит. по: Положение русских военнопленных и деятельность Комитета РКК в Швейцарии. С. 5. Категории населения, нуждающиеся после окончания войны в социальной поддержке, попадают в зависимость от отношения общества к завершившемуся конфликту. Успешность экономической, политической и моральной интеграции бывших комбатантов в мирную жизнь зависит от их места в господствующем дискурсе. Задачей властных органов становится предоставление демобилизованным определенного интегративного имущества: законодательной и институциональной базы, доступа к системе здравоохранения, жилищному и трудовому рынку. Большое значение в достижении этой цели имеет уже накопленный государством опыт социального обеспечения, степень его заинтересованности в ветеранах и способность последних лоббировать свои интересы. См.: *Bieber B. Wie Kriege enden. Die Reintegration von Soldaten in Nachkriegsgesellschaften. Hamburg, 2002; Momm- sen W. Vorbemerkung // Geschichte und Gesellschaft. 1983. H. 1. S. 153–155; Geyer M. Ein Vorbote des Wohlfahrtsstaates. Die Kriegsopferversorgung in Frankreich, Deutschland und Grossbritannien nach dem Ersten Weltkrieg // Geschichte und Gesellschaft. 1983. H. 1. S. 231.*

мейное положение, а степень физических увечий⁷⁴. Тем самым была провозглашена новая парадигма социальной поддержки. В свою очередь, Временное правительство заложило «административную основу для современного социального государства в виде Министерства государственного призрения» (Б. Физелер), а также инициировало создание временного общегосударственного Комитета помощи для увечных воинов. Последний должен был координировать деятельность различных организаций и ведомств и заниматься разработкой законов о помощи инвалидам⁷⁵.

Несмотря на решимость большевистского правительства продолжить централизацию в сфере социальной политики и начало ликвидации общественных благотворительных организаций, масштабность репатриации и реабилитации военнопленных принудила новую власть задействовать значительное количество государственных институтов, включая НКВД, Наркомвоендел и НКВД (ВЧК), Наркомат соцобеспечения РСФСР (далее — НКСО), Наркомат здравоохранения РСФСР (далее — НКЗ), и временно опереться на ресурсы общественных организаций.

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Сразу же после создания Центропленбеж пришлось столкнуться с нежизнеспособностью немногочисленных существующих положений относительно пленных в связи с реструктуризацией государственного аппарата и полным отсутствием документов, определявших правовое положение возвращающихся из плена, их отношение к отбыванию воинской повинности, размеры положенного за время пребывания в плену содержания⁷⁶. Несмотря на то, что обмен инвалидами с Германией был начат еще до революции, предшественни-

74 Физелер Б. Развитие государственной помощи инвалидам в России от поздней Российской империи до сталинской «революции сверху» // Опыт мировых войн в истории России. — Челябинск, 2007. С. 49.

75 Там же. С. 50.

76 ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 323, л. 56–76. Обзор деятельности Центропленбеж за время с 27.4 по 25.5. 1918

ками Коллегии не было выпущено руководящих инструкций⁷⁷. Но и сама Центропленбеж вследствие отмечаемой многими современниками неудовлетворительной работы даже к августу 1918 г. не сумела разработать соответствующих уставов. Это поставило самих пленных и местные ведомства в крайне затруднительную ситуацию и заставляло писать многочисленные обращения в Москву, уточняя каждый шаг в своих действиях⁷⁸.

Слабая законотворческая деятельность Центропленбеж долгое время вынуждала советские органы опираться на устаревшие дореволюционные нормы. До октября 1918 г. при определении размера содержания соблюдалось разделение военнопленных на три категории, учитывавшие факт добровольной сдачи в плен и работу на немецких предприятиях⁷⁹. Подобная сегрегация противоречила прокламациям советского правительства об освобождении «жертв старого режима» от каких-либо санкций. В обеспечении семейств военнослужащих, попавших в плен, Наркомвоен основывался на действующем до революции принципе выплаты половины содержания до возвращения главы семейства или назначения пенсии в случае его смерти⁸⁰.

Осознав серьезность положения, Комиссия по выработке Устава об инвалидности решила прибегнуть к накопленному в европейских странах опыту и срочно командировала доктора Бродского в Германию для подбора литературы и изучения мероприятий социального обеспечения⁸¹. В своих отчетах Бродский обращал внимание на высокий уровень реабилитации инвалидов в Германии, благодаря привлечению психологов к разработке протезов и наличию при лазаретах школ для обучения ремеслу⁸². Комиссия своеобразно трактовала

77 РГВИА, ф. 2000, оп. 6, д. 155, л. 8. Эвакуационное управление, май 1916 г.

78 ГАРФ, ф. 3333, оп. 5, д. 62, л. 7. Из переписки Центропленбеж с местными коллегиями, август 1918 г.

79 Там же; оп. 8, д. 37, л. 277. Центропленбеж в Главное хозяйственное управление, 10.10.1918.

80 Там же; оп. 2, д. 58, л. 162. Приказ НКВД. 1.7.1918.

81 Там же; д. 9, л. 147. Центропленбеж в НКВД. 30.7.1918; ф. А-413, оп. 2, д. 175, л. 18. Центропленбеж в НКСО. 1918.

82 ГАРФ, ф. А-413, оп. 2, д. 165, л. 55. Докладная записка о поездке в Ганновер с целью посещения опытного института для производства протезов. 26.7.1918.

выводы доктора и постановила обеспечить всех военнопленных-инвалидов протезами еще во время их пребывания в Германии. Привезенные в Россию образцы и модели предполагалось использовать для научных демонстраций на медицинских факультетах или в протезном отделе в Москве. Кроме того, Бюро военнопленных в Берлине намеревалось создать подобие реабилитационного центра — школу, где во время изготовления протеза и привыкания к нему военнопленный мог бы посещать какие-либо профессиональные курсы⁸³. Однако оба проекта остались нереализованными.

Только 16 ноября 1918 г. был принят первый документ советской власти, определявший размер возмещения за период пребывания в плену, — постановление СНК «О денежном довольствии военнопленных и их семейств»⁸⁴. Основываясь на приказе № 256 по Военному ведомству, повысившем установленные в 1908 г. оклады военнослужащих, документ делил бывших военнопленных солдат на две группы: вернувшихся до и после 1 мая 1917 г. Первые получали жалование по старым ставкам, вторые — по более высоким нормам. Унтер-офицеры и офицеры были уравнены с категорией солдат, претендующей на самое высокое содержание — 64 руб. в месяц. Для любого разряда подлежащая выдаче сумма не должна была превышать 1500 руб. Простые арифметические расчеты демонстрируют, что пленные, причисленные к высшей категории, могли получить содержание всего лишь за два года пребывания в плену, в то время как значительная часть провела там более четырех лет. Только в особых случаях Военно-хозяйственное управление получило право представить в Военно-законодательный совет ходатайство о выдаче довольствия, превышающего означенную сумму.

Согласно этому же постановлению, семейство пленного с 1 января 1918 г. и до возвращения главы на родину или назначения пенсии в случае его смерти имело право на половину положенного содержания. Дополнительно семья могла получать паек по установленным Наркомвоенном с 2 января 1918 г. нормам, а также в течение одного

83 ГАРФ, ф. А-413, оп. 2, д. 175, л. 33. Российское бюро военнопленных в Берлине. Пояснительная записка о снабжении военно-увечных протезами, 1918 г.; HStA Stuttgart, M 400/3, Bue 4, Heeresabwicklungsamt, 27.7.1920.

84 Декреты Советской власти. Т. 4. — М., 1968. С. 22–23. Ср.: *Фельштинский Ю.* К истории нашей закрытости. С. 25–26.

года возбудить ходатайство за недополученное ранее довольствие. Документ подтвердил определение Временного правительства о признании законности гражданских семей военнопленных⁸⁵.

Из положенных выплат полагалось удерживать полученные военнопленным от неприятеля суммы за работу в период пребывания в лагере, а также уже выданные казной его семейству в России. Выполнение данного распоряжения оказалось, однако, невозможным, так как в качестве подтверждения размера полученных в плену сумм требовалось свидетельство немецкой комендатуры или заявление лагерного комитета. Составление подобного документа в хаосе репатриации создавало непреодолимые трудности, кроме того, его предъявление противоречило бы интересам самого пленного. Не вполне ясными остаются расчеты выделяемых из бюджета средств на реализацию постановления. Определенной в документе суммы в 4 270 000 хватило бы на обеспечение по высшему разряду только 3 146 пленных, при учете, что более 2 млн должно было вернуться только из Германии и Австро-Венгрии.

Постановление подтверждало распоряжение Наркомвоена о выдаче единовременного пособия полным инвалидам в размере 75 руб., 25 из которых рассматривались как аванс в счет жалования за время нахождения в плену. Полуинвалидам полагалось, соответственно, 50 руб. В течение двух месяцев после прибытия на место жительства увечные могли получить бесплатное лечение и протез. Их семьи предполагалось обеспечивать из пенсии самого пленного, а в случае документально установленной смерти инвалида в плену вдова имела право на 1/3 от положенной суммы, каждый ребенок — на 1/6 часть⁸⁶.

В отдельную категорию репатрируемых были выделены бывшие военнопленные офицеры, прослужившие не менее 25 лет, больные по выслуге или раненые 1-го или 2-го класса, получавшие наря-

85 ГАРФ, ф. 3333, оп. 8, д. 52, л. 216. Обзор главнейших изменений в законодательстве о военнослужащих и военнопленных прежней армии с марта 1917 г.

86 В январе 1918 г. Всероссийский союз увечных воинов, которому была передана забота о военнопленных-инвалидах, определил размер пособия в 150 руб., однако в мае этого же года Военно-хозяйственный совет пересмотрел положенные суммы в сторону их уменьшения. См.: ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 89. Журнал «Увечный воин», издаваемый ЦК Всероссийского союза увечных воинов. 5.01.1918; РГВА, ф. 44, оп. 7, д. 7, л. 25. Военно-хозяйственный совет. 16.05.1918.

ду с содержанием за время пребывания в плену положенную военнослужащим пенсию⁸⁷. К особой группе были отнесены представители санитарного персонала: врачам, фармацевтам и лекпомам в качестве пособия за утерянное в плену собственное имущество одновременно выплачивалось 320 руб., сестры милосердия получали на руки 200 руб.⁸⁸.

Изменения в действующее постановление были внесены СНК в июне 1920 г. Согласно новой редакции документа, превышающие сумму в 1500 руб. ходатайства о довольствии за время плена передавались на особое рассмотрение в Народный комиссариат соцобеспечения НКСО и удовлетворялись только в случае нетрудоспособности просителя или отсутствия источника дохода. Этими поправками отменялась выдача единовременных пособий в 25 или 50 руб. инвалидам, которые с этого момента приравнивались к другим категориям нетрудоспособных и обеспечивались на общих основаниях⁸⁹. В конце 1921 г., когда репатриация военнопленных в основном близилась к завершению, НКСО предложил местным органам снять с пайка семьи не вернувшихся из плена солдат, переведя наиболее нуждающихся из них в категорию семей лиц, пропавших без вести⁹⁰.

ПРАКТИКА ДЕНЕЖНОГО ВОЗМЕЩЕНИЯ И ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В условиях Гражданской войны проблемой значительного количества репатрируемых стала невозможность возвращения на постоянное место жительства. Скопление масс на пунктах временного пребывания создало сложную ситуацию: не хватало рабочих мест, жилья и положенного обеспечения. Статьи в прессе сообщали о массовом явлении бездомных пленных, которые не могли устроиться на ночлег

87 ГАРФ, ф. 3333, оп. 8, д. 52, л. 241. Обзор главнейших изменений в законодательстве о военнослужащих и военнопленных прежней армии с марта 1917 г.

88 РГВА, ф. 44, оп. 7, д. 7, л. 27. Смета расходов по осуществлению санаторных мероприятий по Главному военно-санитарному управлению, май 1918 г.

89 Там же; ф. 4, оп. 4, д. 5, л. 9. Приказ по НКСО № 1036 от 13.6.1920.

90 ГАРФ, ф. А-413, оп. 2, д. 1336, л. 49. Бюллетень НКЗ от 9.12.1921; Известия Наркомсобеса. 1922. 11 февр.

в переполненных общежитиях⁹¹. Еще одной трудностью для возвращавшихся стало распоряжение о выдаче им обеспечения только после прибытия на место жительства. Данное определение вынуждало бывших пленных проделывать длительный путь без денег и необходимых припасов в надежде на питательные пункты на железнодорожных станциях, работа которых не была четко налажена⁹². Местные коллегии отмечали истощенное состояние и непригодность одежды возвращающихся и настаивали на выдаче пособия и обмундирования на приграничном распределительном пункте⁹³. В особенно тяжелой ситуации оказались бежавшие из плена и их семьи, которым Наркомвоен с марта 1918 г. отменил выплату жалования, ограничившись единовременным пособием в 25 руб.⁹⁴ О реальной покупательной способности определенной властью суммы свидетельствуют отчеты местных коллегий, сообщавшие, что пленные «в несколько дней проживают выданное им пособие и принуждены либо просить милостыню, либо грабить»⁹⁵.

Весной 1918 г., в связи с растущей инфляцией и в преддверии посевных работ, на имя Наркомфина начали поступать просьбы жен пленных: выдавать им паек натурой, бесплатно снабжать инвентарем и семенами, а также освободить от государственных и общественных повинностей. Подобные обращения переадресовывались в НКСО, возражавший, что «увеличение выплат и замену их продуктами государственные органы произвести не могут, так как уже установленная сумма излишне обременительна»⁹⁶. Подобный отпор встретила инициатива комиссара по военным делам об увеличении пайка семьям военнопленных с осени 1918 г. Данным шагом он на-

91 Наше слово. 21.4.1918.

92 ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 27, л. 105. Инструкция постоянным и подвижным врачебным комиссиям, свидетельствующим русских, следующих из неприятельского плена. 28.09.1918.

93 Там же; д. 323, л. 215. Протокол заседания членов Витебской губернской коллегии. 6.8.1918.

94 Там же; оп. 8, д. 37, л. 7,8, 12. Из переписки Центропленбеж, Советского бюро и НКСО, июль 1918 г.

95 Там же; оп. 4-а, д. 2, л. 2. Переписка Центропленбеж с губпленбежами. 11.10.1918.

96 Там же; ф. А-413, оп. 2, д. 45, л. 41-43. Обращение солдаток Рязанской губернии к наркомфину. 9.4.1918.

деялся дать им «некоторое нравственное удовлетворение при том особо угнетенном моральном их состоянии, которое создается как следствие постоянной мысли о бедственном существовании их семейств, оставшихся на Родине почти необеспеченными»⁹⁷. В ответ НКСО сослался на перспективу трехкратного увеличения государственных расходов и непосильность этого мероприятия для казны. В качестве компромисса предлагалось поднять нормы выплат «действительно неимущим и неработоспособным»⁹⁸. Однако это намерение, как и многие другие, так и не было реализовано.

При перечислении положенных незначительных сумм возникали постоянные задержки. В центр поступали обеспокоенные сообщения, что «семьи, не получая пайка, буквально голодают». Положение настолько ухудшилось, что государственные учреждения всерьез опасались погромов и эксцессов в свой адрес⁹⁹. На селе семьи пленных выживали только благодаря традициям коллективной взаимопомощи, если соседи брали на себя обязательство проводить посев солдаткам мужей, находящимся в плену или павших в бою¹⁰⁰.

Постепенно в вопросах выдачи пайка на первый план начали выходить идеологические мотивы. Отчеты с мест свидетельствуют о разном уровне организации обеспечения возвращающихся из плена и их семей: в некоторых уездах паек выдавался только половине, в других — его получали единицы. Причиной отказов служила констатация факта «хорошего материального обеспечения»¹⁰¹. НКСО настаивал на лишении пайка «кулацких элементов деревень» и обеспечении им только нетрудоспособных и неимущих¹⁰², в согласии с ним действовали местные органы, разбиравшие в каждом отдельном случае экономическое положение претендента на получение

97 Там же; ф. 3333, оп. 8, д. 37, л. 2. Из переписки Центропленбеж, НКСО и Наркомвоена, 19.07.1918.

98 Там же; л. 37. Из переписки Центропленбеж, НКСО и Наркомвоена. 23.8.1918.

99 Там же; ф. А-413, оп. 2, д. 28, л. 20, НКСО Московской области, июнь 1918 г.

100 ОГАЧО, ф. Р-1417, оп. 1, д. 26, л. 6. Протокол № 19 общего собрания граждан села Петровского, 11.4.1918.

101 ГАРФ, ф. А-413, оп. 2, д. 208, л. 27-28, 33, 34; д. 385, л. 15. Отчеты с мест в уездные комиссариаты соцобеспечения, 1918 г.

102 Там же; д. 37, л. 1. Отдел пайка НКСО, сентябрь 1918 г.

помощи¹⁰³. После распространения советской власти на новые территории ведомства соцобеспечения начинали налаживать свою работу с установления сведений о земельных наделах, наличии живого и мертвого сельхозинвентаря и доходов от торгово-промышленных предприятий семей красноармейцев, лиц, пострадавших от контрреволюции, и не вернувшихся военнопленных¹⁰⁴.

Помимо отсутствия или недоработки руководящих документов причиной неудач практической реализации политики соцобеспечения военнопленных и их семей стал непреодолимый разрыв между распоряжениями из центра и их практическим применением на местах. Даже через полтора года после начала репатриации провинциальные коллегии жаловались на отсутствие в официальных предписаниях критериев обеспечения бывших пленных на приемных пунктах. Местным органам приходилось решать вопрос на региональном уровне, сравнивая свои раскладки с дневным рационом репатрируемых, составленным коллегами из соседних губерний¹⁰⁵. Центральные органы, напротив, в своих обзорах указывали, что большинство учреждений на местах «совершенно незнакомы с законодательством»¹⁰⁶. Из многочисленных обращений военнопленных также следовало, что местные органы по-своему трактуют предписания из центра, иногда полностью меняя их смысл. Инвалиды жаловались, что некоторые медкомиссии не увольняли их от службы полностью, а оформляли отпуск для лечения, обязывая явиться на повторное освидетельствование¹⁰⁷, что, в свою очередь, делало не-

103 Там же; д. 28, л. 6. Губернский комиссариат призрения. Нижнего Новгорода. 17.04.1918.

104 ОГАЧО, Р-961, оп. 1, д. 7, л. 184, 185. Троицкий уездный военно-революционный комитет. Отдел соцобеспечения. Кособродскому станичному ревкому. 31.10.1919.

105 Так, Челябинский ревком посылал запросы коллегии в Оренбурге. Выяснилось, что в день военнопленный получает продукты на сумму в 4 руб.: фунт хлеба, по четверти фунта мяса и картофеля и полфунта капусты. См.: ОГАЧО, ф. Р-895, оп. 2, д. 3, л. 16. Челябинский ревком. 10.9.1919.

106 ГАРФ, ф. 3333, оп. 8, д. 52, л. 216. Обзор главнейших изменений в законодательстве о военнослужащих и военнопленных прежней армии с марта 1917 г.

107 ГАРФ, ф. 3333, оп. 5, д. 57, л. 12. Юротдел МГК в Центропланбеж, август 1918 г.; оп. 8, д. 20, л. 19. Из переписки Центропланбеж и губернских комиссий по освидетельствованию. 28.09.1918.

возможным обращение за получением пенсии и затрудняло материальное положение увечных.

Несогласованность работы многочисленных органов превращала получение довольствия и пенсий в длительный и часто безуспешный процесс. Так, согласно инструкции Наркомвоена, семьи умерших военнопленных должны были затребовать в Центропленбеж документ о пребывании главы в плену, затем с нужными бумагами обратиться в Губвоендел за справкой, предназначенной для выдачи в собесе свидетельства о праве на получение пособия, которое еще раз заверялось в Губвоенделе для предъявления в тот же собес¹⁰⁸. Случалось, провинциальные собесы отказывали вдовам в назначении пенсии «за отсутствием доказательств, что смерть находилась в причинной зависимости от прохождения военной службы», так как в Законе от 25 июня 1913 г. категория военнопленных не упоминалась¹⁰⁹.

О трудностях своей борьбы с учреждениями свидетельствовали сами военнопленные: «Теперь ничего нельзя добыть, одно учреждение посылает в другое, а это говорит, что мы удовлетворяться не должны — это не касается нас. Месяц, как добиться ничего не могу, и совершенно безо всяких средств»¹¹⁰. «Так и гоняются люди между двумя организациями [военными комиссариатами и коллегиями] и вооружаются против Советской власти»¹¹¹. Безрезультатные обращения в инстанции вынуждали некоторых писать не только в адрес общественных организаций, но и на имя Ленина: «[военный комиссар] направил меня к другому, тот — к третьему... и таким образом я побывал уже у четвертого и никакого результата определенного не получил. И насчет денег за время плена тоже никакого результата. Благovolите мне помочь и указать точный адрес лазарета, в котором я мог бы пользоваться лечением совершенно бесплатно, так как средств к существованию не имею»¹¹².

108 ОГАЧО, Р-895, оп. 2, д. 3, л. 9. Наркомвоендел. Военно-ликвидационный комитет. 5.05.1919.

109 ГАРФ, ф. 3333, оп. 8, д. 37, л. 414. Центропленбеж Костромской казенной палате, 19.11.1918.

110 РГВИА, ф. 14928, оп. 1, д. 3, л. 2. Обращение бывшего военнопленного из г. Орел в МГК, август 1918.

111 ОГАЧО, Р-363. Оп. 1. Д. 117. Л. 6–13. Доклад о работе Челябинского губпленбежа с 20 ноября 1919 по 1 января 1920 г.

112 ГАРФ, ф. 3333, оп. 3, д. 111, л. 91, 97, 125, 169. Прошения бывшего прапорщика

МЕДИЦИНСКОЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНВАЛИДОВ

Перед лицом грядущей репатриации больных военнопленных в Наркомвоене производились статистические расчеты для подготовки организованного приема, так как ожидалось, что часть вернувшихся «будет нуждаться в пожизненной помощи государства». В целом, разработчики многочисленных схем распределения увечных по губерниям исходили из 30–50 % больных от общего числа заключенных лагерей, т.е. предполагаемая цифра больных в Германии колебалась на уровне 650 тыс. человек, в число которых входило значительное количество коечных туберкулезников. Расчеты численности полных инвалидов основывались на данных по действующей армии и корректировались из представлений о худших условиях в плену, что повысило удельную долю полных инвалидов с 3,1 до 5 %. В итоге сотрудники санитарных органов выходили на 30 тыс. полных инвалидов. Эта цифра должна была стать основой схемы распределения увечных по губерниям и создания сети инвалидных домов с медицинским уходом. Прогнозировалось также прибытие около 3 тыс. душевнобольных, для диагностирования которых и дальнейшего рассеивания по лечебным заведениям на распределительные пункты рассылались специалисты-психиатры из столичных клиник¹¹³. Данная категория репатриированных по результатам прохождения комиссии распределялась по специализированным больницам; разные подлежали принудительному лечению в соответствующих заведениях¹¹⁴. Невозможность эвакуации больных военнопленных на территории, занятые противником или страдающие от голода, по-

М. Соколова, рядового А. Грошева; оп. 5, д. 57, л. 8. Обращение бывшего военнопленного на имя Ленина. 12.8.1918.

113 ГАРФ, ф. А-413, оп. 2, д. 165, л. 68. Проект Наркомвоендела об инвалидных домах. 3.12.1918.; ф. А-482, оп. 1, д. 22, л. 68, 126; ф. 3333, оп. 4, д. 10, л. 18–19. Пояснительная записка к схеме распределения больных военнопленных в порядке следования на родину по областям и губерниям; оп. 5, д. 37, л. 95. Доклад В. Левицкого «План эвакуации больных русских военнопленных», 1918 г.

114 ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 27, л. 136. Инструкция постоянным и подвижным врачебным комиссиям, свидетельствующим русских, следующих из неприятельского плена, 1918 г.

родила идею транспортировать их в «хлебородные губернии», где они получили бы лечение и полноценное питание, кроме того, они могли быть отправлены по собственному желанию на долечивание в другие области, помимо закрытых Коллегией для отправки¹¹⁵.

Массовое возвращение пленных осенью-зимой 1918–1919 гг. буквально опрокинуло и без того плохо функционировавшую организацию регистрации и освидетельствования. На основании доклада наркома здравоохранения Н.А. Семашко 28 ноября 1918 г. СНК принял постановление об увеличении числа коек в лечебных заведениях репатрируемых в приграничной зоне в 1,5 раза. Гражданским властям предписывалось «не останавливаться в крайних случаях перед занятием учебных заведений»¹¹⁶. Однако местные коллегии сообщали о своем бессилии перед военными органами: «каждое место для военнопленных приходилось вымалывать»¹¹⁷. Задания Центропленбеж оценивались как «невозможные» и выполнялись только по мере наличия необходимых ресурсов¹¹⁸. Ликвидация медицинских заведений общественных организаций приводила в некоторых городах к катастрофическим санитарным последствиям, так как значительное скопление больных пленных, которым не оказывалась медицинская помощь, вызывало эпидемии холеры¹¹⁹. Неспособность справиться с нарастающим наплывом привела к решению перенести основную работу по социальному обеспечению бывших военнопленных на места. В губернских центрах формировались постоянные медицинские комиссии для освидетельствования, о существовании которых прибывавшим сообщалось на приграничных приемных и распределительных пунктах. Подключившиеся к просвещению репатриантов Окна РОСТА рекомендовали военноплен-

115 ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 27, л. 103. Телеграмма Центропленбеж в местные коллегии от 28 сент. 1918 г.; ф. А-413, оп. 2, д. 165, л. 52. Выписка из журнала Межведомственной комиссии, 18.10.1918.

116 Декреты Советской власти. Т. 4. С. 90; О практической реализации: РГВА, ф. 44, оп. 7, д. 7, л. 86. НКВД. 3.06.1918.

117 ГАРФ, ф. 3333, оп. 5, д. 37, л. 22. Переписка Центропленбеж и местных коллегий, апрель 1919.

118 Там же; ф. А-482, оп. 3, д. 44-а, л. 1. НКЗ. 20.1.1919.

119 Там же; ф. 3333, оп. 5, д. 51, л. 9. Из отчета пензенской губколлегии. В отношении русских пленных, возвращающихся из-за границы. Июль-август 1918.

ным уже по пути в родную деревню заехать в губернский центр для прохождения комиссии¹²⁰.

Недостаточная организация учета, нехватка кадров, а также отмечаемое межведомственными совещаниями отсутствие связи между центром и местными органами обусловили невозможность оказания необходимой помощи. В августе 1918 г. Иваново-Вознесенский совет сообщал, что большинство прибывающих — военнопленные-туберкулезники, нуждающиеся в санаторном лечении. Однако «хотя по этому поводу много писалось и говорилось, до сих пор не видно и начала к принятию каких-либо мер». В сложившейся ситуации больные оставались без медицинского ухода и осаждали комиссары соцобеспечения. Последние были не в состоянии определить алгоритм действий для получения необходимой помощи¹²¹. Положение мало изменилось и к февралю 1920 г., когда представители рабоче-крестьянской инспекции отмечали неудовлетворительную постановку дела в местных пленбежах, до сих пор не обладавших сведениями о количестве находящихся в губернии инвалидов¹²².

Для общего руководства процессом освидетельствования в феврале 1919 г. было учреждено Межведомственное совещание из представителей Центропленбеж, НКЗ, НКСО и Главного военно-санитарного управления, деятельность которого на местах дублировалась губернскими совещаниями. Последние должны были определять функционирование комиссий, подразделявшихся на общие (для первого освидетельствования) и специальные (для требовавших дополнительного лечения пленных)¹²³. Выдача протезов была перело-

120 Там же; ф. А-413, оп. 2, д. 170, л. 51. НКСО в Управление делами СНК. Июль 1918; ф. 3333, оп. 2, д. 322, л. 39. Инструкция постоянным и подвижным врачебным комиссиям, свидетельствующих русских, следующих из неприятельского плена, 1918 г.; ф. 3333, оп. 3, д. 336, л. 156. РОСТА. Обращение к товарищам, вернувшимся из плена. 26.12.1918

121 Там же; ф. 3333, оп. 5, д. 57, л. 46. Иваново-вознесенский ИК СРСКД. 24.8.1918; д. 62, л. 246. Обращение бывшего военнопленного в НКСО, август 1919 г.

122 Там же; оп. 6, д. 11, л. 4–60. Сведения о состоянии здоровья пленных, возвратившихся отовсюду на 23.6.1918; ОГАЧО, ф. Р-895, оп. 2, д. 4, л. 39. Акт обследования Челябинского губпленбежа представителем рабоче-крестьянской инспекции, 26.2.1920.

123 ГАРФ, ф. А-413, оп. 2, д. 165, л. 1–6. Приказ Центропленбеж № 232 от 24.2.1919.

жена на местные органы, что критиковалось Наркомвоеном как «несправедливое решение» вследствие полного отсутствия производства в провинции и поставок из центра¹²⁴. Перевод процедуры освидетельствования на места вынудил губернские ведомства признать свою несостоятельность. Согласно отчету Черноморского района, после прибытия на распределительные пункты бывшие военнопленные предоставлялись сами себе, так как организационные трудности не позволяли даже минимального обеспечения¹²⁵.

Комиссии по освидетельствованию работали при полном отсутствии разумной организации: «...Не ведется документации об истории болезни в лазаретах, что затрудняет вынесение заключения. Комиссия косвенным образом выполняет функцию разгрузки лазаретов, которые переполнены. Содержание больных дорого обходится. Многие задерживаются по не зависящим от них обстоятельствам: ждут обмундирования, процесс получения которого сложен. Нервные ждут специальной помощи, которая не оказывается, некоторым просто некуда деться. Особенно последнее касается инвалидов, нуждающихся в патронате»¹²⁶. Судя по сообщениям с мест, пленным не хватало двухмесячного срока на прохождение освидетельствования и реализацию права на лечение, получения протеза или пенсии. В качестве причин указывались невозможность попасть на место проживания или нехватка мест в санатории. Некоторые коллеги не желали вникать в причину позднего обращения и отказывали на формальном основании¹²⁷.

Еще одной дискутируемой проблемой стала нехватка «специальных видов помощи повышенного типа». Между тем, состояние здоровья бывших военнопленных свидетельствовало о необходимости срочного создания широкой сети медицинских учреждений для туберкулезных, включая кумысо- и грязелечебницы, бальнеологические и физиотерапевтические институты. Дополнительным стимулом

124 Там же; л. 39. Наркомвоен. 26.8.1918

125 Там же; ф. А-3931, оп. 1, д. 43, л. 72–74. Доклад Эвакуационно-ликвидационной секции Второго всероссийского съезда Союза увечных воинов, март 1919 г.

126 ГАРФ, ф. 3333, оп. 5, д. 62, л. 254. Отчет комиссии по освидетельствованию, март 1919 г.

127 Там же; л. 50. Циркулярное распоряжение Центропленбеж, 1919 г.

для их организации виделась возможность дальнейшего использования для потребностей гражданского населения¹²⁸.

В марте 1919 г., когда наплыв военнопленных временно иссяк, ответственные ведомства сочли, что «можно, наконец, наладить дело освидетельствования». На этот раз было предложено перенести комиссии назад на пограничные пункты, так как «военнопленные, попадая во внутренние районы, разбредаются одиночным порядком, их стремление попасть домой усиливается, они пропускают сроки и теряют право на освидетельствование»¹²⁹.

В сфере пенсионного обеспечения инвалидов, прибывших из плена, как и в вопросе возмещения и помощи семьям сохранялся принцип приоритетной поддержки красноармейцев перед солдатами Первой мировой войны. По признанию Наркомтруда, в основу проекта Устава по инвалидности была «положена ложная мысль о необходимости прежде всего избежать благодетельствования свидетелствуемого за счет государства». Произвольное определение размера пенсий привело к тому, что инвалиды «империалистической войны» получали их в значительно меньшем размере, чем красноармейцы, «хотя и те и другие далеки от прожиточного минимума и крайне формальны». При 100 % потере трудоспособности красноармейцы получали 250 руб., бывшие военнопленные — 168; при инвалидности свыше 70 % соответственно 175 и 108 руб.; при 40–70 % инвалидности — 100 и 60 руб.¹³⁰.

Прибывавшим из плена инвалидам было сложнее интегрироваться в новое для них общество, чем остальным категориям репатриированных. Государственные организации формулировали свои программы, исходя из собственных интересов: «возвратить государству и семье работника», «избежать развития тунеядства»

128 Там же; ф. А-413, оп. 2, д. 165, л. 131–132. Из протоколов Межведомственного совещания по вопросу признания полных инвалидов, март 1919 г.; ф. А-482, оп. 3, д. 16-а, л. 2–6. Постановление совещания заведующих медико-санитарными отделами гор- и губсовдепов. 24.2.1919; ОГАЧО, ф. Р-895, оп. 2, д. 3, л. 108. Резолюция съезда по лечебному обслуживанию военнопленных и беженцев

129 Там же; ф. 3333, оп. 5, д. 62, л. 277. Из отчетов комиссий по освидетельствованию, март 1919 г.

130 Там же; л.18. Наркомтруд, 14.9.1918.

и «распространения частной благотворительности в деле помощи увечным». В качестве основного средства достижения этих целей определялось обеспечение инвалидов протезами и обучение доступному в их физическом состоянии ремеслу. Государство брало на себя реализацию первой цели, для чего инвалиды на время снятия мерки и изготовления нужного механизма должны были помещаться в специальные общежития при мастерских. Задача профессиональной переквалификации возлагалась уже на местные комиссарии соцобеспечения¹³¹.

На практике реализация трудоустройства военнопленных-инвалидов натолкнулась на отмечавшиеся выше разногласия между центральными и местными органами. Так, один из уездных отделов Тверской губернии, излишне поспешно рапортовавший о создании общежитий и сельскохозяйственных курсов для увечных военнопленных, получил из Москвы разнарядку на размещение 665 инвалидов, в то время как возможности учрежденного приюта ограничивались обслуживанием 100 человек. При этом предполагалось, что инвалиды будут заинтересованы в получении знаний и навыков в области агрономии¹³². Наркомат же отсылал людей без предварительного выяснения их интересов, пытаясь как можно быстрее разгрузить центральные районы от обременительного контингента.

V.3. ИНТЕГРАЦИЯ БЫВШИХ ПЛЕННЫХ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ОБЩЕСТВА

МОБИЛИЗАЦИЯ В АРМИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И КАРЬЕРА ВОЕННЫХ

Сложная обстановка на фронтах Гражданской войны и проблема кадрового обеспечения новых частей вынудили большевистское правительство отказаться от демобилизации бывших военнопленных мировой войны и попытаться заполнить ими возникшие органи-

131 Там же: ф. А-413, оп. 2, д. 165, л. 53. Отдел увечных воинов в НКСО; л. 127, 129. Положение о снабжении инвалидов протезами.

132 См.: Там же; л. 121. Уездный отдел соцобеспечения Тверской губернии. 15.3.1919.

зационные лагуны. Сразу после пересечения границы репатриированные ставились на учет военных органов как потенциальный резервуар боевой и трудовой армий. Прежде всего, власть была заинтересована в использовании контингента бывших кадровых офицеров для комплектования войсковых частей и армейских учреждений, что отразилось в апрельском постановлении Совета труда и обороны 1919 г. «О призыве в Красную армию всех бывших офицеров, возвратившихся или возвращающихся из плена». Лицам, прошедшим несколько лет в условиях концентрационных лагерей, предоставлялся лишь краткий двухмесячный отпуск¹³³. Однако даже эта ничтожная отсрочка рассматривалась некоторыми военными ведомствами как причина «невозможности полностью удовлетворить потребности Красной армии». Поэтому все чаще звучали предложения засчитывать время плена как военную службу и не предоставлять никаких отсрочек¹³⁴. Не решившись пойти на отмену отпуска, Наркомвоен настаивал на четком соблюдении его сроков: к оповещению прибывших о необходимости своевременной регистрации и возвращению из отпуска подключались домовладельцы, хозяева гостиниц и милиция. При смене места жительства офицеры были обязаны первым делом уведомить об этом военкомат¹³⁵. Меньше чем через месяц мобилизация была распространена на солдат старой армии, вернувшихся или возвращающихся из плена, причем все уклоняющиеся от призыва лица подлежали суду революционного трибунала¹³⁶. Одновременно без предоставления отпуска в Красную армию были призваны военные чиновники и санитарный персонал¹³⁷.

133 Декреты. Т. 5. — М., 1971. С. 128–129. Ср.: *Фельштинский Ю.* К истории нашей закрытости. С. 27.

134 РГВА, ф. 25860, оп. 2, д. 7, л. 30, 53. О предоставлении отсрочек от призыва военнослужащим, находившимся в плену. 3.3. 1919; ф. 7, оп. 7, д. 473, л. 87. Телеграмма Начальника штаба Западного фронта. 25.03.1921.

135 ОГАЧО, ф. Р-600, оп. 2, д. 4, л. 1. Инструкция для учета офицеров старой армии, 1919 г.

136 Декреты Советской власти. Т. 5 — М., 1971. С. 128–129; О реализации на местах: РГВА, ф. 11, оп. 15, д. 31, л. 126. Телеграмма Всероглавштаба о регистрации бывших офицеров, 11.05.1919; оп. 4, д. 57, л. 76. Комвоедел Петрограда. 23.06.1919.

137 Известия Наркомвоена. 1919. 3 июля. Приказ № 1013 от 17.06.1919

Мобилизованные военнопленные направлялись, в основном, в нестроевые части: примерно треть предоставлялась в распоряжение Штаба войск железнодорожной обороны; остальные — в войска ВЧК, на укомплектование охраны транспортных этапов, в инженерные войска полевого штаба и в продовольственные отряды¹³⁸. Подобная практика распределения людских ресурсов вызвала недовольство РВС, требовавшего комплектовать бывшими военнопленными действующую армию и использовать опытных унтер-офицеров на должностях комсостава¹³⁹.

Привлечение к анализу широкого круга источников не подтверждает заявление И. Щерова, что «вернувшиеся из-за границы и мобилизованные в Красную Армию бывшие солдаты царской армии являлись самой надежной, самой идейноустойчивой частью РККА и населения страны в годы гражданской войны», а также об отсутствии среди них дезертирства¹⁴⁰. Напротив, документы свидетельствуют о том, что принудительная мобилизация не дала ожидаемых результатов. Постановления центра «не работали» в реалиях периферии: местные власти в регионах, только что занятых Красной армией, слишком медленно разворачивали свою работу¹⁴¹, чем обусловили срыв идеи быстрого и массового призыва. Значительная часть пленных не могли добраться до мест проживания, находившихся в прифронтовой области или занятых белыми армиями. Поэтому местные органы не могли точно определить временные границы отпусков, соответственно были не в состоянии проводить регистрацию и мобилизацию. Следующие на родину жители Сибири противодействовали любым мероприятиям советских ведомств, задерживающим их продвижение. Коллегии в Центральной России

138 РГВА, ф. 11, оп. 8, д. 185, л. 147, 170, 207. Инструкция Центропленбеж к регистрации и выдаче билета военнопленного, 3.04.1919.

139 Там же; л. 6. Из переписки Всероглавштаба с Центропленбеж о мобилизации в Красную армию лиц, вернувшихся из плена 20.07.1919.

140 Щеров И. Миграционная политика. С. 72–74.

141 К примеру в Челябинске Постановление СТО было предписано к реализации только через 4 месяца после его публикации. См.: ОГАЧО, ф. Р-746, оп. 1, д. 9, л. 2. Военком Челябинской станицы, декабрь 1919 г.; л. 25. Челябинская губпленбеж. 8.09.1919; а также: РГВА, ф. 11, оп. 8, д. 185, л. 21. Приказ РВСР № 1235. 5.08.1919.

отмечали: «Пленные сибиряки вопреки запрету отказываются размещаться в подготовленных помещениях, категорически требуя скорейшей отправки на родину. Не получая от нас проездных документов, идут пешком порядком по линии ж/д или самовольно заполняют поезда. На меры, принимаемые железнодорожной милицией, отвечают угрозой самосудов»¹⁴². Руководство железных дорог также жаловалось, что «пассажиры, именующие себя пленными..., насильно садятся в поезда. Поездной персонал бессилён бороться с этим злом»¹⁴³. В Сызрани пленные, не получившие ожидаемого обеспечения, оккупировали предназначенные для военных частей бараки и покинули их только под угрозой применения насилия¹⁴⁴. В Саратове партия военнопленных приветствовала советскую власть, но выразила свой протест против мобилизации¹⁴⁵. Попытка призвать сконцентрированных на линии фронта сибиряков в Красную армию вызвала отказ от мобилизации до истечения двухмесячного отпуска на родине. Не готовые к массовым волнениям советские органы были вынуждены удовлетворять подобные ходатайства¹⁴⁶.

Кроме того, мобилизационные практики советской власти превратились в поле активного применения военнопленными наработанных в лагерях стратегий сопротивления. Призыв в армию был воспринят ими как нарушение обещаний, щедро раздававшихся в свое время большевистскими агитаторами в Германии. На имя руководителей государства посыпались письма с просьбами отменить мобилизацию бывших военнопленных: «Просим вас, товарищ Ленин, разобраться в делах и вообще об нас. Как мы военнопленные страдаем уже от 6 до 11 лет, не видали в жизни света, вы хорошо про это знаете, ...потом застигла империалистическая война, в плену пришлось голодать, страдать и тяжело работать... вообще все слабы

142 ГАРФ, ф. 3333, оп. 9, д. 30, л. 45. Телеграмма Тульской губплленбеж в Центроплленбеж, 18.11.1918.

143 Там же: ф. Р-4094, оп. 1, д. 203, л. 52. Приемный пункт Калинковичи в Центроплленбеж, 17.02.1919.

144 См.: *Moritz V. Zwischen Nutzung und Bedrohung*, S. 322.

145 Там же. S. 324.

146 РГВА, ф. 11, оп. 8, д. 185, л. 66. Всероглавштаб в Симбирскую губплленбеж, 9.09.1919.

здоровьем. И вот мы просим вас, т. Ленин, нельзя ли все дело сделать иначе: дать пленным жить дома...»¹⁴⁷ Причем обращения содержали не только традиционную апелляцию к многолетним нечеловеческим страданиям, перенесенным по вине прежнего правительства, но и скрытую угрозу в адрес нового: «Не надо забывать, что мы отдали в плену лучшие годы нашей жизни... пусть нашу службу в учреждениях сделают обязательной, но только подальше от военной службы. Мы не допускаем мысли, что товарищ Ленин имел нас в виду в качестве пушечного мяса. Мы, военнопленные, не желающие идти на фронт, можем внести для себя и для власти только неприятное»¹⁴⁸. На освобождении вернувшихся от мобилизации настаивал правовой отдел Центропленбеж, в составе которого работали бывшие пленные. В обращении на имя председателя Коллегии указывалось, что «элементарное чувство справедливости подсказывает возможно более бережное отношение в настоящее время к этим подлинным жертвам империалистической бойни. Следует иметь в виду, что вернувшиеся военнопленные в своей массе представляют собой материал чрезвычайно ценный с точки зрения их восприимчивости к идеалам Советской власти, и сохранение их в рядах трудового населения должно оказаться более целесообразным для защиты революции, чем привлечение их к непосильной для них в данное время вооруженной охраны ее». При этом предлагалось, однако, сделать исключение для офицеров, которые как кадровые военные подлежали призыву¹⁴⁹.

В отчетах НКВД отмечалось, что «в связи с постановлением о мобилизации заметно участились заявления об утрате билета военнопленного, дающие возможность установить дату возвращения из плена»¹⁵⁰. После выдачи дубликатов бывшие пленные нередко переезжали в другой город и здесь пытались повторить процесс получения документов или называли чужие имена. Опасаясь репрессий

147 Там же; л. 83. Письмо товарищу Ленину от военнопленных. 19.11.1919.

148 Там же; л. 164. Письмо гр. В.Петрова на имя Калинина. 19.05.1919.

149 ГАРФ, ф. 3333, оп.2, д. 76, л. 316. Из переписки Центропленбеж с губпленбежами. 26.08.1918.

150 ОГАЧО, ф. Р-895, оп. 1, д. 33, л. 100. Из объявлений Челябинского губэвака, март 1921 г.; РГВА. ф. 11, оп. 8, д. 185, л. 20. Инструкция НКВД. 17.07.1919.

в свой адрес, офицеры скрывали свое звание и регистрировались как солдаты¹⁵¹. Многие мобилизованные к началу полевых работ в массовом порядке покидали части и возвращались в свои запущенные хозяйства. Мотивация помощи голодающим семьям не смягчала приговоров карательных отрядов, совершавших рейды по деревням и расстреливавших скрывавшихся дезертиров¹⁵². В списки последних попадали и добровольно явившиеся в военкоматы бывшие пленные, задержавшиеся с возвращением из отпуска по уважительным причинам. В этом случае их относили к категории «незлостных» и отправляли в запасные части¹⁵³.

Негодных к строевой службе в действующей армии бывших пленных планировалось использовать как кадровую основу Всевобуча и резервных частей «по возможности в избранных ими для жительства районах»¹⁵⁴. Сторонники милиционной системы комплектования армии досадовали, что «многие из вернувшихся бывших офицеров в приискании средств для жизни вынуждены занимать должности вне специальности», в то время как их работа во Всевобуче могла принести пользу данной организации и одновременно улучшить их материальное положение¹⁵⁵.

Инициатива по формированию территориальных кадров Всевобуча из соответствующих «в политическом отношении» своему назначению офицеров и унтер-офицеров в начальный период реализовалась по-разному. К примеру, Уфимский военный комиссариат приглашал всех бывших пленных занять должности сотенных, взводных и инструкторов по всеобщему военному обучению, обещая зарплату от 1200 до 1700 руб. в месяц, удовлетворение всеми видами довольствия наравне с тыловыми частями Красной армии и выбор места службы в соответствии с проживанием. Кандидаты

151 ОГАЧО.Р-393.Оп.6.Д.2.Л.18. Приказ № 18 Троицкой уездной военной комиссии по мобилизационному отделу 24 марта 1920 г.

152 *Окнинский А.* Два года среди крестьян. С. 115–132.

153 ОГАЧО, ф. Р-1525, оп. 1, д. 28, л. 51, 81. Дела подозреваемых в дезертирстве. 14.01.1921.

154 Там же, ф. Р-393, оп. 3, д. 12, л. 12. Инструкция по организации резервных частей, 1919 г.

155 *Сергиевский Т.* Насущная необходимость // Известия Наркомвоена. 1919. 16 марта.

должны были документально подтвердить законность своей отсрочки от мобилизации, а также предоставить рекомендации от местных властей или членов партии¹⁵⁶. Иваново-Вознесенский военком, напрасно ожидавший директив из центра, не проявил инициативы и подобной работы не проводил¹⁵⁷. В Пскове на весну 1919 г. половина из проживавших там репатриированных офицеров обучала гражданских лиц военным навыкам¹⁵⁸. При этом добровольно поступившие на службу теряли право пользования отсрочками от призыва и не могли переводиться на службу в другие советские ведомства¹⁵⁹.

К лету 1919 г. комплектование инструкторского состава вернувшимися офицерами приобрело принудительный характер. В августе СТО обнародовал свое постановление «О предоставлении всех бывших офицеров и унтер-офицеров, вернувшихся из плена после 1 августа, в распоряжение Всеобуча», что потребовало дополнительной регистрации репатриированных на местах и ведения централизованной статистики в центре¹⁶⁰. С целью реализации нового распоряжения в январе 1920 г. на местах было проведено переосвидетельствование всех бывших унтер-офицеров, освобожденных от строевой службы по болезни, на пригодность для работы во Всеобуче. В случае положительного решения они объявлялись мобилизованными и подлежали немедленной отправке в распоряжение губернских отделов¹⁶¹.

156 ОГАЧО, ф. Р-77, оп. 1, д. 4, л. 12. Из объявлений Уфимского губернского военного комиссариата, 1919 г.

157 РГВА, ф. 65, оп. 4, д. 57, л. 41. Из отчета Иваново-Вознесенского комиссариата, 11.07.1919.

158 Там же; Л. 5–28. Из отчета Псковского военного комиссариата, март 1919 г.

159 Там же; оп. 5, д. 5, л. 33. Всевоглаштаб. 8.04.1919.

160 Декреты Советской власти. Т. 6. — М., 1973. С. 135. К процедуре регистрации см.: РГВА, ф. 65, оп. 4, д. 57, л. 2, Саратовский военком, 1919 г.; оп. 5, д. 561. Цифровая сводка о ходе мобилизации бывших офицеров и унтер-офицеров, вернувшихся из плена после 1.08.1919 для заполнения должностей теркадров по приказу Всевоглаштаба № 268 от 10.10.1919; ОГАЧО, ф. Р-77, оп. 1, д. 6, л. 47, 87. В Отдел Всеобуча Уездвоенкомата списки вернувшихся из плена граждан, 22.04.1920.

161 ОГАЧО, ф. Р-327, оп. 1, д. 89, Л. 70, 77, 105. Приказы Уфимского военкомата, апрель 1920 г.; ф. Р-393, оп. 3, д. 12, л. 1. Приказ по Екатеринбургскому военному округу, 22.12.1922.

Плохо поставленная организация учета не позволяет оценить масштаб мобилизации. Ведомственная переписка туманно говорит о «нескольких сотнях тысяч» призванных в Красную армию бывших военнопленных¹⁶². В источниках можно обнаружить единичные упоминания о бывших пленнх солдатах, окончивших командные курсы и дослужившихся до уровня командиров взвода¹⁶³, что не позволяет, однако, сделать обобщения. Более яркой иллюстрацией представляется выборка по генералам и высшим офицерам бывшего ГШ. По разрозненным данным удалось установить факт возвращения в Советскую Россию из немецкого плена пяти генералов. Инвалидом вернулся из лагерей В.С. Заболотный, вскоре после возвращения скончался в Петрограде В.Ф. Прассалов¹⁶⁴. С.П. Ильинский работал сотрудником Единого государственного архивного фонда¹⁶⁵. Добровольно в Красную армию вступили В.Б. фон Кольшмидт и К.Я. Шемякин. Первый с 8 декабря 1919 г. числился преподавателем 22 Курских пехотных курсов, с 1921 г. — начальником учебной части. Вторым 1 ноября 1918 г. занял пост начальника административного моботдела Тульского губкомиссариата по военным делам. К концу месяца он был назначен начальником тульской пехотной школы, а через год — тульским губвоенруком.

Из сорока офицеров бывшего ГШ, поименованных в списке 1917 г. как находящиеся в плену, на службе в Красной армии добровольно или по мобилизации оказались: Д.А. Бензема, И.В. Высоцкий, А.В. Герберт, А.М. Григоров, Д.П. Малеев, М.К. Попов, Б.Л. Родендорф, С.Ф. Розанов, А.Н. Ситников, Н.М. Ушаков, Ф.Ф. Фешотт, П.Н. Шифрин, А.А. Шрейдер. Кроме того, в списке офицеров Красной армии с высшим военным образованием значились бывший подполковник Н. Новиков и бывший подпоручик М. Тухачевский. Примечательно, что в биографии последнего за 1923 г. факт пребывания в плену не

162 РГВА, ф. 7, оп. 7, д. 458, л. 51–52. Центральное управление штаба РККА заместителю председателя РВСР тов. Склянскому. 27.04.1921.

163 ОГАЧО, ф. Р-600, оп. 2, д. 26, л. 168. Послужной список комвзвода 5-ой роты 7 стрелкового полка Казанской дивизии Петухова Романа.

164 По данным портала «Библиотека-фонд „Русское зарубежье“».
<http://www.bfrz.ru/cgi-bin>

165 По данным портала «Русская армия в Первой мировой войне».
<http://www.grwar.ru/persons/persons.htm>

упоминался. За исключением Тухачевского, вышеуказанные специалисты были привлечены к преподавательской деятельности на курсах и в вузах, в мобилизационные отделы или к архивной работе¹⁶⁶, но не в боевые части.

Значительное количество бывших военнопленных генералов и высших офицеров после освобождения из лагерей встало на сторону антибольшевистских формирований. Так, в Добровольческой армии и ВСЮР сражались генералы Н.И. Глобачев, Л.В. де Витт, В.И. Масалитинов, А.Н. Розеншильд-Паулин, В.фон Юрковский, Г.Г. Джонсон¹⁶⁷. Показательно, что последний покончил жизнь самоубийством после окружения его частей Красной армией под Борисоглебском. На юге генерал Г.П. Гаттенбергер в качестве уполномоченного Колчака руководил набором офицеров в сибирскую армию. Находясь в 1920 г. во главе 2-го Марковского полка, он был смертельно ранен в ходе боевых действий в Крыму¹⁶⁸. Целую одиссею на пути в Добровольческую армию пришлось пережить генералу Н.Н. Мартосу. После пребывания в госпиталях Мценска и Москвы он на основании происхождения был отослан советскими органами на Украину. В Киеве сторонники гетмана Скоропадского сочли его большевистским шпионом и заключили в тюрьму. Только к 1919 г. бывший командующий 15-го армейского корпуса сумел добраться в деникинскую армию¹⁶⁹. Здесь же в южных армиях до чина генерал-майора дослужился прибывший из плена В. Чашинский. Отправленные из Германии через Данию генералы Н.А. Клюев и В.В. Мальм вступили в состав войск Северного фронта. На востоке в колчаковской армии оказался генерал А.Я. Усачев. Генерал И.А. Холмсен после освобождения из плена остался в Европе, где при союзных военных

166 Информация дана по: Список Генерального штаба. Исправлен по 3.1.1917. Пг., 1917. С. 160–164; Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в РККА, по данным на 01.03.1923. — М., 1923; *Кавтарадзе А.* Военные специалисты на службе республики Советов. 1917–1921. — М., 1988.

167 См.: *Волков С.В.* Энциклопедия. Соответственно С. 133, 78, 160–161, 330, 465, 654. Данные по Розеншильд-Паулину см. также: *Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (Материалы к истории белого движения). — М., 1996. С. 206.

168 *Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. — М., 2003. С. 73–74.

169 См.: *Рутыч Н.* Биографический справочник. С. 145.

комиссиях представлял интересы антибольшевистских правительств¹⁷⁰. Из офицеров бывшего ГШ в различных белых армиях служили полковники Г.Н. Венецкий, Н.Г. Загнеев, А.Ф. Паннаш, подполковники Ф.Э. Бредов, А.А. Калинин, А.И. Кислов, капитаны П.Н. Богданович, Н.А. Волков, В.В. Добрынин, П.С. Мясников, В.И. Сизых, В.К. Фукс, поручик В.В. Гофман¹⁷¹.

Часть высших офицеров сыграла значительную роль в организации вооруженных сил государств, возникших на территории бывшей Российской империи. Так, видные посты в эстонской армии занимали капитаны В.Э. Вильман, П.А. Лилль, А.Я. Семенов. В военном училище и на курсах Эстонского ГШ преподавал генерал А.А. фон Ден. На службе в Польском ГШ, а позже в литовской армии состоял капитан К.К. Клецинский. В грузинской армии сражался капитан А.М. Джиджихия, попавший позже в т.н. «сталинские списки»¹⁷².

После поражения белых армий кадровые офицеры в большинстве своем осели в эмиграции. Солдаты или младшие офицеры, после возвращения из плена вступившие или мобилизованные в антибольшевистские формирования, оставались на советских территориях и в большинстве своем призывались в Красную армию. Несмотря на последующую многолетнюю службу, в том числе на командных должностях, а также на исполнение руководящих функций в различных органах, данная категория лиц оставалась на постоянном учете чрезвычайных органов как потенциально опасный контингент. Из списков бывших белых не исключало даже членство в партии — снятие с учета осуществлялось только в случае передачи конкретного лица непосредственно органам политического сыска. Нередко в «книги белых офицеров» попадали бывшие пленные, никогда не служившие в контрреволюционных армиях. Так, в челябинских списках числился К. Подкопаев, мобилизованный большевиком после прибытия из Германии и командовавший гаубичной бата-

170 См.: Волков С. Энциклопедия. С. 250, 321, 586, 604.

171 Информация дана по: Список Генерального штаба. Исправлен по 3.1.1917. Пг., 1917. С. 160–164; См. также: Волков С. Энциклопедия.

172 По данным порталов «Русская армия в Первой мировой войне». <http://www.grwar.ru/persons/persons.htm>, а также: «Сталинские расстрельные списки». <http://stalin.memo.ru/spiski>

реей орловского военхода. В 1920 г. он числился помощником технического руководителя северной группы и одновременно состоял на учете ВЧК¹⁷³.

С началом эпохи репрессий эта категория одной из первых попала под удар. В 1937 г. были расстреляны воевавшие в колчаковской армии и оставшиеся в СССР М.М.Воронков и А.П.Васильев. В этом же году в Краснодаре был осужден к высшей мере наказания бывший военнопленный штабс-капитан Ф.М.Баскаков. После присоединения к СССР Эстонии на 10 лет исправительно-трудовых лагерей на Урале и в Сибири были приговорены Э.-Р.К. Вильман и П.-А. Лилль¹⁷⁴.

Неизбежными жертвами происходящих в стране политических процессов стали бывшие военнопленные офицеры, занимавшие гражданские или военные посты в Советской России. К расстрелу с заменой на 10 лет трудовых лагерей по делу «Весна» были осуждены служащий 3 управления РККА А. Шрейдер¹⁷⁵ и комбат школы им.Каменева И.А. Войчук¹⁷⁶. Многочисленным арестам подвергнулся завуч Смоленских пехкурсов и позже сотрудник Наркозема А. Ситников¹⁷⁷. Неоднократно арестовывался преподаватель Военной академии И. Высоцкий, приговоренный в 1938 г. к высшей мере наказания¹⁷⁸. В этом же году был обвинен в принадлежности к военному заговору и приговорен к расстрелу начальник комиссар Высшей школы «Выстрел» А.А. Инно¹⁷⁹.

173 ОГАЧО, ф. Р-70, оп. 3, д. 5, л. 1–6. Книга учета бывших белых офицеров.

174 По данным портала «Библиотека-фонд „Русское зарубежье“».
<http://www.bfrz.ru/cgi-bin>

175 См.: *Тинченко Я.* Голгофа. С. 496.

176 По данным портала «Библиотека-фонд „Русское зарубежье“».
<http://www.bfrz.ru/cgi-bin>

177 См.: *Тинченко Я.* Голгофа. С. 493.

178 См.: *Сувениров О.* Трагедия РККА. 1937–1938. — М., 1998. С. 429; *Тинченко Я.* Голгофа. С. 255.

179 По данным портала «Русская армия в Первой мировой войне».
<http://www.grwar.ru/persons/persons.htm>

ТРУДОУСТРОЙСТВО И ТРУДОМОБИЛИЗАЦИЯ

Попытки наладить трудовую реабилитацию бывших пленных предпринимались еще до Октябрьской революции. Военное министерство привлекало вернувшихся инвалидов, а также бежавших из лагерей к охране пленных солдат противника на принудительных работах. Государство брало на себя транспортировку и вооружение, содержание будущего охранника обеспечивалось работодателем. Как свидетельствуют источники, эти вакансии пользовались спросом¹⁸⁰.

Пытаясь поставить вживание возвращавшихся в новое общество под свой контроль, советские ведомства прикрывали свое вмешательство в процесс адаптации «полной неприспособленностью пленных», «их незнакомством с условиями данного момента и неумением ориентироваться в произошедших переменах»¹⁸¹. Местным биржам труда вменялось в обязанность предоставлять возвращающимся льготы при регистрации и распределении рабочих мест¹⁸²; часть репатриированных привлекалась к работе в государственных и общественных организациях, обслуживавших эвакуацию пленных и беженцев¹⁸³. Как и при призыве в армию, параллельно с добровольным устройством на работу широко использовались принудительные методы. На местах весь трудоспособный элемент, поступивший на распределительные пункты губпленбежей, передавался в отдел труда и назначался последним на работы.

Военнопленные сопротивлялись не только военной, но и трудовой мобилизации, проводившейся советскими органами. Во время

180 ГАРФ, ф. 2031, оп. 2, д. 570, л. 202–213. Военное министерство, май 1917.

181 ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 323, л. 224. Отчет о деятельности Кашинской уездной коллегии 18–25 августа 1918 г.; ОГАЧО, ф. Р-895, оп. 2, д. 3, л. 49. Схема работы отделов Челябинской губернской коллегии. 21.9.1919; РГВА, ф. 7, оп. 7, д. 473, л. 73. Доклад о деятельности Постоянной фронтовой комиссии по учету и направлению прибывших из плена и интернированных красноармейцев за время с 15.2. по 1.3.1921 г.

182 ГАРФ, ф. 3333, оп. 5, д. 57, л. 84. Переписка Центропленбей с Наркомтруд. 1918 г.; ОГАЧО, ф. Р-363, оп. 1, д. 172, л. 5. Протокол междуведомственного совещания, созданного по инициативе председателя Челябинского губпленбей тов. Старцева. 8.10.1919.

183 ГАРФ, ф. 3341, оп. 6, д. 314, л. 168. Комитет вернувшихся из плена в Комитет по реорганизации РОКК. 11.8.1918 г.

пребывания на эвакуационных пунктах солдаты отказывались выходить на работы, ссылаясь на болезненное состояние¹⁸⁴. После прибытия на место постоянного жительства некоторые из них пытались отклонить ведомственные назначения, обращаясь в Центропленбеж за разъяснением по предоставленным льготам: «Прошу прислать мне справку, какой отпуск дается военнопленным, прибывшим в этом году. Мне нужно для представления в местный горкомхоз на предмет освобождения от канцелярской службы, так как я не успел очнуться после тяжелого 5-летнего германского плена»¹⁸⁵.

Несмотря на освобождение «милитаризированных рабочих» от призыва в армию, бывшие пленные самовольно покидали предписанные им места работы и возвращались в деревню¹⁸⁶. Однако в сельской местности их встречал далеко не радушный прием земляков, которые рассматривали репатриантов как конкурентов при получении земли, работы и пайка. В лучшем случае, жители игнорировали их нужды, чаще же они использовали не разобравшихся в ситуации репатриантов в собственных целях, скупая за бесценок привезенные ими вещи и валюту. К примеру, Центропленбеж сообщала в ВЧК: «На пограничных пунктах замечается растущая с каждым днем спекуляция с разменом иностранной валюты и оккупационных рублей на русские деньги. Частные лица под видом дружеской услуги эксплуатируют доверие военнопленных и производят размен по пониженному курсу, обирая бедняков»¹⁸⁷. Если военнопленные возвращались группой и требовали себе наделы земли, дело доходило до открытых столкновений¹⁸⁸. Значительная часть ре-

184 ОГАЧО, ф. Р-895, оп. 2, д. 4, л. 4. Отчет распределительного пункта Челябинского губпленбежа. 1920 г.

185 ГАРФ, ф. 3333, оп. 3, д. 12, л. 106. Заявление бывшего военнопленного В. Кабошного, 1920 г.

186 ОГАЧО, ф. Р-122, оп. 1, д. 48, л. 26. В Миасский уездный комиссариат. 1920 г.; ф. Р-895, оп. 2, д. 9, л. 90. Техотдел горкомхоза в Пленбеж. 9.1.1920; л. 105. Челябинская губпленбеж. 1920 г.

187 См.: ГАРФ, ф. 3333, оп. 2, д. 38, л. 182. Переписка Центропленбеж и ВЧК. 27.11.1918 г.

188 См.: Семенов Л. В. Основные направления земельной политики на Кубани в конце XVIII — первой четверти XX вв. Диссертация на соискание степени к.и.н. — Ростов, 2003. С. 176.

патриированных была вынуждена переехать в другую местность или податься в город. В документах немецких ведомств и Советского бюро зафиксированы даже случаи обратного перехода границы пленными, которые в результате военных действий потеряли свое имущество, не смогли найти родных или приспособиться к новым условиям. Они видели больше перспектив найти себе работу в Германии, чем выжить на родине¹⁸⁹.

В особо неблагоприятной ситуации оказывались офицеры из числа бывших военнопленных, которые не имели возможности прокормить себя и свою семью за счет земли и попадали в полную зависимость от ситуации на местном рынке труда. Подозрительность советских органов затрудняла для данной категории процедуру поиска работы или смены места жительства, что оценивалось как попытка уклониться от воинской повинности. Отказ от снятия с учета в местном военкомате обрекал офицеров и их семьи на полуголодное существование: «теперь приходится сидеть у моря и ждать погоды. Но это еще ничего бы, если бы я был хлебопашец и имел хотя бы малую толику хлеба для пропитания себя и семейства. Я же профессионал и только лишь питаюсь от получаемого пайка, а теперь без службы и без куска хлеба»¹⁹⁰.

К началу 1930-х гг. сама логика развития советского властного дискурса постепенно придала факту пребывания в немецких лагерях негативную коннотацию. Несмотря на то, что в официальной пропаганде опыт плена сохранил свою характеристику как школа революции, машина развернувшихся репрессий уже затягивала бывших пленных в свой водоворот. Иллюстрацией изменившегося отношения к этой социальной группе является протокол допроса обвиняемого по столичному делу «Весна», который по поводу своего сослуживца показал следующее: «Охочинский Владимир — бывший офицер и член монархической группы Хомутова. Был в немецком плену, откуда вернулся в 1918 г. с немецкой ориентацией. Работник или совладелец комиссионного магазина в Ленинграде. Развивал контрреволюционную деятельность». В итоге преподава-

189 Barch-MA, PH 69/205, Freiwillige Reservekorps, 27.3.1919; ГАРФ, ф. 9491, оп. 1, д. 226, л. 50. Обращения военнопленных в Советское бюро. 1920 г.

190 ОГАЧО, ф. Р-393, оп. 1, д. 818, л. 3–24, 87–96. Заявление унтер-офицера И. Угрюмова в Челябинский губернский военный комиссариат. 1922.

теля Института книговедения В. Охочинского осудили по указанному делу¹⁹¹.

Как пишет К. Шлегель, к моменту выхода приказа о массовых репрессиях № 00447 от 30 июля 1937 г. в каждом региональном отделении ГПУ уже существовали готовые списки для арестов, которые велись и систематически обновлялись с начала 1920-х гг. Наряду с бывшими царскими чиновниками, белогвардейцами, участниками крестьянских восстаний, раскулаченными крестьянами туда входили бывшие военнопленные¹⁹².

Согласно показаниям одного из членов челябинского трибунала, в ходе чисток 1936–1937 гг. было задержано «значительное количество» лиц, бывших в плену в Германии и Австрии. Далее сотрудник упомянул, что на выраженное им беспокойство по этому поводу и вопрос о наличии соответствующего приказа старший по должности сослуживец уклончиво указал на существование «ориентировки» о том, что Германия под видом репатриированных пленных засылала в Советскую Россию шпионов. Именно на этом основании производились многочисленные аресты¹⁹³.

БЫВШИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В УСЛОВИЯХ ЭМИГРАЦИИ

Вопреки принципу добровольности репатриации политика немецких ведомств была направлена на выдворение максимального числа бывших военнопленных на родину с целью освобождения от них жилищного и трудового рынка Германии. Одним из действенных способов давления стал первоочередной роспуск хорошо оборудованных лагерей и перевод их заключенных в менее благоустроенные. Подобные меры и предупреждения о скором снятии с довольствия не останавливали прошений военнопленных о разрешении на пребывание и дарование гражданства. К концу 1921 г. немецкие ве-

191 Дополнительный протокол допроса Кованько А.А. 3.11.1930 г. Цит. по: *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР в 1930–1931 гг. — М., 2000. С. 305, 404.

192 См.: *Schloegel K.* Terror und Traum. Moskau 1937. Muenchen, 2008. S. 638.

193 К сожалению, фонд ОГАЧО, в котором содержится данный документ, еще не введен в архивный оборот. За предоставление доступа к этой информации я благодарю сотрудника ОГАЧО Е.А. Калининку.

домства утвердились во мнении, что преобладающее большинство до сих пор не воспользовавшихся отправкой «попытаются под любыми предложениями даже в такое тяжелое время остаться». Для экономии государственных расходов на их содержание было решено прекратить практику насильственного возвращения с работ в лагеря, заменив ее быстрым освобождением и переводом на самостоятельное содержание¹⁹⁴. Последние лагеря были распущены в течение лета 1922 г.¹⁹⁵

Еще в период существования лагерей при поддержке русских эмигрантских и иностранных благотворительных организаций в них функционировали ремесленные школы и мастерские. После роспуска лагерей их контингент создавал так называемые «русские колонии», финансируемые старым РОКК и подрабатывавшие садоводством и изготовлением поделок¹⁹⁶. Наряду с крупными поселениями образовывались небольшие общежития, содержавшиеся благотворительной организацией «Союз помощи русским гражданам»¹⁹⁷. Жители подобных колоний соглашались на любую работу, однако не получили доступа к рынку труда, так как немецкие профсоюзы прикладывали все усилия, чтобы предотвратить иностранную конкуренцию. Наиболее желанным заработком являлось преподавание русского языка на курсах или частным лицам, наиболее востребованным — работа домашней прислуги¹⁹⁸. В равном положении с солдатами оказались бывшие офицеры, которые вследствие тяжелого материального положения были вынуждены заняться физическим трудом. Газета «Руль» сообщала об их трудоустройстве

194 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 127, л.3. МВД, Ведомство лагерей военнопленных и интернированных. 14.11.1921.

195 *Baur J. Zwischen Roten und Weissen. S. 98.*

196 Barch R 43/ I/ 237, Abwicklungsstelle für russische Kriegsgefangenen- und Internierungslager, 2.2.1922.

197 ГАРФ, ф. 5815, оп. 1, д. 14, л. 135. Отдел 6 Россия; л. 122. В комитет помощи русским гражданам. 29.4.1921.

198 ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 13, л. 158; д. 127, л. 1-2. «Русские военнопленные в Германии». 28.11.1921; ф. 5815, оп. 1, д. 13, л. 55. Подполковнику М. Головизнину в лагерь Кведлинбург, ноябрь 1921 г.; л. 45. Прошение русского военнопленного Федора Станциера. 23.11.1921; л. 147. Прошение военнопленного лагеря Губен, ноябрь 1921 г.

в ремесленных артелях, шахтах и поместьях¹⁹⁹. Для защиты своих интересов оставшиеся в Германии военнопленные попытались организовать собственный союз, отправляя соответствующие запросы германским властям, а также письма с просьбой о поддержке во все благотворительные учреждения²⁰⁰.

По данным Й. Баура, только в Германии осело около 20 тыс. бывших пленных солдат и офицеров царской армии²⁰¹. Многие расконцентрировались по другим центрам русского изгнания от Франции до Китая, Австралии и Аргентины. Бывшие военнопленные генералы и высшие офицеры сыграли значимую роль в истории военной эмиграции. В.И. Масалитинов некоторое время возглавлял отдел Общества господ офицеров лейб-гвардейской 1 артиллерийской бригады в Югославии. А.Я. Усачев, эмигрировавший в Китай, занимал должность начальника 2 участка внутренней охраны КВЖД, затем преподавал в Северо-маньчжурском университете. Н.И. Глобачев возглавлял Союз инвалидов в Берлине, а с 1935 г. являлся начальником отдела РОВС в Германии. Значительный вклад в развитие этой же организации в Париже внес И.А. Хольмсен, занимавший должность начальника 1-го отдела, затем главного казначея и генерала для поручений при председателе организации. Его перу принадлежат статьи в журнале «Часовой», а также две книги по истории мировой войны²⁰². Н.Н. Мартос и А.Н. Розеншильд-Паулин работали чиновниками военного министерства в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Последний опубликовал в эмиграции статьи по истории военных действий русских армий в Восточной Пруссии²⁰³. Капитан ГШ П.Н. Богданович редактировал журнал «Парижский вестник». В.В. Добрынин, являвшийся членом Пражс-

199 Рувль. 26 мая 1921 г.

200 ГАРФ, ф. 5815, оп. 1, д. 14, л. 2. Обращение военнопленных лагеря Кассель, март 1921 г.

201 *Baur J.* Zwischen „Roten“ und «Weissen». S. 98.

202 См.: *Хольмсен И.А.* Мировая война. Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимой 1915 г. Воспоминания и мысли. Париж, 1935; Он же: На военной службе в России. — Нью Йорк, 1953.

203 См.: *Розеншильд-Паулин А.Н.* Роковой год // Информационный еженедельник. № 69. — Белград, 1923; Он же: Гибель XX армейского корпуса в Августовских лесах // Военный сборник. Кн. 5. — Белград, 1924.

кого исторического общества и кружка по изучению мировой войны, опубликовал книгу «Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе Донского казачества»²⁰⁴.

V.4. ВОСПОМИНАНИЯ О ПЛЕНЕ В МЕЖВОЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Репатриированные в Советскую Россию бывшие пленные Первой мировой получили возможность, по крайней мере, в первые годы после возвращения активно перерабатывать собственный опыт и тематизировать его в рамках общественной дискуссии о войне и революции. Огосударствление общественных организаций и монополизация политики памяти способствовали «оккупации индивидуальной памяти»: значимые ранее события и лица были забыты, действительные воспоминания вытеснены с целью подстраивания под навязываемые сверху шаблоны интерпретации произошедших событий²⁰⁵. Тем не менее, обращение к мемуарам военнопленных, прошедших двойной фильтр групповой и государственной цензуры, позволит реконструировать процесс превращения переживаний плена первой современной войны в структуры коммуникативной памяти. Сравнение публикаций показывает, что процесс насильственного нивелирования переживаний в условиях господствующего дискурса привел к стиранию в мемуарах различий между опытом австрийских и германских лагерей. При сохранении фактологического каркаса (географические названия, упоминания пленных союзников и т.д.) воспоминания бывших в Германии пленных наполнились теми же идеологическими кодами и интерпретациями плена,

204 См.: Волков С. Энциклопедия. С. 52, 168.

205 Более подробно о понятии оккупированных воспоминаний см.: *Hockerts H. Zugaenge zur Zeitgeschichte: Primaererfahrung, Erinnerungskultur, Geschichtswissenschaft // Jarausch K. (Hg.) Verletztes Gedaechnis. Erinnerungskultur und Zeitgeschichte im Konflikt. Frankfurt am Main, 2002. S. 42–45; а также: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — М., 1995. С. 259. Структурную и тематическую однородность мемуаров бывших австро-венгерских военнопленных отмечает А. Рахамимов. См.: *Rachamimow A. POWs and the Great War. P. 23.**

что и мемуары заключенных австрийских лагерей. В связи с этим представляется необходимым привлечь к дальнейшему анализу мемуары военнопленных, вернувшихся из Австро-Венгрии.

**«ВСЕМ ПОГИБШИМ ПОД ЖЕЛЕЗНОЙ ПЯТОЙ ИМПЕРИАЛИЗМА
В УСЛОВИЯХ УЖАСНОГО ГЕРМАНСКОГО ПЛЕНА
ПОСВЯЩАЕТСЯ...»: ²⁰⁶ ВОСПОМИНАНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ
И СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ**

Важным каналом переработки переживаний плена в соответствии с толкованиями мировой войны, сформированными партийными и государственными структурами, стала деятельность Истпарта, инициировавшего постоянный сбор материалов и свидетельств о героической истории революции и Гражданской войны²⁰⁷. Бывшие военнопленные, возведенные в ранг «революционеров за границей», приглашались к активному участию в создании «мифа основания» советского государства. Потенциальным авторам выдавался «конспект-минимум» для систематизации материала, который на первый план выдвигал пропагандистские усилия, деятельность партийных организаций и связь с ЦК и заграничными органами²⁰⁸. Мемуары, соответствующие заданным идеологическим стандартам, публиковались в журнале «Пролетарская революция», наиболее удачные вырастали до объемов отдельных изданий²⁰⁹. Нежелательные материалы, не представляющие «партийного, политического значения воспитания»²¹⁰, оседали в архивах института. Для расши-

206 *Кириш Ю.* Под сапогом Вильгельма (из записок рядового военнопленного № 4925) 1914–1918. — М.-Л., 1925. С. 1.

207 Подробнее о роли Истпарта в формировании российской памяти о Первой мировой войне см.: *Katzer N.* Russlands Erster Weltkrieg. Erfahrungen, Erinnerungen, Deutungen // Nordostarchiv. Band XVII. Lueneburg, 2009. S. 267–292.

208 См.: РГАСПИ, ф. 70, оп. 1, д. 17, л. 8. Конспект-минимум для составления воспоминаний.

209 Например, краткие воспоминания Ю. Кириша, опубликованные в «Пролетарской революции», в более расширенном варианте были изданы отдельной книгой. Ср.: *Кириш Ю.* Октябрьские дни в плену // Пролетарская революция. 1922. № 10; и *Кириш Ю.* Под сапогом Вильгельма.

210 См.: РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 812, л. 1. Резюме И. Кольпевской на воспоминаниях М. Колосова.

ренных публикаций в качестве авторов выбирались старые партийцы и рядовые участники мировой войны, прошедшие становление «от добровольца старой царской армии до убежденного и стойкого красноармейца». Воспоминания последних обладали особой ценностью, так как позволяли представить «весь трудный и мучительный путь, которым терпеливый (до поры) царский солдат шел к революции»²¹¹. Еще одним возможным полем обсуждения переживаний стали материалы для агитаторов и сборники воспоминаний к 10-летию «империалистической» войны. Главный редактор одного из подобных сборников, М. Охитович, отказался от использования опубликованных ранее текстов и инициировал создание воспоминаний в нужном идеологическом ключе. В свете Рапалльских соглашений в этом издании описывался лишь австрийский плен²¹².

Заложенные в публикациях образцы интерпретации переживаний способствовали возникновению самоцензуры среди членов бывшей маргинальной группы, стремившихся перевести символический капитал памяти в капитал социальный. Из первоначально многослойной среды воспоминаний в процессе институциональной обработки были вытеснены и исключены неудобные, а подходящие под господствующий образец были возведены в статус шаблона.

В мемуарах, опубликованных при советской власти, вернувшиеся из плена использовали простые и легко воспринимаемые властными институтами и общественностью образы. Воспоминания представляли военнопленных не столько жертвами прежнего режима, сколько непосредственными участниками революции: «Нас отправляли на убийство... и смерть за наших угнетателей, за проклятый строй, который три года спустя те из нас, кто остался в живых, разрушили»²¹³. Принудительный труд был перетрактован из вынужденного действия в подвиг, так как именно он позволил пленным стать проводниками идеи мировой революции: «работа военнопленных на заводах и в селах среди австрийского крестьянства, а также об-

211 *Дмитриев В.* Доброволец. Воспоминания о войне и плене. — М.-Л., 1929. С. 2.

212 См.: Десятилетие мировой войны. Сборник статей. Под ред. М. Охитовича. — М., 1925; Десятилетие мировой войны (Материалы для агитаторов). — М., 1924; *Павлович М.* Мировая война и ее итоги. Б.г., б.м.; и т.д.

213 *Левин К.* Записки из плена. — М., 1930. С. 39.

щение с солдатами австрийской армии пустили глубокие корни революции в австрийскую почву»²¹⁴.

Плен представлялся особой временной и пространственной структурой, где в силу объективных условий процессы становления революционного сознания проходили гораздо быстрее, чем в самой России: «То, что имело место в России и на фронте в марте 1917 г., то в миниатюре разыгралось в плену задолго до Февральской революции»²¹⁵. По воспоминаниям, этому способствовало различие в содержании солдат и офицеров, что, якобы, очень быстро привело к усилению классового неравенства²¹⁶. Даже солдатская среда не осталась в стороне от процессов социального расслоения, так как плен выделил из нее «зажиточных людей, которые получали деньги и посылки с родины»²¹⁷. Прошедшие тяжелую школу сопротивления германскому империализму пленные были представлены общественности в Советской России как «большевистские агитаторы», ведь именно с «их приездом обстановка политическая и революционная сложилась в пользу революции»²¹⁸. Стихийный поток пленных на родину описывался теперь не как бегство изголодавшейся массы домой после многолетнего заключения, а как стремление «в Советскую Россию к упорной работе для рабочего класса»²¹⁹.

Согласно воспоминаниям советского периода, Февральская революция только углубила извечную классовую пропасть между вышшими и низшими чинами и превратила ее в открытую вражду, несмотря на попытки «некоторых офицеров стать социал-демократами, заигрывать с солдатами и подделываться под народный говор»²²⁰. Обладающие правильным сознанием рядовые пленные вскоре «отвернулись от нового правительства, перестали ему верить

214 *Разгон И.* В австрийском плену // Десятилетие мировой войны. Сборник статей. Под ред. М. Охитовича. — М., 1925. С. 281.

215 *Разгон И.* В австрийском плену. С. 278.

216 См.: *Левин К.* Записки из плена. С. 64; *Линов А.* Воспоминания рядового (из австрийского плена) // Десятилетие мировой войны. С. 286.

217 *Левин К.* За колючей проволокой. — М., 1929. С. 17.

218 *Кириш Ю.* Под сапогом Вильгельма. С. 102; *Разгон И.* В австрийском плену. С. 280.

219 *Линов А.* Воспоминания рядового. С. 286.

220 *Разгон И.* В австрийском плену. С. 280.

и стали его врагами»²²¹. Заключенные лагерей, не разбиравшиеся в тонкостях политических программ, на интуитивном уровне определили, какой партии отдать свое предпочтение. Так, они сразу же отвергли «ведущую себя задорно и глупо интеллигенцию», так как в ее среде «было много болтунов, и в самом деле думавших, что большевики губят «свободную Россию», и их пафосные разговоры о поправленной демократии, о войне до конца звучали невыразимо пошло здесь, среди тысяч умирающих от голода и болезней людей»²²². Задолго до того, как меньшевики и эсеры доказали свою политическую несостоятельность в России, в плену они не сумели проявить себя как борцы за идею и мужественные люди. В своих воспоминаниях К. Левин очень живописно рисует поведение типичного представителя данной партии при решении вопроса о досрочной отправке на родину. «Он нервничал ужасно, сжимал руки, глухо стонал и бегал, расспрашивал: отправят его или нет, — и плакал, и безнадежно прятал в колени черную голову»²²³. Единственными настоящими людьми предстали перед военнопленными большевики, с которых «революция смыла ...подневольную черную копоть, униженный и несвободный вид» и которые казались «людьми из прекрасного мира»²²⁴.

С оглядкой на интернациональные лозунги революции и происхождение ее ведущих вождей иное звучание получила еврейская тема. В мемуарах советского периода она затрагивалась для опровержения распространяемых антибольшевистскими силами представлений о революции как о еврейском заговоре. В публикациях военнопленных утверждалось, что только «непонимающим этой хитрой механики, действительно, казалось, что в плену всем командовали евреи»²²⁵. Антисемитизм представлялся ушедшей в прошлое принадлежностью прежнего строя: «Вместе с отступающей армией позорным шквалом неся по селам еврейский погром. Командование всю вину сваливало на евреев..., клевета зачитывалась в прика-

221 Левин К. За колючей проволокой. С. 24.

222 Левин К. Записки из плена. С. 234.

223 Там же. С. 238.

224 Левин К. За колючей проволокой. С. 29–30.

225 Кириш Ю. Под сапогом Вильгельма. С. 74.

зах... К этому привыкли как к молебнам. Знали, раз евреи — дела плохи»²²⁶. Место евреев как предателей и виновников всех бедствий в воспоминаниях советского периода заняли унтер-офицеры и фельдфебели, служившие в низшей лагерной администрации.

Радикальную реинтерпретацию с позиций классового подхода претерпел образ врага. Жестокость немцев по отношению к пленным трактовалась как свидетельство определенной стадии исторического развития всего общества: «война сделала зверьми всех. Все народы находились под тяжелой пятой империализма и теряли свой облик»²²⁷. Бесчеловечное обращение германских военных с безоружным противником объяснялось проявлением классовых предубеждений: большинство офицеров были «настоящими немецкими патриотами», так как происходили из мелких помещиков²²⁸. Мирное население, в порыве патриотизма унижавшее пленных, было отнесено к категории «озверевших немецких буржуа»²²⁹.

Низшие слои германского населения были представлены в качестве жертв, которые «шли на войну по принуждению, не любили и боялись своих офицеров и не верили им»²³⁰. Наивысшая классовая сознательность в воспоминаниях приписывалась германскому пролетариату, который, якобы, приветливо принимал русских пленных на заводах: «На работе под одним ярмом капиталистической эксплуатации мы стали одной рабочей семьей»²³¹. Логичным и соответствующим ленинским тезисам в мемуарах «пленных-партийцев» являлось обращение к образу немецких социал-демократов, которые с самого начала войны пошли на сговор с империалистическими правительственными кругами. В уста самих представителей этой партии вкладывалась идея, что «социал-демократов в Германии уже нет»²³². Таким образом, вина за развязывание войны перекладыва-

226 *Дмитриев В.* Добровolec. С. 16.

227 *Кириш Ю.* Указ. соч. С. 16.

228 Там же. С. 39.

229 Там же. С. 28.

230 *Левин К.* Записки из плена. С. 4.

231 *Кириш Ю.* Под сапогом Вильгельма. С. 44.

232 Там же. С. 25.

лась с немецкого пролетариата на его бывших вождей, а единственным идейным вдохновителем рабочих признавались коммунисты.

Публичное обсуждение воспоминаний о плене использовалось не только в групповых, но и в личных интересах. Яркий пример представляют мемуары И. Разгона, опубликованные в юбилейном издании к 10-летней годовщине Первой мировой войны: «Мы понимали прекрасно, какое значение имело бы для успеха революционного движения в России пробуждение этой массы к политической жизни. Мы взяли на себя задачу всемерного улучшения быта наших товарищей и укомплектовали открытые нами школы до 400 человек. Целый ряд докладов, собеседований по вопросам религии, естествознания всколыхнули всю эту массу, сорвали пелену с глаз, и вот уже к концу 1915 г. можно было видеть результат налицо»²³³. Далее автор описывает организованную в лагере 1 мая 1916 г. забастовку, когда 40 тыс. пленных не вышли на работу. Данная попытка приписать себе особую организационную роль вступает в противоречие с до- и послереволюционными воспоминаниями, а также с документальными свидетельствами. Даже в публикациях советского периода пленные признавали, что в лагерях «ни о какой политической работе не могло быть и речи», кроме того, «крайне жестокое обращение немцев с русскими пленными на работах разжигало патриотические чувства, рождало чувство мести, и у черносотенного блока, у защитников отечества всегда было в первые годы много приверженцев»²³⁴. Также отмечалось, что «основная масса пленных — крестьяне — плохо разбиралась в событиях»²³⁵.

Еще одной иллюстрацией использования публикаций в целях самопрезентации являются воспоминания Г.Д. Гая о пребывании интернированных красноармейцев в германских лагерях. Автор утверждал, что именно представители Красной армии «не только окончательно укрепили свои ряды и вели успешную борьбу с белогвардейским влиянием в лагерях, но и явились также мощным рычагом советизации почти трехмиллионной массы военнопленных царской армии». По его мнению, именно «с приходом Красной армии

233 Разгон И. В австрийском плену. С. 278.

234 Кириш Ю. Под сапогом Вильгельма. С. 53.

235 Левин К. За колючей проволокой. С. 22.

в Германию в лагерях началась большая организационная, агитационная и культурная работа среди забытых солдат русской царской армии»²³⁶. Документы, однако, свидетельствуют, что ко времени интернирования армии Г. Гая в Германии осталось не более двухсот тысяч военнопленных старой армии, которые, к тому же, содержались немецким командованием отдельно от интернированных частей. На деле старожилы нередко возмущались большим вниманием Советского бюро к заключенным в лагерях красноармейцам.

ОБРАЗ ПЛЕННЫХ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЭМИГРАЦИИ

Несмотря на иные мотивы инструментализации опыта военного плена в среде русской военной эмиграции, на материале ее публикаций можно отследить использование сходных мнемонических стратегий вытеснения и перетолкования. Страдания и героизм пленных здесь описывались с целью мифологизации старой русской армии и утверждения определенной социальной группы, помещенной в чужую среду и нуждающейся в самоидентификации, как ее части. Несомненно, и в этом случае противоречия индивидуальных переживаний должны были быть стерты через выработку и трансляцию определенных образцов толкования.

К разряду устойчивых мифологем, положенных в основу переработки переживаний плена, относится представление о непобедимости и несгибаемости духа пленных в их верности Царю и Отечеству. Офицеры, по воспоминаниям, были готовы пожертвовать благополучием своих семей, чтобы не дать врагу возможность лишней раз убедиться в недееспособности русских государственных структур. Мемуары обращаются также к устойчивому образу свободолюбивых казаков, в частях которых «плен по традиции считали не несчастьем, а позором, потому даже раненые казаки пытались бежать, чтобы смыть с себя позор плена»²³⁷. Кроме того, при выстраивании структур памяти характерно замещение реальных событий уже существующими в культурной памяти устойчивыми образами. Так,

236 Гай Г.Д. В Германском лагере. С. 7.

237 Краснов П.Н. Венок на могилу солдата Императорской российской армии. : М., 1992. С. 41.

П.Н. Краснов в своих публикациях эмоционально описывает попытки пленных отрубить себе пальцы, чтобы только не работать на врага и не совершить, тем самым, предательства против родины и союзников²³⁸. Прямым прообразом данной мифологемы представляется созданная в период Отечественной войны 1812 г. и отраженная в скульптуре легенда о крестьянине, отрубившем себе руку с клеймом Наполеона.

В воспоминаниях, опубликованных в эмиграции, неотъемлемым элементом объясняющего повествования оставались антисемитские лозунги: «Евреи-переводчики, евреи-заведующие партиями — это было одним их самых тяжелых бытовых явлений плена. Они контролировали почту, доносили на строптивых». Кроме того, в еврейях уже тогда проявлялась способность совершить более масштабное предательство (революцию), так как «они знали язык, но не были русскими и не любили Россию»²³⁹.

Иначе, чем на территории, занятой большевиками, в мемуарах эмиграции представлена реакция военнопленных на известие об Октябрьской революции в России. В отличие от советских подданных, эмигранты вспоминают не эйфорию, а решимость и четкое осознание, что «врагом номер один стали теперь большевики»²⁴⁰.

Резюме

Репатриация солдат и офицеров царской армии превратилась для советского правительства в своеобразное экспериментальное поле, где первоначально оставалось достаточно свободного пространства для социальной активности организаций и населения. Неподготовленность государственных институтов к эвакуации и импровизационный характер предпринимаемых шагов превратили передвижение военнопленных на большевистской территории (как и в сфере влияния белых правительств) в гуманитарную катастрофу. Тем не менее, опыт регулирования крупных потоков способствовал скла-

238 Там же. С. 44.

239 Краснов П.Н. Венок на могилу русского солдата. С. 36.

240 Георгиевич М. Свет и тени. С. 23.

дыванию основ советской миграционной политики, типичными чертами которой стали политическая фильтрация, стигматизация подозрительных элементов, массивная пропаганда и ориентация на использование доступных трудовых ресурсов в интересах государства. Выработанные в ходе репатриации правовые нормы были впоследствии распространены на другие социальные категории (например, на интернированных в Германии красноармейцев и ветеранов гражданской войны).

В сравнении с восточноевропейскими странами в Советской России, где в миф основания государства были возведены революция и Гражданская война, ветераны и жертвы Первой мировой войны не стали первостепенным объектом социальных устремлений новой власти. Очевидные трудности государственных ведомств, стремившихся к монополизации контроля над социальной сферой, вынудили их прибегнуть к использованию ресурсов благотворительных комитетов. Разнонаправленность интересов и пропасть между центром и периферией обусловили в конечном итоге провал политики социального обеспечения бывших военнопленных старой армии, в особенности инвалидов. Реальная маргинализация статуса бывшего военнопленного в сфере социального обеспечения способствовала отказу от него и добровольному переходу в другие категории (красноармейцев, сотрудников советских организаций и т.д.), гарантировавшие лучшие позиции в новом обществе.

Долгожданное прибытие бывших пленных на родину не означало для них возвращения к мирной жизни. В раздираемых Гражданской войной обществах они оставались объектами мобилизационных мероприятий различных правительств. Подстраивание к новой ситуации осложнялось разрушением привычных связей в городской и сельской местности, а также враждебным отношением бывших соседей. Поэтому репатрианты активно обращались к опыту военного плена и использовали усвоенные в заключении стратегии: уход от тотального контроля, встраивание во властный дискурс, апелляцию к образу жертв прежнего режима, скрытое сопротивление и активное противодействие власти.

После поражения антибольшевистских формирований часть бывших пленных солдат и офицеров не пожелали оставаться в России и оказались в эмиграции. Рядовые относительно быстро раство-

рились в рядах иностранной рабочей силы, офицеры вошли в состав военной эмиграции, существуя на пожертвования благотворительных организаций или поступив на военную службу в новообразованных государствах.

Переработка переживаний плена в рамках раннесоветской и эмигрантской дискуссии о войне превратилась в поле столкновения властных, групповых и индивидуальных мнемонических нарративов. Советским органам, практиковавшим жесткие приемы при манипулировании и использовании коммуникативной памяти, удалось поставить процесс воспоминания под свой контроль и навязать вернувшимся свое толкование мировой войны. Участие в инициированном и контролируемом властью обсуждении обеспечивало бывшим военнопленным доступ к необходимому маргинальной группе социальному и политическому капиталу. Степень нивелирования воспоминаний подчеркивается идентичностью толкований плена в мемуарах вернувшихся в Советскую Россию из Австрии и Германии и их отличиями от публицистики эмиграции.

Лейкина имется книга подз емъ „Каши за-границей.“ Это описа- гешества двухъ супруговъ, выбрав- изъ российской провинціальной глук. Парижъ.

болята отъ хототу надъ ихъ чудес- приключеніями во французскойой б.

Источникъ коми- сценъ-незнаніе ми мбстнаго я- Вотъ вытяну- ность у удивлен- ториста, если одинъ изъ суббо- ечеровъ или въ воскресенье у- попалъ на французское предста- нашелъ вы въ публикѣ, биткомъ шей скамьи и галлерей, по менъ

шей мѣрѣ по ковъ, очень бой и ок Хотя бо съ зыи Комо, но разработа

да общей жизни и обдегчаеъ немало. На сценѣ жєнщины (пусть и фальши- выя!), да не одна, а цѣлыхъ четыре. Ле- Руа такъ забавно поетъ и гримаснича- етъ, а Альбертисъ-старый знакомецъ. Прошлукъ субботу я видалъ, какъ ис- кренне, до слезъ хохотали наши, вто- ря развеселившимъ союзникамъ. Надо радоваться, что театр, если и чужеземный, все-же существуетъ. Его цбнность подчеркивается прекраснымъ оркестромъ подъ управленіемъ Г. Тоаб

ловину земля- довольныхъ со- ружающимъ льшинство Котъ незна- „моя-твоя“, лось за три го-

Лзыкѣ музыки не знаетъ на- различий. У насъ, въ Россіи з- куства стоитъ такъ высоко- чество въ этомъ отношеніи- тупаеъ, но зачастую превъ падныя страны.

Наша статъя была уже н- да неожиданными судбо- рѣ очутился Омелья бергъ, скри- ского опер Мы имбли ствѣ послуш лантливую и. сенде и сообщаеъ себм. подъ строжайшимъ секретъ, цбергъ согласился принять, русскомъ рождественскомъ

ДѢЛА ЛАГЕРНАГО КОМИТЕТА ПОМОЩИ.

РѢДѢЛЕНІЕ ЛІОНСКИХЪ ПРОДУКТОВЪ. 1-го ября, т.е. послѣ промежутка въ 1/2 мѣ- ивиль изъ Лионскаго Комитета очера- ный вагонъ. Онъ содержалъ: ннаго лому - 1517 кило, рису - 486 к., нъ - 300к, гороху - 400 к, сала - 241 к- су, молока 384 банки. Распредѣлялись по 3 категоріямъ: 1) Лагеръ, фабри- юч. недеревенскія командировки — ел. 2) Деревня. 3) Лазаретъ. ой категоріи выдавалось на каждыя: бисквиту, 340 гр. гороху, 420 гр. рису, макаронъ, 200 гр. сала и 1/4 бан. молока. категоріи - по 800 гр. бисквиту. тивные больные, образующіе 3ю катег., ямъ вдвое больше того, что выдавалъ ерѣ. временно получилось 50 рубашекъ и всонъ. Они раздаются среди неимущихъ ю какой либо причинъ (перемѣна неправильность адреса) не полу- своей доли, пусть немедленно со- въ комитетъ.

ПОЖЕРТВОВАНІИ ИЗЪ ЛАГЕРЯ Ллассенбургъ. ября докторомъ Г. Далыкинскимъ по- о слѣдующее писмо отъ г.г. русскихъ

Милостивый Государь! Вамъ послано 400к. отъ имени комитета лагеря Классенбургъ, которія собраны между офицерами. Просимъ Васъ употребить эти деньги на удовлетворе- ния нуждъ солдатъ лагеря, покупая и вы- давая имъ предметы необходимости и ле- чарства. Если можете, то заведите отчетноі и копию таковой периодически высылайте намъ. №128. 16 Октября. Предс. Ком. Капитанъ Цоцхаловъ. Секретарь Поруч. Петропавловскій. — По привитіи денегъ г. докторъ передалъ ихъ въ лагерный комитетъ, приложивъ вышеприведенное писмо. Комитетъ проситъ г.г. офицеровъ принять искреннюю призна- тельность. Отчеты о расходованіи будутъ публико- ваться въ „Сквознякъ" и пересылаться г.г. жертвователямъ.

3.0 ПРОСЬБАХЪ ВЪ КОМИТЕТЫ. Снова обращаемъ вниманіе товарищей на то, что обращения за помощію въ комитеты должны носить на себѣ нашу печать. Правило это не создано нашей фантазіей, а волей самихъ комитетовъ. Обращения безъ печати не пропускаютъ цензурой, согласно приказу выше. Предс. Лаг. К-та: А Костыкъ

ПРАЗДНИЧЕК

Мы получили слѣдующее пис- мѣтнаго и всѣми уважаемаго Василевича ПРОЩАЕВЪ. Милые мои! Прошу васъ напечатать, что 25-го ноября я справляю де- Прошу всѣхъ однополчанъ знакомыхъ пожаловать ко чаю. Надѣюсь, не обидите ста- яуете своимъ посѣщеніемъ. часамъ дня столъ въ фельд- номнатѣ 3-ей роты будетъ н- приѣма дорогихъ гостей. Съ глубокимъ почтеніемъ Семенъ Прощаевъ, фельдф- Отъ редакціи. Съ своей сторонѣ емъ, что по нашимъ свѣдѣні- нимъ хозяйнъ приготовиль- щение. Кроме того, имѣть заказанъ зыки изъ 10 гармоникъ под- емъ г. Мурзакова. Вали, ребята, закусить во тичнаго новорожденнаго. И „Сквознякъ" тамъ будетъ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В коллективной памяти и исследовательской традиции лагерь по праву стал одним из символов ушедшего столетия. Возникнув в XIX в. как спорное и осуждаемое международной общественностью явление, с началом Первой мировой войны он превратился в неотъемлемое средство ведения военных действий и опыт миллионов. В отличие от своего более позднего варианта — лагерей уничтожения — места содержания военнопленных в Первую мировую войну обладали многими чертами переходного типа, соединив в себе традиции предыдущей эпохи (стремление стран-участниц соответствовать образу цивилизованного государства, уважительное отношение к военной элите противника, проницаемость границы между лагерем и его окружением) и новые радикальные тенденции (репрессии, принудительный труд, национальную и политическую агитацию).

Важным элементом преемственности и одним из решающих факторов, сформировавших структуры немецкого плена, стал господствовавший в Германской империи колониальный дискурс, который подпитывал коллективные стереотипы и пропагандистские шаблоны и определял политические мероприятия. Представления о восточных соседях как дикарях и варварах повлияли на условия содержания русских военнопленных, дисциплинарные приемы, специфику принудительного труда и судебную практику. Стремление немецких политических и военных органов к колонизации восточных территорий привело к возникновению масштабной программы привилегированного содержания и сепаратистской пропаганды среди национальных и религиозных меньшинств Российской империи (русских немцев, поляков, украинцев, прибалтов, мусульман, грузин) в лагерях. Одновременно порожден-

ное тем же колониальным дискурсом пренебрежительное отношение к агитируемым народностям стало одной из причин непоследовательной реализации просветительских мероприятий. И хотя опыт Первой мировой войны заложил специфический «горизонт ожиданий» для будущего мирового конфликта¹, характер немецкой политики национальностей в лагерях военнопленных является еще одним важным контраргументом к «тезису о прототипе»: национальные меньшинства подлежали европеизации и рассматривались как орудия реализации немецких интересов на востоке, но не как объект массового уничтожения.

«Плотное описание» жизни за колючей проволокой позволяет характеризовать пленных не только как жертв манипуляции немецких и русских органов, но и как действующих субъектов, соопределивших облик лагерной системы и опыт заключения. Функциональная дифференциация массы пленных и возникновение формальной и неформальной иерархии привели к складыванию различных групп, которые в той или иной степени сотрудничали с лагерной администрацией. И если открытый коллаборационизм (работа в канцелярии, пропагандистских газетах) преследовался со стороны товарищей по лагерю как предательство, то представители самоуправления, столь же интенсивно контактировавшие с комендатурами и (в случае солдатских лагерей) получавшие оплату за свою работу, пользовались авторитетом основной массы заключенных. Отношения внутри пленного сообщества невозможно описать категорией «лагерного товарищества», сплоченного перед лицом врага. Напротив, в ходе длительного заключения возникли многочисленные линии размежевания, бытовые, национальные и политические конфликты, в которых третейским судьей часто приходилось выступать немецкой стороне.

1 Еще до начала реализации плана Барбаросса немецким Абвером были сформированы военные части из представителей национальных меньшинств, которым приписывалось не столько военно-стратегическое, сколько пропагандистское значение. Недоверие со стороны немецкого командования привело к их использованию для борьбы с партизанами на оккупированных территориях Советского Союза, т.е. вдали от зоны собственных интересов. См.: Streit Chr. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen, 1941–1945. Stuttgart, 1978. S. 238; Umbreit H. Deutsche Herrschaft in der Sowjetunion // Damerow I., Jahn P. (Hg.) Erinnerung an einen Krieg. Museum Berlin-Karshorst. Berlin, 1997. S. 28–35.

Возникшие в рамках системы лагерей пространства относительной свободы (контакты с мирными жителями, лагерный досуг, структуры самоуправления и т.д.) пленные солдаты и офицеры активно использовали для выработки подходящих форм восприятия, толкования и конструирования окружающей действительности. Их спектр охватывал пассивное приспособление, скрытое и открытое сопротивление, новые каналы и приемы коммуникации, специфический вариант «народной религиозности» и лагерные мифологемы. Большинство возникших в лагерях образцов толкования были транслированы в российскую дискуссию о войне и определили настроения публики и действия властных органов, в том числе волну насилия по отношению к военнопленным противника в российских лагерях. Система принудительного труда спровоцировала не только конфликтные столкновения рядовых и унтер-офицеров русской армии с враждебной средой, но и знакомство с иной производственной и языковой культурой. Благодаря работе на немецких предприятиях, различным формам лагерного досуга, контактам с гражданским населением и пленными союзниками, пусть и в разной степени, вчерашние крестьяне проходили обучение грамоте, новым специальностям, трудовым и бытовыми отношениям. Несомненно, военный плен первой современной войны превратился для них в фактор эмансипации. Примечательно, однако, что обращение вернувшихся к усвоенным в плену знаниям и навыкам в условиях Советской России сыграло для них, скорее, отрицательную роль, выделив их как «нежелательных чужих» и помешав их интеграции в революционное общество.

Различная степень изоляции офицерских и солдатских лагерей и различные условия содержания повлияли на скорость трансформации сложившихся и выработки новых поведенческих моделей, уровень демаскулинизации пленного сообщества. В сравнении с массой рядовых, ежедневно балансирующих на грани выживания и интенсивно контактировавших с миром вне лагеря, офицеры до последнего верили в возможность возвращения к прежней жизни, основной упор делая на оправдание личного поражения. Мощным толчком для изменения поведенческих стратегий послужили революции в России, резко поляризовавшие офицерское сообщество. При этом свержение монархии было положительно воспринято основной массой офицеров, инициировав политические дискуссии,

поиск революционных символов и надежды на новую жизнь. Приход большевиков к власти и заключение сепаратного мира с Германией спровоцировали вступление кадровых офицеров в контрреволюционные армии или отказ от возвращения на родину.

Сопоставление непосредственной лагерной коммуникации с русской и раннесоветской дискуссией о войне и плене сделало возможным анализ механизмов встраивания индивидуальных переживаний в структуры коллективной памяти. Стремление пленных избавиться от стигмы предательства и обрести свою нишу в господствующем дискурсе структурировали переработку опыта лагерей и привели к усвоению транслируемых сверху образцов толкования, унификации воспоминаний об австрийском и немецком плене и выработке определенных клише, набор и иерархия которых менялись в зависимости от политического режима в России («немецкие зверства», голод, героизм пленных, предательство евреев, классовое размежевание лагерного сообщества и его революционный настрой). Результатом взаимовлияния господствующего дискурса и объяснительных моделей в среде пленных стало закрепление лагерных мифологем в литературе и исторической науке.

Исследование процесса репатриации сквозь призму актеров позволило релятивировать устоявшиеся в исторической литературе представления о безусловном успехе большевистской пропаганды и мобилизационных практик новой власти в среде военнопленных. Усвоение революционной риторики в лагерях началось уже после Февральской революции, тогда же сложилась традиция обращений в поддержку Временного правительства, от которого ожидалось улучшение положения пленных. После октябрьского переворота, не вникая в суть большевистского учения, заключенные лагерей подхватили лозунги советской власти в надежде ускорить свое возвращение на родину. Несовпадение обещаний советских агитаторов и ожиданий самих пленных с революционной действительностью привело к саботированию властных директив, спровоцировало поток прошений на имя официальных лиц и спонтанные протесты. Благодаря стихийному характеру репатриации, репрессивно-фильтрационным мероприятиям и ситуативным уступкам, властным институтам все же удалось избежать масштабного социального взрыва. Организационные проблемы режима и поведение самих пленных не

позволили использовать военный и профессиональный потенциал репатриированных. Более значимыми выглядят внешнеполитические успехи советской власти в рамках международной дискуссии по вопросу репатриации, а также накопленный законодотворческий и практический опыт в сфере миграционной политики.

В отличие от новообразованных государств Восточной Европы, где легитимность власти была поставлена в зависимость от успехов социального обеспечения ветеранов минувшей войны, в Советской России не сложилось пространство публичной политики для лоббирования их интересов. Максимально используя ресурсы общественных организаций, в том числе, союзов бывших пленников, новая власть не допустила политического ангажемента благотворительных институтов. Хотя встраивание в господствующий дискурс о войне и плене обеспечило репатриированным титул «революционеров за границей», он не был наполнен реальными привилегиями. В мероприятиях социальной политики бывшие пленные занимали второстепенное положение в сравнении с ветеранами Гражданской войны. К тому же, пропасть между намерениями центра и их реализацией на местах, хронический финансовый дефицит, а также стремление подчинить мероприятия социального призрения классовой парадигме максимально затруднили выплату пособий и реабилитацию инвалидов. За пределами агитационных лозунгов бывшие заключенные «буржуазных» лагерей оставались опасным контингентом, который подлежал учету и отслеживанию. С началом эпохи массового террора они были автоматически причислены к враждебным государству группам.

Разрушение социальных сетей бывшего лагерного сообщества и волна репрессий вытеснили отклоняющиеся воспоминания о неоднозначном опыте немецких лагерей. Пропагандистский же топос плена как воплощения голода, насилия и самой сути «немецких зверств» пережил свое возрождение в условиях нового советско-германского противостояния². Усиленный реальностью массового уничтожения советских военнопленных в национал-социалистических концлагерях, он стер из коллективной памяти представление о немецком плене Первой мировой войны как другом военном опыте.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- А.К.** — Армейский корпус (в немецком варианте также — *Armeekorps*)
ВЗС — Всероссийский земской союз
ВСГ — Всероссийский союз городов
ВСЮР — Вооруженные силы Юга России
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГУ ГШ — Главное управление Генерального штаба
КВЖД — Китайская восточная железная дорога
КЗО РСДРП — Комитет заграничной организации Российской социал-демократической рабочей партии
МГК — Московский городской комитет помощи военнопленным
МККК — Международный комитет Красного Креста
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКЗ — Народный комиссариат здравоохранения
НКСО — Народный комиссариат соцобеспечения
ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области
ПВМ — Прусское военное министерство
РВС — Реввоенсовет
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА — Российский государственный военный архив
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РККА — Рабоче-Крестьянская Красная армия
РОКК — Российское общество Красного Креста
СНК — Совет народных комиссаров
СТО — Совет труда и обороны
Центропленбеж — Центральная коллегия по делам пленных и беженцев
- Varch** — Bundesarchiv — Федеральный архив ФРГ
Varch-MA — Bundesarchiv-Militaerarchiv — Федеральный военный архив ФРГ (Фрайбург)
BayHStA — Bayerisches Hauptstaatsarchiv — Баварский государственный архив (Мюнхен)
Stellv. GKdo — Stellvertretendes Generalkommando — Командование военного округа
HStA Stuttgart — Hauptstaatsarchiv Stuttgart — Вюртембергский государственный архив (Штутгарт)
M Kr. — (Bayerisches) Ministerium des Krieges — (Баварское) военное министерство
PKMIN — Preussisches Kriegsministerium — Прусское военное министерство
SaechsHStA — Saechsisches Hauptstaatsarchiv — Саксонский государственный архив (Дрезден)
YMCA — Союз молодых христиан

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные фонды

Bundesarchiv (Barch)

- R 43 – Alte Reichskanzlei
- R 43/1 – Reichskanzlei
- R 3003 – Oberreichsanwalt beim Reichsgericht
- R 704 – Kriegsstelle zur Vorbereitung der Wirtschaftsfragen fuer die Friedensverhandlungen, 1917–1918
- R 904 – Waffenstillstandkommission
- R 901 – Auswaertiges Amt
- R 1508 – Archiv des Ausschusses fuer deutsche Kriegsgefangene des Frankfurter Vereins vom Roten Kreuz

Bundesarchiv-Militaerarchiv (Barch-MA)

- PH 3 – Generalstab
- PH 32 – Militaerseelesorge
- MSg 200 – Elsa Braendstroem-Gedaechtnisarchiv
- MSg 201 – Sammlung des Verbandes der Heimkehrer zum Kriegsgefangenenwesen beider Weltkriege

Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz (GStA PK)

- HA I, Rep.84 A – Justizministerium
- HA I, Rep.87 B – Ministerium fuer Landwirtschaft, Domaenen und Forsten
- HA I, Rep.90 A – Staatsministerium
- HA VI, Rep.N I – Nachlass Heinrichs

Saechsisches Hauptstaatsarchiv (SaechsHStA)

- 11248 – Koeniglich Saechsisches Kriegsministerium
Inspektion der Kriegsgefangenenlager
- 11323 – Oberkriegsgericht des XII Armeekorps, 1868–1920
- 11324 – Oberkriegsgericht des XIX. Armeekorps, 1867–1920
- 11333 – Kriegsgerichte von Inspektionen (Gericht der Inspektion der Kriegsgefangenenlager XII. und XIX. Armeekorps), 1914 – 1918
- 11336 – Festungsgefaengnis Dresden, 1862–1918
- 11348 – Stellvertretendes Generalkommando des XII. Armeekorps, 1852–1921
- 11350 – Abwicklungsamt des XII. Armeekorps
- 11351 – Generalkommando des XIX. Armeekorps
- 11352 – Stellvertretendes Generalkommando des XIX. Armeekorps
- 11356 – Generalkommando des XII. Reservenkorps

Bayerisches Hauptstaatsarchiv (BayHStA)

- Bildersammlung III K 14
- Intendantur der militaerischen Institute
- Kriegsministerium
- Staudinger Sammlung
- Stellvertretendes Generalkommando des I. bayerischen Armeekorps

Stellvertretende Intendantur des I. bayerischen Armeekorps
 Stellvertretendes Generalkommando des II. bayerischen Armeekorps
 Stellvertretendes Generalkommando des III. bayerischen Armeekorps
 Stellvertretende Intendantur des III. bayerischen Armeekorps
 (Stellvertretender) Bayerischer Militaerbevollmaechtiger in Berlin

Hauptstaatsarchiv Stuttgart (HStA Stuttgart)

E 130 b – Staatsministerium
 E 151/03 – Innenministerium, Abteilung III: Polizeiwesen
 E 151/41 – Innenministerium, Abteilung IV: Kommunalaufsicht
 J 151 – Sammlung von Maueranschlaegen
 M 1/6 – Kriegsministerium: Verwaltungsabteilung
 M 1/8 – Kriegsministerium: Medizinalabteilung
 M 1/7 – Kriegsministerium: Justiz-Abteilung
 M 17/1 – Intendantur des XIII. Armeekorps
 M 17/2 – Stellvertretende Intendantur des XIII. Armeekorps
 M 33/2 – Generalkommando des XIII. Armeekorps
 M 77/1 – Stellvertretendes Generalkommando des XIII Armeekorps
 M 77/2 – Denkschriften des Stellvertretenden Generalkommandos des XIII. Armeekorps
 M 78 – Stellvertretende 51. Infanterie-Brigade
 M 79 – Stellvertretende 52. Infanterie-Brigade
 M 200 – Pionier-Staebe
 M 400/3 – Heeresarchiv Stuttgart: Kriegsgefangenen-Archivstelle
 M 703 – Militaerhistorische Bildersammlung
 M 704 – Lichtbildsammlung
 Q 1/37 – Nachlass Julius von Hoelder,

Erlangen Stadtarchiv

Fach 94

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф.17 – Отдел иностранных дел Временного правительства Северной области. г. Архангельск. 1918-1920.
 Ф.Р-148 – Департамент общих дел МВД Российского правительства. Омск. 1918-1920.
 Ф.Р-199 – Министерство торговли и промышленности Российского правительства. г.Омск. 1918-1920.
 Ф.Р-200 – МИД Российского правительства. 1918-1919.
 Ф. А-413 – Министерство социального обеспечения РСФСР. 1917-1922.
 Ф. А-482 – Министерство здравоохранения РСФСР. 1917-1974.
 Ф.Р-1845 – Временное главное управление РОКК. Иркутск, Омск. 1918-1920.
 Ф.Р-3333 – Центральное управление по эвакуации населения (Центроэвак) НКВД РСФСР. 1914-1923.
 Ф. Р-3341 – Центральный комитет РОКК. 1917-1932.
 Ф. А-3931 – Центральный исполнительный комитет Всероссийского союза помощи увечным воинам. 1917-1918.
 Ф.Р-5760 – Российская миссия в Швейцарии. 1915-1925.

- Ф.Р-5815 — Общество помощи русским гражданам в Берлине. 1916–1924.
Ф.Р-5832 — Русский военный агент в Дании. 1915–1925.
Ф.Р-6003 — Делегат военного министерства Временного правительства по делам интернированных воинских чинов в Дании. г. Хорсеред. 1917–1918.
Ф.Р-6078 — Русская миссия при Междусоюзной военной контрольной комиссии. Берлин. 1919–1920.
Ф.Р-6119 — Императорская Российская миссия в Дании. Копенгаген. 1917–1919.
Ф.Р-6130 — Временный комитет помощи нуждающимся русским в Швейцарии. 1914–1932.
Ф.Р-6163 — Письма русских военнопленных из разных лагерей Германии и письма разных лиц и учреждений. 1916–1918.
Ф.Р-6168 — Общество культурной помощи русским военнопленным в Лозанне. 1917.
Ф.Р-6169 — Лозаннский комитет помощи русским военнопленным. 1915–1918.
Ф.Р-6171 — Бернский комитет помощи военнопленным. 1915–1921.
Ф.Р-6402 — ЦК помощи российским гражданам в Швейцарии. 1914–1920.
Ф.Р-6656 — Письма русских военнопленных периода Первой мировой войны в книгоиздательства и редакции газет и журналов, занимающихся изданием периодической печати на русском языке в Германии. Коллекция. 1916–1920.
Ф.Р-6674 — Программы концертов и спектаклей, устраивавшихся в лагерях военнопленных в Германии. Коллекция. 1916–1918.
Ф.Р-7494 — Отдел 6 «Россия» немецкого благотворительного общества. Берлин. 1920–1921.
Ф.Р-9488 — Лагерь военнопленных на территории Германии. 1915–1922.
Ф.Р-9491 — Бюро военнопленных при представителе РСФСР в Германии. 1917–1922.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО)

- И-153 — Троицкий военно-цензурный пункт. 1915–1916.
И-49 — Челябинское городское попечительство по оказанию помощи семьям нижних чинов, призванных на войну при Челябинской горуправе. 1915–1919.
Р-1076 — Златоустовский уездный комиссариат по военным делам. 1919–1921.
Р-122 — Миасский уездный военный комиссариат. 1919–1920.
Р-138 — Исполнительный комитет Челябинского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919–1924.
Р-172 — Исполком Челябинского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918–1923.
Р-254 — Челябинский базисный переселенческий пункт по передвижению переселенцев народного Комиссариата земледелия. 1921–1924.
Р-255 — Отдел здравоохранения исполкома Челябинского губернского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. 1919–1924.
Р-289 — Уездный комиссар златоустовского совета рабочих и солдатских депутатов. 1918.
Р-327 — Верхнеуральский уездный комиссариат по военным делам. 1919–1923.
Р-363 — Челябинский губернский революционный комитет. 1919–1920.
Р-393 — Челябинский губернский военный комиссариат. 1918–1923.

- Р-434 — Исполком Троицкого уездного исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1917–1924.
- Р-600 — Троицкий уездный военный комиссариат.
- Р-641 — Комитет трудовой повинности Кыштымского уездно-городского исполкома Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов г. Кыштыма Екатеринбургской губернии. 1920–1921.
- Р-652 — Кыштымский районно-городской комиссариат по военным делам. 1919–1921.
- Р-70 — Челябинский уездный военный комиссариат. 1919–1923.
- Р-714 — Верхнеуральский уездный революционный комитет. 1919–1920.
- Р-746 — Революционный комитет Челябинской станицы. 1919–1920.
- Р-767 — Отдел здравоохранения Троицкого уездного исполкома Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. 1919–1923.
- Р-77 — Отдел всеобщего военного обучения Челябинского комиссариата по военным делам 1919–1921.
- Р-895 — Челябинское губернское управление по эвакуации населения г. Челябинска 1918–1922.

Российский государственный военный архив (РГВА)

- Ф.1- Управление делами Народного комиссариата по военным делам. 1917–1918.
- Ф.3 — Высший военный совет. 1918.
- Ф.4 — Управление делами при Народном комиссариате обороны. 1918–1941.
- Ф.7 — Штаб РККА. 1920–1935.
- Ф.11 — Всероссийский Главный штаб. 1918–1921.
- Ф.34 — Санитарное управление Красной армии.
- Ф.44 — Военно-законодательный совет. 1917–1920.
- Ф.79 — Комиссариат по демобилизации старой армии. Комиссариат по делам военнопленных. 1917–1918.
- Ф.104 — Управление армиями Западного фронта. 1919–1924.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

- Ф.89 — Поливанов Алексей Андреевич.
- Ф.391 — Первая мировая война. 1914–1918.
- Ф.2000 — Главное управление Генерального штаба. 1902–1918.
- Ф.2003 — Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка). 1914–1918.
- Ф.2005 — Военное и гражданское управление при Верховном главнокомандующем.
- Ф.2031 — Штаб главнокомандующего армиями. 1915–1918.
- Ф.2106 — Штаб полевого управления 1 армии. 1914–1918.
- Ф.2126 — Полевое управление 6 армии. 1914–1918.
- Ф.2152 — Полевое управление 12 армии. 1915–1918.
- Ф.12564 — Главный комитет ВЗС помощи больным и раненым воинам. 1914–1918.
- Ф.12567 — Фронтной комитет ВЗС Западного фронта. 1915–1918.
- Ф.12593 — Главный комитет ВСГ. 1914–1918.
- Ф.12646 — Петроградский исполнительный отдел снабжения ВЗС и СГ. 1915–1919.
- Ф.12651 — Главное управление РОКК. 1879–1918.

- Ф.12674 — Управление главноуполномоченного РОКК при армиях Северо-Западного фронта. 1914–1918.
 Ф.12675 — Управление главноуполномоченного РОКК при армиях Северного фронта. 1915–1918.
 Ф.13159 — Чрезвычайная следственная комиссия для расследования нарушения законов и обычаев ведения войны. 1914–1918.
 Ф.13160 — Особый комитет по объединению деятельности организаций на европейском театре войны. Июнь–октябрь 1917.
 Ф.14928 — МГК помощи русским военнопленным. 1914–1918.

Российский государственный архив социально-политической истории

- Ф.17 — ЦК КПСС. Оп. 60. — Отдел помощи и пропаганды. 1920–1928.
 Ф.70 — Истпарт ЦК ВКП(б). 1920–1928.
 Ф.273 — Всероссийский союз евреев-воинов. 1917–1919.
 Ф.351 — Заграничная организации РСДРП. 1911–1917.
 Ф.583 — Центральное бюро агитации и пропаганды среди тюркских народов. 1918–1921.

Опубликованные документы

Angeschlagene Lagerbefehle und Bekanntmachungen aus dem Kriegsgefangenenlager in Halle a.S.

Behandlung der feindlichen Kriegsgefangenen. Amtlicher Bericht der Kommission zur Untersuchung der Anklagen wegen voelkerrechtswidriger Behandlung der Kriegsgefangenen in Deutschland. Berlin, 1920.

Verletzungen des Genfer Abkommens // Voelkerrecht im Weltkrieg 1914–1918. Das Werk des Untersuchungsausschusses 1919–1928. Berlin 1927. Bd.2.

Письма с фронта и из немецкого плена. 1914–1917 // Публ. Чернецова И.И. // Военно-исторический архив. 1997. № 8. С. 232–242.

Альбат Г. Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных. — М. Главком, 1917.

Датский крест и русские военнопленные (Публикация Ю.В. Кудриной) // Голоса истории. — М., 1999. Кн. 3. Материалы по истории Первой мировой войны. С. 156–161.

Декреты Советской власти. Т. 1. — М., 1957; Т. 2. — М., 1959; Т. 4. — М., 1968; Т. 5. — М., 1971; Т. 6. — М., 1973.

Документы внешней политики СССР. — М., 1959. Т. 1,2.

Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. — М., 1942.

Из переписки русских военнопленных (1916–1917 гг.) (Публикация Л.В. Васильковой) // Голоса истории. — М., 1999. Кн. 3. Материалы по истории Первой мировой войны. С. 138–148.

Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). — М., 1925.

Солдатские письма в годы мировой войны (1915–1917) // Красный архив. — М., 1934. Т. 4–5.

Список Генерального штаба. Исправлен по 3.1.1917. Пг., 1917.

Список лиц с высшим военным образованием, состоящих на службе в РККА по данным на 01.03.1923. — М., 1923.

Три пайки хлеба (рукописный журнал пленных немецкого лагеря Фридрихсфельд) // Родина. 1993. № 8/9. С. 127-132.

Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914-1920. — М.-Пгр., 1923.

Царская армия в период войны и революции. — Казань, 1932.

Военная и межвоенная публицистика, мемуары, художественная литература

Aus deutschen Kriegsgefangenenlager. Manheim, 1918.

Backhaus A. (Hg.) Die Ernaehrung der Kriegsgefangenen im Deutschen Reich. Bericht ueber den Kursus fuer Verpflegungsoffizierre der Gefangenenlager vom 22-25. Juni 1915 in Berlin. Berlin, 1916.

Backhaus A. Die Kriegsgefangene in Deutschland gegen 250 Wirklichkeitsaufnahmen aus deutschen Gefangenenlagern. Sieen, 1915.

Beck Chr. Die deutsche Frau und die fremden Kriegsgefangenen. 2 Bde. Nuernberg, 1919.

Berckmann A. Der bolschewistische Mythos. Tagebuch aus der russischen Revolution, 1920-1921. Frankfurt/M., 2004.

Berichte des Herren C. de Marval und der Herren A. Eugster und C. de Marval ueber ihre gemeinsamen Besuche einiger Kriegsgefangenenlager in Deutschland und Frankreich. Basel, 1915.

Doegen W. Kriegsgefangene Voelker. Haltung und Schicksal in Deutschland. Im amtliche Auffrage des Reichswehr Ministeriums. Berlin, 1919.

Feindesland. Die Gefangenschaft im Weltkrieg in Einzeldarstellungen. 2 Bde. Wien, 1931.

Grabinski B. Weltkrieg und Sittlichkeit. Beitragee zur Kulturgeschichte der Weltkriegsjahre. Hildesheim, 1917.

Hilger G. Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918-1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. Frankfurt am Main, 1955.

Hirschfeld M. Sittengeschichte des Ersten Weltkrieges. Leipzig, 1929.

Hoffmann F. (Hg.) Hygiene. Handbuch der aertzlichen Erfahrungen im Weltkrieg. Bd.7. Leipzig, 1922.

Koehler H. Unsere Feinde. Studien in Gefangenenlager. Rudolfstadt, 1916.

Kordt J. Die strafrechtliche Behandlung der Kriegsgefangenen. Borna-Leipzig, 1917.

Luschan F. von *Kriegsgefangene*. Ein Beitrag zur Voelkerkunde im Weltkrieg. Berlin, 1917.

Peter J. Ein deutsches Gefangenenlager. Das groaе Kriegsgefangenenlager Ingolstadt, geschildert von seinem Kommandanten // Sueddeutsche Monatshefte. Jg.18,2 (1921/22). S. 321-372.

Poerzgen H. Theater ohne Frau. Das Buehnenleben der kriegsgefangenen Deutschen 1914-1920. Koenigsberg, 1933.

- Risse R.* Die Kriegsgefangenenlager im Bezirk des IV. A.K. Halle, 1916.
- Russische Kriegsgefangene ueber die Eindruecke in Deutschland. Hg. von der Schriftleitung des „Russische Boten“. Berlin, 1917.
- Schlessinger M.* Erinnerungen eines Aussenseiters im diplomatischen Dienst. Koeln, 1977.
- Schreiber A.* Die Seelesorge an den Kriegsgefangenen in Deutschland. Leipzig, 1916.
- Stiehl O.* Unsere Feinde. Charakterkoepfe aus deutschen Kriegsgefangenenlagern. Stuttgart, 1916.
- Terleckij O.* Die Ukrainer in Deutschland 1915–1918. Lager Rastatt. Leipzig, 1921.
- Vischer A.* Die Stacheldrahtkrankheit. Zuerich, 1918.
- Weltkrieg 1914–1916. Bilder vom Kriegsgefangenenlager „Gaensewiese“ in Ulm an der Donau. Ulm, 1916.
- Альбат Г.* Основные черты помощи военнопленным в Западной Европе. М., 1917.
- Альбат Г.* Репрессалии по отношению к военнопленным. — М., 1916.
- Альбат Г.* По вопросу снабжения военнопленных хлебом. — М., 1916.
- Альбат Г.* Правовое положение санитарных учреждений, задержанных неприятелем. — М., 1916.
- Аскольдов А.А.* Память германского плена. — Прага, 1924.
- Базилевич М.П.* Положение русских пленных в Германии и отношении германцев к населению занятых ими областей Ц. Польского и Литвы. — Прага, 1917.
- Бородин Н.* Организация помощи военнопленным (письмо в редакцию). Б.м. Б.г.
- Босутнич Г.* Из вражеского плена. Очерк спасшегося. — Прага, 1915.
- В германском плену. Записки сестер милосердия Е.Ч. и Н.К. — Прага, 1915.
- В помощь пленным русским воинам. Сб. произведений. — М., 1916.
- Варнек Т.А.* Воспоминания сестры милосердия (1912–1922) // Добровольцы. Сб. воспоминаний. — М., 2001.
- Военнопленные врачи. — М., 1918.
- ВЗС. О помощи находящимся в плену русским воинам. — М., 1915.
- ВЗС. Об организации помощи русским военнопленным. В губернские, уездные и областные комитеты ВЗС. — М., 1915.
- ВЗС. Отдел помощи военнопленным. Обращение Главного комитета ВЗС ко всем земским комитетам организовать на местах постоянный сбор сухарей. — М., 1915.
- ВСГ. Обращение к населению, общественным организациям и учреждениям принять участие в помощи русским военнопленным. Киев, 1916.
- Гай Г.Д.* В германском лагере. Жизнь и быт интернированных красноармейцев в Германии. 1920–1921. — М., 1932
- Гай Г.Д.* В германском плену. — М., 1931.

- Георгиевич М.* Свет и тени. Первая мировая война и Добровольческая армия. — Сидней, б.м. 1968.
- Григорьев С.* Два месяца в германском плену. (Впечатления, наблюдения, выводы). Одесса, 1914.
- Давыдов Н.В., Телешов Н.Д.* В помощь русским воинам. — М., 1916.
- Десятилетие мировой войны. Сборник статей. Под ред. М. Охитовича. — М., 1925.
- Дмитриев В.* Доброволец. Воспоминания о войне и плене. — М.-Л., 1929.
- Из германских лагерей для военнопленных. Франкфурт ам Майн, 1917.
- Казем-Бек П.А.* Поездка по Германии во время войны русской сестры милосердия. С прибавлением извлечений из отчета по осмотру лагерей военнопленных. — Прага, 1917.
- Кацов Л.* Сквозь плен. — М., 1930.
- Кириш Ю.* Октябрьские дни в плену // Пролетарская революция. 1922. № 10.
- Кириш Ю.* Под сапогом Вильгельма (из записок рядового военнопленного № 4925) 1914–1918. — М.-Л., 1925.
- Комитет помощи русским пленным. Лозанна-Уши. Годовой отчет. Лозанна, 1917.
- Краснов П.Н.* Венок на могилу солдата Императорской российской армии. — М., 1992.
- Левин К.Я.* За колючей проволокой. — М., 1929.
- Левин К.Я.* Записки из плена. — М., 1930.
- Макаров И.* Стальные ребра. — М., 1964.
- Моисеенко И.* В плену у немцев. — М., 1916.
- На чужбине. Сборник произведений русских воинов. — Париж, 1920.
- Новоев П.* Как живет пленный в Германии. — Прага, 1916.
- Новоев П.* Подвиг телефониста Алексея Макухи. — Прага, 1916.
- Новоев П.* Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью. — Прага, 1916.
- Наши враги. Обзор деятельности Чрезвычайной следственной комиссии. — Прага, 1916.
- Нестерович-Берг М.А.* В борьбе с большевиками: Воспоминания. — Париж, 1931.
- Обнинский В.П.* В плену. — М., 1916.
- Овчинников И.А.* Центральное справочное бюро о русских военнопленных, находящихся в неприятельских странах. — Прага, 1916.
- Окнинский А.* Два года среди крестьян. Виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 по ноябрь 1920 г. — Рига, 1936.
- Павлович М.* Мировая война и ее итоги. (Материалы для агитаторов). — М., 1924.

- Пирейко А.М.* В тылу и на фронте империалистической войны. — Л., 1926.
- Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний на должности военного министра и его помощника. — М., 1924.
- Положение русских военнопленных и деятельность комиссии Русского Красного Креста в Швейцарии. Берн, 1918.
- Полон. Издание всероссийского общества помощи военнопленным. — Прага, 1916.
- Румша К.Ю.* Пребывание в германском плену и геройский побег из плена. — Прага, 1916.
- Русские военнопленные о своих впечатлениях в Германии. Сб. писем военнопленных в редакцию «Русского вестника». Берлин, 1917.
- Русским людям, живущим в германских лагерях. — Берлин, 1919.
- Сергиевский Н.* Записки пленника. Два с половиной месяца в плену у немцев. — П., 1915.
- Списки мест водворения военнопленных в Германии и Австро-Венгрии. — М., 1916.
- Список наиболее известных, одноименных и схожих по названиям лагерей военнопленных в Австро-Венгрии и Германии. — Прага, 1916.
- Тарасевич А.В.* Отчет по обследованию лагерей и мест водворения русских военнопленных в Австрии и Венгрии. — М., 1917.
- Успенский А.А.* В плену. Ч. 1,2. Каунас, 1933. Опубликовано на сайте «Русская армия в Первой мировой войне». (<http://www.gwar.ru/library/Uspensky-capt-1/>)
- Федорченко С.З.* Народ на войне. — М., 1990.
- Фомин В.Б.* 14 месяцев в германском плену. — П., 1916.
- Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. — Нью Йорк, 1954.
- Шамурин Ю.И.* Два года в германском плену. — М., 1917.
- Шкловский В.* Сентиментальное путешествие. — М., 1990.
- Шуберская Е.М.* Дневник командировки в Германию для осмотра русских военнопленных в июле-октябре 1916 г. — Прага, 1917.
- Шуберская Е.М.* Доклад о положении военнопленных в Германии. — Прага 1917.
- Яблоновский А.* Страшная правда (в германском плену). — М., 1917.
- Якушев Д.Р.* В плену у немцев. — Прага, 1916.

Периодика

- Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1918.
- Бюллетень Наркомата иностранных дел. — М., 1920–1922.

- Вестник Красного Креста. 1915–1917.
 Вестник права. 1915.
 Воин и пахарь. 1915.
 Война (прежде, теперь и потом). 1915–1916.
 Газета военнопленных. 1919.
 Голос России. 1919.
 Заря. 1919.
 Известия МИД. 1916.
 Известия Наркомздрава. 1919
 Известия русского бюро военнопленных. 1920.
 Илья Муромец. 1915.
 На чужбине. 1917.
 Нива. 1915.
 Правительственный вестник.– Омск. 1919.
 Призыв. 1920.
 Речь. 1916.
 Руль 1920.
 Русские ведомости. 1915, 1916.
 Русский вестник. 1915–1919.
 Русский военнопленный. 1917.
 Русский воин.– Омск. 1919.
 Русский врач. 1917.
 Русский инвалид. 1915.
 Утро России. 1916.
 Юридический вестник. 1915.

Лагерные газеты

- Дёберлиц-газетте
 Джихад
 Громадска думка
 Селянин
 Сквозняк

Исследования

- Armanski G.* Maschinen des Terrors. Das Lager in der Moderne. Muenster, 1993.
- Armanski G.* Strategie des Ueberlebens. Haefflingsgesellschaften im GULag und im KZ. Wien, 1996.
- Assmann A.* Erinnerungsraeume. Muenchen, 1999.
- Assmann A., Harth D.* (Hg.). Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung. Frankfurt am Main, 1991.
- Auerbach K.* Die russischen Kriegsgefangenen in Deutschland (von August 1914 bis zum Beginn der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution). Diss. Potsdam, 1973.
- Bieber B.* Wie Kriege enden. Die Reintegration von Soldaten in Nachkriegsgesellschaften. Hamburg, 2002.
- Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Ihre Basis in der Orient-Politik und ihre Aktionen 1914–1917. Teil I-II. Wien, 1975.
- Blecker J.* Medizin und Krieg. Frankfurt, 1987.
- Boemeke M. F., Chickering R., Foerster St.* (Ed.). Anticipating Civil War. The German and American Experiences 1871–1914. Cambridge, 1999.
- Boll F.* Volksreligiositaet und Kriegserleben. Muenster, 1997.
- Borsdorf U.* Ueberleben im Krieg. Reinbek, 1989.
- Broeckling U.* Soziologie und Geschichte militaerischer Gehorsamproduktion. Muenchen, 1997.
- Duppler J., Gross G.* (Hg.) Kriegsende 1918. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung. Muenchen, 1999.
- Ebertz M., Schulteis F.* Volksfroemdigkeit in Europa. Muenchen, 1968.
- Eckart W.* (Hg.) Die Medizin und der Erste Weltkrieg. Pfaffenweiler, 1996.
- Ferguson N.* Der falsche Krieg. Der Erste Weltkrieg und das 20. Jh. Stuttgart, 1999.
- Foerster S.* (Hg.) An der Schwelle zum Totalen Krieg. Die militaerische Debatte ueber den Krieg der Zukunft 1919–1939. Padeborn, 2002.
- Fussell P.* The Great War and Modern Memory. New York, 1975.
- Goffman E.* Asyle. Ueber die soziale Situation psychiatrischer Patienten und anderer Insassen. Frankfurt am Main, 1973.
- Goerke G.* Russischer Alltag. Eine Geschichte in neun Zeitbildern vom Fruehmittelalter bis zur Gegenwart. Band 3. Sowjetische Moderne und Umbruch. Zuerich, 2005.
- Grosse P.* Kolonialismus, Eugenik und buergerliche Gesellschaft in Deutschland, 1850–1918. Frankfurt am M., 2000.
- Hankel G.* Die Leipziger Prozesse. Deutsche Kriegsverbrechen und ihre strafrechtliche Verfolgung nach dem Ersten Weltkrieg. Hamburg, 2003.
- Haessler R.* Das Nachrichten- und Pressewesen der feindlichen Kriegsgefangenen in Deutschland. Berlin, 1940.

Herbert U. Geschichte der Auslaenderpolitik in Deutschland 1880–1980. Saisonarbeiter, Zwangsarbeiter, Gastarbeiter. Bonn, 2003.

Herbert U. u.a. (Hg.) Die nationalsozialistischen Konzentrationslager. Entwicklung und Struktur. Goettingen, 1998.

Hinz U. Gefangen im Großen Krieg: Kriegsgefangenschaft in Deutschland 1914–1921. Essen, 2005.

Holquist P. Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921, Cambridge, 2002.

Honold A. (Hg.) Kolonialismus als Kultur. Literatur, Medien, Wissenschaft in der deutschen Gruenderzeit des Fremden. Tuebingen, 2002.

Horne J. Kramer A. Deutsche Kriegsgreuel 1914. Die umstrittene Wahrheit. Hamburg, 2004.

Hoepf G. Muslime in der Mark. Als Kriegsgefangene und Internierte in Wuensdorf und Zossen, 1914–1924. Berlin, 1997.

Hoepf G. Arabische und islamische Periodika in Berlin und Brandenburg 1915 bis 1945; geschichtlicher Abriss und Bibliographie. Berlin, 1994.

Ingolstadt im Ersten Weltkrieg. Das Kriegsgefangenenlager. Entdeckung eines Stueckes europaeischer Geschichte, (Dokumentation zur Zeitgeschichte; 4). Ingolstadt, 1999.

Jahr Chr. Gewoehnliche Soldaten. Desertion und Deserteure im deutschen und britischen Heer. 1914–1918. Goettingen, 1998.

Katzer N. Die weisse Bewegung in Russland. Koeln, 1999. S. 341.

Kobylinska A. (Hg.) Erinnern, vergessen, verdraengen. Polnische und deutsche Erfahrungen. Wiesbaden, 1998.

Koch R. Das Kriegsgefangenenlager Sigmundsherberg. Dissertation. Wien, 1980.

Koch R. Im Hinterhof des Krieges. Das Kriegsgefangenenlager Sigmundsherberg. Horn, 2002.

Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt/M, 1989.

Kundrus B. Kriegerfrauen. Familienpolitik und Geschlechterverhaeltnisse im Ersten und Zweiten Weltkriege. Hamburg, 1995.

Kundrus B. (Hg.) Phantasiereichne. Zur Kulturgeschichte des deutschen Kolonialismus. Frankfurt am M., 2003.

Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik fuer die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917 – 1920. Wien, 2003.

Leven K.-H. Die Geschichte der Infektionskrankheiten. Von der Antike bis ins 20. Jahrhundert. Landberg, 1997.

Lipp A. Meinungslenkung im Krieg. Kriegserfahrungen deutscher Soldaten und ihre Deutung 1914–1918. Goettingen, 2003.

Liulevicius V.G. Kriegsland im Osten. Eroberung, Kolonisierung und Militaerherrschaft im Ersten Weltkrieg. Hamburg, 2002.

Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. The Campaign Against Enemy Aliens During World War I. Cambridge, 2003.

Maschke E. (Hg.) Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Muenchen, 1965.

Merridale C. Steinerne Naechte. Leiden und Sterben in Russland. Muenchen, 2001.

Mitze K. Das Kriegsgefangenenlager Ingolstadt waehrend des Ersten Weltkriegs. Muenster, 1999.

Moritz V. Zwischen Nutzung und Bedrohung. Die russischen Kriegsgefangenen in Oesterreich-Ungarn (1914–1921). Bonn, 2005.

Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt am Main, 2005.

Nachtigal R. Russland und seine oesterreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen. Reimshalden, 2003.

Oltmer J. (Hg.) Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges. Essen, 2005.

Oltmer J. Baeuerliche Oekonomie und Arbeitskraeftepolitik im Ersten Weltkrieg. Beschaeftigungstruktur, Arbeitsverhaeltnisse und Rekrutierung von Ersatzarbeitskraeften in der Landwirtschaft des Emslandes 1914–1918. Soegel, 1995.

Osterhammel J. Kolonialismus. Geschichte-Formen-Folgen. Muenchen, 1997.

Otte K. Lager Soltau. Das Kriegsgefangenen- und Internierungslager des Ersten Weltkrieges. Geschichte und Geschichten. Soltau, 1999.

Overmans R. (Hg.) In der Hand des Feindes: Kriegsgefangenschaft von der Antike bis zum Zweiten Weltkrieg. Koeln, 1999.

Peter A. Das „Russenslager“ in Guben. Potsdam, 1998.

Plaschka R. Avantgarde des Widerstands. Modellfaelle militaerischer Auflehnung im 19. und 20. Jh. Wien, 2000.

Poeppinhege R. Im Lager unbesiegt. Deutsche, englische und franzoesische Kriegsgefangenen-Zeitungen im Ersten Weltkrieg. Essen, 2006.

Rachimow A. POWs and the Great War. Captivity on the Eastern Front. Oxford, 2004.

Rawe K. „... wir werden sie schon zur Arbeit bringen!“. Auslaenderbeschaeftigung und Zwangsarbeit im Ruhrkohlenbergbau waehrend des Ersten Weltkrieges. Essen, 2005.

Reimann A. Der groe Krieg der Sprachen: Untersuchungen zur historischen Semantik in Deutschland und England zur Zeit des Ersten Weltkriegs. Essen, 2000.

Reinhardt W. Kleine Geschichte des Kolonialismus. Stuttgart, 1996.

Remer C. Die Ukraine im Blickfeld deutscher Interessen. Ende des 19. Jahrhunderts bis 1917/18. Frankfurt am Main, 1997.

Rund J. Ernaehrungswirtschaft und Zwangsarbeit im Raum Hannover 1914 bis 1923. Hannover, 1992.

Sattler A. Und was erfuhr des Soldaten Weib? Private und oeffentliche Kommunikation im Kriegsaltag. Muenster, 1994.

Schloegel K. Im Raume lesen wir die Zeit. Ueber Zivilisationsgeschichte und Geopolitik. Muenchen, 2003.

Schloegel K. Terror und Traum. Moskau 1937. Muenchen, 2008.

Schwengler W. Voelkerrecht, Versallier Vertrag und Auslieferungsfrage. Die Strafverfolgung deutscher Kriegsverbrecher als Problem des Friedensschlusses 1919–1920. Kiel, 1980.

Seidler F. Fahnenflucht. Der Soldat zwischen Eid und Gewissen. Muenchen, 1993.

Sikora M. (Hg.) Armeen und ihre Desertuere. Vernachlaessige Kapitel einer Militaergeschichte der Neuzeit. Goettingen, 1998.

Sofsky W. Die Ordnung des Terrors: das KZ. Frankfurt am Main, 1993.

Speed R.B. Prisoners, Diplomats and the Great War: a Study in the Diplomacy and Captivity. N.Y., 1990.

Stegmann N. Kriegsdeutungen-Staatsgruendungen-Sozialpolitik. Der Helden- und Opferdiskurs in der Tschechoslowakei, 1918–1948. (im Druck).

Tieste R. Katalog des Papiergeldes der deutschen Kriegsgefangenenlagern im Ersten Weltkrieg. Bremen, 1998.

Treffler G. Die ehrenwerten Ausbrecher. Das Kriegsgefangenenlager Ingolstadt im Ersten Weltkrieg. Regensburg, 1990.

Vogel R. Lager Lechfeld — ein Truppenstandort im Wandel der Zeit. Augsburg, 1974.

von Geldern J. Bolshevik festivals, 1917–1920. Berkley, 1993.

Willis E.F. Herbert Hoover and the Russian prisoners of World War I. A Study in Diplomacy and Relief, 1918–1919. Stanford, 1951.

Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmaechte in Russland im Ersten Weltkrieg. Goettingen, 2005.

Абдраштов Э.Е. Источники личного происхождения по истории российских военнопленных первой мировой войны. Автореферат диссертации на соискание степени к.и.н. — Казань, 2003.

Абдраштов Э.Е. Развитие социального и правового статуса военнопленного в ходе эволюции международного и российского законодательства (с древнейших времен до к. XX в.) — Казань, 2007.

Абинякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Дисс. на соискание степени к.и.н. — Орел, 2000.

Алексеев Д.Ю. Б.В.Савинков и русские вооруженные формирования в Польше в 1920–1921 гг. Диссертация на соискание степени к.и.н. — СПб., 2002.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование действительности. — М., 1995.

Брук С.И., Кабузан В.М. Миграционные процессы в России и СССР. Вып. 1. — М., 1991.

Бьюньон Ф. Международный комитет Красного креста и Советский Союз. — М., 1998.

- Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы ПМВ: Учебное пособие к спецкурсу. — М., 1999.
- Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. — М., 2003.
- Волков С.В.* Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. — М., 2002.
- Волков С.В.* Сопротивление большевизму. — М., 2001.
- Волков С.В.* Энциклопедия гражданской войны. — М., 2002.
- Гирц К.* Интерпретация культур. — М., 2002.
- Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. — М., 2001.
- Жданов Н.* Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. — М., 1920.
- Иванов В.Ф.* Деятельность В.И. Ленина, партии большевиков и советского правительства среди русских военнопленных (конец 1914–1922). Автореферат диссертации на соискание степени к.и.н. — Днепропетровск, 1980.
- Кавтарадзе А.* Военные специалисты на службе республики Советов. 1917–1921. — М., 1988.
- Каминский Л.С., Новосельский С.А.* Потери в прошлых войнах. — М., 1947.
- Карлус З.* Русские и украинские военнопленные и интернированные в Польше. 1918–1924. Торгун, 2002.
- Колоницкий Б.* Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 г. — СПб., 2001.
- Кононова М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.). — М., 2004.
- Мальков А.А.* Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии (1915–1919). Казань, 1971.
- Нарский И.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922. — М., 2001.
- Первая мировая война. Указатель литературы 1914–1993. — М., ИНИОН, 1994.
- Португальский Р.М.* Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. — М., 1994.
- Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в России в период ПМВ (1914–март 1918). — Екатеринбург, 2000.
- Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров. 1942–1944. / Сост. и текстология Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова. — М., 1998.
- Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (Материалы к истории белого движения). — М., 1996.
- Семененко Л.В.* Основные направления земельной политики на Кубани в конце XVIII — нач. XIX вв. Диссертация на соискание степени к.и.н. — Ростов, 2003.
- Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. — М., 1999.

Сорокин П. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. — М., 2003.

Суворов О. Трагедия РККА. 1937–1938. — М., 1998.

Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 гг. — М., 2000.

Томан И. Россия и Красный Крест (1917–1945): Красный Крест в революционном государстве. Деятельность Международного комитета Красного Креста в России после Октябрьской революции 1917 г. — М., 2002.

Урланис Б.И. История военных потерь: Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах 17–20 вв. (историко-статистическое исследование). — СПб., 1998.

Фельтишинский Ю. К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. — М., 1991.

Черноперов В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии 1918–1921 гг. — Иваново, 2006.

Шмелев А.В. Внешняя политика правительства Колчака (1918–1919). Диссертация на соискание степени к.и.н. — М., 1995.

Щеров И.П. Миграционная политика в России, 1914–1922. — Смоленск, 2000.

Щеров И.П. Смоленский пленбеж: создание и деятельность. — Смоленск, 2000.

Щеров И.П. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. — Смоленск, 2000.

Элиас Н. О процессе цивилизации. В 2-х тт. — СПб., 2001.

Статьи

Abbal O. Die franzoesische Gesellschaft der Zwischenkriegszeit und die ehemaligen Kriegsgefangenen. // *Oltmer J.* (Hg.) Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. Padeborn, 2006. S. 295–308.

Armski G. Die Gewaltmaschine. Das Lager als Signum und Stigma des Jahrhunderts // *Signar N.* (Hg.) Ordnungen der Gewalt. Beitrage zu einer politischen Soziologie der Gewalt und des Krieges. Oppladen, 1999. S. 141–145.

Baur J. Zwischen „Roten“ und „Weissen“ — russische Kriegsgefangene in Deutschland nach 1918 // *Schloegel K.* (Hg.) Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. Leben in europaeischen Buergerkrieg. Berlin, 1995. S. 93–108.

Becker A. Paradoxien in der Situation der Kriegsgefangenen. 1914–1918 // *Oltmer J.* (Hg.) Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. Padeborn, 2006. S. 24–31.

Beil C. u.a., Populare Religiositaet und Kriegserfahrungen // *Theologische Quartalschrift (Themenheft)*. 4 (2002). S. 298–320.

Beyrau D. Das Russische Imperium und seine Armee // *Frevert U.* (Hg.) Militaer und Gesellschaft im 19. und 20. Jh. Stuttgart, 1997.

Beyrau D. Der Erste Weltkrieg als Bewaehrungsprobe. Bolschewistische Lernprozesse aus dem „imperialistischen“ Krieg, in: *Journal of modern history*. 2003. № 1. S. 100–101.

- Biess F.** Maenner des Wiederaufbaus – Wiederaufbau der Maenner. Kriegsheimkehrer in Ost- und Westdeutschland // *Hagemann K., Schueler-Springorum St.* (Hg.). Heimat. Front. Militaer und Geschlechterverhaeltnisse im Zeitalter der Weltkriege. Frankfurt am Main 2002. S. 345–369.
- Botz G.** Binnenstrukturen, Alltagsverhalten und Ueberlebenschancen im Nazi KZ // *Streibel R., Schafranek H.* (Hg.) Strategie des Ueberlebens. Haefftlingsgesellschaften in KZ und GULag. Wien 1996. S. 45–71.
- Broecking U.** Der Stachel des Befehls. Mechanismen militaerisches Gehorsamproduktion // *Gewalt. Strukturen Formen. Repraesentationen.* Muenchen, 2000. S. 221–336.
- Burchard L.** Die Auswirkungen der Kriegswirtschaft auf die deutsche Zivilbevoelkerung im Ersten und Zweiten Weltkrieg // *Militaergeschichtliche Mitteilungen* 15 (1974). S. 65–98.
- Buschmann N., Carl H.** Zugaenge zur Erfahrungsgeschichte des Krieges. Forschung. Theorie. Fragestellung // *Die Erfahrung des Krieges: Erfahrungsgeschichtliche Perspektiven von der Franzoesische Revolution bis zum Zweiten Weltkrieg.* Padeborn, 2001. S. 11–26.
- Cavalli A.** Gedaechnis und Identitaet. Wie das Gedaechnis nach katastrophalen Ereignissen rekonstruiert wird // *Mueller K., Ruesen J.* (Hg.) Historische Sinnbildung. Hamburg, 1997. S. 454–470.
- Davis G.** Deutsche Kriegsgefangene im Ersten Weltkrieg in Russland // *Militaergeschichtliche Mitteilungen.* Nr. 31 (1982). S. 37–49.
- Davis G. H.** Prisoner of War Camps as Social Communities: Krasnoyarsk 1914–1921 // *Eastern European Quarterly* 21. 1987. P. 147–163.
- Eichenberg J.** Soeldner der Besatzer oder Helden des Unabhaengigkeitskampfes? Die Debatte um die polnischen Veteranen des Ersten Weltkrieges // *Stegmann N.* (Hg.) Die Weltkriege als symbolische Bezugspunkte. Polen, die Tschechoslowakei und Deutschland nach dem Ersten und nach dem Zweiten Weltkrieg. Prag, 2009. S. 147–168.
- Eichenberg J.** Stiefsoehne des Vaterlands. Die polnischen Veteranen des Ersten Weltkrieges und die Debatte um ihre Versorgung // *Nordostarchiv.* Band XVII. Lueneburg, 2009. S. 176–195.
- Esch M.** Von Verbundenen zu Kriegsgefangenen: das russische Kontingent in Frankreich und der Kriegaustritt der Sowjetunion // *Krumeich G.* (Hg.) Versailles 1919. Ziele-Wirkung-Wahrnehmung. Essen, 2001. S. 211–224.
- Filippowa T.** Von der Witzfigur zum Unmenschen. Die Deutschen in den Kriegsausgaben von „Novij Satirikon“ und „Krokodil“ // *Traum und Trauma. Russen und Deutsche im 20 Jahrhundert.* Muenchen, 2003. S. 116–142.
- Hacker H.** Die Frau als Regimentgeheinis. Irrationen zwischen Front und Geschlecht im Ersten Weltkrieg // *Eifert Chr., Seifer R.* (Hg.) Soziale Konstruktionen – Militaer und Geschlaechtverhaeltnis. Muenster, 1999. S. 135–154.
- Herbert U.** Zwangsarbeit als Lernprozess // *Archiv fuer Sozialgeschichte.* XXIV. Band. 1984. S. 285–304.
- Heuseler A.** „Strafbestand – Liebe. Verbotene Kontakte zwischen Muencherinnen und auslaendischen Kriegsgefangenen // *Zwischen der Fronten.* Muenchener Frauen in Krieg und Frieden 1900–1950. Muenchen, 1995. S. 324–341.

Hinz U. Die deutschen Barbaren sind doch die besseren Menschen. Kriegsgefangenschaft und gefangene Feinde in der Darstellung der deutschen Publizistik 1914–1918 // *Overmans R.* (Hg.) In der Hand des Feindes. Kriegsgefangenschaft von der Antike bis zum Zweiten Weltkrieg. Koeln, 1999. S. 336–361.

Hinz U. Humanitaet im Krieg? Internationales Rotes Kreuz und Kriegsgefangenenhilfe im Ersten Weltkrieg // *Oltmer J.* (Hg.) Kriegsgefangene in Europa des Ersten Weltkriegs. Padeborn, 2006. S. 216–236.

Hinz U. Kriegsgefangene // *Hirschfeld G., Krumeich G., Renz I.* (Hg.) Enzyklopaedia Erster Weltkrieg. Padeborn, 2004. S. 641–646.

Hochgeschwender M. Kolonialkriege als Experimentierstaetten des Vernichtungskrieges? // *Beyrau D.* u.a. (Hg.) Formen des Krieges. Von der Antike bis zur Gegenwart. Tuebingen, 2007. S. 269–290.

Hockerts H. Zugaenge zur Zeitgeschichte. Primaerfahrung, Erinnerungskultur, Geschichtswissenschaft // *Jarauschk K.* (Hg.) Verletztes Gedachtnis. Erinnerungskultur und Zeitgeschichte im Konflikt. Frankfurt am Main, 2002. S. 42–45.

Hoepf G. Die Privilegien der Verlierer. Ueber Status und Schicksal muslimischer Kriegsgefangener und Deserteure in Deutschland waehrend des Ersten Weltkrieges und der Zwischenkriegszeit // *Hoepf G.* (Hg.) Fremde Erfahrungen. Asiaten und Afrikaner in Deutschland, Oesterreich und in der Schweiz bis 1945. Berlin, 1996. S. 185–210.

Hoepf G. Die Wuensdorfer Mosche: eine Episode islamischen Lebens in Deutschland, 1915–1930 // Die Welt des Islams. (36). 1996. S. 204–218.

Jahn P. „Zarendreck, Barbarendreck – Peitsch sie wegl“. Die russische Besetzung Ostpreuens 1914 in der deutschen Oeffentlichkeit // *Boenisch M.* (Hg.) August 1914: ein Volk zieht in den Krieg. Berlin: Nishen, 1989. S. 147–157.

Jahn P. „Zarendreck, Barbarendreck“. Die russische Besetzung Ostpreuens 1914 in der deutschen Oeffentlichkeit // *Eimermacher K.* (Hg.) Verfuehrungen der Gewalt: Russen und Deutsche im Ersten und Zweiten Weltkrieg. Muenchen: Fink, 2005. S. 229–242.

Katzer N. Russlands Erster Weltkrieg. Erfahrungen, Erinnerungen, Deutungen // Nordostarchiv. Band XVII. Lueneburg, 2009. S. 267–292.

Kienitz S. Der Krieg der Invaliden. Koerperbilder und Maennlichkeitskonstruktionen nach dem Ersten Weltkrieg // *Hagemann K.* (Hg.) Nach-Kriegs-Helden. Soziale und kulturelle DeMobilisierung in deutschen Nachkriegszeiten / Militaergeschichtliche Zeitschrift 60. 2001. Heft 2. S. 367–402.

Kienitz S. „Als Helden gefeiert – als Krueppel vergessen“. Kriegsinvaliden im Ersten Weltkrieg und in der Weimarer Republik // *Beyrau D.* (Hg.) Der Krieg in nationalen und religioesen Deutungen der Neuzeit. Tuebingen 2001, S. 217–237.

Kudrina Ju. Das Daenische Rote Kreuz in den Jahren des Ersten Weltkrieges // zeitgeschichte. 25. 1998. S. 375–379.

Latzel K. Die Zumutungen des Krieges und der Liebe – Zwei Annaehrungen an Feldpostbriefe // *Knoch P.* (Hg.) Kriegsalltag: die Rekonstruktion des Kriegsalltags als Aufgabe der historischen Forschung. Stuttgart, 1989. S. 204–221.

Latzel K. Vom Kriegerlebnis zur Kriegserfahrung. Theoretische und methodische Überlegungen zur erfahrungsgeschichtlichen Untersuchung von Feldpostbriefen // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 56 (1997). S. 1–30.

Leidinger H. Gefangenschaft und Heimkehr. Gedanken zu Voraussetzungen und Perspektiven eines neue Forschungsbereiches // Zeitgeschichte. 1998. S. 333–342.

Leidinger H., Moritz V. Verwalte Massen. Kriegsgefangene in der Donaumonarchie 1914–1918 // *Oltmer J.* (Hg.) Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. Padeborn, 2006. S. 35–66.

Maurer T. „Sehr wichtig sind Buecher von der judischen Geschichte“. Zu den Lebensverhaeltnisse und Lektuereinteressen juedischer Kriegsgefangener aus dem Russischen Reich (1917/18) // Tel Aviver Jahrbuch fuer die deutsche Geschichte. 1991. S. 259–286.

Nachtigal R. Privilegiensystem und Zwangsrekrutierung. Russische Nationalitaetenpolitik gegenueber Kriegsgefangenen aus Oesterreich-Ungarn // *Oltmer J.* (Hg.) Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. Padeborn, 2006. S. 167–194.

Nikonova O. Ju. „Der Kult des Heldenmutes ist nötig, um Siege zu erringen...“ Sowjetische Militaer und Erfahrungen des Ersten Weltkrieges // *Carl H., Kortum H.-H., Langewiesche D., Lender F.* (Hg.), Kriegsniederlagen, Erfahrungen und Erinnerungen, Berlin 2004, S. 185–199.

Oltmer J. Arbeitzwang und Zwangsarbeit, Kriegsgefanhgene und auslaendische Zivilarbeiter im Ersten Weltkrieg // *Spilker R.* (Hg.) Der Tod als Maschinist. Der industrialisierte Krieg 1914–1918. Katalog zur Ausstellung des Museums Industriekultur in Osnabrueck. Osnabrueck, 1998. S. 96–97.

Oltmer J. Repatriierungspolitik im Spannungsfeld von Antibolschewismus, Asylgewaehrung und Arbeitsmarktenwicklung. Kriegsgefangene in Deutschland. 1918–1922 // *Oltmer J.* (Hg.) Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. Padeborn, 2006. S. 267–294.

Oltmer J. Unentbehrliche Arbeitskraefte. Kriegsgefangene in Deutschland 1914–1918 // *Oltmer J.* (Hg.) Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. Padeborn, 2006. S. 67–96.

Overmans R. Ein Silberstreif am Forschungshorizont? Veroeffentlichungen zur Geschichte der Kriegsgefangenschaft // *Overmanns R.* (Hg.) In der Hand des Feindes: Kriegsgefangenschaft von der Antike bis zum Zweiten Weltkrieg. Koeln, 1999. S. 461–483.

Overmanns R. Kriegsgefangenschaft in der Geschichte // *Bischof G.* (Hg.) Kriegsgefangenschaft im Zweiten Weltkrieg. Eine vergleichende Perspektive. Ternitz, 1998. S. 1–19.

Overmanns R. „Hunnen“ und „Untermenschen“ – deutsche und russisch/ sowjetische Kriegsgefangenschaftserfahrungen im Zeitalter der Weltkriege // *Thoss B.* (Hg.) Erster Weltkrieg-Zweiter Weltkrieg. ein Vergleich; Krieg, Kriegerlebnis, Kriegserfahrung in Deutschland [1914–1945]. Paderborn, 2002. S. 335–365.

Poeppinhege R. Kriegsteilnehmer zweiter Klasse? Die Reichsvereinigung ehemaliger Kriegsgefangener, 1919–1933 // Militaergeschichtliche Mitteilungen. 64 (2005). S. 391–423.

Poepinghege R. Nabelschau hinter Stacheldraht? Zum Quellenwert von Kriegsgefangenenzeitschriften // Militaergeschichtliche Mitteilungen. 59 (2000). S. 183–193.

Rachimov A. Alltagssorgen und politische Erwartungen. Eine Analyse von Kriegsgefangenenkorrespondenzen in den Beständen des österreichischen Staatsarchivs // Zeitgeschichte. 25 (1998). S. 348–356.

Rawe K. Kriegsgefangene, Freiwillige und Deportierte. Ausländerbeschäftigung im Ruhrbergbau während des Ersten Weltkrieges // *Tenfelde K., Seidel H.-Chr.* (Hg.) Zwangsarbeit im Bergwerk. Der Arbeitseinsatz im Kohlenbergbau der Deutschen Reiches und der besetzten Gebiete im Ersten und Zweiten Weltkrieg. Essen, 2005. Bd.1. S. 35–61.

Riccour P. Gedächtnis – Vergessen – Geschichte // *Mueller K., Ruesen J.* (Hg.) Historische Sinnbildung. Hamburg, 1997. S. 433–453

Scheer M. Des Gefangenen Amulett. Funktionen des Kriegsgegners im volkskundlichen Aberglaubediskurs // *Korff G.* (Hg.) Kasten 117. Aby Warburg und der Aberglaube im Ersten Weltkrieg. Tübingen, 2007. S. 245–259.

Scheer M. „Voelkerschau“ im Gefangenenlager. Anthropologische „Feind“-Bilder zwischen popularisierter Wissenschaft und Kriegspropaganda 1914–1918. (Im Druck).

Schumann D. Europa, der Erste Weltkrieg und die Nachkriegszeit: eine Kontinuität der Gewalt? // Journal of modern European history. Bd. 1 (2003). S. 24–43.

Schikorsky J. Kommunikation über das Unbeschreibbare. Beobachtungen zum Sprachstil von Kriegsbriefen // Wissenswehr. 1992 (2). S. 295–315.

Sergeev E. Kriegsgefangenschaft aus russischer Sicht. Russische Kriegsgefangene in Deutschland und Habsburger Reich (1914–1918) // Forum fuer osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 1997. S. 113–134.

Sergeev E. Kriegsgefangenschaft und Mentalitäten. Zur Haltungsaenderung russischer Offiziere und Mannschaftsangehöriger in der österreichisch-ungarischen und deutschen Gefangenschaft // Zeitgeschichte. 1998. S. 357–365.

Treffer G. Zur Ingolstädter Zeit des Sowjetmarschalls M.N.Tuchatschewski // Sammelblatt des Historischen Vereins Ingolstadt. 1980. S. 241–254.

Ulrich B. Feldpostbriefe des Ersten Weltkrieges – Möglichkeiten und Grenzen einer alltagsgeschichtlichen Quelle // Militaergeschichtliche Mitteilungen. 53 (1994). S. 73–83.

Winkel H. Soziale Grenzen und Möglichkeit der Kommunizierung von Trauer. Zur Kodierung von Verlusterfahrungen als individuelles Leid // *Schuetzeichel R.* (Hg.) Emotionen und Sozialtheorie. Frankfurt am Main, 2006. S. 286–303.

Zelt J. Die politische Arbeit unter den russischen Kriegsgefangenen und internierten Rotarmisten in Deutschland während des Ersten Weltkrieges und in der Nachkriegszeit // Zeitschrift fuer Militaergeschichte. 1967. S. 568–584.

Zelt J. Kriegsgefangene in Deutschland. Neue Forschungsergebnisse zur Geschichte der Russischen Sektion der KPD (1919–1921) // Zeitschrift fuer Geschichtswissenschaft 15.1967. H.4. S. 612–638.

Zelt J. Die deutsch-sowjetische Beziehungen in den Jahren 1917–1921 und das Problem der Kriegsgefangenen und Internierten // Zeitschrift fuer Geschichtswissenschaft. 15 (1967). S. 1015–1032.

Ziemann B. Fahnenflucht im deutschen Heer 1914–1918 // Militaergeschichtliche Mitteilungen. 55(1996). S. 93–130.

Zimmerer J. Die Geburt des „Ostlandes“ aus dem Geiste des Kolonialismus. Die nationalsozialistische Eroberungs- und Beherrschungspolitik in (post)kolonialer Perspektive // Sozial.Geschichte. 2004. H.1. S. 10–43.

Абдрашитов Э. О социальной ностальгии российских военнопленных в Первой мировой войне // Социс. 2006. № 4. С. 131–135.

Байрау Д. Фантазии и видения в годы Первой мировой войны: Православное духовенство на службе Вере, Царю и Отечеству // *Петр Андреевич Зайончковский.* Сборник статей / Под ред. Л.Г.Захаровой. М., 2008. С. 752–774.

Галицкий В.П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социс. 1991. № 10.

Ивашов Л.Г., Емелин А.С. Нравственные и правовые проблемы плена в отечественной истории // ВИЖ. 1992. № 1. С. 44–50.

Йожа А. Русские военнопленные в Венгрии 1917–1919 гг. / Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. С. 162–177.

Казаконцев С.В. Культурное наследие вятчей (отражение событий Первой мировой войны во фронтовых письмах) / Электронное научное издание «Аналитика культурологи». url. <http://analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=282>.

Колоницкий Б. Эмиграция, военнопленные и начальный этап германской политики «революционизирования» России (август 1914 — начало 1915 г.) // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли / Под ред. Б.В.Ананьича. СПб., 1997. С. 197–216.

Колоницкий Б. Берлинская газета «Русский вестник» (1915–1919 гг.) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века: Сб. научн. трудов / Российская Национальная библиотека. Вып.8 / Отв. ред. И.И.Фролова. СПб., 1996. С. 132–143.

Колоницкий Б. Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 271–287.

Кострюков А. Русское военное духовенство в 1917 г. Опубликовано на сайте «Седмица». url. <http://www.sedmitza.ru/index.htm?did=36954>.

Коткин С. «Говорить по-большевистски» // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. С. 250–328.

Ленцен И. Использование труда русских военнопленных в Германии (1914–1918) // ВИ. 1998. № 4. С. 129–137.

Майофис М. Антропология войны // НЛО. 2008. № 93. С. 177–179.

Нагорная О. Воспоминания о плене Первой мировой войны как объект политики памяти и средство групповой идентификации / Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы международного Интернет-семинара. М., 2005. С. 46–79.

Нагорная О. Стигма предательства: русские военнопленные Первой мировой в восприятии военного командования и государственных институтов

(1914–1917) // Проблемы российской истории. Магнитогорск, 2006. № 1. С. 289–308.

Нагорная О. Санкционированное принуждение и произвольное насилие по отношению к российским военнопленным в немецких лагерях (1914–1922) // Проблема насилия в истории России. Челябинск, 2007. С. 17–33.

Нагорная О. Русские военнопленные в Первой мировой и Гражданской войнах: другой военный опыт / Опыт мировых войн в истории России. Сб. статей под ред. И. Нарского и др. Челябинск 2007.

Нагорная О. Русские генералы в немецких лагерях военнопленных Первой мировой войны // Новая и Новейшая история. 2008. № 6. С. 94–108.

Нагорная О. Позитив и негатив: визуализация образа российских военнопленных Первой мировой в русской и немецкой пропаганде (1914–1917) / Образы в истории, история в образах: визуальные источники по истории России XX века. Сб. статей под ред. И. Нарского и др. Челябинск, 2008. С. 115–128.

Нагорная О. «Русский народ закончил в этой войне все классы и семинары»: военный плен Первой мировой как процесс обучения // НЛО. 2008. № 93. С. 196–214.

Нагорная О. Религиозная жизнь русских военнопленных в немецких лагерях Первой мировой войны // Отечественная история. 2008. № 6. С. 156–164.

Нарский И. Народная религиозность на территории Оренбургского казачьего войска в испытаниях революцией (1917–1922) // Оренбургское казачье войско. Религиозно-нравственная культура. Челябинск, 2001. С. 125–139.

Нарский И. В. «Я как стал среди войны жить, так и стала мне война, что дом родной...» Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России / Под ред. И. В. Нарского и др. Челябинск, 2007. С. 488–502.

Нахтигаль Р. Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия Центральных держав в 1915 — 1917 гг. / Опыт мировых войн в истории России. Сб. статей под ред. И. Нарского и др. Челябинск, 2007. С. 83–94.

Никонова О. Ю. Инструментализация военного опыта в СССР в межвоенный период // Человек и война. Война как явление культуры / Под ред. И. В. Нарского, О. Ю. Никоновой. М., 2000. С. 367–398.

Плеханов А. А. «Помни, что солдат — Христов и Государев воин...» // ВИЖ. 2003. № 2. С. 35–38.

Сенявская Е. С. Бытовая религиозность на войне (на примере двух мировых и советско-афганской войн) Менталитет и политическое развитие России. М., 1996. С. 135–136.

Сергеев Е. Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // НИИ. 1996. № 4. С. 65–78.

Солнцева С. Военнопленные в России в 1917 г. // Вопросы истории. 2002. № 1.

Солнцева С. Военный плен в годы Первой мировой войны: новые факты // ВИ. 2000. № 4–5. С. 98–105.

Степанов А. И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века. М., 2002. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. С. 624–644.

Суржикова Н.В. Коллизии уральского плена в зеркале региональной печати (1914–1917) // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследование. СПб., 2008. С. 90–121.

Суржикова Н.В. Отдел помощи российским военнопленным в Екатеринбурге в годы Первой мировой войны (февр.1915 — март 1917) // Шестые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2006. Т.1. С. 347–355.

Сухин Д. Восточная Пруссия: изобретая провинцию наново // Проект Балтия. 2008. № 1. С. 73–78.

Физелер Б. Развитие государственной помощи инвалидам в России от поздней Российской империи до сталинской «революции сверху» / Опыт мировых войн в истории России. Сб. статей под ред. И.Нарского и др. Челябинск, 2007. С. 49–65.

Филюшкин А. «Рус, не спи в гробу!» Борьба со шпионажем в первую мировую войну // Родина. 2000. № 10. С. 55–59.

Ферстер С. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 / Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы. М., 2005. С. 11–28.

Холквист П. Россия в эпоху насилия // Опыт мировых войн в истории России / Под ред. И.В.Нарского. Челябинск, 2007. С. 461–487.

Холквист П. «Осведомление — это альфа и омега нашей работы». Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Ч.3. Самара, 2001. С. 45–93.

Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа в европейском контексте (1914–1921)/ Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 83–100.

Энсен Б. Гуманитарная помощь и политика: миссия Датского Креста в России 1918–1919 гг. / Первая мировая война. Пролог XX века. С. 515–536.

Энсен Б. Миссия Датского Красного креста в России, 1918–1919 гг. // ОИ. 1997. № 1. С. 27–41.

Интернет-ресурсы

«Библиотека-фонд «Русское зарубежье». <http://www.bfrz.ru/cgi-bin>

«Русская армия в Первой мировой войне». <http://www.grwar.ru/persons/persons.htm>

«Сталинские расстрельные списки». <http://stalin.memo.ru/spiski>

научное издание

Нагорная Оксана Сергеевна

**«ДРУГОЙ ВОЕННЫЙ ОПЫТ»
Российские военнопленные
Первой мировой войны
в Германии
(1914–1922)**

издатель
Леонид Янович

корректор
Р. Пронина

художник
А. Байдина

верстка и оригинал-макет
А. Байдина

Налоговая льгота —
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано к печати 08.12.2009
Формат 60х90/16. Бумага офсетная №1
Печать офсетная. Печатных листов 27,5
Тираж 1000 экз. Заказ № 4447. __

НП издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве (095) 671-0095,
E-mail: nkhronograf@mail.ru
Информация об издательстве в Интернете: <http://www.novhron.info>

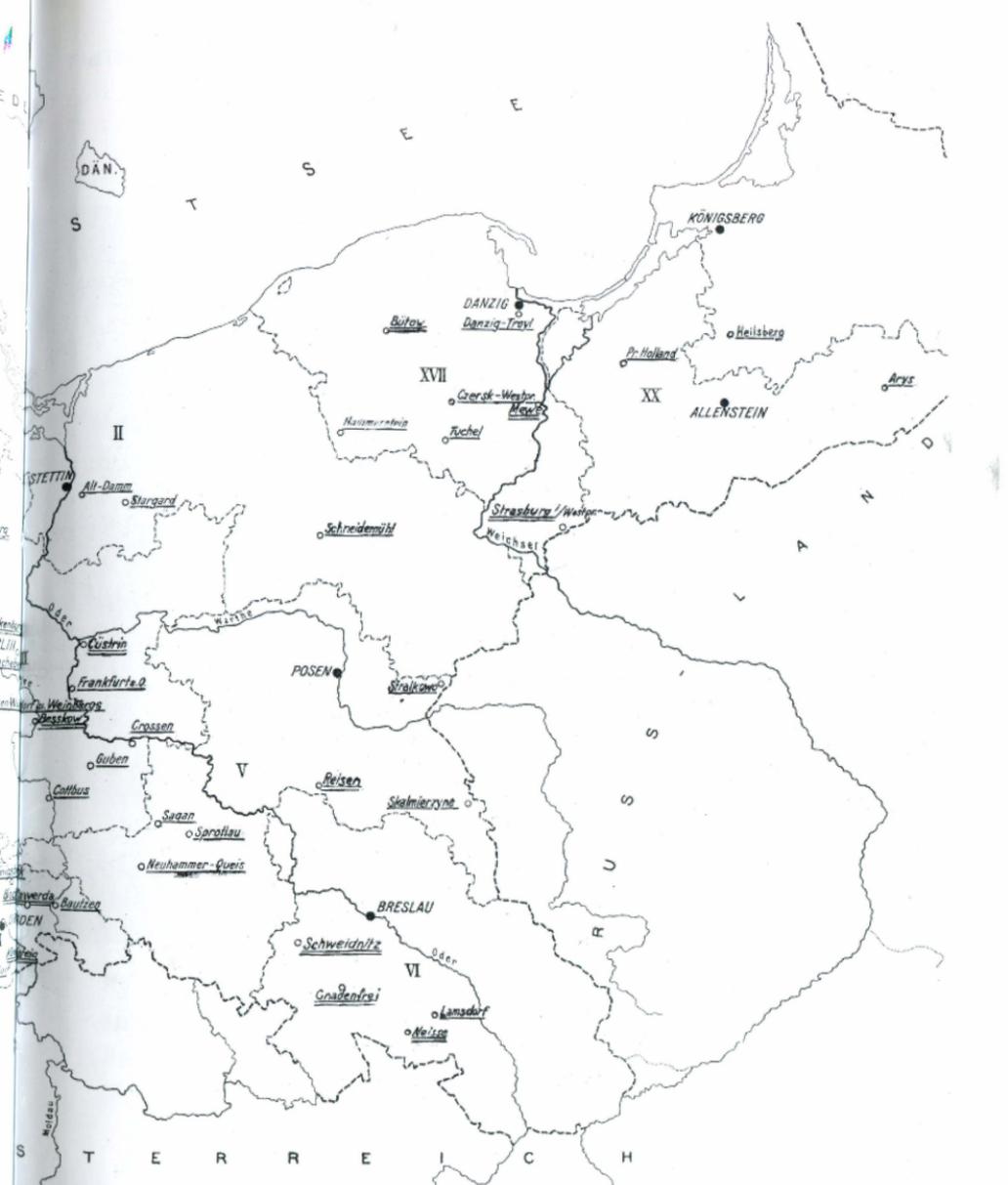
Отпечатано в ООО ПФ «Полиграф-Книга»
г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3. Тел.: (8172) 72-61-75

иллюстрации

Землянка русских военнопленных.
Лагерь Альтдам

(BayHStA, Staudinger Sammlung, Nr.21413)

Zeichenerklärung :

- BRESLAU - General-Kommandos
- Weillburg - Offizierslager
- Maschede - Mannschaftslager
- Ruhleben (Z) - Zivillager
- (Z) = höherer Lebensstellung

Карта расположения лагерей
военнопленных в Германии,
декабрь 1917 г.

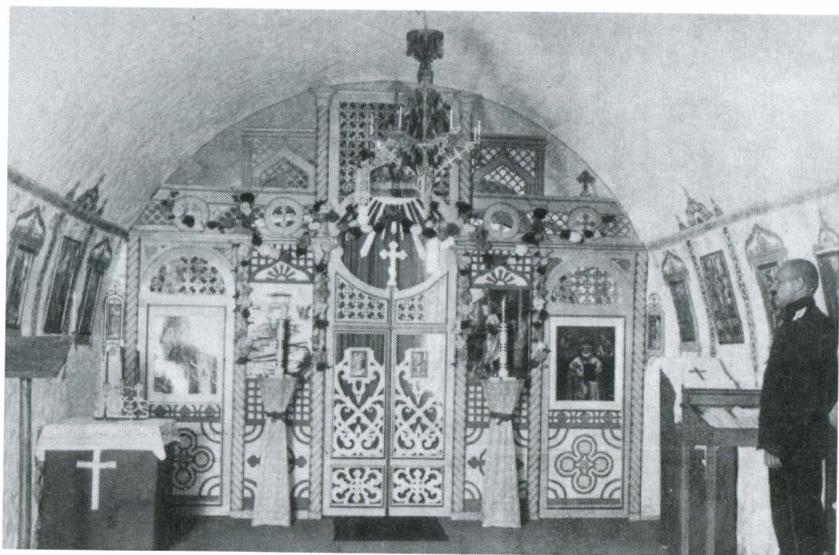
(ГАРФ. Ф.Р-9488.0п.1.Д.128)

Maßstab 1 : 1 490 000.

Обыск в лагере Пухгейм

(BayHStA, Staudinger Sammlung, Nr.21936)

Русские военнопленные мусульмане
во время вечерней молитвы.
Лагерь Нейссе
(BayHStA, Staudinger Sammlung, Nr.21589)

Русская православная капелла
в форте Принц Карл офицерского
лагеря Ингольштадт
(BayHStA, Staudinger Sammlung, Nr.21574)

Театр русских офицеров форта Принц Карл
офицерского лагеря Ингольштадт
(BayHStA, Staudinger Sammlung, Nr.21626)

Первый запасной полк
Тараса Шевченко
(РГВИА. Ф.2000.Оп.16.Д.2208.Л.317-а)

Сибиряк.
Фельдфебель
Дивкин Фадей
из Тобольска.
(Stiehl O. Unsere Feinde.
Charakterköpfe
aus deutschen
Kriegsgefangenenlagern.
Stuttgart, 1916)

Захоронение русских военнопленных солдат на городском кладбище Эрлангена (фото автора)

Плакат выставки картин пленных русских и французских офицеров форта Орфф лагеря Ингольштадт (BayHStA, Staudinger Sammlung, Nr.21596)

Театральная программка лагеря Гюттерсло (Barch-MA, MSg 201, Nr.629)

I Ba 382/3 Lager Gütersloh

31854

В. А. К. ПРЕКРАСНАЯ СВЕННАКА.

ИСТОР. ПРЕИШЕСТВІЕ
В 3^х КАРТИНАХ.

ПЕОНИДА АНДРЕЕВА.

Музыкальная запись военнопленных-татар
с помощью вальцового аппарата
(Doegen W. (Hg.) *Unter fremden Voelkern.*
Eine neue Voelkerkunde. Berlin, 1925)

Газета «Сквозняк»
солдатского лагеря Нюрнберг,
октябрь-декабрь 1917 г.
(Staatsbibliothek zu Berlin)

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПЬСНИ НА НОВЫЙ ЛАДЪ

Очаровательные глазки,
Три года вас я не видалъ,
Войны суровой жду развязки,
Молю, чтобъ встрѣчи часъ насталъ.

Въ моментъ особеннаго пыла,
Въ приливъ нѣжности белой,
Вы добавляли съ фунтикомъ мыла,
Махручки пачку съ холзасей.

Сначала часто Вы писали,
Любовью тѣшили своей
И каждый мѣсяцъ присылали
Двадцать фунтовъ сухарей

Протмчались годки за годами,
А плѣнь все тѣнется лихой...
Ужель Германіи гостями
На-вѣки быть намъ, ангель мой?..

Забыли глазки увверенъ!
Забыли клятвы и любовь:
Брожу по лагерю, какъ тѣнь я -
Мнѣ не видать послызога вновь!

Старый Камарадъ.

ШКОЛА БОКСА

ОТЪ РЕДАКЦІИ

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПЬСНИ НА НОВЫЙ ЛАДЪ

Разлука, ты разлука
Чужая сторона,
Намъ вѣкъ не разлучатся,
Когда вы не война!

А русскій сѣрый воинъ
На мѣствъ точно вросъ.
Сердечко у бѣдняги
Кручиной занялось.

Сижу въ плѣну три года,
Четвертый годъ сижу
Да въ думкахъ оъ обманѣ
Всѣ ночки провожу

Былъ крутъ съ солдатомъ Коля
И плѣнныхъ не любилъ,
Ужель народъ свободный
И тотъ насъ позабылъ?..

Союзникамъ веселѣ,
Союзникамъ почетъ,
Въ Швейцарію поѣздами
Французъ съ англишенъ претъ.

Разлука, ты разлука,
Чужая сторона...
Сижу я и тоскую
Съ гармошкой у огня.

Старый Камарадъ.

ДЕНЕЖНЫЕ ОТЧЕТЫ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Я привожу здесь цифровые данные о состоянии пленных нашего лагеря по трем главнейшим национальностям: русской, английской и французской,

По случаю разрыва Иртиша русско-шведская граница закрыта

Итого
Прим

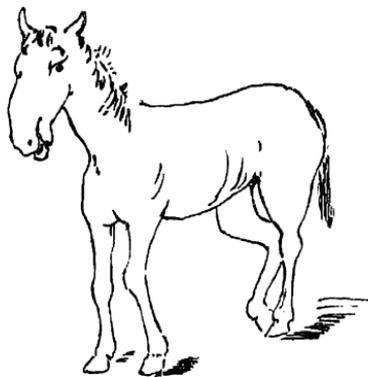
Сопос
за 9 м
локъ,
- 37 по
Русский
ку раз
Англич
Франц

Стит
цифра

Кинутых кастрюль и расплесканных котелков до некоторой степени убавится. Какъ-никакъ, своего рода прогресс!

изъ Гронта:
- 160,80
Дровъ - 585,

ЛОШАДИННОЕ ГОРЕ

Проклятая война!.. Люди дерутся, а намъ, лошадаямъ, обдѣлывать приходится. Комитеты, того и гляди, русскимъ пленнымъ весь овесъ переешлютъ!..

прово
доски
- 6,00
Налич
2.07
Собра
- 19,2
манды
мина -
- 125,8
на ка
30; об
20; ит
Нед
ты за
касси
рица
со сто
это ж
тсва
Л

ЛАГЕРНЫЙ ЮМОР.

Газета «Сквозняк» солдатского лагеря Нюрнберг.

октябрь-декабрь 1917 г.
(Staatsbibliothek zu Berlin)

ОТПРАВКА ВЪ ДЕРЕВНЮ.

Въ отвѣтъ на многочисленныя запросы, поступающіе со всѣхъ сторонъ, сообщая: общей посылки изъ Ліона за Ноябрь не получено. Причина запозданія неизвѣстна.

25 Августа с.г. Московскій Комитетъ [Копенгагенъ] прислалъ письмо за № 662296, въ которомъ мы приглашали съ сообщать спички нуждающихся для обезпеченія ихъ личными посылками.

По 10 Ноября я отправилъ 8 спичковъ, держащихъ 648 фамиліи [82, 184, 93, 75, 132, 18, 39, 25].

Товарищамъ, уже получившихъ что-нибудь изъ этого источника, прошу уведомить меня. Остальныя - потерпите, я написалъ за разъясненіями.

Намъ пишутъ: Groupe d'Ouchy, Suisse. 1 Декабря 1917. № 3647. Просятъ передать всѣмъ русскимъ дѣльцамъ, что нашъ Комитетъ закрытъ, а потому въ дальнѣйшемъ съ просьбами просить обращаться въ главный Русскій Комитетъ - Belserstr. 11, Berne, Suisse.

Орловскому К-ту. Прибыли и выданы уроженцамъ Орловск. губ. Л. и К. 2 посылки изъ 11-ти, о которыхъ говорится въ вашемъ письмѣ отъ 24 мая. Оба жослали подтвержденіе въ полученіи.

Просить не взыскать, если не всѣ поставленныя вами условия нуждѣности нами провѣрены. Такъ напр. о состоятельности домашнихъ.

Полтавскому О-ву Пом. В-тѣ. Съ 7 іюня по 1 декабря отъ васъ получено 3 посылки.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА.

Вотъ она здѣсь, предо мной на столѣ, принеся семейная въ редакцію находка.

Лягушкѣ Зуванѣ № 25, сапожное голенище, два словянскихъ солдатика да засаживающая записная книжка.

Что все это?... Кто обронилъ?... Жилецъ ли изъ 6-ой роты отъ радости, что въ лагерь попалъ, усердный ли поклонникъ „лягушка“?

Раскрываю книжку, ищу фамилію собственника, признаю какой-нибудь.

?!?!... Что такое? Мое имя!

„Поговорилъ на русской кухнѣ, что каждая

дуракомъ.“

Перелистываю страницу:

„С. (не высокій, а хромой - съ почты) обвинялъ правительство въ малой заботѣ о дѣльцахъ. Сказалъ: какъ прїѣдемъ, такъ съ ними разправимся! Стало быть - социалистъ.“

Становится интересно. Давать:

„Б. (во второй ротѣ, въ канцеляріи служитъ) Примѣты - низкаго роста, носъ картошкой, лицо круглое, румянецъ, небольшой животикъ. Ругалъ стражниковъ. Это кровопійцы, говорилъ.“

„Е. (изъ Кассы Взаимопомощи) Сидѣлъ съ

Тага
ныхъ
отъ
почт
нато

Лате
с.г. об
верд

Дел
1-му
-18,

съ му
Раск
пар
куби
рубл
го-3

Пере
взжа
шени
ныхъ
Всѣ

ннва
но и
нуж
Лат
этом
ности
содѣ

Прон
прос

не ж
налу
„Ж
звы
ан, б
жан
смет
„Чт
особ
ми
новѣ
„А
кан

**Нагорная
Оксана Сергеевна**

(1977 г.р.), к.и.н., сотрудник Центра культурно-исторических исследований Южно-Уральского государственного университета.

В 2002 г. защитила кандидатскую диссертацию о национальной мифологии Германии в период Первой мировой войны и Веймарской республики.

В 2004–2005 гг. — стипендиат фонда Герды Хенкель.

В 2006–2007 гг. — сотрудник проекта «Военный опыт: война и общество в Новое время» (SFB 437) при Тюбингенском университете.

Сфера научных интересов — культурная история России и Германии XX века.

на лицевой стороне обложки:

**Русские военнопленные
на транспортировке воды.
Лагерь Альтдамм**

BayHStA, Staudinger Sammlung, Nr.21414

ISBN 594881-105-0

9 785948 811055

<http://www.novhron.info>